Библиотека
всемирной литературы

Серия первая *

Литература Древнего Востока
Античного мира
Средних веков
Возрождения
XVII и XVIII веков

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
БИБЛИОТЕКИ
ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Абашидзе И. В.
Айтматов Ч.
Алексеев М. П.
Бажан М. П.
Благой Д. Д.
Брагинский И. С.
Бровка П. У,
Бурсов Б. И.
Бээкман В. Э.
Ванаг Ю. П.
Гамзатов Р,
Гафуров Б. Г.
Грабарь-Пассек М. Е.
Грибанов Б. Т.
Егоров А. Г.
Елистратова А. А.
Ибрагимов М.
Иванько С. С.
Кербабаев Б. М.
Косолапов В. А.
Лупан А. П.
Любимов Н. М.
Марков Г. М.
Межелайтис Э. Б.
Неупокоева И. Г.
Нечкина М. В.
Новиченко Л. Н.
Нурпеисов А. К.
Пузиков А. И.
Рашидов Ш. Р.
Реизов Б. Г
Самарин Р. М.
Сомов В. С.
Сучков Б. Л.
Тихонов Н. С.
Турсун-заде М.
Федин К. А
Федоренко Н. Т.
Федосеев П. Н.
Ханзадян С. Н.
Храпченко М. Б.
Черноуцан И. С.
Шамота Н. З.

АЛИШЕР НАВОИ

ПОЭМЫ

ПЕРЕВОД СО СТАРОУЗБЕКСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1972

Вступительная статья
В. Захидова

Составление
А. Каюмова

С (Узб) 1
Н 15

Скан и обработка: glarus63

7-4-3
Подп. изд.

صورت امیر کبیر میر علیشیر
عمل محمود مذهب

АЛИШЕР НАВОИ

Говоря о том, что стихи знаменитого поэта Мир Касым Анвара очень ценил народ, а правители преследовали его, Навои в конце своей жизни писал: «Первый стих, который я выучил, было вот это двустишие:

Мы — гуляки и влюбленные, предающие огню
весь мир, и беззаботные —
Перед блаженством скорби по тебе нет нам дела
до раздумий о мире!

В то время мне было около трех или четырех лет. Когда досточтимые люди предлагали мне прочесть их, многие удивлялись моему чтению».

Вспоминая свое отношение к крайне сложной философской поэме великого Ф. Аттара, Навои сообщает следующий не менее интересный факт: «В мои детские годы, в школе... я был любознателен и всей душой стремился выучить «Речь птиц»... Мое наивное сердце расцветало от слов этой книги. Все мое существо было наполнено ими... Моя любовь к этой книге так усилилась, что это порвало мою связь с людьми... Я возненавидел обычные слова, употребляемые людьми в разговоре, и сам себе сказал: убегу в уединение от плохих людей...

Родители испугались... Лишили меня возможности читать... Прошло некоторое время, и они начали терять надежду, так как слова той книги оставались у меня в памяти. Я все время повторял их про себя».

Так подлинная поэзия с детских лет и навсегда вошла в жизнь Алишера, будущего создателя гениальных художественных ценностей, которые, как все, что неподвластно даже всесильному времени, бессмертны.

Весьма примечательно, что в тяжелые дни войны в декабре 1941 года в Эрмитаже крупнейшие ленинградские ученые и представители общественности собрались, чтобы отметить пятисотлетие Алишера Навои, замечательную дату в культурной жизни советских народов.

Председательствовал академик И. А. Орбели. За стенами рвались снаряды, а под сводами Эрмитажа звучали слова великого узбекского поэта о мире, радости жизни, торжестве человеческого разума над тьмой жестокости и угнетения.

Так, пережив века, дошел он и до нас, ибо его творчество созвучно с нашим временем.

I

Эпоха, которая породила, вырастила и дала человечеству великого поэта и мыслителя, имела свои специфические особенности.

Годы пагубных междоусобных войн, придворных, феодально-клерикальных интриг и времена относительного спокойствия; чудесные архитектурные сооружения, пышные дворцы и разбросанные по всей стране трущобы; процветающая культура и почти сплошная неграмотность населения; падение, бурный подъем и опять падение экономики и культуры; произвол «сильных мира сего» и бесправие широких народных масс; расширение и вместе с тем ослабление торговых, политических и культурных связей со многими странами мира,— вот чем отличалась эта эпоха.

Все это наложило свой отпечаток и определило образ мышления, характер творчества и жизненный путь Алишера Навои. К тому же, с одной стороны, служба и высокие должности при феодальном дворе, в окружении различной, в большей своей части реакционной феодально-клерикальной знати, а с другой — высокие мечты и благородные цели; поиски большой правды, удачи и неудачи, незнание подлинных «тайн» своих неудач и связанная с этим мучительная духовная драма, преследовавшая всю жизнь гениального сына своего времени.

После смерти грозного Тимура (1405 г.) быстро распалась его огромная феодально-деспотическая империя. Начались и продолжались на протяжении нескольких лет кровопролитные междоусобные войны. Свирепствовала реакция, одним из характерных и трагических проявлений которой было убийство великого ученого Улугбека, жестокое преследование его коллег по науке и разрушение его знаменитой астрономической обсерватории в Самарканде, являвшейся гордостью человеческого разума.

Когда Алишер родился (в Герате в 1441 г.) и учился в школе, эта трагедия все еще была свежа в памяти людей. Еще юношей он видел и помнил множество жестоких правителей, душивших живую мысль и занимавшихся грабежом народа.

Хотя Алишер вышел из знатной семьи, близкой тимуридским придворным кругам, но на его долю выпала весьма неспокойная, сложная и тяжелая жизнь. В результате смут и быстрых перемен в политиче-

ской жизни семья Навои сначала покидает, а через несколько лет возвращается в Герат, пятнадцатилетний юноша поступает на службу к правителю Абул-Касыму Бабуру, затем переезжает в Мешхед, где начинает учиться в медресе, потом опять возвращается в Герат, а оттуда через некоторое время отправляется в Самарканд, который в то время славился как один из центров культуры на Востоке.

Наступил 1469 год — год, с которого начался новый период в жизни и деятельности Алишера: друг его юности Хусейн Байкара, с давних пор боровшийся за власть, наконец достиг своей цели, и по его приглашению Навои переезжает в Герат, столицу нового правителя, и получает высший придворный чин – хранителя печати. С этого года и до конца своей жизни он участвует в бурной и трудной общественно-политической и государственной деятельности. Служба при дворе протекала в исключительно сложных и порою опасных для жизни условиях. То Навои повышали в должности, то понижали, то вообще отстраняли, и все это сопровождалось его победами и поражениями в борьбе за свои передовые идеалы.

Хусейн Байкара не был типичным феодально-ограниченным правителем. Он способствовал установлению и сохранению относительного спокойствия в стране в течение длительного времени. В этот период большое развитие получили культура, наука, искусство и экономика. Находясь у него на службе, Навои осуществил ряд крупных общественно-полезных мероприятий в стране. Сам Хусейн Байкара был незаурядным поэтом, поощрял людей поэзии, искусства, а в своем творчестве боролся за развитие узбекского языка.

Однако при всем этом Хусейну Байкаре не чужды были деспотизм и произвол. Этим объясняются и то, что он не всегда поддерживал Навои в его прогрессивных начинаниях, а иногда и прямо конфликтовал с ним.

Несмотря на суровость своего века и трудность собственной жизни, Навои сумел создать бессмертные произведения, имеющие общечеловеческое значение. В них он бичевал угнетателей, разорителей народа, изобличал социальное зло, воспевал добро и справедливость.

Все это усиливало ненависть к нему со стороны представителей знати, выражавших и защищавших интересы реакционных феодалов, духовенства, сепаратистски настроенных вельмож.

В 1476 году Навои слагает с себя обязанности вазира (министра) и целиком отдается творческой работе. Он создает замечательные стихи и бессмертную «Пятерицу» («Хамсу») (1483—1485 гг.), проникнутую самыми передовыми для своего времени идеями.

Борьба представителей феодально-клерикальной реакции против Навои еще больше усиливается. И в 1487 году его отправляют в далекий Астрабад.

Но борьба — есть борьба. Нельзя падать духом, нельзя сдаваться. И в этой далекой и заброшенной части своей родной страны Навои упорно занимается благоустройством края и большой творческой работой. Его глубоко занимает судьба всей отчизны, беспокоят козни придворных, которые в это время бесчинствовали в Герате и причиняли огромный ущерб стране, народу, а также подрывали престиж относительно централизованной власти Хусейна Байкары, которая в числе других факторов способствовала (особенно при непосредственном содействии Навои) сохранению спокойствия в стране.

Поэт неоднократно обращается к Хусейну Байкаре с просьбой вернуть его в Герат. Но безрезультатно. Спустя некоторое время султану многое становится понятным: интриги вельмож и авантюристов приобретают все более открытый и наглый характер, в столице и при дворе создается угрожающее положение. В результате Хусейн Байкара снова прибегает к помощи умного, предприимчивого Навои и в 1488 году разрешает ему вернуться в Герат.

Сохранилась не лишенная доли правды народная легенда.

Однажды представители феодальной реакции предприняли очередную попытку столкнуть Алишера Навои с Хусейном Байкарой. Султан поддался на это и удалил Навои от двора. Прошло несколько дней, Хусейн стал испытывать чувство раскаяния в содеянном по отношению к своему другу и одновременно гнев и ненависть — к интриганам. И вот наконец он вызвал к себе придворных и резко сказал им:

— Охотник заметил идущую в поле газель, прицелился в нее и выстрелил. Газель упала. Охотник подбежал и видит, что его стрела вошла в правую ногу животного и вышла через правое ухо.

До вечера разгадайте, каким образом это могло случиться. Иначе всех вас предам мучительной казни.

Убедившись в том, что подобную загадку может разгадать только великий Алишер, и предпочтя позор наказанию, обеспокоенные придворные пошли к нему. Навои сразу же понял, в чем дело, и саркастически сказал:

— Идите и ответьте вашему повелителю: в тот момент, когда охотник выстрелил, газель правой ногой почесывала свое правое ухо...

Интриганы, вне себя от радости, побежали к Хусейну и ответили так, как учил поэт. Шах понял, в чем дело, и разгневался.

— Подлые, бессовестные глупцы! Такую загадку мог бы разгадать только тот, на кого вы клеветали. Значит, вы опять совершаете преступление перед Алишером, выдавая его мудрость за свою. Я исполню свое обещание!

Сказав все это, шах приказал их казнить.

Вскоре Хусейн присваивает Навои титул «Приближенного его Величества Султана». Они предпринимают ряд мер, направленных на

нормализацию положения в стране (строго наказывают некоторых высокопоставленных лиц, занимавшихся интриганством). Но не все меры дают желанный результат: поздно, многое было упущено, слишком тяжелые и глубокие раны были нанесены влиятельными реакционными сановниками.

К тому же надвигалась еще более грозная опасность. То в одной, то в другой части страны сыновья Хусейна Байкары поднимают восстания против централизованного государства,— восстания, направленные на расчленение страны. Шах оружием, Навои своими советами и непосредственным участием неоднократно пытаются усмирить мятежных царевичей. Но без успеха.

Наконец в декабре 1500 года становится известно, что Хусейн Байкара возвращается в столицу из очередного похода против одного из своих взбунтовавшихся сыновей. Совершенно обессиленный, Навои отправляется из Герата, чтобы встретить его. Во время их свидания ему стало худо, и через несколько дней — 3 января 1501 года — великий Алишер навсегда закрывает глаза.

II

Издавна на Ближнем и Среднем Востоке бурно развивалась поэзия, представленная различными течениями и множеством жанров. Творчество каждого из великих представителей этой поэзии — Рудаки, Фирдоуси, Низами, Аттара, Саади, Хафиза, Джами — всякий раз открывало новую блестящую страницу в истории мировой изящной словесности.

Поэтическое наследие выдающихся предшественников способствовало формированию и развитию поэтического своеобразия таланта Алишера Навои.

К тому времени и узбекская литература имела уже свои сложившиеся многовековые традиции. Об этом свидетельствуют творения Дурбека, Атаи, Саккаки, Лутфи и др. Недаром современник и близкий друг Навои — великий таджикский поэт и мыслитель Абдуррахман Джами (да и сам Алишер) называл Лутфи «царем поэтов». Выдающиеся узбекские поэты своим творчеством способствовали развитию родного литературного языка, что имело большое значение для того времени. Наряду с развитием традиционной любовной лирики они расширили рамки социальной проблематики поэзии. Весьма важным явилось и то, что они значительно усилили светский характер литературы, намного углубив и обогатив ее содержание.

Это была богатейшая поэтическая школа свободомыслия, на традициях которой воспитывался и вырос великий поэт-гражданин Навои.

Кроме того, он был достаточно хорошо знаком и с индийской и арабской литературой, творчески переосмысливал ее лучшие образцы. Не случаен, например, тот факт, что по указанию Хусейна Байкары (очевидно, не без инициативы Навои) был переведен на фарси шедевр индийской и мировой литературы — «Калила и Димна».

Другим важным истоком творчества Навои были мифологические предания и произведения устного творчества узбеков и других народов Востока, которые он широко и своеобразно использовал. Об этом красноречиво свидетельствуют часто встречающиеся в его произведениях образы мифических героев, притчи и сказания, пословицы и поговорки, афоризмы и сказки.

Навои считал, что главная задача литературы — утверждение прекрасного и борьба против социального зла. Художественное слово должно обличать угнетателей, отстаивая при этом духовное превосходство простых людей.

Размышляя о смысле поэзии, он пишет:

Ее одежда может быть любой,
А суть в ней — содержанье, смысл живой.

Не ценится газель, хоть и звучна,
Когда она значенья лишена.

Но смысл поэма выскажет сильней,
Когда прекрасен внешний строй у ней.

Художественное слово могуче, если оно выражает правду:

Коль слово жаром Истины горит,
Оно и камень в воду превратит.

В своем творчестве Навои был верен принципам реализма, а также позитивного, жизнеутверждающего романтизма. Образы Фархада, Искандара и других символизировали высокие идеалы, могучую духовную силу и творческую способность человека.

В эпоху Навои борьба за узбекский язык приняла особо острый социальный характер. Поэт понимал, что язык является одним из важных средств развития культуры и приобщения народа к свету и знаниям. Он был убежден, что пренебрежительное отношение, оскорбляющее не только язык, но и народ, говорящий на нем, может причинить большой вред. Надо было раскрыть огромные возможности родного языка, развить и обогатить его.

С этой грандиозной задачей поэт справился блестяще, создав свои монументальные произведения, сохраняя при этом искреннее и глубокое уважение к языкам других народов. Заканчивая одну из своих поэм, он с гордостью писал:

Я — не Хосров, не мудрый Низами,
Не вождь поэтов нынешних Джами,

Но так в своем смирении скажу:
По их стезям прославленным хожу.

Пусть Низами победоносный ум
Завоевал Берда, Гянджу и Рум;

Пускай такой язык Хосрову дан,
Что он завоевал весь Индустан,

Пускай на весь Иран поет Джами,
В Аравии в литавры бьет Джами,—

Но тюрки всех племен, любой страны,
Все тюрки мной одним покорены!..

Как поэт и ученый, Навои опирался на огромный, богатейший опыт, накопленный выдающимися учеными античного Востока и Средней Азии в области астрономии, математики, химии, философии и т. д. Об этом свидетельствует его интерес к работам Абу али ибн Сины, Фараби, Улугбека и других и множество собственных естественно-научных, философских, социологических наблюдений.

Навои понимал, что наука служит духовной эмансипации человека, народа, интересы которых он ставил превыше всего, и с глубоким уважением относился к художественным ценностям, созданным до него. Творчески соревнуясь со своими предшественниками, он, развивая традиционные сюжеты и образы героев, вкладывал в них новое содержание.

Говоря о своих поэмах, включенных в «Пятерицу» и весьма восторженно отзываясь о поэтах, некогда работавших в этом же жанре, Навои писал:

Преданья эти — плод седых веков,—
О них писали Низами, Хосров.

Основой взяв, я перестроил их:
Я жизни больше влил в героев их.

Так, сознательно не выходя за установившиеся жанровые рамки «Пятерицы», Навои по-своему продолжил сложившуюся в литературе Востока традицию — «назира» («подражание», «ответ»), дав на существующие и общепризнанные произведения данного типа свой полемический, совершенно новый вариант.

Тернистым был творческий путь Алишера Навои. Живя в сложных и суровых условиях, он всю свою жизнь искал правду и боролся за справедливость. Временами он был доволен результатами своих поисков и чувствовал себя победителем в этой борьбе.

Вместе с тем сама эпоха, представители господствующих классов отвергали лучшие стремления Навои, обрекая их на неудачу. Поэт, как

сын своего времени, не мог постичь главных причин крушения своей мечты, в справедливости которой он был глубоко уверен.

Более того, Навои ставил и такие вопросы-задачи, на которые ни эпоха в целом, ни люди и наука тех времен, в частности, не смогли дать ответов. В этом бессилен был и гений Алишера.

Так, например, он хотел познать тайны далеких звезд и бескрайнего мироздания, понять внутреннюю сущность жизни на земле, установить подлинные причины того, почему добро растоптано, а зло торжествует, или мечтал о таком светлом обществе (особенно ярко это выражено в одном из его стихотворений на персидском языке), где существует гармония и господствует справедливость, где нет притеснителей и страдающих от них.

И, конечно, для великого гуманиста крайне мучительно было сознание несбыточности (и непонимание ее причин) благороднейшей мечты, составляющей по сути квинтэссенцию всего его творчества, всех его поисков истинной правды и справедливости!

В результате назревала глубокая и мучительная духовная драма Навои,— духовная драма, которая временами доводила его до отчаяния и которая столь образно выражена им в следующих строках:

О, почему с тобой я не дружу, вино?
Забота и беда гнетут меня давно...
На этот мир земной чем больше я гляжу,
Тем более мое сознание темно!

Хотел небесных тел природу я постичь —
Не тайна для меня отныне ни одно.

Приход мой в мир земной, уход мой в мир иной —
Вот этого понять, увы, не суждено.

Ни мудрость многих книг, ни вера в благодать
Загадку разгадать не могут все равно.

Дружить старался я со множеством людей;
В чем жизни цель — никем ответа не дано.

И врач лечил меня, и чудотворец-шейх,—
Неисцелим недуг неразрешимых «но».

И ты бессилен здесь, мой многомудрый пир!..
Все существо мое сомнения полно.

Мне стало тяжело влачить неверья груз,
Терпение мое вконец истощено.

Бегу в питейный дом, прошу вина,— гляжу:
Разбитый черепок в руках своих держу!

Многозначительная деталь: и в питейном доме — разбитый черепок в руках поэта!.. Так глубока и сурова была трагедия великого человека!

Но Навои не сдавался. Вполне закономерная в условиях тех времен его духовная драма, сколько бы она ни была сильна и мучительна, не могла помешать ему постоянно искать, находить, сомневаться, творить и бороться за высокие идеалы.

III

Удивительно широк и многогранен круг творческих интересов и поисков Навои. Он — поэт и мыслитель, ученый-историк и лингвист, естествоиспытатель и теоретик литературы, музыки, государства и права, политический деятель. В своем творчестве он старался всесторонне и глубоко отображать действительность во всем ее многообразии. Нет ни одного более или менее заслуживающего внимания вопроса общественной жизни, человековедения своего времени, о котором не сказал бы своего слова и не определил бы своего отношения к нему Навои.

Так он создал свыше тридцати произведений, составляющих золотой фонд узбекской литературы.

В 1499 году он пишет свою большую философскую поэму «Язык птиц».

В этой поэме, являющейся ответом на «Речь птиц» знаменитого поэта Аттара, Навои выступает против того направления суфийской философии, которое было очень распространено на протяжении нескольких веков и сторонники которого считали природу и человека жалкой тенью бога, пропагандировали квиетизм, отказ от своего «я», от всего мирского.

Навои обожествляет человека и считает его самым ценным существом, неотделимым от самой природы, которая также прекрасна.

Другое произведение «Собрание утонченных» было написано Навои в 1491—1492 годах, а спустя несколько лет доработано. Эта книга представляет собою своего рода антологию современной автору поэзии. Будучи сам великим мастером художественного слова и тонким теоретиком литературы, Навои приводит в ней ценнейшие материалы и сведения более чем о трехстах поэтах. Исключительно важными являются предельно лаконичная, но меткая характеристика и точная оценка, которые дает автор творчеству и миропониманию поэтов, их моральному облику и поведению, их месту и роли в литературе и жизни; его критические замечания, глубокие наблюдения и теоретические высказывания при разборе литературных и морально-этических явле-

ний, об идейно-художественных достоинствах и недостатках творчества поэтов; суждения о назначении поэзии и т. д.

За несколько месяцев до своей кончины Навои создает философский, общественно-политический трактат «Возлюбленный сердец», в котором чувствуется влияние «Гулистана» Саади и «Бахаристана» Джами.

В начале произведения, как бы подводя итоги своей многолетней жизни, Навои описывает пройденный им тернистый и мучительный путь, полный тревог и волнений. Читая эти строки, нельзя не испытать боли и горечи и вместе с тем не восхищаться подвигом, стойкостью поэта, величием свершенных им творческих и практических дел.

Навои бичует шахов-деспотов, чиновников и воинов, грабящих народ и разрушающих страну; представителей духовенства, торговцев, обманывающих и обирающих тружеников; поэтов и ученых, одни из которых служат народу, а другие думают только о своих выгодах.

Конечно, как сын своей эпохи, Навои не ставил вопроса о коренном переустройстве современной ему социально-экономической действительности. Но одно ясно: великому гуманисту было глубоко ненавистно то положение, когда на его родине сосуществовали накопленные богатства немногих и мучительная нищета огромных масс людей, лишенных возможности и прав пользоваться этими богатствами.

Последняя работа — «Спор двух языков» — написана совсем незадолго до смерти автора. В ней Навои, как выдающийся ученый-лингвист, теоретик литературы, обобщает опыт своей многолетней борьбы за родной язык, показывает его богатство, тонкость и изящество. Недаром он с гордостью писал:

«Мне кажется, что я утвердил великую истину перед достойными людьми тюркского народа, и они, познав подлинную силу своей речи и ее выражений, прекрасные качества своего языка и его слов, избавились от пренебрежительных нападок на их язык и речь со стороны слагающих стихи по-персидски».

Так, Алишер Навои, в своих монументальных произведениях давно практически показавший богатейшие возможности родного языка, теперь теоретически обосновывает свои мысли о том, что на узбекском языке можно и нужно создавать сложные и крупные произведения для народа, говорящего на нем.

Навои очень рано начал писать стихи, и впоследствии поэзия стала главной в его жизни и деятельности. До конца своих дней он самоотверженно трудился на этом сложнейшем и благороднейшем поприще. Итогом этого поистине титанического труда явилась его знаменитая «Сокровищница мыслей», огромный поэтический свод, являющийся одним из самых крупных и выдающихся произведений всей мировой литературы.

Несмотря на то, что почти все формы лирической поэзии были достаточно хорошо разработаны еще в арабской, персоязычной и частично тюркоязычной литературе, Навои творчески использовал достижения своих предшественников всякий раз, выступая как поэт-новатор. К тому же он написал специальный трактат по теории техники и специфики стихосложения на узбекском языке, который называется «Весы размеров» и является замечательным научным руководством для тюркоязычных поэтов.

Навои значительно расширил тематику лирики, углубил ее социальное содержание, социальную направленность. Тем самым он в известной мере преодолел ту традицию, которая господствовала в течение нескольких столетий и в силу которой любовные чувства составляли единственный или почти единственный объект описанья.

Тематика поэзии Алишера Навои настолько широка, а ее содержание настолько глубоко, что его «Сокровищницу мыслей» вполне можно считать опоэтизированной энциклопедией человековедения той эпохи.

Навои был глубоким знатоком всех тонкостей человеческой психологии, поэтому главное и ведущее лицо в его стихах — лирический герой, весьма многогранный и сложный, но вместе с тем нередко простой и легко понятный. На страницах «Сокровищницы мыслей» вырисовывается обобщающий и цельный образ этого лирического героя со своими возвышенными устремлениями и ярко выраженным сложным человеческим характером. Читатель слышит биение его сердца, сочувствует его страданиям, когда он в горе, отчетливо слышит его голос радости, когда он счастлив, и вместе с тем не может не переживать или не радоваться одновременно с ним.

Так захватывающе ярок, богат и понятен этот герой огромного поэтического творения.

Навои создал еще один замечательный свод лирических стихов, который называется «Диван Фани». Эти стихи, созданные на персидско-таджикском языке и подписанные псевдонимом «Фани», не уступают «Сокровищнице мыслей», написанных на узбекском языке и подписанных — «Навои».

IV

Другим крупным плодом художественного гения Навои является «Пятерица», объединяющая в себе пять бессмертных поэм.

По своему собственному признанию, Навои, щедро отдавая дань газелям и вообще лирическим стихотворениям, все время думал о создании «Пятерицы». Это свидетельствует о том, что сам поэт придавал особое значение этому произведению, как главному труду своей жизни.

Ведь после Низами, который как бы «открыл» этот жанр, многие стремились создать подобное поэтическое полотно, но только отдельным счастливцам удалось это. Навои стал одним из них. Именно в «Пятерице» поэт смог наиболее полно, глубоко и цельно отобразить эпоху и выразить свои сокровенные мысли и чувства.

«Смятение праведных» — первая поэма, включенная в «Пятерицу», является как бы теоретической программой для последующих поэм.

В начале произведения автор выдвигает мысль о том, что из всех существ самым ценным и совершенным является человек. Для подтверждения и обоснования этого тезиса Навои обожествляет человека и объявляет его самым прекрасным в мире.

После восхваления Низами Гянджеви, Хосрова Дехлави и Абдуррахмана Джами Навои переходит к последующим разделам поэмы, начиная их с высказываний о назначении литературы, об эстетическом отношении к действительности. При этом непременными и главными условиями являются народность и правдивость Прежде всего именно это делает художественное слово полезным и действенным:

Но если слово — правды лишено,
Для перлов нитью станет ли оно?

Исходя из этих принципов, Навои в специальных главах удивительно реалистически описывает и обличает образ мысли и жизни правителей, придворных, духовенства и богачей, то есть тех, кто занимал господствующее положение в обществе

Вот характерная картина из жизни шаха и окружающих его, которые грабят народ, страну, предаются пьянству и разврату.

Там сквернословья слышен пьяный хор,
Там непотребства оскорбляют взор...

Так целый день в тени твоих палат
Царят разгул, и скверна, и разврат...

Когда же утро землю озарит,
Чертог царя являет гнусный вид:

Как будто рать в сраженье полегла,
Распластаны упившихся тела..

Едва проснутся, бросятся опять
Последнее у нищих отбирать...

Казну пополнят, а ночной порой
Опять и шум, и гам, и пир горой...

Крайне важно и интересно отметить, что Навои признает только такого правителя, который честно служит народу, родине; и отвергает

утверждение о том, что шах — представитель всевышнего на земле, ибо он такой же смертный, как и его подданные.

Поистине гражданским подвигом являлись следующие слова великого поэта, сказанные им в адрес правителя:

Своим рабам подобен ты во всём —
Во внешности и в существе своем.

Это было направлено против одного из основных принципов феодальной идеологии и связанных с ней господствующих общественных устоев.

В специальной главе поэт с гневом разоблачает реакционных представителей духовенства и говорит: одежда шейха соткана из ниток лжи, а игла взята из уса духа зла; хоть у него велика чалма, но под чалмой нет ни света, ни ума; посох его есть опорный столб дома обмана; а четки — зерна приманки для поимки простых людей в свои сети...

И Навои делает вывод:

Вот для чего им хитрость и обман:
Их цель — богатство, власть, высокий сан.

Так шейх «ведет людей к геенне огненной!».

Многие главы в поэме посвящаются щедрости, благопристойности, воздержанности, любви, верности, преданности, правдивости, пользе знаний, красоте родного края, ценности жизни, а также осуждению алчности, корыстолюбия, эгоизма, праздного образа жизни. При этом к каждой из этих глав приводится притча, которая является изумительным образцом новеллы в стихах. Таковы, например, рассказы о Бахраме и Хатаме Тайском.

В одной из последних глав Навои поэтически воспевает красоту и богатство родной страны, восхищается талантливым народом и чудесными плодами его труда. Весьма характерны слова, сказанные в связи с этим в адрес шаха:

Знай: справедливость громче славных битв
И выше догм, религий и молитв...

Пока стоят земля и небосвод,
Пусть благоденствует любой народ.

Второй поэмой «Пятерицы» является «Фархад и Ширин», которая выделяется широтой охвата самых значительных и животрепещущих вопросов эпохи. Среди них: воспевание жизнеутверждающей любви, дружбы, лучших человеческих качеств, осуждение губительной вражды, предательства, коварства, несправедливых разрушительных войн.

Центральная фигура поэмы — Фархад еще юношей освоил все известные в те времена науки и ремесла. Его не радуют и не интересуют

ни царский трон отца, ни дворец, ни золото. Что-то очень серьезное, но таинственное мучает его. Он страстно влюблен, но объект его любви неизвестен; его душу терзает какой-то высокий, пленительный идеал, но что он собой представляет конкретно, неясно. После долгих поисков и путешествий по странам, после победы над фантастически сильными животными и после встречи с философом Сукротом (Сократом) Фархаду удается овладеть «талисманом Искандара» — зеркалом, в котором отображались все происходящие события, все то, что было и будет, весь многообразный мир и все тайны тайн. Благодаря этому зеркалу Фархад выясняет все то, что так долго мучало и терзало его сердце,— он видит в зеркале царицу красоты и сказочную страну справедливости. Рассказывая художнику Шапуру, с которым он подружился после кораблекрушения, Фархад называет эту страну чудесной, бесподобной и говорит, что именно ее он и разыскивал так долго. Сказочность этой страны подтверждает и Шапур, который говорит: я был там и вновь стремлюсь к тем дивным небесам.

Живительно-тепло погодье в ней,
Обилье роз и плодородье в ней.

Как сам Ирем, пленительно свежа
Она от рубежа до рубежа.

Армен — ее названье...

Забегая немного вперед, скажем, что это подтверждает и сам простой житель этой страны,— один из тех, кто в муках пытался открыть путь к воде:

Отчизна наша — это рай земли..

Венчает добродетелью страну
Царица, наш оплот — Михин-Бану...

Опора нам владычество ее,
Отрада нам величество ее.

Это, конечно, в известной мере напоминает тот идеал, о котором мечтали великие поэты и мыслители прошлого,— мечту о такой стране, во главе которой стоит умный и справедливый правитель и население которой живет спокойно, счастливо. Именно такой описывает Навои страну армян.

Здесь важно не только то, что поэт воспевает свою мечту о справедливом государстве. Главное — в показе и осуждении грабительских войн, акта неприятельского нашествия против этой дивной страны.

Фархад со своим другом Шапуром прибывает в этот край и видит все то, что раньше показывало ему зеркало мира.

Характерно то, что Фархад сразу же обращает внимание на людей, которые пытаются провести канал через гранитную гору, и тут же сам берется за дело, освобождая их от мучительной работы. Показывая чудеса созидательного труда, он пробивает канал. Радостная весть быстро доходит до царицы Михин-Бану и Ширин. И тогда

Воскликнула Ширин: «Кто ж он такой,
Наш гость, творящий чудеса киркой?

Он добровольно нам в беде помог —
Действительно, его послал к нам бог!..»

Фархад осуществляет не только то, к чему так тщетно стремились люди. Он строит сказочный замок для Ширин и создает водохранилище,

Так, что дворец Ширин со всех сторон
Узором водным был осеребрен.

Когда он дело это завершил,
И город он снабдить водой решил.

А город был внизу, и без воды
Там огороды гибли и сады.

Фархад исчислил высоту,— она
Двум тысячам локтей была равна.

И с этой кручи вниз пустил Фархад
За водопадом в город — водопад.

И так благодаря его трудам
Все люди воду получили там...

Народ «изумлен трудом Фархада», наступает праздник водопуска:

Когда же стал арык приютом вод,
Волненье всколыхнуло весь народ.

Как будто вся толпа сошла с ума,
Такая началась там кутерьма,

Такая суматоха, клики, рев,—
И тут и там, с обоих берегов.

Подтягивали пояса певцы,—
Настраивали голоса певцы,

Так, чтоб напевы их звучали в лад
С водой, которую пустил Фархад.

Народ ликует, безгранично счастливы в своей чистой любви Фархад и Ширин.

Но... именно в этот момент Навои и переходит ко второй основной, а в некоторых отношениях — к главной части произведения, то есть описанию и осуждению деспотов-захватчиков и грабительских войн. Всю свою ненависть и проклятье, все острие своей критики поэт направляет против них.

Иранский шах Хосров с целью пленения Ширин и покорения ее страны, ее народа начинает войну, сея на своем пути смерть и разруху. Фархад вступает в неравный бой с полчищами насильников. Иного выхода у него нет, ибо: «Иль он Хосрова, иль Хосров — его?» И,

Любя Ширин, ее народ любя,
Он поступил, как муж, врагов губя...

Убедившись в невозможности победить Фархада в открытом бою, Хосров с помощью предательства и коварства берет его в плен. Между ними происходит знаменитый диалог, допрос-ответ, который является кульминацией в столкновении и борьбе двух взаимоисключающих начал — добра и зла, героизма и вероломства.

Ни Фархад, ни Ширин не сдаются. Хосров вновь прибегает к обману — посылает к находящемуся в заточении герою колдунью с ложным сообщением о своем браке с Ширин. От этого горя Фархад умирает.

Но этим трагедия не кончается. Далее Навои описывает страшную сцену отцеубийства: для того чтобы завладеть Ширин и троном, сын Хосрова убивает своего отца. Но судьба жестоко карает его. По просьбе Ширин труп Фархада привозят в ее замок, где она, будучи не в силах навсегда расстаться со своим возлюбленным, умирает.

Однако финал поэмы не пессимистичен. Напротив, смерть Фархада и Ширин по существу означает победу над злом, с которым они не хотели и не могли смириться. К тому же их трагедия и гибель вызывают активную ненависть против злых сил и горячую симпатию к тем, кто способен с ними бороться.

Бахрам, молочный брат Фархада, прибывает с войском в страну армян, изгоняет захватчиков, заставляет их возместить весь ущерб, причиненный войной, а одного мудрейшего человека из родни Михин-Бану торжественно возводит на престол.

Дабы народу в государстве том
Стал мудрый муж покровом и щитом;

Дабы, держась державных правил там,
По справедливости он правил там;

Чтоб заново страну отстроил он,
Ее богатства чтоб утроил он.

Народам и державам — там расцвет,
Где справедливость есть, где гнета нет!

В заключительной части Навои с гордостью говорит:

Писал я вдохновенно день за днем
На милом сердцу языке родном.

Второй поэмой «горя и разлуки» является «Лейли и Меджнун».

Юные Кайс и Лейли горячо и страстно полюбили друг друга. Однако отец девушки является вождем крупного арабского племени и обладателем большого богатства. Поэтому он запрещает дочери даже показываться Кайсу, сыну менее состоятельного предводителя небольшого арабского племени. Более того, он нарекает Кайса именем «Меджнун» (одержимый) и заставляет его отца посадить сына на цепь, как умалишенного. Но юноша верен своему чувству, он мучается, но предан любимой.

Лейли безмерно страдает, думая о возлюбленном. Несмотря на все это, ее отец дает согласие болезненному и развратному, но очень богатому Ибн-Саламу на брак с дочерью. Свадьба откладывается из-за того, что Лейли заболевает от страданий.

Меджнуну удается порвать цепи и бежать в степь После долгих поисков родители находят его и везут в Мекку в надежде на то, что это паломничество освободит его от любви и исцелит его болезнь. Но тщетно. Вернувшись, Меджнун опять находит приют в степи, среди диких зверей. Однажды он встречается с неким Науфалем, который обещает помочь ему Меджнун соглашается, но, опасаясь того, что отец Лейли может убить дочь, уговаривает Науфаля не начинать войну.

И снова он один в степи. Отец слишком стар и крайне измучен. Меджнун вынужден дать согласие на брак с дочерью Науфаля, которая во время свадьбы сообщает, что у нее есть свой любимый. Юноша очень рад этому обстоятельству, сердечно благодарит девушку и уходит, говоря: «Я сам хотел уйти. Ты помогла». К его мукам от разлуки с любимой прибавляются еще и новые обстоятельства: умирают отец и мать, не перенеся горя сына. В это время происходит сватовство Ибн-Салама и Лейли, которая убегает со свадебного вечера, встречается в степи с Меджнуном, после чего вынуждена снова вернуться в свой шатер. Не выдержав боли разлуки и несправедливости, она тяжело заболевает. Узнав о страданиях любимой, юноша приходит в дом Лейли. Происходит последняя встреча — Лейли и Меджнун навсегда прощаются с жизнью, предпочтя смерть унижению и насилию.

В своей всемирно известной поэме Навои воспевает чистую и возвышенную любовь, которая облагораживает и возвеличивает человека. Она настолько могущественна, что человек ради своей любви и возлюбленной не останавливается ни перед какими трудностями и препятствиями. Светлое чувство Лейли и Меджнуна задушено и растоптано, оскорблено и унижено в феодальном обществе, одним из главных за-

конов и моральных норм которого является непоколебимый принцип: богатство превыше всего. Поэт осуждает ненавистное и свойственное феодальному обществу материальное и общественно-политическое неравенство, источник множества людских трагедий. Он отвергает господствующий антигуманистический моральный принцип, согласно которому человек, его достоинства, честь и совесть не имеют никакой ценности.

В главе, посвященной беседе отца Меджнуна с отцом Лейли, последний очень точно и образно «обосновал» свое несогласие на любовь двух молодых людей:

Знай, заслужил безумец одного:
Цепь, только цепь — лекарство для него!

Иль ты забыл могущество мое,
И каково имущество мое,

И как мое значенье велико?
С тобой и с сыном справлюсь я легко!

Или тебе неведом больше страх?
Я раздавлю, я превращу вас в прах!..

Благодаря резкому осуждению и отрицанию бесчеловечного принципа «богатство превыше всего», который погубил Лейли и Меджнуна, поэма, выходя за рамки чисто любовной тематики, приобретает огромный внутренний социальный смысл.

Будучи не в состоянии перенести удары злой судьбы и подлых людей, Меджнун проявляет слабость и находит приют в безлюдной степи, предпочитая либо полное одиночество, либо дружбу с хищниками, обитателями пустыни.

Искренне сочувствуя трагедии Меджнуна, восхищаясь чистотой и благородством его души, Навои не одобряет его одиночества и словами умнейшего и благороднейшего полководца Науфаля осуждает пассивность героя, который пренебрегает дружбой с людьми:

Наперекор обычаям, пойми,
Ты зверям другом стал, порвав с людьми.

Ласкаешь ты зверей, людей боясь,
Ужель тебе с людьми противна связь?

Творения светило — человек,
Предвидения сила — человек!..

И погуляй со мною в тех местах,
Где ты навек запутался в сетях...

Нам не помогут просьбы и казна,—
Поможет нам священная война...

Одной породы — люди все, поверь,
Природы разной — человек и зверь!..

Коль встреча с *ней* — желание твое,
Ты приложи старание твое!

Пытаясь раскрыть внутреннюю динамику развития образа Меджнуна, Навои стремится психологически мотивировать поступки героя, который, поддавшись уговорам своего друга Науфаля, готов отказаться от своего прежнего образа жизни и стать активным борцом за торжество правды и справедливости.

Одна из величайших трагедий эпохи Навои заключалась в исключительно тяжелом и бесправном положении женщин, которые находились в значительно худшем положении, чем мужчины. Трагедия женской судьбы нашла свое яркое образное отражение в одном из писем Лейли к Меджнуну:

Но что поделать, если я раба,
Владеет мной жестокая судьба.

Хотя недугом страсти болен ты,
Но ты мужчина, в страсти волен ты.

Куда захочешь, можешь ты пойти,—
Одни колючки встанут на пути.

Пойдешь ли в горы, побежишь ли в дол,—
Тебе не станет цепью твой подол.

Но мне бежать оковы не дают,
Освободиться не могу от пут!

Лейли и Меджнун погибают. Однако их гибель в известном смысле означает торжество высокого идеала, торжество свободной любви, а это и есть наивысшее человеческое счастье. Лейли и Меджнун предпочли честную смерть рабской позорной жизни, которую навязывали сильные мира сего,— стало быть, идеалы двух влюбленных сердец оказались сильнее античеловечных устоев эпохи, одержав победу над ними. Поэтому не случайны слова Лейли, которые она, как назидание, говорит перед смертью своей рыдающей матери:

Пусть эту розу победил недуг,—
Не плачь, когда цветок уйдет на луг,

И если солнце навсегда зайдет,
Пусть не затмится пылью небосвод.

Но люди, звери, горы и леса
Поймут твоей печали голоса..

Предпоследняя поэма «Пятерицы» называется «Семь планет». Это остросюжетное многоплановое произведение, в котором ход повествования перебивается семью вставными новеллами в стихах. Причем каждая из них, при ее самостоятельном характере, связана с главной сюжетной линией поэмы, в центре которой история любви шаха Бахрама Гура и невольницы по имени Диларам.

Деспотичный шах влюбляется в Диларам и, безрассудно поддавшись своей страсти, перестает заниматься государственными делами, доводит свой народ до полной нищеты. Положение усугубляется еще и тем, что в порыве гнева он бросает свою возлюбленную в безлюдной степи на съедение хищным зверям. Раскаявшийся шах, потеряв Диларам, утратил покой. Чтоб успокоить Бахрама, каждую ночь к нему приводили странника из далекой страны, который рассказывал ему нравоучительную историю.

Первый рассказ посвящен щедрости. Во втором — говорится о мошеннике-ювелире, который обманным путем накопил огромное богатство.

На третий день Бахраму поведали о том, как бесстрашный, предприимчивый юноша по имени Саад, благодаря совету мудреца, преодолевает всевозможные преграды и женится на дочери шаха, становится его наследником.

В четвертом и пятом рассказах повествуется о том, как в крайне тяжелых условиях и сложнейших ситуациях, проявляя подлинный героизм и отвагу, девушки спасают своих возлюбленных от гибели.

Очень характерен следующий вывод, который делает поэт, сообщая о казни тиранов и убийц:

И кровью их окрасились поля,
Розовоцветной сделалась земля...

Пришла пора цветенья роз. Взгляни,
Какие дивные настали дни!

Шестой рассказ посвящен двум юношам — Мукбилю, который, благодаря своей правдивости, честности, завоевал любовь и уважение людей и справедливого шаха и стал его зятем, и Мудбиру, который лгал честным людям, что и привело его к гибели.

В последнем, завершающем рассказе странник, ни о чем не подозревая, повествует Бахраму об исключительно красивой и талантливой женщине, приехавшей в Хорезм и живущей там, о ее приметах, о тайне ее судьбы. Шах догадывается, что речь идет о Диларам, которую спас ее приемный отец, и немедля посылает в Хорезм своих слуг, которые и привозят ее. И опять начинается праздная, беззаботная жизнь, пьянство, охота, угнетение, ограбление народа...

В конце своей поэмы Навои рассказывает о возмездии, которое ожидает Бахрама: во время его очередной охоты природа «восстает», поднимается буря, гремит гром, кровь закипает в арыках; обильно пролитые шахом и его приближенными слезы и народная кровь превращают землю в страшное бушующее болото, которое и поглощает угнетателей и убийц.

Творили люди на охоте смерть,
Но сами обрели в болоте смерть.

Пятой, последней, поэмой «Пятерицы» является «Стена Искандара», представляющая собой подлинную энциклопедию общественной жизни и мыслей эпохи Навои.

Вначале поэт подчеркивает необходимость и полезность глубокого изучения истории и сам по-своему, то есть совершенно по-новому, воскрешает давно прошедшие буйные времена.

Воспитываясь у мудрейших ученых, Искандар уже юношей овладел всеми науками и проявил удивительные способности в понимании самых сложных вопросов мироздания. После смерти отца он стал шахом и сразу начал карать притеснителей народа и проводить важные мероприятия на пользу страны. Родина Искандара и многие другие страны изнывали под игом иранского императора-деспота Дары. Искандар вступил с ним в войну и победил его. После этого все, подчинявшиеся Даре, выразили согласие служить Искандару. Только правители Кашмира, Китая и Индии отказали ему в этом. Искандар силой оружия победил шаха Кашмира, остальные непокорные, убедившись в бесполезности сопротивления, приняли его условия и признали его власть над собой. Затем Искандар отправился походом на Магриб — Северную Африку и установил там свои законы. Возвращаясь на родину, он встретил жителей гористых местностей, которые просили помочь освободить их от гнета и нашествия чудовищных племен людоедов —

На их макушках волосы — копной,
Торчат их космы — в семь пядей длиной,

Ничем не одеваются они,
Ушами укрываются они...

Они клыками, словно кабаны,
Изрыли землю нашей стороны.

Искандар воздвигает величественную и неприступную защитную стену, подвергает разгрому и истреблению дикарей, пришедших на очередную расправу с жителями.

Так благодаря усилиям Искандара народ навсегда освободился от разорения, страха и угрозы смерти.

Во всех известных в те времена странах устанавливаются Искандаровы порядки. Великий полководец хочет теперь изучить тайны природы, для чего в специально изготовленном стеклянном шаре опускается на дно моря. Не ограничиваясь этим, он ищет источник жизни. Но тщетно. В пути на родину Искандар тяжело заболевает и умирает. Его тело отправляют в Александрию. Выполняя завещание полководца, его рука не покоится на груди, а поднята высоко над краем саркофага, а это значит: люди, смотрите, даже сам Искандар, владыка всей земли, уходит из этого мира с пустыми руками...

«Стена Искандара» — объемное многоплановое эпическое произведение, в котором нашли свое отражение основные вопросы, волновавшие умы и сердца людей того далекого времени.

Главным героем поэмы является Искандар, и почти весь сюжет произведения связан с его личностью, с его деятельностью и мировоззрением. В лице великого полководца древности Навои создает образ идеального правителя и противопоставляет его государственным деятелям своей эпохи. Создав яркий и многогранный образ Искандара, Навои якобы имел в виду Александра Македонского, о котором очень много писалось на Востоке. Однако в действительности герой поэмы не имеет ничего общего с подлинным историческим полководцем и императором.

Искандар совершенно безразличен к богатству. Более того, гнаться за золотом он считает великим преступлением. Его твердое убеждение таково:

...Что мне казна, что — блеск ее!
Народ и рать — сокровище мое...

Тот царь, чей благоденствует народ,
Богатство подлинное обретет...

Зачем нам золото и серебро,
Когда от них беда, а не добро?

И Навои, как бы подтверждая слова своего героя, говорит:

За золотом и серебром в поход
Он не пошел; освободил народ.

Искандару чужды чванливость и эгоцентризм. Он окружил себя величайшими учеными, мудрецами, с которыми часто беседует и которые своими ценными советами помогают ему успешно осуществить задуманное. Более того, он совещается с народом и считается с его мнением и пожеланиями.

Искандар не рвется к власти. Для него власть не цель, а средство для претворения в жизнь благородных задач. Как правитель, он чув-

ствует ответственность перед государством и его жителями. Он «созывает народное собрание» и обращается к собравшимся со следующей «небывалой речью»:

О люди Рума! Вы — пред солнцем дня —
Как море, окружившее меня!

Высокой вы иль низкой вы судьбы,
Вы все, как я, Всевышнего рабы...

Могучий духом нужен вам, друзья,
У власти муж, а не такой, как я...

Нет у меня таланта — шахом быть!
За правду вы должны меня простить...

Теперь, достойнейшего возлюбя,
Царя вы изберите для себя!

Затем он советует народу избрать такого правителя,

Чтоб он во всем и всех превосходил,
Чтоб править только он достоин был.

Чтобы с любовью, с чистою душой,
Как солнце, он сиял над всей страной.

Чтоб в правосудье вечной был весной,
А для злодеев — громовой стрелой.

Чтобы врага нещадно он разил,
А подданных надежно защитил...

И пусть высоко он свой держит меч,
Сумеет угнетение пресечь...

Пусть угнетателям отпор дает,
Чтобы в покое, в мире жил народ.

Весьма характерно и отношение народа к Искандару, который одобряет его деятельность.

«Среди врагов сильнейших в трудный час
Не оставляй беспомощными нас!

Ведь к слову правды наш народ не глух,
Ты словом правды поразил наш слух...

Где нам найти подобного тебе,
Великой приобщенного судьбе?..

Ведь справедливость источаешь ты,
Как солнце — свет, дыхание — цветы!..

Не отходи же от судьбы своей!
Эй, шах, не обездоливай людей!

Ведь стонов, бедствий, слез и нищеты
Не вынесешь, коль нас покинешь ты..»

Так Искандару говорил народ,
Взывал, вопил и слезы лил народ.

Но Искандар не ограничивается заботой о процветании своей страны, его занимают судьбы народов мира, которые разорены и изнывают под гнетом своих поработителей. Он собирает огромную армию из представителей различных народов (среди них были и русские, высокими боевыми качествами которых восхищается поэт) и отправляется в поход для осуществления своей заветной мечты: «Освобождай народы мира, превращая в прах их угнетателей; а весь свет — в цветущий сад». В каждой стране народ благодарит своего спасителя. Так, например, из Кашмира ему

Писали: «Под насильственным жезлом
Народ наш не народом был — рабом!

Но, испытав могучий твой таран,
Бежал Маллу, безжалостный тиран.

Тобой от рабства освобождены,
К тебе мы благодарностью полны».

Искандар создает своеобразное централизованное государство, в котором повсеместно восторжествовали справедливость и благоденствие.

И радовались люди всей земли,
Которые свободу обрели.

И ликовал не только весь народ,
Весь ликовал девятисферный свод.

В произведениях некоторых предшественников Навои, посвященных Искандару и его походам, рассказывается о том, как великий полководец случайно встретил сказочный городок, где царило общее благополучие. В своей поэме Навои опускает этот эпизод, по-видимому, потому, что в отличие от других авторов он хочет показать, что во всем подвластном Искандару государстве нет угнетателей и угнетенных, поработителей и порабощенных, кровавых интриг и войн.

Подвергая резкой критике современный ему мир раздора и разрухи, золота и нищеты, гнета и мрака, великий гуманист лелеял, хотя и несбыточную в те времена, мечту о создании идеального государства благополучия народов.

V

Творчество Навои проникнуто высокими идеями гуманизма и патриотизма. Его безграничная любовь к своему народу и Родине нисколько не мешала с большим уважением относиться к другим народам. Он возвеличил и воспел дружбу между народами независимо от того, где они проживают, на каком языке говорят, к какой расе относятся и каково их вероисповедание. Эта дружба обогащает, облагораживает народы:

Поймите, люди всей земли: вражда — плохое дело,
Живите в дружбе меж собой — нет лучшего удела.

Фархад из Хотана, где жили узбеки, и армянка Ширин, Шапур из Ирана и индийцы Масуд, Фаррух, аравитянка Лейли и араб Меджнун, греки Искандар, Арасту, Афлатун, римлянин Плиний и многие другие,— самые любимые герои Навои!

Далеко не случайна глубочайшая ненависть Навои, человека, жившего во времена кровопролитных и губительных событий, гуманиста, всем сердцем желавшего, чтобы все народы жили в мире, дружбе и благе,— к жестоким и несправедливым войнам и захватчикам, которые сеяли вражду, смерть и горе. «Они,— говорил поэт,— страшные существа, хуже смерти Их занятие — грабить все, что удается награбить, и, как саранча, уничтожать зелень... повреждать листья в чужих странах. Между ними и человечностью ничего общего нет... Им чужды сознательность, рассудок, совесть и разум. Куда бы они ни направлялись, беспощадно сжигали все, день и ночь занимались мерзостями... Они не сознают, какие мучения приносят народу холод и жара, насколько вредны и мучительны голод и нагота. Они — самые подлые животные, звери Их желудки не насытятся награбленным; они живут лишь для того, чтобыть сеять смерть и горе».

Да, гуманиста Навои интересовали судьбы не только своего народа, но и всех народов земного шара, он не мог равнодушно относиться к их горькой участи. И поэтому в своих эпико-героических поэмах он призывал к активной борьбе с теми, кто сеет вражду между людьми.

Сам Алишер Навои, будучи близким другом великого таджикского поэта Абдуррахмана Джами, своей общественно-политической и творческой деятельностью показал удивительный образец дружбы, который является прекрасным выражением и символом многовекового братства узбекского и таджикского народов.

...Навои связал свою судьбу с народом, с его сокровенными мечтами о лучшем будущем, с его стремлениями к прекрасному и доброму.

Подлинная народность, общечеловеческий, интернациональный характер его творчества, гениальное художественное мастерство обусловили то огромное влияние, которое оказывал он на протяжении нескольких столетий на развитие передовой художественной культуры не только узбекского, но и ряда других народов. Характерным является то, что все основоположники новых литератур этих народов — узбекской, казахской, азербайджанской, туркменской, татарской, каракалпакской и других — считали его одним из своих великих учителей и наставников.

Творчество Навои, выдержав суровые испытания веков, дошло и до нас. Великий и прозорливый поэт верил в могучую силу человеческого разума и совести и, обращаясь к потомкам, говорил:

За темнотой придет сиянье света,
Ты в это верь и будь неколебим...

ВАХИД ЗАХИДОВ

ПЕРЕВОД В. ДЕРЖАВИНА

О НИЗАМИ И О ХОСРОВЕ ДЕХЛАВИ

Он — царь поэтов — милостью творца
Жемчужина Гянджийского венца.

Он — благородства несравненный перл,
Он в море мыслей совершенный перл.

Его саманной комнаты покой
Благоухает мускусной рекой.

Подобен келье сердца бедный кров,
Но он вместил величье двух миров.

Светильник той мечети — небосвод,
Там солнце свет неистощимый льет.

Дверная ниша комнаты его —
Вход в Каабу, где дышит божество.

Сокровищами памяти велик
Хранитель тайн — учителя язык.

Хамсу пятью казнами назови,
Когда ее размерил Гянджеви.

Там было небо чашей весовой,
А гирею батманной — шар земной.

А всю казну, которой счета нет,
Не взвесить и не счесть за триста лет.

Он мысли на престоле красоты
Явил в словах, что как алмаз чисты.

Так он слова низал, что не людьми
А небом был он назван: «Низами».

И «Да святится...» как о нем сказать,
Коль в нем самом и свет и благодать?

Хоть пятибуквен слова властелин,
Но по числу — он: тысяча один!

От бога имя это рождено!
А свойств у бога — тысяча одно.

«Алиф» начало имени творца,
Другие буквы — блеск его венца.

Шейх Низами — он перлами словес
Наполнил мир и сундуки небес.

Когда он блеск давал словам своим,
Слова вселенной меркли перед ним.

После него Индийский всадник был
В звенящей сбруе воин полный сил.

С его калама сыпался огонь,
Как пламя был его крылатый конь.

К каким бы ни стремился рубежам,
Шум и смятенье поселялись там.

И в крае том, где мудрый строй царил,
Он сотни душ высоких полонил.

Его с индийским я сравню царем,—
Ведь Хинд прославил он своим пером.

Все пять его волшебных повестей
Живут, как пять индийских областей.

А Шейх Гянджи собрал, как властный шах,
Казну — неистощимую в веках.

Стал от него Гянджийский край богат,
Он был не только шах, но и Фархад.

Путь прорубал он, гору бед круша...
Гора — поэзия, а речь — тиша.

Душа его, как огненная печь,
И току слез печали не истечь.

Он сходит — пир свечою озарить,
Пирующих сердца испепелить.

Когда знамена над Гянджой развил,
Он, как державу, речь объединил.

В те страны, что открыл он в мире слов,
Вослед повел полки Амир Хосров.

От старого гянджийского вина
Душа делийца навсегда пьяна.

Где б Низами шатер ни разбивал,
Потом делиец там же пировал.

С «Сокровищницей тайн» гянджиец был,
Делиец — с «Восхождением светил».

Гянджиец новым нас пленил стихом,
Делиец следовал ему во всем.

Все, что потом им подражать пошли,
К ограде сада мусор принесли.

Единственный лишь равен тем двоим,
Который, как они,— неповторим.

ОБ АБДУРРАХМАНЕ ДЖАМИ

Он, как звезда Полярная в пути,
К познанью призван избранных вести.

Он клады перлов истины открыл,
В зерцале сердца тайну отразил.

С семи небес совлек он тьму завес,
Разбил шатер поверх семи небес.

Он обитает в мадрасе своей,
Вкушая мир средь истинных друзей.

Его цветник — высокий небосвод,
Он пьет из водоема вечных вод.

Как небо несказанное, высок
Его словоукрашенный чертог.

Там ангелы крылатые парят,
Чертог его от нечисти хранят.

Под сводом худжры, где живет мой пир,
Скажи — не мир блистает, а Сверхмир.

Дервишеской одеждою своей
Он затмевает блеск земных царей.

Душа его есть плоть и естество,
Хоть пышно одеяние его.

От лицемерия освобожден,
Лохмотьев страннпчьих не носит он.

Невидимое, скрытое от нас,
Он видит, совершая свой намаз.

Его походка — молнии полет
Летящий изумляет небосвод.

Перелистав страницы мира, он
Соткал, как облак, занавес времен.

Из крови сердца, а не из чернил
Соткал он занавес — и тайну скрыл.

В его чернильнице сгустилась тьма,
Но в ней — вода живая — свет ума.

Кто из его чернильницы возьмет
Хоть каплю, тот бессмертье обретет.

Стихом он все иклимы покорил,
А прозой новый мир сердцам открыл.

Им пленены дервиши и цари,
Ему верны дервиши и цари.

Но преданности в круге бытия
Столь твердой нет, как преданность моя!

Хоть солнцем вся земля озарена,
В нем и пылинка малая видна.

Один — средь певчих птиц в тени ветвей,
Шах соловей над розою своей.

Прочесть мне было прежде всех дано
Все, что ни создал мудрый Мавлоно.

Так солнце озарит вершины гор
Пред тем, как осветить земной простор.

Так видит роза, к свету бытия
Раскрыв бутон: шипы — ее друзья.

Мне помнится одна беседа с ним:
Был наших мыслей круг необозрим.

И вот — в потоке сокровенных слов —
Возникли Низами и Мир Хосров.

Две «Пятерицы» создали они,
Тревожащие мир и в наши дни.

Но среди этих дивных десяти
Ты первых два дастана предпочти.

Что ты в «Сокровищнице тайн» открыл,
Найдешь и в «Восхождении светил».

И остальные все дастаны их
Прекрасны; в них — глубины тайн живых.

«Сокровищница тайн»... в ней глубина,
Где вечных перлов россыпь рождена.

И отблеск «Восхождения светил»
Нам Истины завесу приоткрыл.

Коль слово жаром Истины горит,
Оно и камень в воду превратит.

Но если слово — правды лишено,
Для перлов нитью станет ли оно?

А если нить надежна и прочна,
Без жемчуга какая ей цена?

И дни прошли после беседы с ним.
И счастье стало вожаком моим.

Вновь навестил я пира моего
И вижу рукопись в руках его.

Он оказал мне честь, велел мне сесть,
Дал мне свой «Дар», как радостную весть.

Сказал: «Возьми, за трудность не сочти,
Сначала до конца мой труд прочти!»

А я — я душу сам ему принес,
Взял в руки «Дар», не отирая слез.

«Дар чистых сердцем» — тут же прочитал,
Как будто чистый жемчуг подбирал.

То — третий был дастан; хоть меньше в нем
Стихов, но больше пользы мы найдем.

В нем скрыто содержанье первых двух,
Но есть в нем все, чтоб радовался дух.

И, потрясенный, сердце я раскрыл,
Его творенье в сердце поместил.

И, завершив прочтенье песни сей,
Желанье ощутил в душе своей,

Желанье вслед великим трем идти —
Хоть шага три пройти по их пути.

Решил: писали на фарси они,
А ты на тюркском языке начни!

Хоть на фарси их подвиг был велик,
Но пусть и тюркский славится язык.

Пусть первым двум хвалой века гремят,
Но тюрки и меня благословят.

Коль сути первых двух мне свет открыт,
То будет третий мне и вождь и щит.

Когда я к цели бодро устремлюсь,
Когда с надеждой за калам возьмусь,

Я верю — мне поможет Низами,
Меня Хосров поддержит и Джами.

Тогда смелее к цели, Навои!
И пусть молчат хулители твои.

Порой бедняк, к эмиру взятый в дом,
Эмиром сам становится потом.

Ведь мускус родствен коже; а рубин
Из горных добыт каменных глубин.

Сад четырех стихий — усладный хмель;
Ограда сада — бедная скудель.

Отрадны пламя, воздух и вода,
Земля же — их основа навсегда.

Красив цветочный дорогой базар,
Но рядом есть и дровяной базар.

Пусть у тебя одежд атласных тьма,
Но ведь нужна для дома и кошма.

В цене высокой жемчуг южных вод,
Солому же один янтарь влечет.

Царь выпьет чистый сок лозы златой,
Пьянчужка рэнд потом допьет отстой.

Я псом себя смиренным ощутил —
И вслед великим двинуться решил.

Куда б ни шли, и в степь небытия,
Везде, как тень, пойду за ними я.

Пусть в подземелье скроются глухом,
За ними я пойду — их верным псом.

ГЛАВА XIV

О СЛОВЕ

Я славлю жемчуг слова! Ведь оно
Жемчужницею сердца рождено.

Четыре перла мирозданья — в нем,
Всех звезд семи небес блистанье — в нем.

Цветы раскрылись тысячами чаш
В саду, где жил он — прародитель наш.

Но роз благоуханных тайники
Еще не развернули лепестки.

И ветер слова хлынул с древних гор
И роз цветущих развернул ковер.

Два признака у розы видишь ты:
Шипы и благовонные цветы.

Тех признаков значенье — «Каф» и «Нун»,
То есть: «Твори!» Иль, как мы скажем: «Куп!»

И все, что здесь вольно́ иль не вольно́,
От этих букв живых порождено.

И сонмища людей произошли
И населили все круги земли.

Как слову жизни я хвалу скажу,
Коль я из слов хвалу ему сложу.

Ведь слово — дух, что в звуке воплощен,
Тот словом жив, кто духом облачен.

Оно — бесценный лал в ларцах — сердцах,
Оно — редчайший перл в ларцах — устах.

С булатным ты язык сравнил клинком,
С алмазным слово я сравню сверлом.

Речь — лепесток тюльпана в цветнике,
Слова же — капли рос на лепестке.

Ведь словом исторгается душа,
Но словом очищается душа.

Исус умерших словом воскрешал —
И мир его «Дающим Жизнь» назвал.

Царь злое слово изронил сплеча,
Так пусть не обвиняют палача.

По слову в пламя бросился Халил,
И бремя слова тащит Джабраил.

Бог человека словом одарил,
Сокровищницу тайн в него вложил.

Не попади душой кумиру в плен,
Чей рот молчанием запечатлен.

Она прекрасна, уст ее рубин
Твой ум пьянит сильнее старых вин.

Но пусть она блистает, как луна,
Что в ней — всегда безмолвной, как стена?

Ты, верно, не сравнишь ее с иной,
Не спорящей с небесною луной.

Пусть не лукавит взглядом без конца,
Пусть не пронзает стрелами сердца.

Пусть даже внешне кажется простой
И пусть не ослепляет красотой.

Но если дан ей ум, словесный дар,
То он сильнее самых сильных чар.

Она упреком душу опьянит,
Посулом смуту в сердце породит.

И пусть обман таят ее слова,
Но как от них кружится голова!

И видишь ты, что все ее черты
Полны необычайной красоты.

Как устоишь перед таким огнем,
Хоть ты сгораешь, умираешь в нем?

А коль она прекрасна, как луна,
И в речи совершенна и умна,

Коль, наряду с природной красотой,
Владеет всею мудростью земной.

Она не только весь Адамов род,
Но коль захочет — целый мир сожжет.

Такой красе, сжигающей сердца,
В подлунной нет достойного венца.

Когда певец прославленный средь нас
Ведет напев под звонкострунный саз,

То как бы сладко он ни пел без слов,
Нам это надоест в конце концов;

Мелодия любая утомит,
Когда мутриб играет и молчит.

Но если струны тронет он свои
И запоет газели Навои,

Как будет музыка его жива,
Каким огнем наполнятся слова!

И гости той заветной майханы
Зарукоплещут, радостью полны,

И разорвут воротники одежд,
Исполнены восторга и надежд.

Что жемчуг, если слово нам дано?
Оно в глубинах мира рождено!

Пусть слова мощь сильна в простых речах,
Она учетверяется в стихах.

Стих — это слово! Даже ложь верна,
Когда в правдивый стих воплощена.

Ценнее зубы перлов дорогих;
Когда ж разрушатся — кто ценит их?

В садах лелеемые дерева
Идут в нагорных чащах на дрова.

Речь обыденная претит порой,
Но радует созвучной речи строй.

Когда дыханье людям дал творец,
Он каждому назначил свой венец.

Шах, расцветая розой поутру,
Главенствует в суде и на пиру.

И каждый место пусть свое займет,
Тогда во всем согласие пойдет.

Царь должен за порядком сам смотреть,
И не дозволено ему пьянеть.

Не должен бек с рабами в спор вступать,
Строй благолепный пира нарушать.

Фигуры, бывшие в твоей руке,
Рассыпались на шахматной доске

И кто-то из играющих двоих
В порядке, по две в ряд, расставит их.

Встают ряды и стройны и крепки —
В двух песнях две начальные строки.

Но силы их пока затаены,
Меж ними есть и кони и слоны.

Коль у тебя рассеян ум и взгляд,
Твой шах и от коня получит мат.

Столепестковой розою цветет
Тетрадь, чей сшит любовно переплет;

Но вырви нить, которой он прошит,—
Лист за листом по ветру улетит.

Так участь прозы — с ветром улетать,
Поэзии же — цветником блистать.

Удел ее поистине велик —
Она цветет в предвечной Книге Книг.

Ее одежда может быть любой,
А суть в ней — содержанье, смысл живой.

Не ценится газель, хоть и звучна,
Когда она значенья лишена.

Но смысл поэма выскажет сильней,
Когда прекрасен внешний строй у ней.

О боже, дай мне, бедному, в удел,
Чтоб я искусством слова овладел!

ГЛАВА XV

Несколько слов о том,
что в слове содержание является его душой,
а без содержания форма слова — тело без души

ГЛАВА XVII

ОПИСАНИЕ ДУШИ

В саду эдема — на заре времен —
Был человек из глины сотворен.

Дохнуло утро по лицу земли,
Чтоб все цветы вселенной расцвели;

Дабы прекрасен и благоухан
Возрос из праха созданный Рейхан.

Дух жизни искру жизни раздувал,
Чтобы огонь души не угасал.

О ты, воспевший мир живой души,
Ее природы свойства опиши!

Бутоном розы в тело вмещена,
Она раскрыться розою должна.

Твоя душа в твоей крови живет,
В биенье сердца жив души оплот.

Но это внешний вид ее и цвет,
В ней — мира суть, без коей жизни нет.

Все, что душа собой животворит,
Как кровь, живою розою горит.

Но ведь Ису нельзя сравнить с ослом,
Пророка не сравнить с его врагом!

Суфием торгаша не назовешь,
Хоть розни в них телесной не найдешь.

Не о душе телесной говорю,
На степень духа высшую смотрю.

Есть разница меж сердцем и душой,
Их — по названью — путают порой.

Душа над розой тайны — соловей,
Светильник в доме искренних людей.

Эдемское благоуханье — в ней,
Истока истины сиянье — в ней.

Ее «Вершиною» назвал мой пир;
Суфий сказал, что это — Высший мир.

Но этот Высший мир — мне скажешь ты,
Увы, незрим в зерцале чистоты.

Священна Мекка для любой души,
Но — прах она пред Каабой души.

Святыня Каабы влечет сердца;
Душа — святыня вечного творца.

Но трудный путь должна душа пройти,
Чтобы сокровищницу обрести.

Искуса тропы круты и трудны,
Пока твой дух дойдет до майханы.

Как облака несущегося тень,
Обгонит он молящихся весь день...

Душа в обитель горнюю придет
И там, с мольбой, к порогу припадет.

Иль, забредя в кабак небытия,
Поклонится огню душа твоя...

Твоя душа — Фархад в горах скорбей;
Ее удар — стальной кирки острей.

Порою на земных лугах вдали
Душе твоей является Лейли.

И кружится Меджнуном вкруг нее
Душа твоя, впадая в забытье.

То саламандрой пляшет на огне,
То прячется, как жемчуг в глубине.

То в воздухе как облако встает,
То сыплет наземь проливень щедрот.

Но где бы ни была — везде должна
Свой образ совершенствовать она.

Увидеть все должна и все познать,
Чтоб назначенье в мире оправдать.

Того, кто в этот высший мир идет,
Мир «Человеком духа» назовет.

Халифов и царей сравнишь ли ты
С владыкою сокровищ доброты?

И ведай: счастье зиждет свой престол,
Чтоб чистый сердцем на него взошел.

Ты душу, сердце — все отдай ему,
Душой и сердцем подражай ему.

О, Навои! Полы его одежд
Коснись — во исполнение надежд!

ГЛАВА XVIII

ПЕРВОЕ СМЯТЕНИЕ

Исход души из мрака небытия
и соединение ее с утром бытия

Эй, кравчий! Отогнала мрак заря!
Дай пить мне из фиала, как заря!

Синица спела мне: «пинь, пинь!» — «пить, пить!»
И утром я, с похмелья, должен пить!

Я заглушу вином печаль свою,
Как утренняя птица запою.

Встал златоткач рассветных покрывал,
Основу стана ночи оборвал.

И письмена он выткал для меня:
«Клянусь зарей! Клянусь светилом дня!»

И горные вершины озарил,
И коврик свой молитвенный раскрыл,

Ночь утащила черный свой престол,
И веник утра след ее замел,

И мускус, сеявшийся над землей,
Сверкающей сменился камфарой.

И вот нежно-лиловый небосвод
Раскрыл в росе златой тюльпан высот.

Эбен дарчи слоновой костью стал,
И желтым жаром запылал мангал.

Рассветный сумрак в утреннем огне
Сгорел; померкли звезды в вышине.

Павлиньих перьев ночи блеск исчез,
И стало чистым зеркало небес.

И человек открыл глаза свои —
В забвенье бывший, как в небытии.

Как жизнь, он ветер утренний вдохнул,
Завесу тьмы забвенья отогнул.

Рожденный в мире, мира он не знал
И самого себя не понимал,

Беспечному подобен ветерку,
Не ведая, что встретит на веку.

Явленья мира стал он изучать,
Со всех загадок снять хотел печать.

Чем больше было лет, чем больше дней,
Разгадка становилась все трудней.

Все было трудно робкому уму,
И откровенья не было ему.

И, не уверен, слаб и удивлен,
В чертоге мира занял место он.

И безнадежен был, и в некий час
Из неизвестности услышал глас:

«Вставай! Простор вселенной обойди!
На чудеса творенья погляди!»

Он встал, пошел — и видит пред собой
Сады Ирема, светлый рай земной.

И вечный он презрел небесный сад,
Овеян чарами земных услад,

Где древеса, склоняясь до земли,
Густые ветви с лотосом сплели.

Что небо перед их густой листвой?
В их тень уходит солнце на покой.

Там стройных кипарисов сипий лес
Стоит опорой купола небес.

Там тысячью широколапых звезд
Чинар шумит — защита птичьих гнезд.

И лишь зимой, как золото, желты,
С чинара наземь падают листы.

Сандал листвой вздыхает, как Иса,
Умерших оживляет, как Иса.

Не землю — чистый мускус ты найдешь,
Когда в тот сад прекрасный забредешь.

Там ветерок с нагорий и полей
Колеблет ветви белых тополей.

Там, как меняла, со своих купин
Монеты сыплет утренний жасмин.

Деревья там — густы и высоки —
Укрыли звезды, словно шипаки.

Чинарами окружены поля,
Соперничают с ними тополя.

Стан кипариса розы оплели;
Там ветви ив склонились до земли.

И пуговицы на ветвях у них —
Подобье изумрудов дорогих.

Там — в хаузах — прозрачна и светла,
Вода блистает, словно зеркала.

Ручьи, чей плеск от века не смолкал,
Мерцают рукоятями зеркал.

Живая в тех ручьях течет вода,
В ней жажду сердца утолишь всегда.

Там самоцветами окружены
Цветы неувядающей весны.

Те камушки — не кольца на корнях,
Хальхали у красавиц на ногах.

Цветы теснятся, полны юных чар,
И не развязан узел их шальвар.

А для кого красуются цветы?
Ты — их султан, над ними волен ты.

Здесь поутру дыханье ветерка
Росинку скатывает с лепестка...

Здесь ветви в хаузе отражены,
Как локоны красавицы луны.

Роса на розах утренних блестит,
Как светлый пот на лепестках ланит.

И лилии, как змеи, извиты —
Здесь перешли предел своей черты.

Гремит и щелкает в тени ветвей
Отравленный смертельно соловей.

То, что мы пуговицами сочли,
Колючкой стало вьющейся в пыли.

А соловей... неймется соловью,
Поет он, презирая боль свою.

В тени фазан гуляет и павлин,
Как радуга безоблачных долин.

Он пьян, павлин; ломает он кусты
И попирает нежные цветы.

Густые космы ива расплела,
Как будто впрямь она с ума сошла.

Ей на ногу серебряную цепь
Надел ручей, чтоб не сбежала в степь.

Морковка тянется — тонка, бледна,
Или она желтухою больна?

Но почему ей рыбкою не быть,
Чей взгляд желтуху может излечить!

Чем ярче блещет золото лучей,
Тем весны расцветают горячей.

Тюльпан — игрок; продув весь цвет красы,
Под утро платит каплями росы.

Его игрой залюбовался мак,
И сам — до нитки — проигрался мак.

Фиалка опустила шаль до глаз,
Она росинку прячет, как алмаз.

Пусть молния расколет небосвод,
Дождинка вестью Хызра упадет.

И ветерок на долы и леса
Дыханьем жизни веет, как Иса.

Шумя, стремятся воды с высоты,
Растут, блистают травы и цветы.

А тот, кто это увидать сумел,
В глубоком изумленье онемел.

Куда бы он ни обращал свой взгляд,
Чудес являлось больше во сто крат.

Себя он видел под дугой небес,
В кругу неисчерпаемых чудес.

Но главной нити всех явлений он
Не видел, непонятным окружен.

И понимал, тревогою томим,
Что вот — безумья бездна перед ним.

Но — образ мира в этом цветнике,
И целый мир сокрыт в любом цветке.

Не сам собой растет он и цветет,
Есть у него Хозяин-Садовод.

И тот, кто сердцем истину познал,
В своем смятенье сам себе сказал:

«Пусть предстоит в явленьях бездна мне,
Но удивленье бесполезно мне.

Свой разум светом правды озари,
На все глазами сердца посмотри!»

И правду он в груди своей открыл,
И свет ему дорогу озарил.

Воркует голубь, свищет соловей,
Лепечут дерева листвой ветвей.

И все живой хвалою воздают
И славу Неизменному поют.

По свойствам, им присущим навсегда,
Слагают песню ветер и вода.

И удивленный вновь был поражен:
Все пело, а молчал и слушал он.

Он молча облак вздоха испустил
И снова стал беспамятным, как был.

* * *

О, кравчий, существо мое — в огне!
Вином зари лицо обрызгай мне.

Чтоб овладел я памятью моей
И в чаще слов гремел, как соловей.

ГЛАВА XIX

ВТОРОЕ СМЯТЕНИЕ

О том, как душа, подобная птице,
обладающей перьями Хумаюна,
перелетела из цветка этого мира в небо —
во мрак неизвестного мира ангелов

День за горами скрыл прекрасный лик,
Над степью ветер мускусный возник.

Нарцисс благоухающий уснул,
Восток дыханьем амбры потянул.

Цветок заката желтый облетел.
Небесный сад цветами заблестел.

И день, уйдя за грань земель иных,
Рассыпал мускус из кудрей своих.

Благоухает мускусом ручей,
А в сердце человека сушь степей.

Он, утомленный долгим жарким днем,
Закрыл глаза, чтобы забыться сном.

Уснул рябок в посеве до зари,
Во мраке мечутся нетопыри,

Сова, бесшумно взвившись в вышину,
Как в круглый бубен, гулко бьет в луну.

И тысячи разнообразных роз
В росе раскрылись, словно в брызгах слез.

И дивные дела в ночной тиши
Явились взору дремлющей души.

Судьба, как фокусник и лицедей,
Пришла с палаткой колдовской своей.

Ее палатка — синий небосвод,
А куклы — звезд несметный хоровод.

И полудужье Млечного Пути
Звало, манило — на небо взойти.

Тот путь — зовущий издревле сердца —
Не живопись на куполе дворца.

Прекрасен сад небесной высоты,
Где блещут звезд бессмертные цветы.

Душа, как птица, вся рвалась в полет
И устремилась в высоту высот.

Телесный прах оставив на земле,
Она кружила в небе, в млечной мгле.

И крылья, что внезапно отросли,
Высоко над землей ее несли.

Вот так душа живая — ты пойми —
Была на первом небе из семи.

Дух человека землю облетал,
Жемчужной сферой мира заблистал.

Кружились хоры звезд в своем кольце,
Стал человек алмазом в том кольце.

Нет, то кольцо, как блюдо, мне блестит,
Где сонм свечей собранье осветит.

Душа — в ночи разлуки мне она
Свечой среди развалин зажжена;

Свечою в хижины несущей свет,
Сияньем, пред которым ночи нет.

Кругл облик мира. Вечный звон его
Несметных четок — славит божество.

И мнится пение его кругов
Мне словарем, где мириады слов.

И вот душа живая, окрылясь,
В сады второго неба поднялась.

И там она красавицу нашла,
Чьи брови — черный лук, а взгляд — стрела.

Кольчуга локонов из-под венца
Завесой скрыла лунный блеск лица.

В ней было двойственное существо —
Она и Кравчий, и творец Наво.

Хоть вешней юностью она цвела,
Старуха ей подругою была.

Все были жилы и мослы видны
На теле ущербленной той луны.

Певец, как врач, свой обнажал ланцет,
И плакал он, что в жилах крови нет.

Он плакал, крови не добыв из жил,
И плачем этим Вечному служил.

И в новый круг небес душа пришла,
Там, где султанша мудрая жила.

Она писала, или — может быть —
Жемчужную нанизывала нить.

Вся прелесть мира — в образе ее
Бесценном, редкостном, как мумиё.

Ее вниманье тонкое всегда
В любой сосуд вольется, как вода.

Ее перо черно, но письмена
Блистают. Славит истину она...

И дух черту высот перелетел,
На некий новый свод перелетел.

В ларце сапфирном неба там блистал
Перл, что вселенной средоточьем стал.

Был свет его в надоблачной тиши,
Как свет первоисточника души.

Как зеркало, весь мир он отразил,
Свет зеркалу луны он подарил;

Он ангелом кружит по тверди сей,
На крыльях огневеющих лучей.

Там сам Иса живой открыл родник,
Неистощимый вечных сил родник.

Не потому ли вечный мрак глубок,
Что вечной жизни в нем горит исток?

Бьет исполинскими лучами свет,
Как крылья величайшей из планет.

Нет — то не огненные арыки,
То — славящие бога языки...

И вот увидел дух в пути своем
Тот круг, где Тахамтан стоит с копьем.

Он — в тучах гнева. В годы старины
Им сотни звезд хвостатых рождены.

Они летают в небе сотни лет,
Но духу гнева примиренья нет.

Он миру местью издавна грозит,
И меч его двуострый ядовит.

Он в руки череп чашею берет
И не вино — а кровь из чаши пьет.

Идет он, стрелы длинные меча;
Луна Навруза — след его меча.

Но меч его и каждая стрела —
Все это было Вечному хвала.

И перенесся дух живой тогда
В тот круг, где шла счастливая звезда.

Она, как ангел в радужных шелках,
Она — дервиш небес и падишах.

Хоть на высоком троне вознеслась,
Она от блеска мира отреклась.

Она являет по ночам свой лик,
Ей в небе — факел счастья проводник.

В ней — разум, а лица ее цветок —
Как счастья совершенного залог.

В ее владеньях нет ни тьмы, ни зла,
А в песнопеньях — Вечному хвала.

Душа вошла потом в питейный дом:
Ходжа — индийский старец в доме том.

Во всех своих деяньях терпелив,
Усердием в работе он счастлив.

Как ночь страданий, темен он челом —
И на обе ноги, должно быть, хром.

За расторопным служкой он глядит,
А сам в углу по целым дням сидит.

Как Каабу, он весь небесный свод
За тридцать лет однажды обойдет.

Но четки звезд перебирает он,
Единственного восхваляет он.

И дух, что чуждым стал мирской тщете,
К надмирной устремился высоте.

Неколебимая твердыня — там.
Коран гласит: «Светил святыня — там,

Где под землей и над землей идет
Двенадцати созвездий хоровод».

Но холм в любом созвездье видишь ты —
Престол для несказанной красоты.

Взгляни, как чередуются они,
Как над землей красуются они!

И все глаголом сердца говорят,
Дарителя щедрот благодарят.

И вот ступил на высшую ступень
Скиталец-дух — незримый, словно тень.

Вошел он в храм, где статуи Богов,
Как изваяния из жемчугов.

Там не было брахманов, но кругом
Блистали Будды древним серебром.

Гул их молитвы истов был и чист,
Казалось: Будде молится буддист.

Увидев эти дива, не спеша
Весь круг их чутко обошла душа.

И поклонилась. Было им дано
То видеть, что от нас утаено...

И вот душа, внезапно изумясь,
Стократным удивленьем потряслась.

Все в средоточье здесь. Одна она
Рассеянна и речи лишена.

Свет откровения ее поверг
В беспамятство. И свет ее померк.

* * *

О, кравчий мой! Мне столько испытать
Пришлось, что стало тягостно дышать.

Я к чаше сам не дотянусь моей —
Ты в рот мне сам вино по капле влей!

ГЛАВА XX

ТРЕТЬЕ СМЯТЕНИЕ

Нисхождение смятенного странника
из мрака мира ангелов в столицу государства тела

Вот солнце стягом осенило мир
И весь под ним объединило мир;

И село на высокое седло,
И крупной рысью по небу пошло,

Пересекло меридиан, спеша,
Жарой испепеляющей дыша.

А странник-дух — дремал в ту пору он,
В забвенье изумленьем погружен.

Над ним полдневный небосвод пылал;
И вздрогнул он, опомнился и встал.

Жар лихорадочный таился в нем,
Как будто жар вина струился в нем.

Он ощутил себя чужим всему,
И родина возжаждалась ему.

Опять дорогой трудной он пошел,
Стезю исканий миру предпочел.

Земной простор скитальца восхитил.
И в некий дивный город он вступил.

По воле движется тот город сам;
Предела нет в нем скрытым чудесам.

Из глины первозданной сотворен,
Он формой совершенной наделен.

На двух столпах саманных, город тот
В себе самом вселенную несет.

Четыре перла сокровенных сил
В состав его строитель положил:

Огонь и дух — две силы высших в нем,
Земля, вода — две силы низших в нем,—

Слились в нерасторжимое одно,
Как волею творящей решено.

В том городе — мечеть, базар и сад,
Дома, дворцы, и даже — харабат.

Его огонь — горящий куст Мусы,
Дыханье — как дыханье уст Исы,

Орошены рекой живой воды
Его благоуханные сады.

Стоит в твердыне града тахт златой,
Там шах сидит, что правит всей страной.

Во всех краях страны и поясах
Смятенье, коль на троне болен шах.

Но процветают город и страна,
Когда рука правителя сильна.

Над градом возвышается дворец,
Чей круг наметил циркулем творец.

Не по божественным ли чертежам
Воздвигнут свод — на удивленье нам?

Тот свод — вершина всех земных чудес —
Подобье свода вечного небес.

Что куполу небесному дано —
Все в куполе земном отражено.

Когда врата откроет тот чертог,
То перлы сыплются через порог.

Из цельного рубина створы врат
Бесценные жемчужины таят.

За ними, восхищающими взор,
Разостлан царский пурпурный ковер.

Дворец — на пропитание свое —
В ворота вносит яство и питье.

Посредством сих божественных забот
Весь этот город дышит и живет.

И два истока есть в твердыне сей —
Дороги очистительных путей.

Два продуха есть над рубином врат,
Что город весь дыханием дарят.

Снаружи замок чистым серебром
Окован с несказанным мастерством.

А звукоуловители его
Внимают звукам сущего всего.

И, внемля этим голосам, народ
Державы той в спокойствии живет.

И царь страны с советниками сам
Всегда внимает этим голосам.

У шаха мудрый первый есть вазир.
Чье назначенье — изучить весь мир.

Что даже круг незримой точки сей
Сумеет разделить на сто частей.

Его решенья — мудры и ясны —
Велениями жизни рождены.

Вазир счастливый охраняет трон,
И справедливость у него — закон.

Пять неусыпных стражей в замке том,
Все внемлющих, все знающих кругом.

Но каждый делом занят лишь своим,
И несравнимы все один с другим.

Хоть каждый на посту за свой лишь страх —
Согласие у них во всех делах.

Один из них все зримое кругом
Увидеть должен в зеркале своем.

Другой, внимая чутко каждый звук,
Все знает, что свершается вокруг.

А третий — кравчий — пробует подряд
Все блюда: не сокрыт ли в пище яд.

Четвертый — различает дух любой.
Он слышит: мускус мокрый иль сухой.

А пятый чует холод и жару,
Колючки он не предпочтет ковру.

Вот: зренье, осязанье, вкус, и слух,
И обоняньe — клички этих слуг.

С их помощью дана нам благодать
Весь мир, нас окружающий, познать.

Чертоги замка росписью горят,
У входа пять хранителей не спят.

И зорко вглядываются во тьму,
И внемлют движущемуся всему.

И в тот же миг доносят обо всем
Глядящему бессонно за дворцом.

Все вести тот, кого «Умом» зовут,
Приносит размышлению на суд.

И третий есть хранитель той страны —
Оценщик знаний, счетчик всей казны.

То память — сторож кладовой дворца,
Богатства собирает без конца.

Все, что извне к нему ни попадет,
Он прибирает, счет всему ведет.

Приобрести способен целый мир
Казнохранитель — истовый вазир.

Восходит он к властителю в чертог,
Сей Каабы облобызав порог.

И внемлет сам ему счастливый шах —
Высокий духом, справедливый шах,

Сокровищницу проверяет он,
И то, что нужно, отбирает он.

Ценнейшее берет он для даров
Владыке и зиждителю миров,

Дабы достигнуть ревностью своей
В познанье блага высших степеней,

Дабы надежды светоч обрести
На том крутом спасительном пути.

И станет сам на том пути вождем,
Коль верен он в служении своем.

Увидел дух, смятеньем обуян,
Весь мир — в пылинке, в капле — океан.

И, поглощенный мыслью, как китом,
Он закружился в океане том.

Хоть дым раздумий до неба вставал,
Он ничего вокруг не понимал.

В огне смятенья истребился он,
В огонь чистейший превратился он.

Телесно он очистился огнем,
И новый зренья дар открылся в нем.

Свет вечности скитальцу заблестел,
И он себя в том городе узрел.

В то царство он вошел, как свет во тьму,
И подчинился целый мир ему.

Сам стал он царством, троном и царем,
Всевидящим и сведущим во всем.

Он суть свою, как книгу, прочитал,
Себя познав, он Истину познал.

* * *

Дай, кравчий, чашу чистого вина!
Да будет чаша царственно полна!

Я пламя жажды духа утолю,
Как бога, человека восхвалю!

ГЛАВА XXVI

ТРЕТЬЯ БЕСЕДА

О султанах

О ты, кому, как небу, власть дана,
Ты, чьи литавры — солнце и луна.

Ты волен в зле сегодня и в добре,
И солнце всей страны — в твоем шатре.

Венец твой вознесен главой твоей,
Престол твой утвержден стопой твоей.

И звезды неба — горы серебра
Для твоего монетного двора.

Твой трон, пред коим падают цари,
Благословляет хутбой Муштари.

Запечатлен твой перстень на луне,
Твой светлый щит, как солнце по весне.

Ты — мудрый Сулейман в юдоли сей;
Хума парит над головой твоей.

Ты правишь там, где правил древний Джам.
Златой фиал идет твоим перстам.

Но ты на перстне надпись не забудь,
Что «В справедливости — к спасенью путь»!

Молясь, аят Корана повторяй:
«Правитель, справедливо управляй!»

Ты помни, что судья в твоих делах —
Сам возвеличивший тебя аллах.

Могучих он к ногам твоим поверг,
И чуждый блеск перед тобой померк.

Склоняется перед тобой народ,
Покорно он твоих велений ждет.

Творец миров, владыка звездных сил,
Людей твоей деснице подчинил.

Но сам пред ним ты немощен и слаб,
Ты сам — его творение и раб.

Как все, ты — прах и обречен земле.
Как все, ты — сгусток тьмы́, не свет во мгле

Своим рабам подобен ты во всём —
По внешности и в существе своем.

Но красотою речи и умом,
Но совершенством в мастерстве любом,

Упорством каждодневного труда,
И честностью — со всеми и всегда;

Но преданностью богу твоему
И полным подчинением ему

Ты уступаешь — не мужам святым,
А самым низким подданным своим.

Но все ж калам судьбы предначертал,
Чтоб ты султаном в этом мире стал.

Неизреченный дал тебе печать,
И жезл, и власть — людьми повелевать.

Ты каплей был. Но в море превратил
Тебя живой Источник Вечных Сил.

И в этом — воля, власть и мощь творца;
А божью власть приемлют все сердца.

По жребию ли тайному,— одно
Такое счастье здесь тебе дано,—

Ты знай: вершина мудрости земной
В искусстве управления страной.

Пусть для народа шах добро творит
И за добро творца благодарит.

Установи закон добра взамен
Насилия — «И будешь ты блажен!»

Да, здесь ты — царь, но царь на краткий срок...
«Так осчастливь людей!» — сказал пророк.

Божественных велений череда
Несметна. Друг народу — будь всегда!

Народ — твой сад. Будь мудрым, Садовод!
Будь, пастырь, добрым! Стадо — твой народ.

Пастух задремлет — волки нападут,
Урон великий стаду нанесут.

Забросишь сад — засохнут дерева
И пригодятся только на дрова.

Благоустраивай и орошай
Свой сад! Волков от стада отгоняй!

За то, что стадо защитишь и сад,
Награда — урожай, приплод ягнят.

А коль сады загубишь и стада,
Придут к тебе тревога и беда.

Умрешь, перед судом предстанешь ты...
Что ты ответишь? В бездну канешь ты.

Открой глаза и правдой озарись!
Всю жизнь на благо подданных трудись!

Ты благоденствуешь, а твой народ
В невыносимых бедствиях живет.

Но труженик, и в бездне нищеты,
Духовно выше степенью, чем ты.

Предстанут пред владыкою времен
Тот, кто гнетет, и тот, кто угнетен.

Награду угнетенный обретет,
А на тебя проклятие падет.

Язык того, кого ты угнетал,
Тебе вонзится в сердце, как кинжал.

И перед бездной содрогнешься ты,
Как стебель, от стыда согнешься ты.

Ты счастлив ныне, но идешь во мрак.
В эдем пойдут гонимый и бедняк.

Когда же все грехи твои сочтут,
Тебя стократным мукам предадут.

И не поможет бог беде твоей,—
Предвечный бог — не сборщик податей.

Иглу у нищих силою возьмешь —
Знай: та игла тебя пронзит, как нож.

Спеши, утешь обиженных тобой!
Не то — сгоришь в геенне огневой.

За всех, кого колючкой ранишь тут,
Тебе стократно в бездне воздадут.

И будет пламень вкруг тебя жесток
За тех, кого хоть искрой ты обжег.

Отнимешь нить у нищих, эта нить
Удавом вырастет — тебя душить.

Ты властен. Над тобою — никого.
Но ты — палач народа твоего.

Насильник обездоленных людей,
Насильник ты и для души своей.

Взгляни: ты в скверне по уши погряз!
Беги, пока твой разум не погас,

Уйди от зла, добром наполни мир!
А ты, восстав от сна, бежишь на пир.

Подобен раю, светел и высок
Для пиршества украшенный чертог.

Но в киноварной росписи его
Алеет кровь народа твоего.

Завеса, чья неслыханна цена,
Не из парчи — из жизней соткана.

Украшен жемчугами твой шатер,—
Ты у народа отнял их, как вор!

Чтоб яшму взять для арки и стены,
Гробницы древние разорены.

Вот на пиру садишься ты на трон.
Фиал вином шипучим опенен.

Там кравчие снуют — полны красы,
Вельможи льнут к ногам твоим, как псы.

Чтоб жажду утолить, шербет, вино —
В стократном им количестве дано.

Там речи — пустословие одно,
Их верным слушать стыдно и грешно.

Там сквернословья слышен пьяный хор,
Там непотребства оскорбляют взор.

Покамест день сияет над землей,
На сборище разгульном чин такой.

Когда ж звезда вечерняя блеснет
И ночь страницу дня перечеркнет,

Зажгутся свечи, но бесчинство то ж
Идет и у тебя, и у вельмож.

Свеча, пылая, плачет над тобой,
И, падая, рыдает кубок твой.

«Дай денег!» — казначею ты кричишь
И, как петух охриплый, голосишь.

Так целый день в тени твоих палат
Царят разгул, и скверна, и разврат.

Забыт завет пророка! От вина
Толпа твоих гостей пьяным-пьяна.

Хоть каждый тигра злобного лютей,
Но все покорны власти пса страстей.

Корыстью низкой души их горят,
Они давно презрели шариат.

Не дрогнут изнасиловать, растлить,
Чтоб низменную похоть утолить.

Когда же утро землю озарит,
Чертог царя являет гнусный вид:

Как будто рать в сраженье полегла,
Распластаны упившихся тела.

Уже намаз полуденный вершат,
А в замке царь, вельможи, войско спят.

Едва проснутся, бросятся опять
Последнее у нищих отбирать.

Все взыщут, не оставят ни зерна:
Мол, пополненья требует казна!

Казну пополнят, а ночной порой
Опять — и шум, и гам, и пир горой.

Когда бесчинству царь дает пример,
Бесчинствуют вельможа и нукер.

Вот так проходят ночи их и дни;
О будущем не думают они.

Пророка и халифов четверых —
Ты вспомни, заступивший место их!

Где у тебя закон? Где правый суд?
К чему твои поступки приведут?

По воле бога ты султаном стал —
А ты народ измучил, обобрал!

Молитва, пост завещаны тебе,
А ты привык к веселью и гульбе.

В самозабвенье дни твои пройдут...
Опомнись! Вспомни: грянет грозный суд!

И ужас смерти обоймет тебя;
Никто в ту пору не спасет тебя.

Не шахом, жалким прахом станешь ты.
Как из пучины зла воспрянешь ты?

Когда ты жизни грань перешагнешь,
Ты знай, что там пощады не найдешь.

Раскайся, справедливость прояви,
Себя для жизни вечной оживи!

Твое насилье, низость и разврат
Земле и небу вечному претят.

Раскайся же отныне навсегда!
Трудись! Страшись грядущего суда!

Хоть никакой не волен человек
Не совершить греха за долгий век,

Хоть совершенства полон только тот,
Кто создал мир и многозвездный свод,

Но ты, порой невольно оступясь,
Раскайся, о прощении молясь.

И коль невольно утеснил людей,
Воздай им тут же милостью своей.

И должен ты, как свет во тьме, светить,
Все души справедливостью пленить.

Как солнце, луч над миром простирай,
И подданным своим любовь являй!

Ту доблесть, что жила в былых царях,
Хранит один победоносный шах!

ГЛАВА XXVII

Рассказ о султане и старухе

В те дни, когда Победоносный шах
С врагами царства пребывал в боях,

Нукеров верных сотни две всего
Сопровождали шаха своего.

В сраженьях каждая его стрела
Смертельной для противников была.

Аллах возвел его на шахский трон,
Что был его отцами утвержден.

Когда в свою столицу он вступил,
Он двери справедливости открыл.

Он истребил насилие и гнет,
Украсил город от своих щедрот.

При нем исчезли ересь и разврат,
И стал опорой правды шариат.

Дабы столицу осмотреть кругом,
Султан однажды выехал верхом.

И некая старуха подошла
И крепко за полу его взяла.

«Эй, шах! — кричала, плакала она.—
Передо мною на тебе вина!

Ты справедлив. Так пусть же призовут
Тебя ответчиком на правый суд!»

А царь: «Не дрогну, жизнь тебе отдав,
Когда твой иск по шариату прав!»

И вот на суд к исламскому кази
Пришли — старуха и султан Гази.

Был весь народ смятеньем обуян,
Когда, как подсудимый, сел султан.

Они сидели, словно Заль и Сам,
Открытые земле и небесам.

Старуха начала: «Когда в боях
Сначала отступал великий шах,

В отряд, что двинулся против него,
Неволей взяли сына моего.

Он кипарисом был в саду моем,
Единственным на ниве колоском.

Но царь убил кормильца моего...
Мечом он в битве зарубил его!»

Судья ей: «Для признания вины
Мне два живых свидетеля нужны».

Старуха молвила: «Я приведу
Двух очевидцев правому суду».

А царь: «Вину свою я признаю.
Все так. Я зарубил его в бою».

Судья сказал: «Иль кровью заплати
За кровь, или потерю возмести!»

Султан ответил: «Я, без дальних слов,
По шариату жизнь отдать готов!»

Мешок динаров золотых открыл
И меч старухе плачущей вручил;

Сказал: «Казною жизнь не возместить,
И ты вольна мне голову рубить.

В бою убил я сына твоего,
Но жизнь тебе отдам за жизнь его!»

Потупила старуха скорбный взгляд,
Увидев тот прославленный булат.

В смятении, она к ногам царя
Упала, так сквозь слезы говоря:

«Мой сын против тебя пошел на бой,
Я за тебя пожертвую собой!

Меня теперь ты с миром отпусти,
Коль я виновна, мне вину прости!»

Так у всего народа на глазах
Явил святую справедливость шах.

Старуха-мать от мести отреклась,
От денег — ради чести — отреклась.

Но сам султан ей сына заменил,
Безмерно он ее обогатил.

Своим вниманьем, как небесный Заль,
Утешил, сколько мог, ее печаль.

* * *

Забудь обиды жгучие свои
Пред блеском солнца правды, Навои!

Эй, кравчий, дай мне верности фиал,
Чтоб верности цветник не отцветал!

Вина мне! Выпью радостно его
За справедливость шаха моего!

ГЛАВА XXVIII

ЧЕТВЕРТАЯ БЕСЕДА

О лицемерных шейхах

Эй ты, обманщик, дармоед в хырке,
Чей крик с утра мне слышен вдалеке!

Эй, лицемер, на рубище своем
Заплаты нашивающий кругом!

Не деньги ли под множеством заплат
Ты прячешь, как в народе говорят?

По тем заплатам нитка лжи прошла,
Твоя игла — из уса духа зла.

Заплаты он кладет на небосвод,
С планетами игру свою ведет.

Зарозовеет утренний туман,
Но это утро — призрак и обман.

Пускай у шейха велика чалма,
Но под чалмой — ни света, ни ума.

Взгляни на посох шейха и скажи:
— Сей посох — столп опорный дома лжи!

А четки подобрал он из кусков
С порога у ваятеля божков.

Сосуд греха — их камень головной,
А нить — зуннара шнур волосяной.

Подошвы деревянные его
Стучат, к соблазну города всего.

Но он восходит на минбар святой,
Тряся своей козлиной бородой.

Пусть он козел, не страшен он ворам.
Хоть и козел он — а ворует сам.

Козел почтенный, если мудр и стар,
Становится водителем отар.

Не так ли шейх хвастливый, как козел,
Доверчивых ведет долиной зол?

Взгляни, как зорко, сам идя вперед,
Козел стада на пастбища ведет...

А шейх, тряся козлиной бородой,
Ведет людей к геенне огневой!

Заблудших он ведет, на свет маня;
Но это отблеск адского огня.

Прибежище, где царствует разврат,
Зовется: «Храм», «Молельня», «Харабат».

Там шейх циновку стелет. Смысл ее,
По начертанью слова — «бу-риё».

В мечети их столбы, изгиб степы —
Отвращены от южной стороны.

Из храма гебров — створы их дверей,
Михраб их — дуги женственных бровей.

Шейх этим грешным молится бровям,
Ему шайтан подсказывает сам.

И, полн доверья, слушает народ
Невежественный — все, что он поет.

А шейх сгибает спину, словно «Нун»,
Сидит в углу, как набожный Зуннун.

Средь истинных суфиев — первый он.
Его решения для них закон.

И он своей пустою болтовней
Увлечь людей умеет за собой.

Одним внушает: — В угол сядь, молись! —
Другим внушает: — В горы удались!

Он шлет на мученичество одних
И тешит небылицами других.

Умеющий обманывать народ,
Он выдумку за правду выдает.

Себя обманывает... Для него
Нет друга, кроме Хызра самого.

Он в тряпке банг упрятал; и она
От цвета банга стала зелена.

Не потому ль кричат: «Вот Хызр идет!» —
Что зеленью тряпье его цветет?

Такой он — этот шейх! Его душа
Всецело в обаянье гашиша.

В ночи, дурманом банга обуян,
Он видит под собой звезду Кейван.

И кажется ему, что он достиг
Вершин познанья — и, как бог, велик.

Услышать най бродяги — все равно
Что выпить вечной истины вино.

И чем приятней песня, чем звучней,
Тем громче сам он подпевает ей.

Он топает не в лад, ревет, как слон,
Не понимая — как ничтожен он.

И, по примеру шейха своего,
Суфии кружатся вокруг него.

Несутся вихри ликов неземных
В расстроенном воображенье их.

И все они, как их беспутный пир.
И пляска, что ни день, у них, и пир.

В самозабвенье кружатся они;
Ты их с ночною мошкарой сравни —

В самозабвении, в глухой ночи
Кружащейся вокруг твоей свечи.

Круженье, вопли тех «мужей святых»,
Их исступленье, обмороки их

У них зовутся «поиском пути»,
Дабы «в забвенье истину найти».

Но в них пылает пламя адской лжи.
Ты с их ученьем, верный, не дружи.

Они всю ночь не устают плясать,—
Да так, что поутру не могут встать.

Но вожделенье в них одно и то ж:
Привлечь к себе внимание вельмож,

Чтоб сам вазир верховный поглядел —
Насколько в «Вере» круг их преуспел,

И убедился в набожности их,
И счел бы их за подлинно святых;

И всех бы их от бедствий защитил
И щедрою рукой обогатил;

Чтоб щит страны — султан великий сам,
Молясь о них, к предвечным пал стопам,

Чтоб шейха лицемерного того
Возвысил, стал мюридом у него;

Чтоб для него казну он расточил,
Чтоб землю шейх в подарок получил.

А ты на ненасытность их взгляни,
Когда обогатятся все они.

Увидишь: суть их — низменная страсть:
Разбогатеть; а там — пускай пропасть.

Вот для чего им хитрость и обман:
Их цель — богатство, власть, высокий сан.

Так пусть о них всю правду знает свет:
Обманщиков подлее в мире нет!

Их внешность благовидна и свята,
Но души их — отхожие места.

Любой из них — пристрастий низкий раб:
Любой из них пред нечистью ослаб.

Снаружи — перья ангелов блестят,
Внутри их — дивы и бездонный ад.

Пусть веет мускусом от их рубах,
Но в их сердцах — смятение и страх.

Динар фальшивый позлащен извне,
Но золото очистится в огне.

Ну, а для этих, правду говоря,
Огонь геенский раздувают зря.

Никто бы вечно жить в огне не мог,
От них же сам огонь бы изнемог.

Людей различных порождает мир:
Святыня этим — кыбла, тем — Кумир.

Сожженья недостойные, они,
Не веря в жизнь, проводят жизнь одни...

Свет истины! Дорогу освети,
И мир, и жизнь, и душу возврати

Тем искренним, чей путь прямой суров,
Отрекшимся от блага двух миров,

Труждающимся, страждущим в тиши,
Чтоб не погас живой огонь души;

Тем, что в огне сожгли свою хырку
И не злоумышляли на веку;

Которым ни мечеть, ни майхана,
Ни Кааба святая не нужна!

Все ведают они! Но в их глазах
Вселенная — соломинка и прах.

Настанет день — и мирозданья сень
В небытии исчезнет, словно тень.

Им эта мысль сердца не тяготит,
Живая мысль их зеркалом блестит.

В том зеркале горит желанье их,
Любимой лик — и с ней слиянье их.

Той мысли земнородным не вместить,
Лишь грань той мысли в сердце может жить.

И в каждой грани — вечно молодой
Лик отражен красавицы одной.

И ты в какую грань ни бросишь взгляд,
Везде глаза волшебные глядят.

Везде глаза прекрасные того,
Кто смысл и суть живущего всего.

И те, кто видел это, лишь они —
Суфии подлинные в наши дни.

Они несут свой путеводный свет,
Всем заблудившимся в долине бед.

Они, как Хызр, отставшего найдут
В пустыне и к кочевью приведут.

По зоркости вниманья своего
Они — как братья Хызра самого.

Под их дыханьем даже Хызр святой
Нам кажется зеленою травой.

Источник вечной жизни Хызр найдет
В слезах, что по ланитам их течет.

Пыль их сандалий зренье исцелит,
Их слово камень в злато превратит.

Пред гневом их бессилен небосвод
И круг планет, что род людской гнетет.

В их цветнике всегда цветет весна,
Как два листка, там солнце и луна.

Они — в пути, и пот на лицах их
Непостижимее глубин морских.

Как многозначно содержанье слов
В благословенном строе их стихов!

Суфий сидит в углу — чуть виден сам,
А ходит по высоким небесам.

В иклимах мира их путей черта
От всякой ложной мудрости чиста.

На светлом том пути — ристанье их,
В делах и мыслях — состязанье их.

Их ночи жаркою мольбой полны,
Чтоб сонмы верных были спасены.

Путем пророка следуют они,
Его лишь волю ведают они.

Слезами веры путь свой орося,
Они идут — награды не прося.

Под бурей не сгибаются они,
В беде не содрогаются они.

Смиренны, без надежды на эдем,
Лишь к истине стремятся сердцем всем.

Любовь их только к истине одной.
Нет во вселенной истины иной.

О ищущий жемчужину любви,
О ней к глубинам вечным воззови!

ГЛАВА XXX

ПЯТАЯ БЕСЕДА

О щедрости

ГЛАВА XXXI

Рассказ о Хатаме Тайском

Спросил Хатама некий человек:
«О славный муж, я прожил долгий век,

Но кто же равного тебе найдет,
С тех пор как ты простер ладонь щедрот!»

Ответил: «Я под сень шатров моих
Созвал однажды всех людей степных.

Чтоб изобильна трапеза была,
Барашков я зарезал без числа.

На том пиру мне душно стало вдруг.
Я вышел в степь, гостей покинув круг.

И на тропе глухой, среди песков,
Увидел старика с вязанкой дров.

Под этой тяжестью сгибался он,
Кряхтя, на посох опирался он.

Вся хижина телесная его
Шаталася от бремени того.

Так, что ни шаг, он тяжело вздыхал
И, останавливаясь, отдыхал.

Я был взволнован видом этих мук
И ласково сказал ему: «О друг,

Твой непосилен груз! Тебя язвит
Колючек ноша, как гора обид,

Ты — житель степи — видно, не слыхал,
Что здесь у вас Хатам с шатрами стал,

Что он, дабы в сердцах посеять мир,
Всех, злых и добрых, звать велел на пир?

Сбрось ты колючек ношу с плеч долой!
В цветник добра, на пир идем со мной!»

Мое волненье увидал бедняк;
Он улыбнулся мне и молвил так:

«Цепями алчности окован ты,
На шее у тебя — петля тщеты.

На башню благородства никогда
Не вступишь ты — не знающий труда.

Поверь: мой тяжкий труд не тяжелей,
Чем иго благодарности твоей.

И лучше мне трудом дирхем добыть,
Чем от Хатама стадо получить!»

И не сказал в ответ я ничего,
Склонясь перед величием его».

* * *

О Навои! Будь сердцем щедр во всем,—
Да будет сам Хатам твоим рабом!

Дай чашу, кравчий, щедро нам служи,
Пример Хатаму Тая покажи!

Мы бедны. Не на что купить вино,
Тебе лишь море щедрости дано!

ГЛАВА XXXII

ШЕСТАЯ БЕСЕДА

О благопристойности

ГЛАВА XXXIII

Рассказ о стыдливости Ануширвана

В дни юности своей Ануширван
Любовным был недугом обуян.

Он от любви своей изнемогал,
Но в тайне ото всех ее держал.

И, мукою великой истомлен,
Свиданья, наконец, добился он.

В дворцовом цветнике, в тени ветвей,
Он встретился с возлюбленной своей.

И руку он к любви своей простер;
Но, видя, что глядит она в упор,

Он прочь отдернул руку, устыдясь.
Она спросила: «Что с тобою, князь?

Ты руку протянул и прочь убрал?»
И так Ануширван ей отвечал:

«Не суждено мне счастье в этот час,
Огонь мой пред нарциссами погас!»

Вот так не перешла своей черты
Стыдливость юношеской чистоты.

Нарциссы глаз своих склонил в слезах,
Ушел, и от любви отрекся шах.

Иной огонь светил уму его.
И по величью духа своего

Владыкой он непобедимым стал,
Мир справедливостью завоевал.

* * *

О Навои, все души страсть влечет,
Но чистота — величия оплот.

Эй, кравчий! Скромно кубок наполняй,
Девятикратно кланяясь, подай!

Чтоб сам тебе я молвил: «Друг, испей!»
Вина уронишь каплю — не жалей!

За каплю девять чаш я выпить рад,
Прольешь — я выпью тридцать чаш подряд.

ГЛАВА XXXIV

СЕДЬМАЯ БЕСЕДА

О воздержанности

ГЛАВА XXXV

Рассказ о юношах —
нетребовательном и алчном

От бедности два друга в старину
Пошли пешком из Фарса в Чин-страну.

Один смиренно гнет судьбы терпел,
Другой богатства, почестей хотел.

И вот на некий горный перевал
Взошли они. И камень им предстал

Утопленный в земле; а над землей
Он высился обтесанной плитой.

И надпись, врубленную долотом,
Увидели они на камне том:

«Кто б ни пришел когда-нибудь сюда,
Пусть, не жалея силы и труда,

Подроет камень и перевернет.
На нем он указание прочтет,

Что есть вблизи забытый харабат,
И там, среди руин, закопан клад.

А кто меня, не тронув, обойдет —
Богатство в бескорыстье обретет!»

И взволновался алчный, не тая,
Как в нем свирепа жадности змея.

Стал рыть он землю, руки в ход пошли,
Чтоб выворотить камень из земли.

А бескорыстный молвил: «Никогда
Такого я не начал бы труда!

Не лучше ли, чем душу изнурять,
Своим душевным кладом обладать?

А если бог захочет одарить,
Он может скалы в щебень сокрушить!»

Так он сказал и путь свой продолжал,
А на рассвете город увидал.

Открылись створы городских ворот,
И он вошел под их высокий свод.

Когда ж вошел в ворота, вкруг него
Столпились люди города того.

А в той стране обычай бытовал:
Когда глава державы умирал,

С утра к воротам выходил народ;
И первого, кто в город их войдет,

Они венчали золотым венцом
И над собою ставили царем.

Вот так в цари скитальца, бедняка,
Избрали горожане и войска.

А спутник, лютой жадностью объят,
Рыл землю, чтобы найти желанный клад.

И наконец, смертельно изнурен,
Ту глыбу камня выворотил он.

И прочитал: «Кто за мечтой идет
Несбыточной, тот — в бездну упадет».

Так бескорыстный странник стал царем,
Корыстный же остался бедняком.

* * *

О Навои, корысти устыдись,
Добром последним с бедным поделись.

Эй, кравчий мой! Я жаден лишь к вину,
Оно смывает алчность, как вину.

Я выпью, чтоб на жизненном пути
Престол в стране смиренья обрести!

ГЛАВА XXXVI

ВОСЬМАЯ БЕСЕДА

О верности

ГЛАВА XXXVII

Рассказ о двух влюбленных

Слыхал я: четырех улусов хан,
Эмир Тимур, великий Гураган,

Повел войска железною рукой,
И, в Хинд войдя, жестокий принял бой.

Удачи неизменная звезда
Ему дала победу, как всегда.

А чтобы не могли враги восстать,
Велел он всех индийцев убивать.

И там он столько жизней погубил,
Что кровь убитых потекла, как Нил.

Отрубленные головы горой
Лежали над кровавою рекой.

Там не было пощады никому,
Настала смерть живущему всему.

Шел некий воин — весь окровавлен,
И двух влюбленных бедных встретил он,

Готовых вместе молча смерть принять;
Им негде скрыться, некуда бежать.

Убийца-воин обнажил свой меч,
Чтобы мужчине голову отсечь.

Но заслонила женщина его
И так молила воина того:

«Ты хочешь голову? — мою руби,
Но пощади его и не губи!»

Убийца-воин повернулся к ней,
А друг ее вскричал: «Меня убей!»

И вновь убийца двинулся к нему,
И вновь предстала женщина ему.

Тот со стальными пальцами барлас
Разгневался: «Убью обоих вас!»

Занес он меч над жертвою своей,
А женщина кричит: «Меня убей!»

Мужчина же: «Меня убей сперва,
Чтоб лишний миг она была жива!»

Так спорили они наперебой,
Под меч его склоняясь головой.

Угрюмый воин медлил. Между тем
В толпе раздался крик: «Пощада всем!»

Спешил глашатай войску возвестить,
Что царь велел убийства прекратить.

За жертвенность, быть может, тех двоих
Рок пощадил оставшихся в живых.

* * *

О Навои, и ты любви своей
Пожертвуй всем, души не пожалей!

Дай чашу, кравчий, если ты мне друг
И в чистой радости, и в море мук.

Я задыхаюсь, мне исхода нет.
Врачуй! Исполни верности обет!

ГЛАВА XXXVIII

ДЕВЯТАЯ БЕСЕДА

О пламени любви

Когда прекрасный жизненный восход
Нас напоит вином своих щедрот,

Веленьем вечной мудрости дыша,
Как сад Ирема, расцветет душа.

Скажи: не сад, что насадил Ирем,
А гурий обиталище — эдем.

Там птицы в яркой зелени ветвей
Рассказывают сотни повестей.

В чудесном том саду цветок любой
Сияет, блещет полною луной.

Там цвет необлетающий горит,
Как лепестки блистающих ланит.

Растет самшит вечнозеленый там,
Как стан прекрасный — юношески прям.

Там — завитки сунбула и лилей
Подобны кольцам мускусных кудрей.

А вертограда несказанный лик —
Не солнца ль ослепительный родник?

Прекрасен лик! И зной и влага в нем.
Схож подбородок с водным пузырем.

Нарциссы глаз берут сердца в полон,
Зовут уста — смеющийся бутон.

Листва в движенье, как лицо, живет,
На ней роса — благоуханный пот.

Подобной красоте сравненья нет,
Предела чувству изумленья нет.

Но сквозь нее провижу я черты
Непостижимой, высшей красоты.

Весною ранней в сень родных ветвей
Из-за морей вернулся соловей:

И розу новую он увидал,
И, захлебнувшись страстью, зарыдал.

Все ярче блещет розовый цветок,
Как разгорающийся огонек.

Огонь горит в сердечной глубине,
А соловей сгорает в том огне.

Все глубже чары розы; все сильней
Печаль певца, гремящего над ней...

Когда рассвет над миром засиял,
Так соловей защелкал, засвистал,

Такой он поднял звон, и гром, и крик,
Что зашумел, проснулся весь цветник.

Когда сгоришь, поймешь ты, может быть,
Что значит быть любимым и любить.

Любовь смятенья смерч несет уму,
И чужд влюбленный сущему всему.

А кудри несказанной красоты
Арканами крутыми завиты.

Живой огонь любви с пожаром схож;
Всю землю охватил его грабеж.

Огонь бушующий неукротим;
Все небо — дым и искры перед ним.

И пери с неба падают без сил,
Как мотыльки, спаливши перья крыл.

И разума чело омрачено,
Дыхание рыданьем стеснено.

Из-за любви, чья власть сильней судьбы,
Черны одежды светлой Каабы.

Вином любовным Будда опьянен,
Прекрасный лик румянцем озарен.

Лист за листом — любовь Коран сожгла,
В костер его подставку унесла;

Она святую Веру в плен ведет,
Мечеть во власть неверным отдает.

На пса напяливает тайласан,
Где шит по шелку золотом тюльпан.

Она велит: «Святой Инжил читай,
Кумир гранитный Буддой почитай!»

Она в мечети продает вино,
В михраб молящимся несет вино.

Она огни, как розы в цветнике,
Ночами зажигает в погребке.

Сады не знают — как они цветут,
Кувшин не знает — что в него нальют.

Шипами роз душа уязвлена,
Опьянена дыханием вина.

Из-за любви пути ума темны,
Противоречий спутанных полны.

Невежество над знаньем восстает
И как безумца в даль степей зовет.

Огонь любви безумной... разум твой
Сгорает в нем соломинкой сухой.

А сердце! — как в печи плавильной, в нем
Любовь горит бушующим огнем.

Но сердце, где огонь любви возник,
Бесценно, как рубиновый рудник.

А если нет любви — зачем она,
Вселенная? Зачем и жизнь нужна?

Любовь — душа души, она чиста,
А без нее мертва и красота.

Любовь — волшебный камень. Шах времен
В невзрачную кочевницу влюблен.

Любовь — алмаз; а сердца твоего
Вместилище — шкатулка для него.

Ты сердце зодиаком назови,
Когда, как солнце, ярок свет любви...

Не солнце, а пылающий огонь,
Живой, всепожирающий огонь!

Телесный строй — надежный, словно дом,
Испепеляется ее огнем.

Страсть красота рождает. Так в ночи
Горит костер от огонька свечи.

Сколь ни желанна красотой своей
Любимая, огонь любви сильней.

Так в горле соловья тоска звонка,
Что превосходит силу чар цветка.

Костер дымит, но ты его разрой —
И к небу вихрь взовьется огневой...

Когда огонь великий налетит,
Не только жизнь — он целый мир спалит.

Смягчается жестокий ум тогда,
Как в горне расплавляется руда.

Аскетов сонм смятеньем обуян,
Как вспыхнувший от молнии саман.

Та сила так сильна, что слон пред ней,
Как под ногой слоновьей — муравей.

Кто скажет: «Я влюблен!» — не верь ему.
Не каждый верен чувству своему.

Кто ищет только внешней красоты,
Томим тоской душевной пустоты,

В нем огонек и брезжит, может быть,—
Но на свече булат не размягчить.

В нем горя нет. Но так он лгать привык,
Что — как от горя — рвет свой воротник.

Его дела и видимость — обман;
Лицом он — ангел, а душой — шайтан.

Он — светоч верности; но посмотри —
Какую мерзость он таит внутри.

Он у любимой требует всего,
Дабы алчба насытилась его.

Великой жертвы требуя, он рад
Дождю им не заслуженных наград.

Святую плоть — благоуханней роз —
Он восхваляет — искренне, до слез.

Его письмо — украшен и цветист,
Но полон подлой ложью каждый лист.

Как фонаря волшебного стекло,
Он чист; а за стеклом — обман и зло.

Когда б подобный лжевлюбленный мог
Мне встретиться — его б я вживе сжег!

Нет, истинно влюбленный — лишь такой,
Кто чист очами, речью и душой,

Сгорающий в огне сверхбытия
И, все познав, отрекшийся от «я».

Он боль скрывает, но поблекший лик
Лишь слезы омывают, как арык.

Он исхудал, как нитка, он больной;
Суставы, как узлы, на нитке той.

Он на плечах костлявых сто скорбей
Влачит — вьюков верблюжьих тяжелей.

Как в слове «дард» согнулась буква «даль»,
Согбенный болью, он плетется вдаль;

И язв не счесть на теле у него,
Как звезд не счесть у неба самого.

Его порывистый горящий вздох
Рождаст в небесах переполох.

Оборванные — в тысяче заплат —
Его рубаха и его халат.

Он однолюб и славы чужд земной,
Душой стремится он к любви одной.

Он, сердцем чужд навек иных забот,
Речений праздных не произнесет.

И, в изумленье, созерцает он
Одну, чьим взглядом дух его пронзен.

Взгляни: то не слеза — рубин горит
На желтизне его худых ланит.

Куда б ни глянул — вдаль иль в высоту,—
Везде одну он видит красоту.

Любуясь блеском образа того,
Себя он забывает самого.

Лишь искренне влюбленному дано
Блаженного познания вино.

Лишь тот самозабвенно опьянен,
Кто красотою вечною пленен.

Не будь отшельником, в миру живи,
Но не гаси в себе огня любви!

Пусть в том огне душа горит всегда,
Пусть тот огонь не гаснет никогда!

Быть может, здравомыслящих собор
Ему суровый выскажет укор,

Блаженства райские начнет сулить,
Чтоб жар безумья в сердце остудить.

И вот он их послушает... А там
Пойдет черед молитвам и постам.

Начнет он раны сердца врачевать,
Обломки стрел из плоти вырывать.

И птицу тела, словно западней,
Накроет он суфийскою хыркой.

Но в том затворе истомится он,
И на свободу устремится он.

И садом, что цветеньем обуян,
На загородный выйдет он майдан.

Нарядных всадников увидит строй
За конным состязаньем иль игрой.

Увидит скачущую на коне
Красавицу, подобную весне.

Огнем вина пылает цвет ланит,
Султаном роза на чалме горит.

Сравни с пожаром эту красоту,
Или — с гранатной веткою в цвету.

Как страж индийский — родинка у ней,
Глаза бездонной пропасти черней.

А брови — словно лунных два серпа;
Увидев их, теряет ум толпа.

То два убийцы — скажешь ты — сошлись.
На злое дело вместе собрались.

А над бровями родинки пятно —
Над буквой «нун» укропное зерно.

Спадают кудри черною волной,
Подобные кольчуге боевой.

А уши — тюркский воин на коне
Красуется в блистающей броне.

Глаза, где обольщенье и обман,
Сжигают благочестия хирман.

И не от дыма ль огненных зениц
Черней сурьмы густая сень ресниц.

От этого огня, от этой тьмы
Вселенная одета в цвет сурьмы.

На розовых щеках сверкает пот,
Как амбровые капли вечных вод.

Сквозит пушок над верхнею губой,
Как травка над рекой воды живой.

Цветастым шелком стан высокий скрыт,
Как вьющимися розами самшит.

И как струя небесного огня,
Как молния — полет ее коня.

Она сама, как солнце на коне,
Блистающее в синей вышине.

Парчовый заткнут за пояс кафтан,
Цветут шальвары, как цветок савсан.

Сверкает радугой узор платка,
А покрывало легче лепестка.

Цветок багряный на чалме горит,
Цветок тюльпана к тополю привит.

Вот чар волшебных сила, о душа!
Вот он — цветник Халила, о душа!

Творенье неба лучшее — она
Непобедимой нежностью сильна.

Суровый содрогнется человек,
Когда она вблизи стремит свой бег.

Когда проскачет конь ее, пыля,
Пред нею рухнут небо и земля.

Где, словно див, ее промчится конь,
Объемлет души ангелов огонь.

Скажи: она — убийца на коне,
Но сеет смерть не по своей вине.

Муж разума Зуннун и сам Шибли
От красоты ее с ума сошли.

И плачет вера над безумьем их;
Печаль в пещерах, в ханаках святых.

И тот, чей дух — незыблемый утес,
Ее увидев, льет потоки слез.

Молитва, ясный разум — свет всего
Значение теряют для него.

Огонь любви невежду не страшит,
Но тот блажен, кто видит и горит.

Вся грязь уничтожается в огне,
А злато очищается в огне.

И тот счастливым будет в двух мирах,
Кому перед огнем неведом страх.

ГЛАВА XL

ДЕСЯТАЯ БЕСЕДА

О правдивости

Тот, кто правдив, не думает о том,
Что древний свод идет кривым путем.

Ведь не помеха мчащейся стреле
Бугры и буераки на земле.

Ум направляет к цели — по прямой.
От цели отдаляет путь кривой.

Высокого познания мужам
Любезен звонкий най за то, что прям.

А чангу крутят каждый раз колки,
Чтоб струны были прямы и звонки.

Копье достойно богатырских рук;
Веревкой вяжут караванный вьюк.

Свеча высоко на пиру горит,
Сердца гостей сияньем веселит.

А по кривой летая, мотылек
Попал в огонь и крылышки обжег.

Прям кипарис и к небу устремлен,
И никогда не увядает он.

А гиацинт деревья обвивал,
И почернел под осень, и увял.

Пряма на таре звонкая струна;
А лопнет — в кольца скрутится она.

Коль по линейке строки пишешь ты,
Калам не отойдет от прямоты.

А коль наставишь точки, как пришлось,
Вся рукопись пойдет и вкривь и вкось.

В сияние одетая душа —
Как ни была бы пери хороша,

Хотя б красавицы вселенной всей
Склонялись, как служанки перед ней,

Хотя б огнем ланит, венцом чела
Она весь мир испепелить могла,—

Но коль живой сердечной прямоты
В ней нет, то ею не прельстишься ты;

Она прямыми стрелами ресниц
Не поразит и не повергнет ниц.

И не привяжется душою к ней
Никто из чистых искренних людей.

Коль верные михраб не возведут,
Намазы их напрасно пропадут.

Будь благороден, пишущий! Пиши
Правдиво перед зеркалом души.

Тот прям душой, чей правду видит взор;
Рукою гибкой обладает вор.

Когда же явным станет воровство,
Палач отрежет кисть руки его.

В косых глазах, так говорит молва,—
Одно явленье видится, как два.

А в вечном и едином видеть двух
Есть многобожие; запомни, друг!

Был непостижный дар всезнанья дан
Великому, чье имя Сулейман.

Царь Сулейман — владыка и пророк —
Наполнил славой Запад и Восток.

В песках, где даже коршун не живет,
Он словом воздвигал дворцовый свод;

На облаках ковер свой расстилал,
В походе ветер, как коня, седлал;

Заставил дивов, пери, свет и тьму
Повиноваться перстню своему.

Была на перстне надпись; смысл ее:
«В правдивости — спасение твое!»

Живет в наш век султан, хакан времен,—
Нет, не хакан, а Сулейман времен;

Тот, чей престол вздымается в зенит,
Чьим блеском затмевается зенит.

Ему отважных преданы сердца;
Как небо в звездах — свод его дворца.

Джемшида он величием пышней,
Войсками Искандара он сильней.

Он близ Хурмуза ставит ратный стан,
Там, где когда-то правил Сулейман.

По вечной воле разума времен,
Как Сулейман, он перстнем одарен.

Тот перстень сила звезд ему дала,
Чтоб совершать великие дела.

Не лал бесценный славен в перстне том,
А надпись на окружье золотом.

Я изумился, прочитав ее:
«В правдивости — спасение твое!»

Пусть этот перстень мощи не дает,
Владелец перстня мощь в себе найдет.

И каждый будет жизнь отдать счастлив
Владыке, что к народу справедлив.

Правдивость — сущность истинных людей;
Два главных свойства различимы в ней.

Вот первое: не только на словах,
Правдивым будь и в мыслях и в делах.

Второе: сожалей о мире лжи,
Но правду вслух бестрепетно скажи.

И оба свойства эти хороши,
И оба — знак величия души...

О, если б каждый лживый человек
Поменьше лгал! — Но не таков наш век...

Так мыслит в наше время целый свет,
Что слово правды хуже всяких бед!

Там, где ты ищешь правды, прямоты,
Лжи закоснелой вижу я черты.

«Страной неверных» дальний Чин зовут,
Но верность и правдивость там живут.

Хоть правда от природы всем дана,
Но всем потом не по сердцу она.

Где сердце ты правдивое найдешь
Средь изолгавшихся, чья правда — ложь?

И кто правдив сегодня — о, как он
Гоненьем и нуждою угнетен!

Взгляни на время! Видишь, как оно
В движении своем искривлено.

Как циркуль движутся пути светил,
Но циркуль тот «прямой» не начертил.

Правдивым — слава! Но у них всегда
С коловращеньем времени — вражда.

Калам писца стезей спешит прямой,
И платится за это головой.

Был прям «Алиф», но в плен его взяло
Петлею начертание «Бало».

Веревка прямо, как струна, в шатрах
Натянута; но вся она — в узлах.

По линии прямой — метеорит
Летит к земле; и, падая, горит.

Свиваясь в кольца, древняя змея
Над кладом дремлет, яд в зубах тая.

Чарует сердце новая луна,
Хоть, словно серп, она искривлена.

А сколько завитков вокруг чела
Накручивают, чтоб чалма была?

Нет, нет! Не то хотел сказать я вам,—
Видать, ошибся быстрый мой калам!

Над нами искрпвлен небесный свод,
Но в правде сердца истина живет.

Свеча сгорает, изливая свет,
И для свечи отрады большей нет.

А яркий росчерк молнии кривой
Блеснет — и поглощается землей.

Садовник, чьи орудья — шнур и взгляд,
Кустарник дикий превращает в сад.

Когда широкозубой бороной
Не заскородишь пашни поливной,

Напрасно будешь землю поливать,
Напрасно будешь урожая ждать.

И зеркала поверхность — чем ровней,
Тем отраженье в зеркале верней,

Тем ярче в нем сиянье красоты
И резче безобразия черты.

Так соляца диск в озерах отражен,
А кривизною зыби — искажен.

Когда ты по невежеству солжешь,
То, может быть,— не в счет такая ложь.

Но тот — неверный, не мужчина тот,
Кто делом лжи, как ремеслом, живет.

И сколько бы ни ухитрялся он,
В конце концов он будет обличен.

И если он обманет весь народ,
То все же от возмездья не уйдет.

Хоть целый век обманывай глупцов,
Но выдаст ложь себя — в конце концов.

Рассвет вещает наступленье дня,
Обманчив яркий блеск его огня.

Фальшивыми монетами платеж
Подсуден. Что же не подсудна ложь?

Ты в злобе клялся ложно, может быть,
Но ложь свою ты можешь искупить.

Тому, кто средь людей слывет лжецом,
Народ не верит никогда, ни в чем.

И если правду будет говорить,
Он никого не сможет убедить.

Обманщик он! — трубит о нем молва,
Ему не верьте! Ложь — его слова!

В народе имя доброе навек
Утратит, изолгавшись, человек.

Коль правда весь народ не убедит,
Ложь эту поросль правды заглушит.

Когда не можешь правды ты сказать —
Молчи, терпи и жди, но бойся лгать.

ГЛАВА XLI

Рассказ о птице — лгуне-тураче

Жил у подножья гор, в лесу большом
Могучий лев, с небесным схожий львом.

Но, не страшась в округе никого,
Боялся он за львенка своего.

Все муравейники он разорил,
Чтоб муравей дитя не укусил.

Испытывая постоянный страх,
Таскал повсюду львенка он в зубах.

Жил там один турач, гласит молва;
Он пуще коршуна боялся льва.

Лев проходил, детеныша держа.
Турач, от страха смертного дрожа,

Вдруг перед носом льва взлетал, крича.
А лев пугался крика турача.

На миг сильней он челюсти сжимал,
Чтобы в беду детеныш не попал;

И сам, не рассчитавши страшных сил,
Невольно львенку раны наносил.

От этого душой терзался лев,
Вернее — просто убивался лев.

И чтоб конец несчастью положить,
Он с этим турачом решил дружить.

Сказал: «Не причиню тебе вреда!
Так поклянемся в дружбе навсегда.

Ты всякий страх забудь передо мной,
Сиди себе в своих кустах и пой.

Я здесь среди зверей слыву царем,
А ты придворным будь моим певцом.

Мне убивать тебя корысти нет,
Сам знаешь — бык мне нужен на обед.

Враги твои — охотники одни;
И ты остерегайся западни.

Но если в сеть ловца ты попадешь —
То знай: во мне спасителя найдешь.

Твой крик услышав, я примчусь бегом
И вмиг с твоим разделаюсь врагом.

Вот этой страшной лапою моей
Спасу тебя от вражеских сетей!»

Так лев могучий мягко говорил,
Что сердце турача обворожил.

Вот лев и птица в дружбе поклялись
И вирямь, как братья кровные, сошлись.

Где лев свирепый в полдень отдыхал,
Туда турач без страха прилетал.

И даже, шла о нем в лесу молва,
Садился смело он на гриву льва,

Как птица легендарная Анка
На гребень царственного шишака.

Порой — «На помощь!» — в шутку он кричал;
За это лев сердился и ворчал:

«Эй, друг, не лги, со мною не шути!
Ложь до добра не может довести».

Но турачу понравилась игра.
«На помощь!» — он в кустах кричал с утра.

А лев устал его увещевать,
Не стал на крик вниманья обращать.

Так жил шутник до рокового дня,
Когда его поймала западня.

Беспечно начал он зерно клевать
И в сеть попал, а сеть не разорвать.

Он закричал: «На помощь,— друг, скорей!
Один я тут не вырвусь из сетей!»

Спросонья лев подумал: «Снова крик...
Какой обманщик! Экий озорник!

Сто раз напрасно он меня пугал,
Сто раз его спасать я прибегал.

Сто раз обман устроивши такой,
Он только потешался надо мной!..»

О помощи не докричался лжец —
Попал в беду, настал ему конец.

Тому, кто никогда нигде не лжет,
Без спора верит на слово народ.

* * *

Будь, Навои, прямым в своих речах,
Будь искренним в напевах и стихах!

О кравчий, дай отрадный мне фиал,
Чтоб выпил я — и льву подобен стал!

Пускай пирушку озарит свеча!
Пускай дадут кебаб из турача!

ГЛАВА XLII

ОДИННАДЦАТАЯ БЕСЕДА

О возвышенности звезд на небе знаний

ГЛАВА XLIII

Рассказ о встрече имама Фахра Рази
и султана Мухаммада Хорезм-шаха в бане

Познания взыскующих притин,
Имам всех верных в мире Фахраддин

В Хорезме свой шатер установил,
Но Хорезм-шах его не посетил;

Мол — как живешь? Не надо ли чего?
И Фахраддин не посетил его.

Шах устыдился, встречи стал искать,
Имам не захотел его принять.

И не могли их люди помирить,
Завесу отчужденья приоткрыть.

Имам великий в баню раз пошел;
Шах в ту же баню в тот же час пошел.

И там — в пару, в горячих облаках,
Ученого спросил хорезмский шах:

«О мудрый муж — прославленный везде,
Скажи — что нас на Страшном ждет суде?

Кому, какие муки суждены
Там — на путях загробной стороны?»

Уместно — в бане — задал шах вопрос.
И так имам ответно произнес:

«Ты знать хотел, что там — за гранью тьмы?
Так знай: все там, как в бане, будем мы.

Там нищий и султан, во всем равны,
Предстанут пред судом — обнажены.

Ты голым в баню Страшного суда
Войдешь, венец оставив навсегда.

А я па грань судилища того
Вступлю в сиянье знанья своего.

Ты здесь могуч и самовластен был,
Ты будущего сам себя лишил!»

* * *

О Навои, познанием живи,
В деяньях знание осуществи!

Эй, кравчий, дай вина познанья нам,
Чтобы молитву позабыл имам!

А пьющим то вино — как дольний прах
И золотой Хорезм, и Хорезм-шах!

ГЛАВА XLIV

ДВЕНАДЦАТАЯ БЕСЕДА

О людях Калама

ГЛАВА XLV

*О том, как возвеличился Якут
благодаря своему прекрасному почерку,
высокому искусству калама и кисти*

На ветке сада бренности живой
Был в Сухраварде славен шейх святой.

Он дива вожделений истребил,
В зените истины кометой был.

Раз во дворец халифа шейх пришел,
Как милость вечного в долину зол.

И как Хиджас пред Меккой, перед ним
Державный преклонился Мутасим.

На трон пришельца усадил халиф
И рядом сел, беседой с ним счастлив.

Ларец один, в нем — пара жемчугов,
Как две звезды в созвездье Близнецов.

Шейх говорил, что путь наш — тарикат.
Халиф ему внимал, потупя взгляд.

И слушали, дыханье затая,
Придворные, царевичи, князья.

Окинул взглядом шейх огромный зал
И вдруг — в толпе Якута увидал.

И он, стремительно покинув трон,
Якуту отдал поясной поклон.

Халиф сказал: «Посмею ли спросить,
Я сам тебе по-рабски рад служить;

За что же честь ему! Кто он такой,
Что ты пред ним склонился головой?»

Ответил шейх: «Он, средь людей дворца,
Единственный — по милости творца.

Ты сам отличья выше дать не мог
Той степени, что дал ему сам бог!

Искусством переписывать Коран
Он славится до отдаленных стран.

И с ним никто в искусстве не сравним,
Вот почему склонился я пред ним».

Халиф был несказанно изумлен,
Якута скромного возвысил он.

С тех пор в покоях царского дворца
Он занял место главного писца.

* * *

О Навои, перечеркни слова,
В которых нет дыханья божества!

Друг, яхонтовым нас пои вином,
Покамест до Багдада не дойдем!

Чтобы опорой сильной я владел,
Чтоб камень желтый яхонтом зардел!

ГЛАВА XLVI

ТРИНАДЦАТАЯ БЕСЕДА

О тех, кто приносит пользу людям

ГЛАВА XLVII

Рассказ о том,
как Айюб указал дорогу вору

ГЛАВА XLVIII

ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ БЕСЕДА

Жалоба о построении судьбы

ГЛАВА XLIX

Рассказ о том,
как Искандар завоевал весь мир

ГЛАВА L

ПЯТНАДЦАТАЯ БЕСЕДА

О пьянстве

О ты, что в радость плотскую влюблен,
Невежества вином ты упоен.

Ты бражничаешь, дух живой губя,
Разгул и днем и ночью у тебя.

В твоем нутре всегда кипит вино;
Не ты кричишь — в тебе кричит вино.

Как хум, гордынею вскипаешь ты,
Что ты ничтожен — забываешь ты.

Ты говоришь, но речь твоя гнусна;
Как пена, на губах твоих слюна.

Ты позабыл о жизненном вине,
Ты позабыл и о последнем дне.

Когда неумолимый Азраил
Придет — что скажешь ты, лишенный сил!

Об камень бы тебя, как хум, разбить,
В осколки мелкие бы раскрошить!

Разбить бы вдребезги тебя давно
И по земле разлить твое вино!

Чтоб кровь твоя во тьму земных глубин
Ушла и превратилась там в рубин.

Ты пьешь вино, едва блеснет рассвет;
Но близок час: за все ты дашь ответ.

Идут года... Беспутства устрашись,
От своего безумья отрекись!

Изверженный из общества людей,
Посмешище ты уличных детей.

Как только пьяный выйдет из ворот,
В него кидает грязью всякий сброд.

Покамест держит пиалу рука,
Он пьет. А выбравшись из кабака,

О притолку ударясь головой,
Он падает — с распутанной чалмой.

И, в лужу грязи окуная нос,
Он на прохожих лает, словно пес.

Хоть кажется ему, что все пустяк,
Но в нем слабеют мышцы и костяк.

Тропу домой никак он не найдет;
Он хочет пить и грязь из лужи пьет.

Ограду увидав, ломает он;
Обломками в людей бросает он.

Толпа детей швыряет вслед ему
Камнями, волоча его чалму.

Он поминутно падает, потом
Из грязи подымается с трудом.

И снова падает, и вновь встает,
Пройдет два шага, снова упадет.

Лежит в грязи, не помня ничего;
И лижут псы блевотину его.

Проспавшись, в час рассветной тишины
Он вновь стучится в двери майханы.

Найти чалму не в состоянье он.
Он был с деньгами — денег он лишен.

Его богато вышитый халат,
Как саван с мертвеца, ворами снят.

Кинжал его украли дорогой.
В одной он туфле. Туфли нет другой.

Подол его рубахи и штаны
Разорваны, и мокры, и грязны.

Шатаясь, он по улице бредет
И вновь домой дороги не найдет.

Всем телом от озноба он дрожит.
Его тошнит, и все ему мерзит.

По переулкам пыльным бродит он,
Своей калитки не находит он.

Все, что не взяли воры у него,
Ночная стража оберет с него.

Ночная стража всюду такова,
Худая про нее у нас молва.

Давно ль он был богат, красив, хорош?
Но посмотри — на что теперь похож!

Весь в ссадинах, в грязи и синяках,
Он бродит, наводя на встречных страх.

Бредет, горя от жажды, изнурен,
Из-за беспутства радости лишен.

Нет на душе веселья у него,
Мучительно похмелье у него.

Как могут люди так себя забыть?
Как могут люди так себя губить?

Причин безумья знать мне не дано.
Безумцы есть; но ясно мне одно,—

Что всякий сей пригубливатель чар
Ответит — я, мол, рэнд и каландар.

Но этот рэнд о совести забыл,
Ее в постыдном пьянстве истребил.

Что нам о строчкогоне надлежит
Сказать, коль он себя бессмертным чтит?

Палач, что без убийств не может жить,
И собственных детей готов убить.

На розы не глядит навозный жук,
Когда помета множество вокруг.

Но углежоги — лицами черны,
А нет на них за черноту вины.

Сова угрюма, но среди руин
Ей кажется, что и она — павлин.

От пьянства — гибель тела и ума,
Так сель ломает стены и дома.

Ужасно буйство ливневой воды;
Спасенье в бегстве от такой беды.

С разливом бедственным сравню вино,
Мужей могучих валит с ног оно.

Живое тело — это дом души,
Храм — где бессмертный свет горит в тиши.

Все сокрушает ливневый поток,
Ломает и лачугу и чертог.

А пьянство неумеренное — тьма,
Гасящая бессмертный свет ума.

Коль на свечу хоть капля попадет,
Дрожащий огонек свечи умрет.

Но диво — винопийца день за днем
Привык свой светоч заливать вином.

Не только жар в мангале потушить,
Способен ливень и маяк залить.

Плеснув воды на тлеющий сандал,
Ты видишь — жаркий уголь черным стал.

Кто веселить себя привык вином,
В мрак погружает свой духовный дом.

Скажи: вино — огонь, что создал бес,
И может сжечь посев семи небес.

О смертный, ты на плоть свою взгляни,
С сухой соломою ее сравни!

Страшись, не затевай с огнем игру,
Иль кучей пепла станешь на ветру.

Вино, огонь родящее в крови,
Огнем геенны адской назови.

Прозрачно, чисто, как вода, вино,
Коварным обольщением полно.

Оно играет искристо, маня
Пленительным сиянием огня.

Четыре свойства у огня того;
Печальна участь пленника его.

Четыре элемента существа
На том огне сгорают, как трава.

Сгорают тело, чувство, разум сам,
Сгорают честь, и вера, и ислам.

Того огня ничем не потушить
И никакой водою не залить.

Ведь ливнями шумящий небосвод
Им порожденных молний не зальет.

Вот так же бурный дождь апрельских гроз
Не может погасить сиянья роз.

Но в том светильник жизни не зачах,
Кто искренне раскается в слезах.

И только эти слезы, может быть,
Способны пламя ада потушить.

Слеза мольбы на желтизне щеки
Сильней потока яростной реки.

Кто плачет, полон веры и любви,
Слезу его жемчужиной зови.

У плачущих в раскаянье людей
Слеза любая жемчуга ценней.

Кто кается на людях, тем не верь:
Прощения для них закрыта дверь.

Неискренен в раскаянии тот,
Кто руку на святой Коран кладет.

Не верь ни воплям, ни потоку слез
Того, кто кается, страшась угроз.

Кто предан истине всем существом,
Не волен тот в раскаянье своем.

В душе всегда хранит он божий страх
На трудных испытаниях путях.

Пусть — по незнанью — он в грехе живет,
Раскаянье само к нему придет.

Несовершенство чувствуя свое,
Он плачет, истребляя бытие.

И, грозный счет ведя делам своим,
Рыдает он — отчаяньем томим,

Но, милостью небесной огражден,
Как золото из тигля, выйдет он.

Свет красоты бессмертной возлюбя,
Откажется от самого себя.

И он в своем раскаянье найдет
Неисчерпаемый исток щедрот.

Сам человек — что может сделать он,
Коль силой высшею не одарен?

Без помощи таинственной ее —
Увы — ничто раскаянье твое.

Под вечным светом очищай себя!
От вечной тьмы оберегай себя.

Молись, чтоб совести твоей скала
Всегда несокрушимою была.

Ведь совершенный сердцем человек —
Гора неколебимая вовек.

Друг! Не своим желанием живи,
А волею божественной любви.

ГЛАВА LII

ШЕСТНАДЦАТАЯ БЕСЕДА

Об алчных себялюбцах

ГЛАВА LIV

СЕМНАДЦАТАЯ БЕСЕДА

О временах года
и возрастах жизни людей

Когда апрель прекрасный наступил
И миру всю любовь свою явил,

Нам ветерок с нагорий и лугов
Принес благоухание цветов.

Он ветви гибкие плакучих ив
Шуметь заставил, до земли склонив.

Им подмести велел он пыль с земли,
А тучки землю поливать пришли.

Вот молнии сверкающий аркан
Весь облачный перепоясал стан.

Гром отгремел, весенний дождь прошел,
Рейхан благоухающий расцвел.

В саду, обильно политом, возник
Из черной почвы синий базилик.

И этот цвет полмира охватил,
Как сферу синюю цветник светил.

Росток рейхана, ростом как дитя,
Смеется, юной красотой блестя.

Весна, свое являя колдовство,
Готовит благовонье из него.

Покрылось поле травяным ковром,
Цветы рейхана — гурии на нем.

Раскрылись розы в свежести ночной,
Роса их льется розовой водой.

И дремлет, в сновиденья погружен,
Младенец — нераскрывшийся бутон.

Тюльпан в степи так весело плясал,
Что ветер шапку у него сорвал.

Цветы, как дети, вкруг зеркальных вод
В саду образовали хоровод.

И в пляске круговой они идут
И песенку «Гульходжа-Гуль» поют.

И так же все похожи на детей
Травинки, обступившие ручей.

Как звезды на высоких небесах,
Цветы красуются на деревах.

И все живущие изумлены
Величием цветения весны.

Как будто не ряды дерев цветут,
А хороводы девушек идут,

Чтоб красоту их видели поля,
И горы, и холмы, и вся земля.

Дни эти — пир, и блеск, и торжество
В полях, в садах — цветущего всего.

Но несколько ночей и дней пройдет,
Наступит новый времени черед.

Когда возникнут завязи плодов,
Осыплет ветер лепестки цветов.

Зазеленеет на ветвях листва,
Заплещет, как стоустая молва.

Знамена бело-красные падут,
Зеленые знамена расцветут.

Шелка цветные сбрасывая, сад
В зеленый облачается халат;

Взамен жемчужин — изумруд блестит,
А вместо красных лалов — хризолит.

Цвет яблонь в стекловидных лепестках
Покрылся ржавчиной на всех ветвях.

И вот сквозной листвой блистает сад,
Как Хызр, надев зеленый свой халат.

Темнее ночь в тени его густой,
Его роса — родник воды живой.

Как молодая пери, скажешь ты,
Сад полон неги, томной красоты.

В зеленый шелк одеты все сады;
На шелке, вместо пуговиц, плоды.

Деревья — в пуговицах золотых,
В жемчужинах, в рубинах дорогих.

Плоды айвы, как золото, горят,
А яблоки — как жемчуг и гранат.

Инжир благоухает, словно мед,
И груши налились прозрачней сот.

Под кровлей виноградной, в знойный день,
Где зреют гроздья,— сладостная тень.

Я этот сад, что полн творящих сил,
С великим бы художником сравнил.

Он словно рай, блистающий в тиши,
Он словно жизнь разумная души.

Когда плоды садовник соберет,
Сад станет как беззвездный небосвод.

Торчат нагие ветви без плодов;
Он как жемчужница без жемчугов.

Прекрасный сад разграблен до конца,
Нет у него жемчужин для венца.

Усильем созданные жизни всей—
Плоды надежд оборваны с ветвей.

А ветви без плодов ты назови
Людьми, в чьем сердце нет живой любви.

Грусть каждой обнаженной ветви той
Сравнима лишь с душевной пустотой.

Мне кажется — болеют дерева:
Желтеет и чернеет их листва.

Желтея в муках, как меджнун больной,
Листву роняет ветка над водой.

Она согнулась, словно буква «даль»,
От безнадежности ее печаль.

С плакучих ив, как ливень медных стрел,
Под ветром вихорь листьев полетел.

Листва сама пожелкнуть не могла,
Ее печаль огнем своим сожгла.

Спалил листву, как пламя, листопад,
И только сучья черные торчат.

Листки последние — клочки парчи —
Декабрьский ветер оборвет в ночи.

Печален сад безлиственный, нагой...
Земля покрыта тлеющей листвой.

В долинах, защищенных гранью гор,
Кой-где желтеет лиственный убор.

Но и туда дыханье января
Доходит, разорение творя.

Стоят ряды деревьев,— о тоска! —
Как черные индийские войска.

Стоят деревья голы и черны,
Как толпы пленников обнажены.

Они скрипят и стонут на ветру
И, леденея, стынут поутру.

А листья, если в ворох их сгребут,
Лишь на костер для сторожа пойдут.

В ад превратился светлый райский сад;
Ад с ним в сравненье — райский вертоград.

Мне наших дней весна и листопад
Напоминают чем-то этот сад.

Ведь каждый человек, едва рожден,
Как бы сияньем утра озарен.

Сперва он, словно свежий куст в росту,
Где розы раскрываются в цвету,

Где лепестки, покрытые росой,
Бессмысленно полны сами собой.

О, как они милы! У них — с утра
До вечера — еда, питье, игра.

И вот он понемногу, день за днем,
Становится разумным существом.

Как свежий к солнцу тянется побег,
Так тянется, растет и человек.

И розы — девы лик сквозь тонкий дым,
Как солнце, возникает перед ним.

Нарциссы томные — ее глаза,
Так нежны, так скромны, но в них — гроза.

Ресницы — стрелы длинные у ней,
Туранский лук — изгиб ее бровей.

А взгляд — колдует, усыпляет он;
Верней — от глаз влюбленных гонит сон.

Ее ланиты — алым лепесткам
Подобные — способны сжечь ислам.

Она вино пригубит на пиру
И разум твой развеет на ветру.

Вино пылает на ее щеках,
Пот выступает на ее висках.

Где в мире жарче пламя, чем у ней,
Что от воды горит еще сильней?

Ее губа, пушком отенена,
И умерщвлять и оживлять вольна.

Так молодость блеснет и отцветет...
И понемногу зрелость настает.

Осыплет время лепестки цветов,
Наступит созревание плодов.

Отступит горьких заблужений тьма
Перед лучом бессмертного ума.

Хирман невежества, где мрак и стыд,
Разумный знанием испепелит.

Как древо плодоносное, свой век
Разумный украшает человек!

Коль знаниями овладеет он,
Безумье мира одолеет он.

Один всю жизнь исследует Коран,
Хоть он непостижим, как океан.

Другой ютится в келье, в медресе,
Чтоб воедино свесть хадисы все.

Что слава? Что награда за труды,
Когда с ветвей осыплются плоды?

Когда печали ураган дохнет
И стан твой, словно дерево, согнет.

И все твои желанья отгорят
И, словно листья с пальмы, облетят;

Услышишь ты беспечный смех детей
Над желтизной и дряхлостью твоей...

В прищуре век светильники очей
Завесишь ты завесами бровей.

Глаза от света яркого болят,
А брови их, как сторожа, хранят.

От света слепнущие и от слез,
Глаза тусклы, как медный купорос.

А если в полдень пред глазами ночь,
Стеклянными очками не помочь.

О посох старца! О согбенный стан!
Вы — ось Зенита и Меридиан!

Ларец жемчужный рта — без жемчугов;
Десна, как буква «син», но без зубцов.

Рассыпаны все четки — до зерна,
Зубцов своих твердыня лишена.

Зато хребет являет становой
Все позвонки — дугою костяной.

Все угасает. Словно саван, бел,
На теле темный волос поседел.

Стан, словно «даль», деньми отягощен,
Земле прощальный отдает поклон.

В глубокой безнадежности тогда
Последних дней проходит череда,

Пока посланец смерти не придет
Освободить страдальца от забот.

И кто бы в этот мир ни приходил,
В свой срок из чаши сей глоток испил!

Душа, пригубив смертного вина,
Путем небытия уйдет — хмельна,

Забыв себя и мир земных страстей...
А где блуждает? — Нет о ней вестей.

Из чаши смерти всяк хлебнет в свой час,
И эта чаша не минует нас.

Что слезы перед гибельной чертой
О жизни, бесполезно прожитой?

Весь долгий день я спал, пока я жил...
Очнулся, вижу — вечер наступил;

Забыл свой труд; не помышлял о том,
Что поздно будет каяться потом.

Без пользы я растратил жизнь свою;
Не будет пользы, коль себя убью.

Живя беспутно, что я совершил?
Опомнился, но время упустил.

Остался краткий срок, а путь далек...
Все тяжко мне, как тягостный упрек.

Коль за грехи мои прощенья нет,
Что ждет меня? Увы! Спасенья нет!

Наш век на части разделен судьбой,
Все эти степени пройдет любой.

До десяти он в игры погружен,
До двадцати он миром опьянен.

У всех до тридцати, до сорока
Жизнь — это наслаждения река.

Всем в мире наслаждение дано;
И это было мне не суждено.

Коль к полувеку муж не умудрен,
То в шестьдесят пойдет он под уклон.

Достойный, ты и в семьдесят ходи,
А в восемьдесят у огня сиди.

Мудрец, и в девяносто ясен будь;
А во сто — собирайся в дальний путь.

Когда животной жизнью человек
Живет, он без следа пройдет свой век.

Ты жизни не желай себе такой,
Коль нет защиты неба над тобой!

Уйди от жизни низменных людей,
Она — не жизнь, но гибели страшней...

ГЛАВА LVI

ВОСЕМНАДЦАТАЯ БЕСЕДА

О ценности жизни

Для духа мир — узилище, но он
Рай для невежды, что в него влюблен.

Не унижай величья своего,
Не пей, мой дух, из кладезя его!

Коль мира этого круговорот
В свой срок рабом в подземный град сойдет,

Зачем о нем печалиться, скорбя,
И — прежде смерти — убивать себя?

Зачем при жизни траур надевать?
Умрешь — тебя успеют обрыдать.

В душе твоей печаль; ты не страдай,
Свою печаль стократ не умножай!

Заботами свой век не сокращай,
Одну заботу в две не превращай,

Но от своей печали отдохни,
Усталость, скуку, горечь отгони!

Пускай судьбы гоненье велико,
Старайся пережить его легко.

Как ни громаден труд, но победит
Тот, кто на этот труд легко глядит.

Пусть Шам цветет, красуется Герат,
Когда они души не тяготят.

И стоит ли печалиться о них
Нам — странникам на сих путях земных?

Сад этой жизни верности лишен,
В нем лучший цвет на гибель обречен.

И если этот сад от бурь и гроз
Укрыть своих не может лучших роз,

Там не ищи успокоенья ты,
Где благовонья лишены цветы.

Что совершится, то навек уйдет.
Кто прошлое догонит? Кто вернет?

Что можешь ты о будущем сказать?
Как можешь ты судьбу предугадать?

Не властен управлять грядущим днем
Живущий во мгновении одном.

В мгновенье каждом, это помни ты,
Грядущее и прошлое слиты.

Что ты скорбишь над бездной бытия,
Когда одно мгновенье — жизнь твоя?

Ты милосерден, ты — родник любви,
Не мучься, милость сам себе яви.

Тебе одно мгновенье здесь дано,—
Так пусть же будет счастливым оно.

Твое дыханье — жемчуг дорогой,
Прозрачный жемчуг — друг надежный твой.

Ты в четках чередуй рубины дней
С жемчужинами радости своей.

Равняю жемчуг духа твоего
С жемчужиною солнца самого.

Сияет всем светило бытия;
Но в глубине — жемчужина твоя.

Восходит солнце, падает во тьму...
Но внемлет мир дыханью твоему.

Способно солнце полдня все спалить,
А без дыханья мир не может жить.

В дыханье сущность жизни всей живой;
Так назови его «живой водой».

Дыханье, дух!.. От бездны до звезды
Источник вечный в нем живой воды.

Дыханье сил творящих, суть всего,—
В твоем живом дыханье дух его.

О дуновенье, что миры творит,
Сосуд из глины разумом дарит!

В дыхании Исы увидишь ты
Ступень к познанью вечной красоты.

Живущее погружено во тьму,
Но духом вечным жизнь дана ему.

Вокруг тебя — без края и конца —
Как океан, струится дух творца.

Могучим будешь, коль познаешь ты,
Каким богатством обладаешь ты!

Все — от него: бессмертье бытия,
И каждый шаг, и вздох, и жизнь твоя.

А жизнь твоя — дыхания длина,
Но сотнями скорбей омрачена.

Ты унижаешь высший дар ее,
Виной тому — неведенье твое.

Ничтожны мысли в голове твоей,
Ничтожен смысл пустых твоих речей.

Подумай о сокровище своем,
Не будь живой душе своей врагом!

Не унижай величья своего,
Но устыдись хоть бога самого.

Воспрянь из тьмы и праха, сын земли,
И назиданью мудрости внемли.

Тот, кто всему дыхание дает,
Тебя осыпал множеством щедрот.

Ты призван быть не зверем, не ростком,
Не камнем — а разумным существом.

Сознанья чистый свет в тебе горит,
Путь правой веры пред тобой открыт.

Пять чувств тебе даны, чтоб осязать,
И видеть, и внимать, и обонять;

И руки, и запас телесных сил,
И ноги — чтобы прямо ты ходил.

Ты различаешь вкус различных блюд,
Но помни: милость вечного и тут.

Дары творца несметны... Пусть же вам
О них напомнит вкратце мой калам.

Так много у тебя одежд цветных,
Что ум не может перечислить их.

Твой конь, твой мул, твой верховой верблюд
Тебя в любую даль перенесут.

Твои сады полны живых щедрот,
В садах бегут потоки светлых вод.

В садах кумиры дивной красоты,
Как гурии небесной высоты.

До звезд айваны твоего дворца.
Возносятся — по милости творца.

Пусть счета нет богатству твоему,
Но знай — за все обязан ты ему.

Дороже всех богатств, тебе дана
Бесценная жемчужина одна:

И это — разум. Не сравняться с ним
Рубинам и алмазам дорогим.

В жемчужнице земного бытия
Заключена жемчужина твоя.

В ней — дар познанья тайн и высоты,
Вот чем при жизни удостоен ты!

Аллах, когда свой перл тебе вручал,
Тебя короной щедрости венчал.

Благодари его за дар любой
И ведай: благодарным — дар двойной.

За хлеб насущный, за питье и снедь
Молитвой благодарности ответь.

И да не будет до скончанья дней
Предела благодарности твоей.

На сущность жизни взор свой устремим,
О духе бытия поговорим.

Вот чудо силы зиждущей, живой —
Твой каждый вдох и каждый выдох твой.

Вдох новой силой наполняет грудь,
А выдох — в нем существованья суть.

Тебе дана двойная благодать —
Всей грудью вольным воздухом дышать.

Дыханьем жив светильник бытия.
Благодари! Дыханье — жизнь твоя!

Дыханье, дух живой! — Его почтил
Творец всего, владыка вечных сил.

Ты помни с благодарностью о том,
Что почитаемо самим творцом!

Ведь мыслишь ясно, видишь, слышишь ты
И чувствуешь — покамест дышишь ты.

Сознанье да сопутствует ему —
Дыханию святому твоему.

Ты душу будь всегда отдать готов
Тому, кто твой защитник, друг и кров.

Страшись о верности забыть своей,
Нет сердцу испытанья тяжелей.

В рассеянье, в самозабвенье ты
Чем занят в этом вихре суеты?

В твоих делах аллаху пользы нет...
Смотри, чтоб не возникли грех и вред.

Пускай твои заботы и дела —
Впустую, но не делай людям зла!

Противоядие тебе претит,
Зачем же ядом кубок твой налит?

Счастлив, коль друга ты сумел найти,—
Ему вниманье сердца посвяти.

Но устрашись насилье совершить,
Страшись жестокость к людям проявить!

Уж лучше пир веселый в майхане.
Чем стон и слезы по твоей вине.

Не тронь ничью казну, ничью семью
И чти чужую честь, как честь свою.

Друзей и собеседников найди,
От гнета горя жизнь освободи.

Увидя чудо розы молодой,
В саду беседу избранных устрой.

С любезностью, с изысканностью всей,
Присущей мудрым, созови друзей.

Чтоб с их приходом, радостна, светла,
Как сад весенний, жизнь твоя цвела.

В лачуге ль темной, в роскоши ль палат —
Будь щедрым, беден ты или богат.

Ни серебра для истинных друзей
И ни души своей не пожалей.

Возрадуется пусть душа твоя,
Когда вокруг тебя твои друзья.

Здесь на разлуку все обречены.
Как меч кривой, сверкает серп луны.

Счастливец на земле любовь обрел,
Воздвиг беспечной радости престол;

Но, выкованный небом, меч кривой
Обрубит ветви радости живой.

Он неразрывных сердцем разлучит,
Как вихрь закрутит, в стороны умчит.

Таков в своих деяньях небосвод,
Таков его ужасный обиход.

О, если б от грозы его спаслись
Прекрасный ирис, стройный кипарис.

Как гости, все они в саду земном,
Как братья, все они в кругу своем.

О, если б сердце в мире повстречать,
Способное на дружбу отвечать!

Стремящийся к возлюбленной своей
Да будет осчастливлен встречей с ней.

Когда душой с любимой будет слит,
Пусть он меня в тот миг благословит.

Достигший здесь желанного всего,
Пускай на лоне счастья своего

Благодаренье поспешит изречь,
Чтоб счастья цвет от бедствий уберечь.

Пусть вечно благодарным будет он
За благодать, которой наделен.

И пусть создатель сущего всего
Продлит и осчастливит жизнь его!

ГЛАВА LVIII

Рассказ о красавице Чина

Изображал художник не один
Красавицу, прославившую Чин.

Как передам я эту красоту?
Ее лицо — страна Хотан в цвету.

Лицо светилось, говорят, у ней
Под сенью темной мускусных кудрей.

Она такие сети чар плела,
Что даже сердце хана в плен взяла.

Чин потрясен был этой красотой,
Шатался вечной истины устой.

Ее изображенья обошли
Весь мир, околдовав людей земли.

Все люди — ближней, дальней ли страны —
О ней лишь были мыслями полны.

Однажды эта дева на майдан
Собралась ехать — поиграть в човган.

Хан в этот день не мог поехать с ней,
Но дал в охрану избранных людей.

Дабы ее не оскорбил ни взгляд,
Ни слово, сказанное невпопад.

Он этой страже приказал хватать
Всех, кто хоть слово смел о ней сказать.

А стража, чем усердней, тем лютей;
Хватали в день по нескольку людей.

Они погибли в муках и крови...
Но был один — неколебим в любви.

Он жаждал встречи с ней, изнемогал;
Пил не вино, а кровь свою глотал.

Отчаяния хмель его увлек —
И чудом он проник в ее чертог.

В ее опочивальню он попал,
Но, сердцем слаб, в беспамятстве упал.

Тут стража зоркая его нашла,
Скрутила руки, к хану привела.

Всех, кто посмел хоть сердцем полюбить
Красавицу,— хан повелел убить.

Сказал: «На стройке крепости моей
Кладите их меж глыбами камней.

Пусть головы их из стены торчат
И дерзких, непокорных устрашат.

Да видит их мученья весь народ
И помнит пусть — кто дерзок, тот умрет».

И стали слуги хана в тот же час
Осуществлять чудовищный приказ...

Закат померк. И ветерок ночной
Рассеял черный мускус над землей.

Хан собирался в степь, но вздумал вдруг
Взглянуть, как новых стен возводят круг.

В его крови — огонь вина любви,
С ним свита — звери, чьи мечи в крови.

При свете факелов увидел он
Постройку стен, услышал крик и стон.

Услышал скрип навоя, гул труда.
Сошел с коня и сам пошел туда.

На стонущих он посмотреть решил,
Которых сам на гибель осудил.

Увидеть — стойки ли в любви своей
Они, несчастнейшие из людей.

Вопили, плача, каялись они,
Предсмертной мукой маялись они.

Средь них один лишь благородный был,
Тот, кто любви всю душу посвятил.

Измученный он на земле лежал,
Не плача, смертной очереди ждал.

Нет, видя близость страшного конца,
Он горячо благодарил творца.

«Господь! Пока я жив, дышу пока,
Во мне жива любовь, мне смерть легка!»

Пред смертью, за великий дар — любить —
Он продолжал творца благодарить.

«Любимая моя!» — он повторял
И плакал, ослабев, и замирал.

Увидевши его, жестокий хан
Был состраданья бурей обуян.

Его от казни он освободил,
С возлюбленной его соединил.

Он горести любви душой постиг,
Стал справедлив и подлинно велик.

* * *

О Навои, благослови того,
Чей дух — основа духа твоего!

Мой кравчий, жар души не утолен,
В красавицу из Чина я влюблен!

Дай чашу Чина — жажду утолить!
Я сам, как люди Чина, стану пить!

ГЛАВА LIX

ДЕВЯТНАДЦАТАЯ БЕСЕДА

О бесподобном Хорасане
и о прекрасном граде Герате

Воздвиг творец сияющих высот
И явный и не явный небосвод.

Он семь небес округлых сотворил,
Семью светильниками озарил.

Шесть — лучезарны, но седьмой средь них,
Как яркий факел среди свеч простых.

Три — в нижних сферах, три — огни высот,
А факел озарил четвертый свод.

Есть шесть небесных свеч; и все они —
От факела рожденные огни.

Тот факел перлом млечным назови,
Не перлом — солнцем вечным назови.

Султан семи небесных сфер — оно
Душою в тело неба внедрено.

На средней сфере неба свой престол
Султан светил блистающий обрел.

И поговорку вспомнить тут не грех,
Что «Дело среднее — важнее всех».

Как всем планетам путь указан свой,
Семь поясов имеет мир земной.

Меж ними вечная взаимосвязь
Во дни миротворенья родилась.

Но солнце ярче всех; оно идет
Эклиптикой, что делит небосвод.

Четвертый круг небес, что избран им,
Сравним с четвертым поясом земным.

Четвертый пояс средь земных широт
Блистает, как четвертый небосвод.

В науке измерения земли
Иклим четвертый «раем» нарекли.

И в нем — прекрасней всех подлунных стран —
Лежит благословенный Хорасан.

Четвертой сферы неба шире он,
Как свод седьмой, возвышен в мире он.

Его неисчислимы города,
И каждый город — яркая звезда.

Все города в тени садов густых;
Как ангелы и пери — люди в них.

Над Хорасаном горные хребты,
Как стены неприступной высоты.

А в недрах гор — сокровищ тайники,
К ним глубоко прорыты рудники.

Живые воды на степной простор
Бегут, шумя, с могучих этих гор.

Краса его долин светлей стекла —
Где водоемы, словно зеркала.

Его полям зеленым и садам
Завидует цветник небесный сам.

Цветет он, плодородием дыша.
Мир — это тело; Хорасан — душа.

Скажи: грудная клетка мира — он;
В груди Герат, как сердце, заключен.

Живое сердце, в похвале о нем,
«Султаном царства тела» мы зовем.

Ты свой Герат, исполнившись любви,
«Султаном стран вселенной» назови!

Он сердце мира и живет в сердцах;
Так в центре войск шатер свой ставит шах.

При виде шаха, радости полны,
Войска восторгом воспламенены.

Не грех, что полюбился он сердцам:
Герат — наш кров, наш отчий дом и храм.

Перо мое крылатое, спеши,
Красу его убранства опиши.

Ты свой Герат не градом называй —
Ирема светлым садом называй.

Окружность Хорасана велика:
Чтоб обойти его, нужны века.

Узор дорог бесчисленных его
Начертан кистью неба самого.

Здесь почва — мускус, урожай — двойной,
Страна обильна, словно рай земной.

В Герате башни крепостной стены
Долину озирают с крутизны.

Вокруг Герата главы снежных гор
Встают под небо синее в упор.

Неколебим гератских стен отвес,
Врата их — арки девяти небес.

А купола дворцов в лучах зари
Горят, как ангельские алтари.

Резьба блистает на стенах дворцов
Под бирюзою синих куполов.

Сквозь арки непомерной вышины
Пройти могли б небесные слоны.

Видны хребта земного позвонки
Во рвах; так рвы твердыни глубоки.

Как небо, крепость замка высока;
Над замком звезды неба, как войска.

Базары града знает целый свет,
Там дорогим товарам счета нет.

Там сколько бы добра ни покупать,
Во сто раз больше будут предлагать.

Шумят базары, чуть блеснет заря,
Неисчерпаемые, как моря.

Там блещут, как небесная река,
Стоцветные атласы и шелка.

А у заргаров радугой огней
Играют груды дорогих камней.

Ты на большом базаре городском
Заблудишься, забудешь обо всем.

На главную соборную мечеть
Нельзя без восхищения глядеть.

Столица — мир, мечеть в ней — мир другой,
Как в синей сфере неба — шар земной.

Его минбар уводит к небесам,
Туда, где Муштари сияет нам.

Ее михраб, серпом луны горя,
Прекрасен, как вечерняя заря.

Дворцы блистают дивной красотой
И в городе, и за его чертой.

Везде, куда пришлец ни поглядит,
Благоустройство дивное царит.

Из многих малых городов и сел
Возник Герат, как море, и процвел.

Названия кварталов и садов
Идут от ста названий городов.

О боже, боже! — Люди говорят,—
Храни всегда прекрасный наш Герат.

В нем два светила, двух планет светлей,
Как Млечный Путь, цветенье двух аллей.

Я там мечетей не сочту святых,
Смотрю с благоговением на них.

Там каждый хлеб, что бедным раздают,
Подобным солнцу люди назовут.

Там по утрам Корана каждый стих
Гремит, как хоры ангелов святых,

Там медресе, как медресе небес,
Ключи познанья и живых словес.

Строителям, сумевшим их создать,
Поистине присуща благодать.

Познанья жар в учениках горит,
У них учиться должен Утарит.

Возвышенные своды этих школ —
Как купола небесного престол.

Горит рассвет, блеснув из облаков,
В сверкающей эмали куполов.

И минареты дивной высоты
Красуются повсюду, как цветы.

Над ними пери легкие парят,
Обряд для нас неведомый творят.

Ты видишь — стая ангелов сошла
На их сверкающие купола.

Ты скажешь: минареты — строй колонн,
На коих трон аллаха утвержден.

На острых куполах серпы луны
Путь человека озарять должны.

Там муэдзин по лестнице крутой
Восходит ночью со своей свечой.

Движенье неба чередой полос
На куполах блестящих отлилось.

Мечети дивной красоты стоят,
Украшенные, как небесный сад.

Там голуби живут, как Джабраил,
Сложивший крылья у престола сил.

Войдя в мечеть, под исполинский свод,
Чистосердечно молится народ.

Пять раз на дню ты должен совершать
Намазы и пророка восхвалять.

Сады Герата! Каждый сад его
Прекраснее эдема самого.

И каждый сад — отрады полон он
Всем, кто трудом и зноем изнурен.

Там цветники всегда полны цветов,
Тропинки вьются между цветников.

Там шестигранные есть цветники
И восьмигранные есть цветники.

Там расцветает столько видов роз,
Что мне их сосчитать не удалось.

И садоводы знающие тут
Плодовые деревья берегут.

Вот так цветет, красуется Герат,
Земля услад, прекрасный сад отрад.

Там розы, обвиваясь вкруг ветвей,
Цветут среди мощеных площадей.

Там сотни птиц пернатых гнезда вьют
И день и ночь на сто ладов поют.

Журчанием арыков ночь полна,
Как пир отрадный бульканьем вина.

Журчанье вод и свежий шум ветвей
Велят на пир ночной созвать друзей.

Чертогами, пленяющими взгляд,
Художники украсили Герат.

На стенах роспись — чинские шелка,
В той росписи Мани видна рука.

А на твердыне замка сам Кейван,
Как страж, хранит Герат и Хорасан.

На юге город огражден рекой,
Она подобна небу синевой.

Взгляни на пузыри кипящих вод:
Любой из них, как бирюзовый свод.

А с севера — прозрачны и звонки —
Наш город орошают две реки.

Вода их вкусом слаще райских вод,
В них влагу жизни черпает народ.

Сады над ними, полные красы,
Под ветром шелестят, как речь Исы.

Предместья города среди садов —
Подобия цветущих городов.

Ни Самарканд с предместием любым,
Ни даже Миср богатый не сравним.

Продли, аллах, святого мира дни,
Герат от всех несчастий охрани!

Таким он не был двадцать лет назад —
Прекраснейший из городов Герат.

Столица и держава расцвели
По воле властелина сей земли.

Разумен, тверд во всех своих делах
Победоносный справедливый шах.

Ануширван — прославленный в былом —
Стал ныне бы его учеником.

Пусть в справедливости он преуспел,
Но светочем ислама не владел.

Закон, без света истины святой,
Негоден в управлении страной.

Забыто все... Лишь тем в столетьях жив
Ануширван, что был он справедлив.

Знай: справедливость громче славных битв
И выше догм, религий и молитв.

Султан, что справедливость утвердит,
Свой век бессмертной славой озарит.

Пока стоят земля и небосвод,
Пусть благоденствует любой народ.

Благоустраивай лицо земли,
Добру и справедливости внемли.

В твоих руках — народ и мир земной,
Не только этот — но и мир иной!

ГЛАВА LX

Рассказ о царе Бахраме

Когда из мира Язди-Джирд ушел,
Бахрам воссел на отческий престол.

Но вместо управления страной,
Он затевал вседневно пир горой.

Коль царь умеет только пить и спать,
Враги начнут державу разрушать.

Бахрам, в угодьях рыская степных,
Не видел горя подданных своих.

Его вазиры грабили казну
И разоряли славную страну.

Охотился Бахрам в глухих степях.
Отстала свита; заблудился шах.

Шалаш разрушенный увидел он,
Услышал чей-то тихий плач и стон.

Дом обвалился, словно дом души,
От всех таящей боль свою в тиши.

В стене торчали стрелы, след вражды,
Насилия или другой беды...

В руину царь вошел и видит в ней
Ограбленных, измученных людей.

Хозяин бедственной лачуги той
Принес Бахраму хлеб, кувшин с водой.

«Как ты живешь?» — спросил его Бахрам.
Ответил: «Как живу, ты видишь сам».

Бахрам сказал: «Всю правду мне открой,—
Что здесь случилось с ними и с тобой?»

Ответил: «Прежде лучше нам жилось,
Пока гонение не началось.

Наш новый царь вино беспечно пьет,
Не видит он, как мучится народ.

Царь спит, а слуги царские в тот час
Идут и грабят беззащитных нас.

Вся эта столь богатая страна
В пустыню мертвую превращена».

Руины замка увидал Бахрам,
Спросил: «Скажи, что прежде было там?»

Ответил: «Это был богатый дом,
Прекрасный сад старинный рос кругом.

Цвели там розы, зрели там плоды,
Журчал поток каризовой воды.

От тех живых неистощимых вод
У земледельца множился доход.

Насильники, что грабить нас взялись,
Разрушили, засыпали кариз.

Сады погибли, высохли поля,
Мертва неорошенная земля.

Край обезлюдел, рушатся дома,
Как будто здесь у нас прошла чума.

Сам погляди — что с этих взять людей?
А слуги шаха все лютей и злей.

Мы — нищие, все отняли у нас,
Нам нечем жить. Пришел последний час!»

Все понял шах: мучительным огнем
Душа, скорбя, воспламенилась в нем.

Меч состраданья грудь его терзал,
От горя ком под горло подступал.

От сердца прочь беспечность отошла,
Увидел ясно он все корни зла.

Решил он — притеснителей казнить,
Добро и справедливость утвердить.

Великую он в этом клятву дал...
Тут кто-то с вестью доброй прибежал:

«Как мы взялись раскапывать кариз,
Воды прозрачной струи полились!»

Хозяин молвил: «Милостив творец!
Видать, наш царь-пьянчужка наконец

Над нашим горем сжалился душой.
Вода! — К добру, наверно, знак такой!»

Встал царь, дикхана поблагодарил
И щедро всех несчастных одарил.

Он истребил насилие и гнет,
От лихоимства защитил народ.

И правда им была утверждена,
И снова расцвела его страна.

Великий шах живет — известно мне —
Заботой о народе и стране.

За то и раем Хорасан зовут,
Что люди в благоденствии живут.

* * *

Мой шах? Мечты да сбудутся твои!
Да будет радость в том и Навои!

Эй, кравчий, поспеши фиал налить,
Хочу достойно шаха восхвалить!

Душа моя скорбит, угнетена.
Я смою гнет живой водой вина.

ГЛАВА LXI

ДВАДЦАТАЯ БЕСЕДА

Наставление царевичу Бадиуззаману

ГЛАВА LXIII

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Когда я к этой книге приступил,
Почувствовав прилив духовных сил,

Я за живой водой пошел во тьму,
В страданиях, не зримых никому.

Я сталью острой очинил калам
И дал исход стремительным словам.

Страницы украшая, словно рай,
Тростник мой зазвучал, как звонкий най.

Звук, порожденный писчим тростником,
Пел, нарастал, взывая, как маком.

Приняв за пенье флейты этот звук,
Запел и заплясал суфийский круг.

Тот звук отшельничьих пещер достиг,
Всех девяти небесных сфер достиг;

Он поднял смуту среди толп людских,
Смятенье в сонме ангелов святых.

И праведники стали горевать
И вороты одежды разрывать.

И этой звонкой флейты перелив
Внимали пери, крылья опустив.

Под этот звук освободясь от мук,
Больные позабыли свой недуг.

Теперь, когда пленяющая взгляд
Красавица одета в свой наряд

И над землей, величия полна,
Взошла, как двухнедельная луна,

Стал виден весь Восток в ее лучах,
И смута на земле и в небесах

Вновь началась... Сломался пополам
Секретаря небесного калам.

Сокровищницы неба казначей
Слетел, кружась над головой моей.

Меня дождем бесценных жемчугов
Осыпал он из девяти ларцов.

Осыпал золотом и серебром
В великом расточительстве своем.

Как легкий вихрь кружился он, и пал.
И пыль у ног моих поцеловал.

Расставил он передо мной подряд
Сокровища, которыми богат.

Осыпал серебро моих седин
Рубинами неведомых глубин.

И стал я в удивленье размышлять,
Стал в размышленье душу вопрошать:

Ведь это все — написанное мной —
С моею жизнью сходственно самой;

Но это только тысячная часть
Того, над чем души простерта власть.

Пусть мой дастан достоинств не лишен,
Но как далек от совершенства он.

Он мыслями богат. Но где же строй?
В нем нет системы строгой и прямой.

Бывало — вдохновением дышу,
Но лишь двустиший десять напишу,

Зовут заботы; надо все бросать,
И некогда затылок почесать.

Как только тушь на небе голубом
Рассвет сотрет серпистым мышьяком,

И утро тьму ущелий, мглу и дым
Сметет лучистым веником своим,

И ночь знамена мрака унесет,
А день свой стяг багряный развернет,

И до поры, покамест этот стяг,
Склонясь к закату, не уйдет во мрак,

Покамест ночь наставшая опять
Не станет с сажей киноварь мешать,

Покамест над землею небосвод
Опять свои светила не зажжет,—

С рассвета до ночи душою всей
Я пленник жалоб множества людей.

Не остается ни мгновенья мне
Побыть с самим собою в тишине.

И кто в мой дом печальный ни придет,
Сидит и забывает про уход.

Тяжелый, долгий разговор ведут,
Сидят, пока другие не придут.

Толпится в доме множество людей,
Сжигая зданье памяти моей.

Задачи ставят, коих, может быть,
Никто не может в мире разрешить.

Прощенья просишь — дерзостью сочтут,
Все объяснишь — обиду унесут.

Будь с ними щедр, как небо, в их глазах
Любая щедрость только тлен и прах.

Тем, кто утратил в жадности покой,
Нет разницы меж каплей и рекой.

Все, что ты им даешь, они возьмут
И на тебя же с жалобой пойдут.

О, этот разнобой речей пустых!
Лишь алчность — чувство общее у них.

Будь ты могуч, как богатырь Рустам,
Будь ты безмерно щедр, как был Хатам,

Будь, как Карун, несметно ты богат,
Останешься пред ними виноват.

Хоть я от всяких служб освобожден,
Хоть я своей болезнью угнетен,

Но все же не решаюсь их прогнать,
А слушаю,— и должен отвечать.

Я в слабости души себя виню —
И все-таки докучных не гоню.

И это каждый день... в теченье дня
Пересыхает горло у меня.

Страдаю днем от глупости людей,
А ночью — от бессонницы моей.

И отдыха не суждено мне знать;
Урывками я принужден писать.

Прости погрешности стихов моих!
Мне было некогда чеканить их.

Мне сроки рой забот укоротил,
Свой замысел не весь я воплотил.

О, если б я, благодаря судьбе,
В день час иль два принадлежал себе,

То я не знал бы никаких препон,
Всецело в море мыслей погружен.

Я доставал бы перлы редких слов,
Ныряя в бездну, как жемчуголов.

Я добыл бы — силен, свободен, смел —
Сокровищ столько, сколько я хотел.

Я показал бы в наши времена,
Какою быть поэзия должна.

А так, возможно, тщетен был мой труд,
И звуки этих строк навек замрут...

Когда я так в печали размышлял,
Мне друг мой, светлый разумом, сказал:

«Что ты без сил склонился головой,
О воин справедливости святой?

Ты, честности пример среди людей,
Не поддавайся слабости своей!

Ты здесь достиг вершины красоты,
Но можешь высшего достигнуть ты.

Ты — языка творец — дерзай, твори!
Свободно крылья раскрывай, пари!

Твои созданья — редкостный товар,
И вся вселенная — его базар.

Звездой блистает этот твой дастан,
Молва о нем дошла до дальних стран.

Я «Украшением вселенной всей»
Зову творение души твоей.

Небесной милостью осенено,
Блистает шахским именем оно!»

О шах, твоею славой, как аят,
Динары справедливости звенят.

Согнулось небо пред тобой кольцом;
И солнце — как твоя печать — на нем.

Как я могу хвалу тебе слагать?
Пылинке среди звезд не заблистать.

И капля меру знать свою должна,
Не может океаном стать она.

Но то, что высшей волей суждено,
Да будет человеком свершено.

Сгорел в огонь влетевший мотылек,
К огню не устремиться он не мог.

Несчастный сумасшедший — для детей
Посмешище, мишень для их камней.

Подобьем тех камней, того огня,
Поэзия, ты стала для меня.

Хоть в мире слов свободно я дышу,
Но нет мне пользы в том, что я пишу.

И мысль меня преследует одна,
Что эта страсть опасна и вредна;

Поэзией зовется эта страсть,
И горе тем, кто предан ей во власть.

Нижи газель, как жемчуг; но лишь те
Поймут ее, кто чуток к красоте.

За истину в ней выдается ложь,
И скажут все: «Как вымысел хорош!»

Кто был стихописаньем увлечен,
Мне кажется, что жил напрасно он.

Да лучше в погребке небытия
За чашей бедности сидел бы я!

Сумел бы от мирских тревог уйти
И думал бы о будущем пути!

Когда бы зной степной меня палил,
Я кровью сердца жажду б утолил...

Платил бы я на пиршествах ночных
Динарами телесных ран моих.

Меня бы одевала пыль пустынь,
Я не желал бы лучших благостынь.

Зонтом от солнца плеч не затеня,
Упорно к цели гнал бы я коня.

Была б в ягач моих шагов длина,
Моим венцом была бы седина.

Я шел бы, к цели устремлен одной,
Не чувствуя колючек под ногой.

Все бренные заботы разлюбя,
Я перестал бы сознавать себя.

И был бы царский жемчуг слез моих
Приманкой птицам далей неземных.

И рана скорби на груди моей
Была б святыней страждущих людей.

Кровавые мозоли пят моих
Дороже были б лалов дорогих.

Из каждой капли крови этих ран
В долине бед раскрылся бы тюльпан.

Я искрами моих горящих мук
Степной простор осыпал бы вокруг.

И как весною, снова б зацвели
Пески пустынной, выжженной земли.

Когда бы я дорогой ослабел
И отдохнуть немного захотел,

Везде мне место — лечь, забыться сном,
Везде мне небо — голубым шатром,

Предгорий луг ковром служил бы мне,
А изголовьем камень был бы мне.

Едва прохлада сменит жаркий день,
Я лег бы на землю легко, как тень.

К моим ногам, измученным ходьбой,
Фархад склонился б и Меджнун больной.

И были бы ланиты их в крови
От сострадания к моей любви;

Хоть ни пред кем я не взывал о ней,
Не плакал о возлюбленной моей.

И поняли бы вдруг, изумлены,
Два призрака глубокой старины,

Что в области любви властитель — я,
Что на века над ними — власть моя.

...Когда б такой я степени достиг
И стал душой в страданиях велик —

Весь мир, подобный радостной весне,
Прекрасный мир зинданом стал бы мне!

Тогда б сурьмою пыль моих одежд
Была для ангельских пречистых вежд,

И мне любовь моя и божество
Открыла б солнце лика своего,

И жители небес, как стая птиц,
Кружась пред нею, падали бы ниц...

...И устремил свой взор духовный я
Поверх небытия и бытия.

Решил бесстрашно, как Сейид-Хасан,
Преодолеть сей бурный океан.

Меня душа, как птица, ввысь влекла,
К земле тянули низкие дела.

Вело веленье духа в райский сад,
А низменная страсть бросала в ад.

Лик этой страсти ангельски красив,
Но в ней слились в одно шайтан и див

И, каждый миг бесчисленно плодясь,
Над слабым сердцем утверждают власть.

Когда умножится зловещий рой,
Всецело овладев живой душой,

То человек, о правде позабыв,
Становится коварным, злым, как див.

Так говорю я, ибо я и сам —
Увы! — подвластен гневу и страстям.

Во имя бога вечного, душа,
Воспрянь, опору зла в себе круша!

Во власти этих дивов я томлюсь,
Великой кары в будущем страшусь.

Мой обиход — коль правду говорить —
Так плох, что хуже и не может быть.

А жизнь души нерадостной моей
Еще печальнее и тяжелей...

Пусть даже слез я океан пролью,
Грудную клетку превращу в ладью,

Но выплыть мне не даст в ладье такой
Гора грехов — огромный якорь мой.

Я внешне человек, но — видит бог,
Как я от человечности далек...

Меня — изгнанника — от Солнца Сил
Поток тысячелетий отделил...

Вот мудрецы беседуют в ночи —
В своих речах они прямей свечи.

Но змеи зависти в душе их те ж,
От бури злобы в сердце их мятеж.

И я, как все, вместилище страстей
И недостоин похвалы людей.

«Защитником народа» я слыву,
Гласит молва, что правдой я живу.

Слыву «плененным вечной красотой»,
Безгрешным и глазами и душой.

Соблазн гоню от глаз... Но как в тиши
Осилю вожделения души?

Погибну, коль на помощь не придешь,
Коль сам меня ты, боже, не спасешь!

Всю жизнь мою, все прошлые года
Я вспоминаю с мукою стыда.

А весь мой труд — калам, бутыль чернил,
Всю жизнь свою бумагу я чернил...

Калам речистее, чем мой язык,
Письмо чернее, чем мой темный лик.

Коль милостью их не омоешь ты,
Как им избавиться от черноты?

Длинна, я вижу, цепь моих стихов;
Стократ длиннее цепь моих грехов.

О господи, раба не осуди!
Меня над гранью бездны пощади,

Коль хорошо сложил дастан я свой!
А если плохо — то я весь плохой.

Благоволеньем озари мой труд,
Пусть эти строки сердца не умрут,

И пусть глубины мысли в книге сей
Откроются, сияя, для людей!

Велик мой грех. Но что весь груз его
Пред морем милосердья твоего?

Пусть добрых дел моих ничтожен след,
Но милости твоей предела нет!

РАССКАЗ О РАБЕ

Жил, знаменитый правосудьем встарь,
В одной стране великодушный царь.

Раб у него был верный, пазанда,
Великий повар, славный в те года.

Однажды царь с гостями пировал,
А повар сам все блюда подавал.

И в спешке вдруг, усердием горя,
Горячим блюдом он облил царя.

И все решили: нет прощенья тут,
За грех такой его теперь убьют.

Шах глянул на несчастного того
И сжалился и пощадил его.

Вазир сказал: «Ответь, владыка мой,—
Как ты миришься с дерзостью такой?»

А царь в ответ: «Взгляни — он весь дрожит,
Он страхом и смущением убит.

А ведь убитого — ты должен знать,
Не принято повторно убивать.

Он тягостным раскаяньем томим,
И мы его невольный грех простим!»

О боже, мир падет, хвалу творя,
К стопам великодушного царя.

Я трудно жил, в грехах свой век губя,
Но жив одной надеждой на тебя!

Измучен я, казнен моим стыдом,
Но ты за муки воздаешь добром.

Хоть недостоин я твоих щедрот,
Но свет моей надежды не умрет.

О море щедрости! Кто я такой?
Из моря хватит капли мне одной.

Я знаю — только с помощью творца
Довел я эту книгу до конца.

И я «Смятеньем праведных» назвал
Свой труд, как только суть его познал.

Пишу в благословенный восемьсот
Восемьдесят восьмой — по хиджре — год.

Ты, переписчик будущего дня,
Молитвой краткой помяни меня!

И да исполнит бог мечту твою,
Да уготовит сень тебе в раю.

* * *

О Навои, вина теперь налей
И чашу благодарности испей.

Эй, кравчий мой, хранитель чистых вин,
Не надо чаши! Дай мне весь кувшин.

Сегодня я без меры пить хочу,
На время сам себя забыть хочу!

ПЕРЕВОД Л. ПЕНЬКОВСКОГО

ВСТУПЛЕНИЕ К ПОЭМЕ

О КАЛАМЕ, О НИЗАМИ, О ХОСРОВЕ

Калам! Ты нашей мысли скороход.
Превысил ты высокий небосвод.

Конь вороной воображенья! Нет,—
Быстрей Шебдиза ты, но мастью гнед.

Неутомим твой бег, твой легкий скок,
А палец мой — державный твой седок.

Гора иль пропасть — как чрез мост, несешь.
Ты скачешь — и, как знамя, хвост несешь.

Нет, ты не конь, а птица-чудо ты:
Летать без крыльев можешь всюду ты.

Из клюва мелкий сыплешь ты агат.
Нет, не агат,— рубинов щедрый град!

Сокровищницу мыслей носишь ты,
О птица человеческой мечты!

Так рассыпал сокровища в стихах
Тот, чей в Гяндже лежит священный прах.

Он мир засыпал жемчугом своим,—
Как звезды, жемчуг тот неисчислим.

Но не растопчет грубая нога
Великого гянджинца жемчуга.

В ушах людей играет жемчуг тот,
Но, как серьга, он в грязь не упадет:

Сквозь ухо проникая в глубь сердец,
Обогащает сердца он ларец.

Нет! Жемчуг тот — по сути говоря —
Наполнить может до краев моря

Так, чтоб его веками черпал всяк
И чтоб запас жемчужный не иссяк.

Кого с тобой в сравненье ни возьми,
Никто тебе не равен, Низами!

А впрочем, был среди людей один —
На Инде певший соловей один.

Не соловей, а Хызр. Ведь знаем мы:
Был Индустан ему страною тьмы,

А речь была той звонкой, той живой
Им найденной во тьме водой живой.

Но на ристалище со мной не он,—
Я с Низами бороться принужден.

Рукой схватив такую «Пятерню»,
В руке надолго ль силу сохраню?

У всех трещали пальцы до сих пор,
Кто с Низами вступал в подобный спор.

Быть надо львом, чтоб рядом сесть со львом,
Тем более чтоб в драку лезть со львом.

Иль не слоном таким же надо быть,
Чтоб с хоботом слоновым хобот свить?

И мушка хоботком наделена,
Но муха не соперница слона.

А предо мной слоны: гянджинский слон
Поистине — он исполинский слон!

Да и второй — не столь гигантский слон,
Но слон, однако, индустанский слон!

Обоих ты в молитвах помяни,
Обоих милосердьем опьяни.

Побольше мощи Навои прибавь —
И рядом с ними ты его поставь!

* * *

Эй, кравчий, видишь, как смятен мой дух,—
Налей две чары в память этих двух!

За них две чары эти осушу,
А за Джами я третью осушу!

О ДЖАМИ

Хосров и Низами — слоны, но нам
Предстал Джами, подобный ста слонам.

Вино любви он пьет и меж людьми
Прославился, как Зиндепиль, Джами.

Вином единства также опьянен
И прозван Зиндепиль-Хазратом он.

Он чашу неба выпил бы до дна,
Будь чашею познания опа.

Плоть в духе утопив, Джами велик,—
Скажи, что он великий материк.

Нет,— целый мир! Но как вообразить,
Что точка может мир в себе носить?

Он макрокосмом, а не миром стал!
Для двух миров Джами кумиром стал.

В убогий плащ дервиша он одет,
Но богача такого в мире нет.

Бушующее море мысли в нем.
А жемчуга ты и не числи в нем!

Жемчужин столько, сколько скажет слов.
В каком же море столь богат улов?

Дивись его словам, его делам:
Смотри — возник из пенных волн калам!

Тростник морской! Тут чудо не одно:
Что сахар в тростнике — не мудрено,

Но чтоб ронял жемчужины тростник,
Таких чудес один Джами достиг!..

Я, Навои, навек слуга Джами.
Дай сахар мне, дай жемчуга Джами:

Тем сахаром уста я услащу,
Тот жемчуг в самом сердце помещу.

* * *

Эй, кравчий! Понимай слова гуляк!
Пусть первым пьет Джами — глава гуляк!

Пусть небо превратится в пиалу —
Я буду пить и петь Джами хвалу!

ПОЯСНЕНИЕ К ПОЭМЕ

Пред тем как мне на высях этих гор
Звездою счастья постлан был ковер,

То место ангел подметал крылом
И слезы звезд опрыснули потом.

И сердце здесь покой себе нашло,
Склонило небо предо мной чело.

Приглядываясь к моему листу,
Приобрело здесь утро чистоту.

И вечер приобрел свой цвет чернил,
Когда калам свой кончик зачернил.

Когда же я калам свой заострял,
Меркурий все очинки подбирал.

Калам испытывать я стал теперь,
А счастье в этот миг открыло дверь.

Войдя, оно приветствует меня,
Вином благословения пьяня:

«Бог да узрит старания твои,
Да сбудутся желания твои!

Высок айван, прекрасен тот узор,
На коем ты остановил свой взор.

Ты на вершине. Прах берешь простой
И превращаешь в слиток золотой.

Роняешь каплю пота — и она
В жемчужину тобой превращена.

Кто пьет великодушья чару, тот
Искомое в той чаре обретет.

Орел высокогорный никогда
Не замечает низкого гнезда.

И Алтаир — сияющий орел —
Меж звездами свое гнездо обрел.

Взлетит повыше мошек дерзкий рой —
И слон бессилен перед мошкарой.

Дом живописью украшать решив,
Так выстрой дом, чтоб сам он был красив.

Пусть рифма у тебя в стихе звонка,
Пленительно преданье, мысль тонка,

Но вникни в летописи давних лет —
В их повестях ты клад найдешь, поэт.

Ты, может быть, еще откроешь клад,—
Что пропустил предшественника взгляд,

И этот клад народу предъяви,
Чтоб стал достоин ты его любви.

А подражать другим певцам — к чему?
Дам волю изложенью своему.

Коня гонять чужим коням вослед —
Ни наслажденья, ни почета нет.

На той лужайке, где не первый ты,
Как соберешь ты лучшие цветы?

Ведь не одна лужайка в цветнике,
А ты не попрошайка в цветнике...»

Была мудра его благая мысль,—
Запала в сердце мне такая мысль.

Я стал раздобывать со всех сторон
Бытописания былых времен.

И награжден за то я был вполне:
Что нужно было, то открылось мне.

Нашел я много в них жемчужин-слов,
Наполнил чару мысли до краев.

Я этот жемчуг миру покажу,
Когда на нити бейтов нанижу.

Предшественники! Черпали вы здесь,
Но ценный жемчуг не исчерпан весь.

Бездонно море слов! Никто из нас
Не может истощить его запас.

И даже я, беспомощный ловец,
Нырнувший в это море, наконец,

Успел собрать столь драгоценный груз,
Что им теперь по праву я горжусь...

И вот что я по совести скажу,
Об этой старой повести скажу:

Да, сладок и поныне хмель ее,
И так же неизменна цель ее:

Людей любви запечатлеть следы —
Их судьбы, скорби, подвиги, труды.

Но все, кто прежде эту чашу пил,
Душой на стороне Хосрова был.

Его превозносили до небес:
Мол, все дела его — дела чудес;

Мол, таково могущество его,
И царство, и имущество его;

Таков, мол, конь его Шебдиз, таков
Несметный клад, что захватил Хосров,

И, мол, Шапур был шаху лучший друг
И тешил сказками его досуг;

Мол, наслаждался шах по временам
Халвой Шекер, шербетом Мариам,

Но, мол, сей благородный властелин
Высокую любовь питал к Ширин.

Конечно, шах не знал забот и нужд,
Далек от горя был, печали чужд...

Хосрова так усердно восхвалив
И лишь ему вниманье уделив,

Все посвящали до сих пор, увы,
Фархаду лишь одну иль две главы:

Мол, горец он, каменолом простой,—
Ширин его пленила красотой,

И ради встречи с ней Фархад решил
Свершить огромный труд — и совершил.

Но шах Хосров большим ревнивцем был,
И он Фархада бедного убил...

Хоть изложенья лишь такой узор
Поэты признавали до сих пор,

Но каждый столько редких жемчугов
Искусно нанизал на нить стихов,

Что мудрости взыскующий — смущен,
О мастерстве тоскующий — смущен.

Я их читал в волнении таком,
Что горевал над каждым их стихом,

И понял, что гораздо больше их
Мне суждено страдать в трудах моих.

Свернуть на путь иной пришлось тогда:
Вот она, повесть горя и труда.

Не жемчуга и не рубины в ней,—
Кремень! Хоть он и груб, зато прочней.

Хотя на вид рубин — кусок огня,
Но искру высекают из кремня.

Нет, не кремень, а кремневой хребет.
Гряда скорбей, крутые горы бед!

На них — Фархад... Куда же убегу?
Как отвернуться от него могу?

Я сам любовной скорбью угнетен,
Бродить в горах печали осужден.

Настроив сердце на печальный лад,
Создам я повесть о тебе, Фархад.

Нет, о тебе и о Ширин! О вас
Я поведу печальный свой рассказ...

Тот златоуст — великий сын Гянджи,
Чье имя перешло все рубежи,

Кто повести впервые строил дом,
Сказал, что был Фархад каменолом.

Когда же индустанский чародей
Сей повестью пленил сердца людей,

Он, сути не меняя основной,
На многое нанес узор иной.

Его Фархаду дан был царский сан:
Его отцом китайский был хакан...

А я, ведя иначе войско слов,
Поход повел сначала, как Хосров:

Слова начала людям по душе,
Когда они знакомы им уже.

«Алиф» у веры отними — она
Из милосердья в зло превращена.

Мы в солнце видим золото. Заметь:
«Шин» отпадет — и остается медь.

* * *

Подай мне, кравчий, яркую свечу,—
Не свет свечи, свет солнца я хочу!

Едва лишь солнце горы озарит,
Я, как Фархад, начну дробить гранит.

ГЛАВА XII

РОЖДЕНИЕ ФАРХАДА

Скорбь бездетного китайского хакана.
Рождение наследника.
Тайная печать судьбы.
Ликование старого хакана.
Торжества в Китае

Товар китайский кто облюбовал,
Тот так халат цветистый расшивал.

* * *

Да, красотой своих искусств Китай
Пленяет мир и обольщает рай!..

Был некогда в Китае некий хан,
Не просто хан,— великий был хакан.

Коль этот мир и тот соединить,
Я знал бы, с чем его страну сравнить.

Был до седьмого неба высотой
Хаканский трон роскошный золотой.

Звезд в небесах, а на земле песка
Нам не хватило б счесть его войска.

Таких богатств не видел Афридун,
Казался б нищим перед ним Карун.

Завоеватели пред ним — рабы,
Сдают ему владенья, гнут горбы.

Как океан, как золотой рудник,
Он был богат и щедрым быть привык.

Нет, рудником глубоким не был он,—
Был солнечным высоким небом он.

Его взыскав, ему давало все
Судьбы вертящееся колесо;

Как никого, прославило его,
Единственным поставило его,

Единственным настолько, что ему
И сына не давало потому.

Венцом жемчужным обладает он,—
О жемчуге другом мечтает он.

В саду его желаний — роз не счесть,
Но есть одна — о, если б ей зацвесть!

Он, льющий свет на этот мир и тот,
Сам будто в беспросветной тьме живет.

Он думает: «Что власть, хаканство? Нет,
Я вижу: в мире постоянства нет.

И вечности дворец — не очень он
Высок, пожалуй, и непрочен он.

И чаша власти может быть горька.
И человек, процарствуй хоть века,

Чуть он хлебнет вина небытия,
Поймет все то, что понял в жизни я.

Хакан, чей трон, как небосвод, высок,
Бедняк, чей кров — гнилой кошмы кусок,—

Обоих время в прах должно стереть:
Раз ветвь тонка, то ей не уцелеть...

Ты смотришь в небо тщетно, властелин,—
Где жемчуг твой заветный, властелин?

Без жемчуга — какой в ракушках прок?
Хоть океан безбрежен и глубок,

Но жемчуга лишенный океан —
Что он? Вода! Он, как хмельной буян,

Бессмысленно свиреп, шумлив и груб,
Лицо — в морщинах, пена бьет из губ.

Хоть тополь и красив, но без плодов,—
Он только топливо, охапка дров.

От облака — и то мы пользы ждем,
Оно — туман, коль не кропит дождем.

Огонь потух — в том нет большого зла:
Раздуешь вновь, пока хранит зола

Хоть уголек, хоть искорку... А я...
Ни искрой не блеснет зола моя.

Я море безжемчужное, скажи,
Что я стоячий пруд,— не будет лжи.

Владыка я, но одинок и сир.
И лишь покину этот бренный мир,

Чужой придет топтать мои ковры,
Чужой тут будет пировать пиры,

Ласкать красавиц, отходить ко сну,
Развеивать, как пыль, мою казну,

Сокровища мои он распродаст,
И всю страну войскам врага предаст,

И клеветой мою обидит тень,
В ночь превратит моих желаний день.

Бездетен я — вот корень бед моих.
Страдать и плакать сил уж нет моих.

О господи, на боль мою воззри —
И отпрыском закат мой озари!..»

В мечтах о сыне ночи он не спал,
Он жемчуг слез обильно рассыпал.

Чтоб внял ему всевышний с высоты,
Давал обеты он, держал посты,

Он всем бездетным благодетель был,
Для всех сирот отец-радетель был.

О, предопределения перо!
Забыл хакан, что, и творя добро,

Ни вычеркнуть, ни изменить твоих
Нельзя предначертаний роковых.

Ждет человек успеха, но — гляди —
Злорадствует помеха впереди.

Не зная, радость, горе ль пред тобой,
Не стоит спорить со своей судьбой.

Хакан с ней спорить не хотел, не мог,—
Но он молился — и услышал бог...

* * *

Иль новый месяц так взошел светло?
Не месяц — солнце новое взошло.

Не солнце — роза. Но ее не тронь:
Не роза расцвела — возник огонь.

О, не подумай, что огонь так жгуч:
То вспыхнул скорби неуемной луч...

Едва младенец посмотрел на свет,
Судьбою был ему на перст надет

Печали перстень, и огнем пылал
В его оправе драгоценный лал.

Не сердце получил младенец,— он
Был талисманом горя наделен,

И просверлил нездешний ювелир
Свое изделье, выпуская в мир.

В его глазах — туман грядущих слез,
В его дыханье — весть гнетущих грез,

Печать единолюбия на лбу
Предсказывала всю его судьбу.

Сказало небо: «Царь скорбящих он».
Сказал архангел: «Царь горящих он».

Хан ликовал. Он стал настолько щедр,
Что море устыдил и глуби недр.

Издал хакан указ: дома должны
Шелками, по обычаю страны,

Так быть украшены, чтоб уголка
Не оставалось без шелков... Шелка —

Узорные, тяжелые, пестрят,
Украсили за домом дом подряд.

Китай разубран, разрисован весь,
Народ ликует — он взволнован весь.

В те дни народ мог делать, что хотел,
Но нехороших не случилось дел.

С тех самых пор, как существует мир,
Нигде такой не праздновался пир.

Все скатерти — не меньше неба там,
Как диски солнца, были хлебы там.

Снял с землепашцев, как и с горожан,
За пятилетье подати хакан.

Народ в веселье шумном пребывал,
И караван невзгод откочевал

Из той страны китайской, и она —
Счастливейшая среди стран страна:

Нет ни морщинки на ее чертах,
А если есть кой-где, то в городах...

* * *

И мне хоть кубок выпить, кравчий, дай
Той красной влаги, что на весь Китай

Лилась рекой на щедром том пиру,
Чтоб вдохновиться моему перу!

ГЛАВА XIII

ВОСПИТАНИЕ ФАРХАДА

Кто и почему назвал младенца Фархадом?
Физическое и умственное развитие Фархада.
Учитель царевича. Успехи в науках.
Успехи в рыцарских доблестях.
Характер Фархада. Любовь народа к Фархаду

Хакана сыном наградил творец,
Наградой осчастливлен был отец.

* * *

И стал хакан раздумывать, гадать,
Какое бы младенцу имя дать:

От блеска красоты его — Луне
Прибавлен блеск и Рыбе в глубине.

С царевичем (так было суждено)
И счастье государства рождено.

Хакан подумал: «В этом смысл найди:
Блеск — это «фарр», а знак судьбы — «хади».

Так имя сыну дал хакан: Фархад...
Нет, не хакан,— иные говорят,

Сама любовь так нарекла его,
Души его постигнув естество.

Не два понадобилось слова ей,—
Пять слов служило тут основой ей:

«Фирак» — разлука. «Ах» — стенаний звук,
«Рашк» — ревность, корень самых горьких мук,

«Хаджр» — расставанье. «Дард» — печали яд.
Сложи пять первых букв, прочтешь: «Фархад».

Как золотая клетка ни блестит,
Однако птица счастья в ней грустит.

Пышна Фархада колыбель, но в ней
Все плачет он, тоскует с первых дней.

Невеста небосвода день и ночь
С него очей не сводит: чем помочь?

Десятки, сотни китаянок тут,
Как соловьи сладчайшие, поют,

Но в нем печаль, какой у детства нет,—
Навеять сон Фархаду средства нет!

Кормилица ему давала грудь —
К соску ее он не хотел прильнуть,

Как тяжелобольной, который в рот
И сладкий сок миндальный не берет.

Другою пищей дух его влеком,
Другим Фархад питался молоком:

То — молоко кормилицы любви,—
Ему в духовной вылиться любви.

Фархад особенным ребенком рос:
Как муравей питаясь, львенком рос.

В год — у него тверда была нога,
В три — не слова низал, а жемчуга,

И речь его не речью ты зови,—
Зови ее поэмою любви.

В три года он, как в десять, возмужал,
Все взоры этим чудом поражал...

Отец подумал, что пора начать
Наследника к наукам приобщать.

Учителя нашел ему хакан,
Чьи знания — безбрежный океан,

Кто так все тайны звездных сфер постиг,
Что в них читал, как по страницам книг,

И, на коне раздумья вверх несясь,
Все отмечал, все приводил он в связь;

Хотя и до него был разделен
На много клеток небосвод, но он

Так мелко расчертил его зато,
Что небо превратилось в решето.

И если мудрецам видны тела,
То телом точка для него была.

Постиг он все глубины естества,
И математики, и божества.

Был в Греции он, как философ, чтим,—
Стал Аристотель школьник перед ним...

Сказал мудрец Фархаду: «Полюби
Науку с корешка — от «Алиф-Би».

«Алиф» воспринял как «алам» Фархад,
«Би» как «бела» истолковать был рад.

Тот день был первым днем его побед,—
Он в первый день освоил весь абджед.

Умом пытлив и прилежаньем рьян,
Он через год знал наизусть Коран.

Знал все построчно, постранично он,
Ни слова не читал вторично он.

Но, раз прочтя, все закрепит в мозгу,
Как бы резцом наносит на доску...

И лишь когда он про любовь читал,
Он те страницы вновь и вновь читал,

И чувствовал себя влюбленным сам,
И предавался грусти и слезам;

И если так влюбленный горевал,
Что ворот на себе в безумстве рвал,

То и Фархад проклятья слал судьбе,
Безумствовал, рвал ворот на себе.

Не только сам обидеть он не мог,—
Ничьих страданий видеть он не мог.

Всегда душой болея за других,
Он, как мудрец, был молчалив и тих.

Отца он в размышления поверг,
У матери — в печали разум мерк.

Хан утешал: «Все дети таковы».
Мать плакала: «Нет, только он, увы!»

Ах, не могли они его судьбу
Прочесть на этом скорбном детском лбу!

Когда Фархаду стало десять,— он
Во многих был науках искушен,

И в десять лет имел такую стать,
Какой и в двадцать не дано блистать.

Все знать и все уметь хотел Фархад.
Оружием наук владел Фархад,

Оружием отваги — силой сил —
Теперь он также овладеть решил,

И не остался пред мечтой в долгу:
В кольцо сгибал он радуги дугу,

Соединять ее концы он мог,
Соединяя Запад и Восток.

Тупой стрелой он мог Арктур пронзить,
А острой мог зенит он занозить;

Планету Марс он на аркан ловил,
Созвездью Льва хребет он искривил;

Он выжал воду из созвездья Рыб;
Он шестопером семь бы сфер прошиб.

Со скоростью круженья сфер — свое
Умел меж пальцев он вращать копье

Так, что казалось — он прикрыт щитом,
Полнебосвода им затмив притом.

Он горы так умел мечом рассечь,
Что прорубал в горах ущелья меч.

И пусть гора одета сплошь в гранит,—
Навек прорехи эти сохранит.

Под палицей его Альбурз бы сам
Взлетел мельчайшим прахом к небесам.

Когда б он руку Руин-Тену сжал,
И Руин-Тен, как мальчик бы, визжал.

Но хоть ученым он прослыл большим
И был, как богатырь, несокрушим,

Он скромен был, как новичок, едва
По буквам составляющий слова.

Он силой не хвалился никогда,
Ни в чем не заносился никогда,

И равнодушен к власти, он скорей
На нищенство сменил бы власть царей.

Он сердцем чист был и очами чист,
Всем существом, как и речами,—чист,

Чистейшее на свете существо!
И весь Китай боготворил его,

И чуть прохладный дунет ветерок,
Молились все, чтоб бог его берег,

И каждый достоянья своего
И жизни бы лишился за него!

А чтоб не знал ни бед, ни горя он,
Чтоб никакой не ведал хвори он,

Хан щедро подаянья раздавал,
Что день, то состоянья раздавал.

Фархад достиг четырнадцати лет,
Но боль в душе носил, как амулет...

* * *

Вина печали нам подать изволь,
Чтоб заглушить в душе печали боль:

Пока беда не занесла свой меч,
Пусть пир шумит, а мы продолжим речь.

ГЛАВА XIV

ОБРЕЧЕННОСТЬ ФАРХАДА

Юность. Врожденная скорбь.
Страстное влечение к рассказам о несчастной любви.
Старания хакана развеселить сына.
Искусство чародеев. Дворец Весны.
Дворец Лета. Дворец Осени.
Дворец Зимы. Вазир Мульк-Ара

Тот зодчий, что такой дворец возвел,
В нем все предусмотрел и все расчел.

* * *

Любовь сказала: «Мной Фархад избран,—
Румянец розы превращу в шафран».

На стройный стан его давя, печаль
Решила изогнуть «Алиф», как «Даль».

Клялась тоска: «Он мной заворожен,—
Из глаз его навек похищу сон!»

Мечтала скорбь: «Разрушу я потом
До основанья этот светлый дом...»

Хоть замыслов судьбы предречь нельзя,
Но не заметить их предтеч — нельзя:

Готовя нам злодейский свой удар,
В нас лихорадка зажигает жар;

Пред тем как осень оголит сады,
Шафранный яд уже налит в сады;

Кому судьба грозит бедой большой,
Тот омрачен заранее душой;

Хотя пиров не избегал Фархад,
Но в сладость их тоска вливала яд.

Он пьет розовоцветное вино,—
Не в сласть ему, заметно, и вино.

И музыка звучит со всех сторон,—
И музыкой Фархад не ободрен.

Не веселит ни песня, ни рассказ,
Ничто не радует ни слух, ни глаз.

А если в грустных месневи поют
О двух влюбленных, о любви поют,—

Иль о Меджнуне вдруг заговорят,—
В слезах, горюя, слушает Фархад...

Отец вздыхал: «Что это значит все?
Что сын тоскует, что он плачет все?

Иль мой Китай совсем безлюден стал?
Иль он диковинами скуден стал?

Иль девушки у нас нехороши,
Жасминогрудые, мечта души?

Иль нет у нас искусных штукарей,
Что чудеса творят игрой своей:

Из чаши неба достают мячи,
Проглатывают острые мечи;

Стянуть умеют мастера чудес
Фигуру с шахматной доски небес.

Во тьме ночной умеют вызвать день,
День затмевают, вызвав ночи тень;

Черпнут воды ладонью — в ней огонь,
Черпнут огонь — полна воды ладонь;

На паутинке держат тяжкий груз,
Меняют вид вещей и пищи вкус,

И делают иные чудеса,
В смущенье приводя и небеса...»

О чародеях вспомнив, с той поры
Хакан их приглашал на все пиры.

Царевича их мастерство влекло,
Опо в нем любопытство разожгло,

И стал следить за их работой он,
Вникал во все с большой охотой он,

Постиг все тайны их волшебных дел
И, наконец, к ним также охладел.

Да, свойство человека таково:
Все недоступное влечет его,

Для достиженья не щадит он сил,
Но лишь достиг желанного — остыл...

Когда хакан увидел, что Фархад
Уже всем этим радостям не рад,

Он призадумался и духом пал:
Казалось, он все средства исчерпал.

Но нет,— придумал! О, любовь отца!
Четыре будет строить он дворца:

«Четыре времени имеет год,—
Для каждого дворец он возведет.

Пусть в них живет поочередно — пусть
В них навсегда Фархад забудет грусть,

И каждый раз, живя в дворце ином,
Иным пусть наслаждается вином.

Каков дворец — таков при нем и сад,—
Там розы самоцветами висят.

Дворцу весны, приюту нежных грез,
Приличествует цвет весенних роз,

Пленяет зелень летом нам сердца,—
Зеленый цвет — для летнего дворца.

Ты так его, строитель, сотвори,
Чтоб садом был снаружи и внутри.

А третьему чтобы нашел ты цвет,
Как осени шафранно-желтый цвет.

И золотом его щедрей укрась,
Чтоб с осенью была полнее связь.

Дворец четвертый для зимы построй,
Чтоб спорил белизною с камфарой,

Чтоб он сверкал, как горный лед, как снег,—
Дворец для зимних радостей и нег!

Когда же все четыре завершим,—
Невиданное в мире завершим.

Земных сравнений им не выбирай,—
В любой дворец Фархад войдет, как в рай,

В Китае соберу со всех концов
Красавцев и красавиц для дворцов,—

Гилманов, гурий поселю я там,
Наследника развеселю я там.

Скорей представь нам, зодчий, чертежи,—
Всю мудрость, дар свой, душу в них вложи.

И тотчас же ремесленных людей
Мы соберем по всей стране своей,

Чтоб каждый в дело все искусство внес,
Будь живописец иль каменотес,—

Чтоб вытесать побольше плит могли б
Из каменных разнопородных глыб,

Дабы из них полы настлать потом
Иль выложить дворцовый водоем;

Картины пусть нам пишут для дворцов,
Пусть шелком нам их вышьют для дворцов,

Чтоб каждый миг, куда б ни бросил взгляд,
Искусством развлекаться мог Фархад.

Покуда же последний из дворцов
Не будет окончательно готов,

Мы также сыну не дадим скучать:
Фархад ремесла станет изучать,

И, чем трудиться больше будет он,
Тем скорбь свою скорей забудет он...»

Хакан повеселел от этих дум.
Но одному трудней решать, чем двум.

Был у него один мудрец-вазир,
Прославленный на весь китайский мир.

Благоустроен был при нем Китай,
Украшен был его умом Китай.

Велик вопрос был иль ничтожно мал,
Шах только с ним дела предпринимал.

Вазиру имя было Мульк-Ара.
Он был душой хаканского двора,

Он преданнейшим человеком был,
Он при Фархаде атабеком был,

И за Фархада, как родной отец,
Скорбел немало тот вазир-мудрец.

И в этот раз хакан послал за ним —
И поделился замыслом своим.

И тот сказал хакану: «Видит бог,
Мудрей решенья ты найти не мог.

Скорей за дело, чтоб Фархад не чах...»
И дело все ему доверил шах.

И Мульк-Ара, душой возликовав,
Перед хаканом прах поцеловав,

Ушел и дома стал вести учет
Припасов, средств, потребных для работ...

* * *

Подай мне, кравчий, чистого вина,—
Постройки роспись вся завершена.

Не вечны и небесные дворцы,
Что ж наши легковесные дворцы?!

ГЛАВА XV

СТРОИТЕЛЬСТВО ДВОРЦОВ

Выбор места. Приглашение мастеров.
Зодчий Бани. Художник Мани.
Мастер каменных дел Карен.
Строительство. Приезд царевича.
Фархад увлечен искусством Карена

ГЛАВА XVI

ОТДЕЛКА ДВОРЦОВ

Обучение у каменотеса Карена.
Тайна закалки горных орудий.
Изучение живописи. Отделка дворцов.
Гурии во дворцах. Бассейны с вином.
Награждение строителей.
Заготовка пиршественных припасов

ГЛАВА XVII

ПИРЫ ВО ДВОРЦАХ

Весенний пир. Летний пир.
Осенний пир. Зимний пир.
Конец пирам. Снова роковая скорбь.
Отчаяние хакана

ГЛАВА XVIII

ХАКАН ПРЕДЛАГАЕТ ФАРХАДУ СВОЙ ТРОН

Размышления хакана о сыне.
Что в дервише достоинство — то в правителе порок.
Мера милостей и мера кар.
Яд убивают противоядием. Юность и старость.
Над кем смеется гребешок? Предложение хакана.
Отказ Фархада от власти.
Вынужденное согласие Фархада

ГЛАВА XIX

ЗЕРКАЛО ИСКАНДАРА

Сокровищница хакана. Таинственный ларец.
Надпись на зеркале Искандара.
Что ждет того, кто отправится в Грецию?
Предупреждение смельчаку. Фархад теряет покой

Кто вяжет в книгах тонких мыслей вязь,
Так свой рассказ украсил, вдохновясь.

* * *

Лишь получил хакан такой ответ —
Желания сердечного предмет,

Он радостью настолько полон стал,
Что весь Китай ему казался мал.

Каких он ни придумывал наград,
Все большего заслуживал Фархад.

Сокровища подземных рудников?
Нет! Им цена — не больше черепков!

Сокровища морей? Что жемчуга,
Что камешки,— цена недорога!

Не знал хакан, чем сына одарить:
Решил хакан хранилища открыть.

Не говори — хранилища, не то:
Сто рудников и океанов сто!

Тех ценностей ни сосчитать нельзя,
Ни в сновиденьях увидать нельзя.

Владелец клада мудрости — и тот
Лишь от рассказа горем изойдет.

Туда вступивший проходил подряд
Чрез сорок первых кладовых-палат.

А в каждой — сорок урн. Не выбирай:
Все золотом полны по самый край!

А золота, хоть в каждой равный вес,
Но что ни урна — то сосуд чудес.

Так, золото в одной копнешь, как воск:
Что хочешь делай,— разомнешь, как воск!

И снова сорок кладовых-палат,
Но здесь шелками очарован взгляд.

По сорок тысяч было тут кусков
Пленительных узорчатых шелков.

Тут изумленью не было границ,
Тут перворазум повергался ниц

Пред красотою всяческих чудес
И пред искусством ткаческих чудес.

Не только шелк в кусках,— одежд таких
Не выходило из-под рук людских.

Не ведавшим ни ножниц, ни иглы,
Земной им было мало похвалы.

Так создавал их чародей-портной
В своей сверхсовершенной мастерской.

В одной из этих шелковых палат
Хранитель показал такой халат,

Что не один, а десять их надев
На стройный стан любой из райских дев,

Сквозь десять — так же розово-чиста —
Прельщала б райской девы нагота...

Для мускуса особый был амбар,
Где на харвар навален был харвар.

И если б счетчик разума пришел,
И тысячной бы части он не счел

Несметных драгоценностей: и он
Был бы таким количеством смущен.

Как кровь, был влажен там любой рубин,—
Он слезы исторгал из глаз мужчин,

А каждое жемчужное зерно
Могло лишить и жизни заодно.

Еще другое было чудо там:
Хранилось тысяч сто сосудов там —

Хрусталь и яшма. Годовой налог
С большой страны их окупить не мог.

Сто самых ценных выбрал казначей,—
Мир не видал прекраснее вещей!

Чем больше шах и шах-заде глядят,
Тем больше оторваться не хотят.

Глядят — и то качают головой,
То молча улыбаются порой...

Но зрелищем пресыщен, наконец,
Фархад заметил в стороне ларец.

Как чудо это создала земля!
Был дивный ларчик весь из хрусталя,—

Непостижим он, необыден был.
Внутри какой-то образ виден был,

Неясен, смутен, словно был далек,—
Неотразимой прелестью он влек.

В ларце замок — из ста алмазов... Нет!
То не ларец, то замок страшных бед!

Ничем не отомкнешь его врата,—
Так эта крепость горя заперта!

Сказал Фархад: «Мой государь-отец!
Хочу хрустальный разглядеть ларец:

На диво все необычайно в нем,—
Скрывается, как видно, тайна в нем.

Чтоб разгадать я тайну эту мог,
Пусть отомкнут немедленно замок!»

Пытался скрыть смущение хакан,
И начал с извинения хакан:

«Нельзя твоей исполнить просьбы нам.
Открыть ларец не удалось бы нам:

Нет от него ключа — вот дело в чем,
А не открыть его другим ключом.

И сами мы не знаем, что таит
Ларец, столь обольщающий на вид».

Царевича не успокоил шах,
В нем любопытство лишь утроил шах.

Фархад сказал: «Что человек творил,
То разум человеческий открыл,

И, значит, размышления людей —
Такой же ключ к твореньям людей.

А так как я во все науки вник,
То трудностей пугаться не привык.

Но если суть ларца я не пойму,
То нет покоя сердцу моему!..»

Но как Фархада шах ни вразумлял,
Как ни доказывал, ни умолял,

Царевич все нетерпеливей был,
Настойчивее и пытливей был.

И понял шах, что смысла нет хитрить,
Что должен сыну правду он открыть.

И приказал он отомкнуть замок,
И зеркало из ларчика извлек.

Магическое зеркало! Оно,—
Столетьями в хрусталь заключено,

Как в раковине жемчуг,— в том ларце
Хранилось у хакана во дворце.

Нет! Словно солнце в сундуке небес,
Хранилось это зеркало чудес.

Мудрец его украсить так решил,
Что тайно сзади тайну изложил:

«Вот зеркало, что отражает мир:
Оно зенит покажет и надир;

Четыреста ученых вместе с ним
(С Платоном каждый может быть сравним)

Над зеркалом трудились. Миру в дар
Его оставил Искандар-сардар.

Проникшие в начала и концы,
Всеведущие в сферах мудрецы,

Постигшие взаимосвязь планет,
Обдумывали дело много лет,

Счастливую отметили звезду
И вдохновенно отдались труду.

Кто зеркало найдет в любой из стран,
Тот обретет в нем дивный талисман.

Послужит только раз оно ему:
Но что судьбой указано ему,

Что неизбежно испытает он,
Что скрыто смутной пеленой времен,—

Будь горе или счастье — все равно:
Оно явиться в зеркале должно.

Но зеркало заключено в ларец.
Его открыть решится лишь храбрец,

Кто муки духа может побороть,
Не устрашась обречь на муки плоть.

Тот, кто замок захочет отомкнуть,
Тот пусть узнает древней тайны суть:

Есть мудростью венчанная страна.
Зовется в мире Грецией она.

Но и мудрейший среди греков грек —
Лишь прах своей страны, лишь человек.

Там каждый камень — жемчуг из венца
Мудрейшего из мудрых мудреца;

Любая травка там целебна, там
Целебен воздух, все волшебно там;

Что ни долина — то цветной ковер,
Что ни вершина — небесам упор.

Ты должен, человек, туда пойти.
Знай, встретишь ты препятствия в пути.

На трех последних переходах — три
Опасности подстерегут. Смотри:

На первом переходе — змей-дракон:
Из божьего он гнева сотворен.

А на втором — жестокий Ахриман,
В нем — сила, злоба, хитрость и обман.

Но самый трудный — третий переход:
Там талисман тебя чудесный ждет.

Три перехода трудных совершив,
Препятствия на каждом сокрушив,

Сверши последний переход, герой:
Остановясь перед большой горой,—

Пещеру обнаружишь в ней: она,
Как ночь разлуки черная, черна.

В пещере той живет Сократ-мудрец.
Он, как Букрат, велик, стократ мудрец!

Войдешь в пещеру. Если старец жив,
Утешит он тебя, благословив.

А если грек премудрый мертв уже,
Ты к вечной обратись его душе —

И узел затруднений всех твоих
Премудрый дух развяжет в тот же миг...»

Вот что прочел взволнованный Фархад:
Застыл, как очарованный, Фархад.

И он с тех пор забыл питье, еду,
Одною думой жил он, как в бреду.

Все понял шах: пришла беда опять!
Но сыну он решил не уступать.

Царевич стал просить. Но каждый раз
Он от хакана получал отказ.

И, хоть упрямцем не был ведь Фархад,
Стал, наконец, и требовать Фархад.

Тут начал шах оттягивать ответ:
То скажет «да», то снова скажет «нет».

И сын страдал, и мучился отец.
О, испытанье двух родных сердец!..

* * *

Дай, кравчий, мне пьянейшего вина!
Задача мне труднейшая дана.

Но сколь ни жестока судьба,— одно
Есть средство побороть ее: вино!

ГЛАВА XX

ФАРХАД МЕЧТАЕТ О ПОДВИГАХ

Неотступные мечты. Объяснение с Мульк-Арой.
Фархад угрожает побегом из дому.
Напрасные увещевания. Хакан соглашается.
Отправление в Грецию

ГЛАВА XXI

ПОХОД В ГРЕЦИЮ

Беседа хакана с греческими мудрецами.
В пещере отшельника Сухейля.
Завещание мудреца Джамаспа.
Саламандровое масло. Смерть Сухейля

ГЛАВА XXII

ФАРХАД УБИВАЕТ ДРАКОНА

Снаряжение на первый подвиг.
Черная степь. Дракон.
Нечувствительность к огню.
Дракон унизан стрелами. Чудовище издыхает.
Сокровища в пещере дракона.
Меч и щит царя Сулеймана

ГЛАВА XXIII

ФАРХАД УБИВАЕТ АХРИМАНА

Снаряжение на второй подвиг.
Заколдованные джунгли. Ахриман.
Взлет Ахримана на воздух с горой в руках.
Сулейманов щит в действии.
Сокровищница Ахримана. Сулейманов перстень

ГЛАВА XXIV

ФАРХАД ДОБЫВАЕТ ЗЕРКАЛО МИРА

Снаряжение на третий подвиг.
Старец у ручья. Наставления Хызра.
Тропа к замку Искандара. Сторожевой лев.
Железный воин-истукан. Стрела попадает в цель.
Сто железных воинов Искандара. Зеркало мира

В тот час, когда уставший за ночь мрак
Свой опускал звездистый черный стяг,

И, словно Искандара талисман,
Заголубели сферы сквозь туман,—

Фархад, опять в доспехи облачась,
На подвиг шел, препятствий не страшась.

К ногам отца склонился он с мольбой —
Благословить его на этот бой.

Молитву перстня на коне твердя,
Полдневный путь пустынею пройдя,

Увидел он лужок невдалеке,
Увидел родничок на том лужке.

Тот родничок живую воду нес,—
Он был прозрачней самых чистых слез.

Верхушками в лазури шевеля,
Вокруг него стояли тополя,

И каждый тополь, словно Хызр живой,—
Росою жизни брызнул бы живой!

Фархад подъехал, привязал копя.
У родничка колени преклоня,

И, об успехе богу помолясь,
Он в той воде отмыл печали грязь.

Едва окончил омовенье он,
Заметил в это же мгновенье он

С ним рядом у живого родника
Какого-то седого старика.

Тот старец был в зеленое одет,
Лицом, как ангел, излучал он свет,—

Скажи, сиял он с головы до ног!
И молвил старец ласково: «Сынок!

Будь счастлив и все горести забудь.
Я — Хызр. И здесь я пересек твой путь,

Чтоб легче ты свершил свой путь отсель,
Чтоб счастливо свою обрел ты цель.

Как Искандар, скитался годы я,
Как он, искал живую воду я.

Я вместе с ним ее искал и с ним
Был бедствиями страшными казним.

И с ним попал я в область вечной тьмы,
Где ночь и день равно черней сурьмы.

Однако одному лишь мне тогда
Открылась та заветная вода,

А Искандар воды не уследил —
И жажду духа он не утолил.

Гадать по звездным стал дорогам он,
Стал знаменитым астрологом он.

Он связывает нити тайных дел,
Я их развязыванье овладел.

Знай, Искандаров талисман, мой сын,
Расколдовать могу лишь я один.

Недаром называюсь Хызром я:
Помочь тебе всевышним призван я.

Теперь запомни: продолжая путь,
Считать шаги усердно не забудь.

Когда достигнешь лысого бугра,
На горизонте вырастет гора,

По виду — опрокинутый казан:
Она и есть — тот самый талисман!

С бугра спустясь, будь точен и толков:
Двенадцать тысяч отсчитай шагов.

Но так я говорю тебе, смельчак:
Раскаяньем отмечен каждый шаг!

Путь перейдет в тропу. Тропа — узка,
Она ровна, но, словно лед, скользка.

На двух ее обочинах — гранит,
Острей мечей отточенных гранит.

Чуть шаг ступил — и соскользнул с тропы.
Скользнул — от раны не спасешь стопы.

Кто слаб, тот, горько плача и крича,
Вернется к водам этого ключа.

Но сильный духом — отсчитает так
Одиннадцатитысячный свой шаг.

Тут будет крепость. На стальных цепях
К ней лев прикован — воплощенный страх.

Пасть у него — ущелье, а не пасть:
Взглянуть нельзя, чтоб в обморок не пасть.

Но смельчака, кто, страх преодолев,
Пойдет на льва, не тронет страшный лев:

Его судьба теперь в его руках.
Врата твердыни — в тысяче шагах.

За сто шагов — гранитная плита,—
Натужься, сдвинь — откроются врата.

Войдешь — стоит железный истукан:
Вид — человека, воин-великан,

И лук железный держит воин тот,
И он стрелу на тетиву кладет,

А та стрела — и камень просверлит.
Такой дозорный в крепости стоит!

Весь в латах страж от головы до пят,
Горит, пылает жар железных лат.

На грудь навешен, как метальный диск,
Солнцеслепительный зеркальный диск:

Вонзи в него стрелу со ста шагов,
Не оцарапав и не расколов,—

И вмиг — людоподобный исполин
На землю рухнет. Но не он один:

На крепостных стенах их сотня тут,—
И все в одно мгновенье упадут,

И замок-талисман в тот самый миг
Откроется пред тем, кто все постиг.

Но если кто в мишень и попадет,
Но зеркало стрелою разобьет,—

Все стрелы полетят в него — и он,
Как жаворонок, будет оперен.

Похож на клетку станет он, но в ней
Не запоет отныне соловей...

Все в памяти, сынок мой, сбереги:
На всем пути считай свои шаги.

Не делай шага на своем пути,
Чтоб имя божье не произнести.

Лишь пасть отверзнет лев сторожевой,
Немедля в пасть ты бросишь перстень свой.

Твой перстень отрыгнув, издохнет зверь.
Поднимешь перстень и пойдешь теперь

Еще на девятьсот шагов вперед:
Плита тебе ворота отопрет.

А зеркало стрелой не расколоть
В тот миг тебе поможет сам господь.

Ступай и делай все, как я сказал...»
Прах перед ним Фархад облобызал —

И в путь пустился, помня те слова;
Шаги считая, он дошел до льва.

Он бросил перстень в льва — и зверь издох:
Дошел до камня — сдвинул, сколько смог,—

И сразу же услышал голоса:
Шум за стеной высокой поднялся.

Но лишь открылись крепости врата,
В ней смерти воцарилась немота.

Глядит Фархад, не знает — явь иль блажь:
Стоит пред ним железный грозный страж —

И сто стрелков железных на стене
Натягивают луки, как во сне.

Молитвою сомнения глуша,
Спустил стрелу царевич не спеша —

И в средоточье зеркала, как в глаз,
Не расколов его, стрела впилась.

(Так женщина, к любимому прильнув
И робко и томительно мигнув,

Возобновляя страсть в его крови,
Медлительно кладет клеймо любви.)

Когда молниеносная стрела
Покой в зеркальном диске обрела,

Свалился вмиг железный Руин-Тен,
И сто других попадали со стен...

Освободив от истуканов путь,
Свободно к замку-талисману в путь

Пошел Фархад, и кованая дверь
Сама раскрылась перед ним теперь.

Богатства, там представшие ему,
Не снились и Каруну самому:

И Запад и Восток завоевав,
Тягот немало в жизни испытав,

Сокровища из побежденных стран
Свозил Руми в свой замок-талисман...

* * *

Был в середине замка небольшой,
От прочих обособленный покой.

Он вкруг себя сиянье излучал,
Загадочностью душу обольщал.

Фархад вошел, предчувствием влеком;
Увидел солнце он под потолком,—

Нет, это лучезарная была
Самосветящаяся пиала!..

Не пиала, а зеркало чудес,—
Всевидящее око, дар небес!

Весь мир в многообразии своем,
Все тайны тайн отображались в нем:

События, дела и люди — все,
И то, что было, и что будет, все.

С поверхности был виден пуп земной,
Внутри вращались сферы — до одной.

Поверхность — словно сердце мудреца,
А внутренность, как помыслы творца.

Найдя такое чудо, стал Фархад
Не только весел и не только рад,

А воплощенным счастьем стал он сам,
К зеркальным приобщившись чудесам...

Оставив все на месте, он ушел,
Обратно с дивной вестью он ушел.

У родника он на коня вскочил,—
Утешить войско и отца спешил.

От груза горя всех избавил он,
Свои войска опять возглавил он.

Войска расположив у родника,
С собой он взял вазира-старика —

И в замок Искандара поутру
Привел благополучно Мульк-Ару.

Все для отца вручил вазиру он,
Поднес ему и чашу мира он.

К стоянке лишь с вечернею зарей
Пришел царевич вместе с Мульк-Арой...

Когда фархадоликая луна,
Сияющим спокойствием полна,

Разбила талисман твердыни дня,
И солнце-Искандар, главу склоня,

Ушло во мрак, и легендарный Джем
Незримо поднял чашу вслед за тем,—

У родника живой воды вазир
Устраивал опять богатый пир.

Вино из чаши Джема пили там,
До дна не пивших не любили там,

Там пели о Джемшиде до утра,
Об Искандаре, сидя до утра.

* * *

Эй, кравчий, пир мой нынешний украсъ:
Налей Джемшида чашу, не скупясь!

Напьюсь — мне Искандаров талисман
Откроет тайны всех времен и стран!

ГЛАВА XXV

ФАРХАД У СОКРАТА

Пещера Сократа. Тысячелетнее ожидание.
Предсказание судьбы Фархада.
Роковая любовь и бессмертная слава.
Свойства зеркала Искандара.

Когда Сократ зари свой светлый взор
Уже направил на вершины гор

И астролябией небесных сфер
Осуществлял надмирный свой промер,—

Фархад молитвы богу воссылал
И буйного коня опять седлал.

Не колебался,— верил свято он,
Что путь найдет к горе Сократа он.

Пошли за ним вазир и сам хакан,
Но не гремел походный барабан:

Войскам на месте быть велел Фархад,
В охрану взял он лишь один отряд...

Пустынную равнину перейдя,
Цветущую долину перейдя,

Остановились пред крутой горой:
Земля — горсть праха перед той горой.

В стекле небес лазурном — та гора,
Вздымалась до Сатурна та гора.

Она, как исполинский дромадер,
Горбом касалась высочайших сфер.

Вершина — вся зубчата, как пила...
Нет, не пилой,— напильником была,

Обтачивавшим светлый, костяной
Шар, нами именуемый луной.

Не сам напильник бегал взад-вперед,—
Кость вкруг него свершала оборот.

Но, впрочем, шар отделан не вполне:
Изъяны в виде старца — на луне.

Не счесть ключей волшебных на горе,
Не счесть и трав целебных на горе.

Подножию горы — обмера нет,
В подножии — числа пещерам нет,

И так они черны, и так темны,—
В них почернел бы даже шар луны.

Внутри пещер немало гор и скал,
Там водопадов грохот не смолкал,

Текли там сотни озверелых рек,
Вовек не прекращавших дикий бег.

В пещерах гор пещерных не один
Кровавый змей гнездился — исполин...

Все о горе узнать хотел Фархад,
И в чашу Джема поглядел Фархад.

Он увидал все страны света в ней,—
Воочию не видел бы ясней.

Он на семь поясов их разделил
И Грецию в одном определил.

Затем в разведку взоры выслал он —
И место той горы исчислил он.

Вот перед ним вся в зеркале она,—
Пещера за пещерой в ней видна.

Он наяву не видел так пещер:
Смотрело зеркало сквозь мрак пещер.

И вот одна: приметы говорят,
Что в ней живет великий грек — Сократ.

Теперь Фархад нашел и тропку к ней.
Все шли за ним, приблизясь робко к ней.

Вопил царевич, зеркало неся:
Пещера ярко озарилась вся.

Препятствий было много на пути,—
Казалось, им до цели не дойти.

Вдруг — каменная лестница. По ней
Они прошли с десяток ступеней

И на просторный поднялись айван.
Вновь переход кривой, как ятаган,

И в самой глубине возник чертог...
Как преступить святилища порог?

Но голос из чертога прозвучал:
Переступить порог он приглашал.

Вошли не все, а лишь Фархад с отцом
И с верным их вазиром-мудрецом,

Как мысли входят в сердца светлый дом,
Так, трепеща, вошли они втроем.

Вступили в храм познания они —
Ослепли от сияния они.

То совершенный разум так сиял,
То чистый дух, как зодиак, сиял.

Свет исходил не только от лица,—
Лучился дух сквозь тело мудреца.

Кто, как гора, свой отряхнул подол
От всех мирских сует, соблазнов, зол

И, с места не сдвигаясь, как гора,
Стал воплощеньем высшего добра,—

Тот плоть свою в гранит горы зарыл,
А дух в граните плоти он сокрыл.

Но и сквозь камень плоти дух-рубин
Лучился светом мировых глубин...

Он в мире плотью светоносной был,
Он отраженьем макрокосма был.

Все было высокосогласным в нем,
А сердце было морем ясным в нем,

В котором сонм несметных звездных тел,
Как жемчуг драгоценнейший, блестел!

Лик — зеркало познанья божества,
В очах — само сиянье божества.

Где капля пота падала с чела,—
Смотри, звезда сиять там начала.

Лишь телом к месту он прикован был,
А духом — странником веков он был.

Любовь и кротость — существо его,
А на челе познанья торжество.

Перед таким величьем мудреца
У всех пришедших замерли сердца,

И дрожь благоговенья потрясла
Упавшие к его ногам тела.

* * *

Сократ спросил, как долго шли они,
Как трудный путь перенесли они

И через много ль им пришлось пройти
Опасностей, страданий на пути.

Но каждый, выслушав его вопрос,
Как будто онемел и в землю врос.

Сказал мудрец хакану: «Весь ты сед,
И много, верно, претерпел ты бед,

Пока моей обители достиг.
Но не горюй, почтеннейший старик:

Сокровища, которым нет цены,
Тебе уже всевышним вручены.

Но от меня узнай другую весть:
Еще одна тебе награда есть.

Великим счастием отмечен ты:
Знай — будешь очень долговечен ты.

Открылось мне в движении планет,
Что жизнь твоя продлится до ста лет.

А если посетит тебя недуг
И раньше срока одряхлеешь вдруг,—

Я камешек тебе сейчас вручу:
К нему ты обратишься, как к врачу.

Ты этот камешек положишь в рот,—
Недуг твой от тебя он отвернет,

И старческую немощь без следа
Он устранит на долгие года...»

А Мульк-Аре сказал он в свой черед:
«И ты немало претерпел тягот,—

Награду дать мне надо и тебе:
Ту самую награду — и тебе.

Одна опасность вам грозит троим,—
И мы пред ней в бессилии стоим.

Она — в соединенье двух начал,—
Блажен, кто только порознь их встречал:

Начала эти — воздух и вода.
Всевышний да поможет вам тогда...

Я все открыл вам...» Шаху с Мульк-Арой
Кивнул Сократ учтиво головой

И сам их до порога проводил.
Фархада обласкал он, ободрил

И так сказал царевичу: «О ты,
Рожденный для скорбей и доброты!

Свой дух и плоть к страданьям приготовь:
Великую познаешь ты любовь.

Тысячелетье уж прошло с тех пор,
Как сам себя обрек я на затвор.

Я горячо судьбу благодарю,
Что, наконец, с тобою говорю.

Ведь ждал все дни и ночи я тебя:
Вот вижу я воочию тебя!

Мой час пришел — я в вечность ухожу.
Послушай, сын мой, что тебе скажу:

Знай, этот мир для праведных людей —
Узилище и торжество скорбей.

Да, жизнь — ничто, она — лишь прах и тлен:
Богатства, власть — все это духа плен.

Не в этом смысл земного бытия:
Отречься должен человек от «я».

Найти заветный жемчуг не дано
Без погруженья на морское дно.

Тот, кто от «я» отрекся, только тот
К спасению дорогу обретет.

Дороги же к спасенью нет иной,
Помимо жертвенной любви земной.

Любовь печалью иссушает плоть,
В сухую щепку превращает плоть.

А лишь коснется, пламенно-светла,—
И вспыхнет щепка и сгорит дотла.

Тебе любовь земная предстоит,
Которая тебя испепелит.

Ее не сможешь ты преобороть;
Ты обречен предать страданьям плоть.

Отвержен будешь, одинок и сир,
Но озаришь своей любовью мир.

Слух о тебе до дальних стран дойдет,
Он до южан и северян дойдет.

Твоей любви прекрасная печаль
Затопит и девятой сферы даль.

Твоя любовь, страданьем велика,
Преданьями пройдет и сквозь века.

Где б ни были влюбленные,— для них
Священным станет прах путей твоих.

Забудет мир о всех богатырях,
О кесарях, хаканах и царях,

Но о Фархаде будут вновь и вновь
Народы петь, превознося любовь!..»

Сократ умолк, глаза на миг закрыл
И, торопясь, опять заговорил:

«Пока глаза не смеркли, я скажу:
О том волшебном зеркале скажу,

Которое ты вынул из ларца
В сокровищнице своего отца.

Когда железный латник-великан,
Хранивший Искандаров талисман,

Сквозь зеркало, что ты стрелой пробил,
Сражен тобой молниеносно был,—

То расколдован был в тот самый миг
И первый талисман — его двойник.

Когда вернешься в свой родной Китай,
Ты свойство талисмана испытай,—

Открой ларец — и в зеркало смотри:
Что скрыл художник у него внутри,

Проступит на поверхность. Ты узришь
Ту, от кого ты вспыхнешь и сгоришь.

Начнется здесь твоей любви пожар,—
Раздуй его, благослови пожар.

Но знай: лишь раз, мгновение одно
Виденье это созерцать дано.

Откроет тайну зеркало на миг,
Твоей любви ты в нем увидишь лик,

Но ни на миг виденья не продлить.
Твоей судьбы запутается нить:

Ты станешь думать лишь о ней теперь,
Страдать ты будешь все сильней теперь,

И даже я, хранитель всех наук,
Не угасил бы пламя этих мук.

Так, на тебя свои войска погнав,
Схватив и в цепи страсти заковав,

Любовь тебя пленит навек. Но знай:
Как ни страдай в плену, как ни стенай,

Но кто такой любовью жил хоть миг,—
Могущественней тысячи владык!

Прощай... Мне время в вечность отойти,
А ты, что в мире ищешь, обрети.

Порой, страдая на огне любви,
Мое ты имя в сердце назови...»

На этом речь свою Сократ пресек:
Смежив глаза, почил великий грек,

Ушел, как и Сухейль, в тот долгий путь,
Откуда никого нельзя вернуть...

Теперь Фархад рыдал, вдвойне скорбя:
Оплакивал Сократа и себя.

И шаха он и Мульк-Ару позвал
И вместе с ними слезы проливал.

Затем со свитой вместе, как могли,
Положенною долею земли

Навечно наделили мудреца,—
Устроили обитель мертвеца.

* * *

Когда Фархад хакану сообщил,
Что грек ему великий возвестил,

То старый шах едва не умер: столь
Великую переживал он боль.

Была судьба нещадна к старику!..
Печально возвращались к роднику.

Когда же солнце мудро, как Сократ,
Благословило собственный закат,

То ночь — Лукман, глубоко омрачась,
Над ним рыдала, в траур облачась.

Хакан устроил поминальный пир,
Хоть и обильный, но печальный пир.

В ту ночь пришлось вино погорше пить,—
В чем, как не в горьком, горе утопить?

* * *

Послушай, кравчий, друг мой! Будь умней,
Вина мне дай погуще, потемней.

Ты чару горем закипеть заставь,
Меня хоть миг ты не скорбеть заставь!

ГЛАВА XXVI

ВИДЕНИЕ В ЗЕРКАЛЕ ИСКАНДАРА

Возвращение из Греции.
Зеркало Искандара оживает.
Неизвестная страна. Горные работы в скалах.
Двойник Фархада. Красавица на коне.
Обморок. Зеркало неумолимо.
Снова мечты о побеге

Лишь утренней зари забил родник,
Преобразив небесный луг в цветник,—

Свои войска из греческой земли
В Китай хакан с Фархадом повели.

Дел не имея на пути своем,
Шли без задержек, ночью шли и днем.

И вот царевич и его отец
В родной Китай вернулись наконец...

Хакан воссел на трон,— скажи, что так
Луна в зодиакальный входит знак.

Фархад унять волнения не мог,
Едва переступив родной порог,

Он, удержать не в силах чувств своих,
Потребовал ключи от кладовых:

Свою мечту увидит он теперь!
Сокровищницы распахнул он дверь,—

И вот ларец в его руках... о нет,
Скажи: вместилище ста тысяч бед!

«О казначей, поторопись, не мучь:
От ларчика подай скорее ключ!»

Но ключик, видно, в сговоре с замком,
Твердит свое железным язычком,

И в скважину войти не хочет он,—
Царевичу беду пророчит он,

И за намеком делает намек
Упрямому царевичу замок.

Волос упавших дергает он прядь:
«Оставь меня, не надо отпирать!»

Но человек не властен над собой,
Когда он соблазнен своей судьбой.

Царевич все же отомкнул замок
И зеркало из ларчика извлек.

Глядит Фархад, и, изумленный, вдруг
Роскошный видит он зеленый луг.

Обильно луг цветами весь порос —
Не счесть фиалок, гиацинтов, роз.

Там каждая травинка — узкий нож,
Заржавленный от кровопуска нож;

Там каждая фиалка — страшный крюк,
Чтоб разум твой хватать за горло вдруг;

Нарцисс вином столь пьяным угощал,
Что сразу ум в безумье превращал;

В крови у каждой розы лепестки;
Петлятся гиацинтов завитки,

И что ни завиток — аркан тугой,
Которым ловят разум и покой;

Татарский мускус темень источал,—
Он будущность народа омрачал;

В предчувствии, как будет гнет велик,
У лилий отнимался там язык;

И розы страсти распускались там,—
Чернели, сохли, испекались там;

Всходили там цветы — богатыри,—
Горели гневом мести бунтари.

Царили там смятенье и печаль...
Фархад теперь окинул взором даль.

Он увидал гряду гранитных скал —
Их дикий строй долину замыкал.

И там, на склонах каменной гряды,
Людей каких-то видит он ряды.

Они стоят, как будто вышли в бой,
Толкуя оживленно меж собой.

Но у людей — ни луков и ни пик,—
Кирки в руках: долбят в камнях арык.

Один из них, хоть молод он на вид,
Всех возглавляя, сам долбит гранит,

То действует киркою, то теслом,
Каменотесным занят ремеслом.

Как он печален! На него, скорбя,
Глядит Фархад — и узнает себя!

А в это время из-за острых скал
Сюда отряд наездниц прискакал:

Красавицы, пленяющие взгляд,
На каждой — драгоценнейший наряд.

Одна была — как шах, средь всей толпы:
Как роза — лоб, ресницы — как шипы;

Век полукружья бледны, высоки,
Уста ее румяны и узки.

А конь ее — не конь, а дар небес!
Нет, хром, в сравненье с ним, тулпар небес!

Как управляла резвым скакуном,
Как восседала, гордая, на нем!

На скакуне она, как вихрь, неслась,
Стремительнее всех других неслась.

Был облик пери лучезарно-юн,
Она казалась солнцем между лун.

Куда б ни обращала взор с седла,
Сжигала вмиг сердца людей дотла...

Глядит Фархад и видит, что она
В ту сторону пустила скакуна,

Где был он сам, печальный и худой,
Изображен в работе над плитой.

Когда же, перед ним остановясь,
Она его окликнула, смеясь,

И всадницы лучистоокой взгляд
Почувствовал каменотес Фархад,—

Его черты покрыла смерти тень,
И он упал, как раненый олень...

Увидя, как упал его двойник,
Едва пред ним блеснул той пери лик,

Получше разглядеть решил Фархад
Красавицу, чей смертоносен взгляд.

Поднес он ближе зеркало к глазам,
Взглянул — и простонал, и обмер сам,

И на пол так же, как его двойник,
Бесчувственно упал он в тот же миг.

Бегут к хакану слуги: «Ой, беда!»
Вошли, дрожат в испуге: «Ой, беда!»

Услышал шах — и ворот разодрал:
Увы! Увы! Он сына потерял!

Мать прибежала — и за прядью прядь
Свои седины стала вырывать.

Узнал и зарыдал мудрец-вазир:
Любил Фархада, как отец, вазир.

И друг Фархада и молочный брат,
Сын Мульк-Ары, Бахрам, кого Фархад

Считал ближайшим сверстником своим,
Душевнейшим наперсником своим,—

Не ворот — грудь свою порвал, скорбя,—
Чуть не лишил он жизни сам себя.

Родные, свита, слуги и врачи —
Как мотыльки у огонька свечи,

Вокруг Фархада плачут, хлопоча,
Увы, увы,— угасла их свеча!..

Он, как покойник, сутки пролежал,
Нет, был он жив, хотя едва дышал.

И лишь когда свой животворный ток
Принес под утро свежий ветерок,

Фархад вздохнул и бровью чуть повел,
Румянцем жизни трепетным расцвел,

Глаза открыл — и видит, как сквозь сон,
Что близкими он всеми окружен,

И все в слезах, и он не мог понять,
Что в скорбь оделись и отец и мать...

Когда же все припомнил он, тогда
Страдать он стал от горького стыда,

И был готов свою мечту проклясть,
И в обморок непробудимый впасть.

Он поднялся, и тут же в прах лицом
Пред матерью упал и пред отцом,

И ноги их смиренно целовал,
И плача о прощенье умолял.

И счастливы, что милый сын их жив,
Его утешив и благословив,

Родители и все, кто были там,
Ушли спокойно по своим делам...

* * *

Хоть искренне отречься был бы рад
От своего желания Фархад,

Хоть был он отягчен виной большой —
Однако же всем сердцем, всей душой

Он к зеркалу тому прикован был,
И стыд и смерть принять готов он был.

Он искушенья не преборол,
И снова доступ к зеркалу обрел —

И снова жадно заглянул в него.
Но было зеркало чудес мертво!

Сократ был прав: из зеркала чудес
Волшебный образ навсегда исчез.

И тут царевич понял: он навек
В страданья ввергнут, обречен навек,

И не спастись от роковой тоски,
Хоть разорвал бы сам себя в куски.

Он размышлял: «Раз жребий мой таков,
И страсти не расторгнуть мне оков,

И смерть моя хоть и близка, но все ж
Вонзит не сразу избавленья нож,

То до того, пока от жгучих дум
Еще не вовсе потерял я ум

И не совсем лишился воли я,—
Обдумать должен все тем боле я.

Благоразумным быть мой долг теперь,
Лишь этот путь сулит мне толк теперь,

Лишь так отца утешить я смогу.
Что из того, что сразу убегу?

Куда уйду один? Где скрыться мне?
Шах разошлет гонцов по всей стране,

Войска он двинет по моим следам,
Схватить меня он даст приказ войскам...

И, несомненно, через два-три дня
В любом убежище найдут меня.

А если вынуть меч и в бой вступить,—
За что же подневольный люд губить?

Ужель народу за любовь его
Моей наградой будет кровь его?

Себя на жертву лучше мне обречь,
Чем на родной народ обрушить меч!

Пусть шах-отец меня потом простит.
Ведь все равно меня замучит стыд.

В лицо народу как я погляжу,
Что богу я в конце концов скажу?

А если б и пойти на тяжкий грех
И обнажить свой меч — один на всех,—

То сколько бы невинных ни убить,
Мне все же победителем не быть!

Я буду схвачен. Если даже шах
И не казнит,— возьмет под стражу шах.

А может быть и так: признает суд,
Что я безумен,— в цепи закуют.

И сколько б я ни клялся, что здоров,—
Как докажу! Закон страны суров.

Себя пока я должен оберечь,
Свои поступки обуздать и речь!..»

Увы, не знал он, что любовь сама
На ветер пустит доводы ума...

* * *

Быть пьяным, кравчий, мой обычай стал,
С тех пор как от ума я притчей стал!

Вина любви губительной налей,
Но от ума избавь меня скорей!

ГЛАВА XXVII

ВРАЧИ ПОСЫЛАЮТ ФАРХАДА НА ОСТРОВА

Болезнь Фархада. Совещание врачей.
Необходим влажный морской климат.
Тайная надежда Фархада

ГЛАВА XXVIII

КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

Морская гавань.
Хаканская флотилия выходит в плавание.
Море и морские чудища. Зловещий ветер.
Хакан не успевает пересесть в челн.
Волна уносит Фархада в бушующее море.
Описание морской бури. Гибель флотилии

Жемчужину редчайшую для нас
Извлек нырнувший в море водолаз...

* * *

Для путешествия морского все
Уже закончено, готово все...

Пошли большие корабли вперед —
За каждым забурлил водоворот.

Пошли за ними стаями челны.
Волнами их вздымаемы, челны

Качались так, как если б в этот час
Удар подземный весь Китай потряс.

Морское дело знают моряки:
Им весла — то, что рыбам плавники.

Усердно корабельщики гребли,
Неслись, волну взрезая, корабли,

Неслись челны — и каждый, словно конь,—
Разбрызгивая водяной огонь...

Два дня, две ночи плыли корабли.
Все ближе к цели были корабли.

Сильней вздувает ветер паруса,
Волна морская, словно бирюза:

Сливаются с водой края небес.
Открылся для Фархада мир чудес:

И вёсел плеск, и мачт высоких скрип,
И вид шныряющих диковин-рыб.

Посмотришь — сердце в ужасе замрет:
Страшилища неведомых пород!

Плывут, как будто горы-острова,
А присмотрись — живые существа.

То — рыбы, а не горные хребты,
Как волны, их узорные хребты.

А скорость их! Небесный метеор
В своем паденье не настолько скор.

Те безобразьем отвращают, те
Ни с чем нельзя сравнить по красоте,—

Так изумительна окраска их,
Все очертанья, вся оснастка их.

Вокруг кишели тучи мелких рыб.
Всю эту мелочь мы сравнить могли б

С густой травой, что буйно, без числа
Вкруг мощных кипарисов проросла.

Немало в море и Фархад и шах
Встречали исполинских черепах.

Их костяные страшные тела
Вздымались над водой, как купола,

Что так вселенский зодчий воздвигал
И сам в пучину моря низвергал.

И неуклюже плавающих вкось
Им видеть в море крабов довелось.

Столкнется с черепахой краб порой —
Столкнулась, ты б сказал, гора с горой.

За рыбами, как тигры вод морских,
Акулы шли и пожирали их.

Их тело — как гранитная гора,
А кожа их — шершавая кора,

И вся в шипах. А пасть откроют — в ней
Не счесть зубов... нет, не зубов — гвоздей!

А на спине — плавник стоит торчком,—
Зови его пилой,— не плавником.

Нет! Копья полчищ моря — тот плавник,
Зубцы твердыни горя — тот плавник!

Вокруг морских собак бурлит всегда,
Как муравейник вкруг змеи, вода.

На суше много хищников живет,
Но их не меньше и в пучине вод.

Кто нужным счел и воды населять,
Оплел сетями и морскую гладь...

* * *

Так, наблюдая чудеса везде,
Два дня уж плыли шах и шах-заде.

Однако их на бедствия обрек
В делах своих непостижимый рок.

Недобрым резким ветром дунул юг,—
Морская буря разразилась вдруг.

И ужаснулись даже моряки,
И, разрывая ворот, старики

В отчаянье докладывали так:
«Приметы знает опытный моряк:

Бушует эта буря раз в сто лет,—
Добра не ждать, а ждать великих бед!»

Решили так: пока возможность есть,
Шах должен с сыном в лодку пересесть,

А эта лодка — месяца быстрей
Могла стремиться по зыбям морей.

Быть может, челн успеет их умчать,
Пока не начал ураган крепчать.

Ладью спустили. На беду свою,
Фархад-царевич первым сел в ладью.

Но вихрь, вонзив мгновенно когти волн,
Прочь оттащил от корабля тот челн.

Старик хакан, оставшийся один,
Рвал в исступленье серебро седин,

Рыдал, вопил... А где-то вдалеке
Сын мерил море в зыбком челноке.

Кто мог разлуку эту им предречь?
Увы, она не предвещала встреч!..

А ураган, как разъяренный зверь,
Пришел уже в неистовство теперь:

Обрушил с неба мировой потоп:
До дна пучину моря всю разгреб;

Не только воды,— небо всколебал,
То небо вниз швырял, то в небо — вал,

И не до нижних сфер, а до высот
Девятой сферы вал иной взнесет;

И пеною все плещет в небеса,
Пощечинами хлещет небеса,

А от таких пощечин небосвод
Темнел, стал мрачным очень небосвод.

Настала ночь... Но ураган не тих,
Катил он сотни тысяч волн больших —

И по волнам швырял туда-сюда,
Как щепки, величайшие суда;

То погружал их мачты в бездны он,
То тыкал ими в свод небесный он,

Как тычет пикой в грудь врага батыр.
И тысячи проткнул он в небе дыр:

Светила, замерцавшие сквозь тьму,
Служили доказательством тому.

Созвездья Рыб и Рака, трепеща,
В пучину вод низверглись сообща.

А остальные — в страхе пред водой,
Едва завидя месяц молодой,

К его ладье все устремились, в ней
Спастись пытаясь от морских зыбей.

И ангелы, путей небес лишась,
Ныряли в море, в уток превратясь.

* * *

Прошла в жестокой непогоде ночь.
Когда была уж на исходе ночь —

И лоно неба стало поутру
Подобно бирюзовому шатру,—

Свирепый ураган ослаб, уснул,
И моря успокоился разгул.

Но корабли! Из сотни их едва
Держались на воде один иль два!

Хоть были очень крепки корабли,—
Разбила буря в щепки корабли,

И море на себе теперь несло
Осколок мачты, утлое весло,

Несло обломки жалкие досок,
И люди, за такой держась кусок,

Зависели от милости волны,
Как без руля и паруса челны.

Счастливец тот, кто сразу же погиб,
Кто заживо не стал добычей рыб!..

* * *

Но уцелел в ту ночь не потому,
Что рок был благосклоннее к нему,

Корабль, на коем шах и Мульк-Ара
Спасительного дождались утра,—

Нет, причинив ему немало зла,
Судьба его осилить не смогла!

Но люди, плывшие на нем,— увы,
Безумны были иль полумертвы!

Носило море их из края в край,
В конце концов их отнесло в Китай,

Где выбросил их на берег прибой.
Там жители сбежались к ним толпой,

И лишь узнали, что произошло,
Какое корабли постигло зло,

Что унесло Фархада в океан,
И что на этом судне — сам хакан,—

И местный хан, и тамошний народ
Так много проявили к ним забот,

Что все пришли в себя. Но шах-старик,
Не видя сына, снова поднял крик:

Настигнут был несчастьем снова он,
Рыдал, звал сына дорогого он,

Хоть мысленно и допускал чуть-чуть,
Что и Фархад мог выплыть где-нибудь.

Он также вспомнил, что предрек Сократ,
Но своему спасенью не был рад.

Все ж пред судьбой решил смириться он —
Отправился в свою столицу он...

* * *

Дай, кравчий, выпить прямо из ковша:
Барахтается в море бед душа!

Из моря скорби как спастись душе?
В ладье ковша дай унестись душе!

ГЛАВА XXIX

СПАСЕНИЕ ФАРХАДА И ВСТРЕЧА С ШАПУРОМ

Фархад на купеческом корабле.
Пираты-островитяне. Зажигательные снаряды.
Фархад использует свое искусство меткой стрельбы.
Пираты рассеяны. На горизонте — земля!
Пиршество в Йемене. Признание Фархада. Рисунок Шапура.
Какую страну и кого показало зеркало Искандара

ГЛАВА XXX

ФАРХАД С ШАПУРОМ ПРИБЫВАЮТ В СТРАНУ АРМЕН

Знакомые картины. Бесплодный труд двухсот каменоломов.
Фархад берется один провести арык в гранитных скалах.
Заготовка горных инструментов. Начало работ.
Изумление людей. Вести приходят к царице Михин-Бану

Кто вел их к цели, тот, по мере сил,
Предмет их цели так изобразил.

* * *

Проснувшийся задолго до утра,
Фархад мгновенно вспомнил, что вчера

Сказал Шапур, что он нарисовал
И как страну его мечты назвал.

Еще была густа ночная тьма,
И небо черным было, как сурьма,—

Он, с ложа встав, к Шапуру побежал,—
Ему бы ноги он облобызал.

Шапуру показалось, что к нему
Внезапно хлынул дивный свет сквозь тьму,

Когда Фархад его окликнул вдруг.
И он сказал: «О дорогой мой друг!

О царь страдальцев, жертв своей любви,
Твой след священен для людей любви!

Неужто разговор о той стране
Привел тебя в такую рань ко мне?»

Фархад воскликнул: «Знай, что весть твоя —
Весть возрожденья мне, весть бытия!

Цель жизни, оправдание мое —
Моя любовь, страдание мое.

Ты слово дал мне — слово соблюди,—
Меня в тот край желанный приведи».

Шапур сказал: «С тобою путь в тот край,
Как он ни труден будь, мне будет рай.

Ну, с богом, светоч времени,— пойдем!»
В путь снарядясь, они пошли вдвоем.

Они — за переходом переход —
Без длительных привалов шли вперед.

Шапур был бодр, легко с Фархадом шел,
Фархад, как тень, с Шапуром рядом шел.

О свойстве дружбы речь велась у них,
О спутниках хороших и дурных.

Рассказами свой услаждая путь,
Беседами свой коротая путь,

Даль мерили они за шагом шаг,
И дружба их росла и крепла так.

Рисунком друга по пути не раз
Фархад и сердце услаждал и глаз,

Превозносил Шапура мастерство,
С китайским даже сравнивал его,

И столько он вопросов задавал:
Что создавал Шапур, как создавал,

Что стал Шапур подозревать: «Фархад,
Пожалуй, сам художник, мой собрат...»

Когда, пройдя чрез много разных стран,
Вступили путники в страну армян,

Шапур сказал: «Теперь, мой друг, следи,—
Свой вещий сон тут наяву найди».

И вот, спустя еще дня два иль три,
Фархад, ликуя, закричал: «Смотри!

Вот тот же луг во всей его красе,
И лилии на нем, и розы все!

И тот же самый кружит соловей
Над розою возлюбленной своей.

Здесь прах похож на чистую парчу,
Здесь воздух тушит разума свечу!»

Куда бы здесь ни обращал свой взгляд
К несчастью устремившийся Фархад,

Он дружбу роз и терний наблюдал,
Свою судьбу теперь в ней наблюдал —

И сердце боль пронзала, что ни миг:
Фархад долины бедствия достиг

И на вершине горя водрузил
Страданий знамя, что всю жизнь носил.

И так теперь сказал Шапуру он:
«Ты нашей дружбы свято блюл закон.

Вот тех же скал высокая гряда,
Что мне предстала в зеркале тогда.

Вот, друг Шапур, тот самый уголок,
Что так меня сквозь все преграды влек!

Быть может, я навязчив чересчур,
Но я тебе откроюсь, друг Шапур:

Взгляни на скалы,— видишь, люди там?
Работой надрывают груди там.

У каждого из них в руках — тиша.
За них, Шапур, болит моя душа!

Там пробивают, видимо, арык,—
Пойдем — узнаем, что за шум и крик...»

Друзья туда направили стопы
И стали на виду у той толпы.

Картина, им представшая, была
Поистине печальна, тяжела:

Кляня свою судьбу, самих себя,
Крепчайший камень этих гор долбя,

С надсмотрщиком суровым во главе,
Трудились человек там сотни две,

Изнурены, измучены трудом —
Бессмысленно порученным трудом:

Такой гранит был твердый,— ни куска
Не скалывала ни одна кирка!

Да что — куска! — крупинки небольшой
Не отбивалось ни одной тишой!

А те несчастные долбят, долбят...
Поистине не труд, а сущий ад!

Фархад глядел, и сердце сжалось в нем!
Вскипели сразу гнев и жалость в нем!

С глубокой складкой горя меж бровей
Глядел он, не стерпел и крикнул: «Эй,

Несчастные! Судьбой, как видно, вы,
Подобно мне, угнетены, увы!

Однако кто, за что обрек вас тут
На этот тяжкий, безуспешный труд?

Зачем так мучитесь вы, люди, здесь?
Какое же неправосудье здесь!

Гляжу на вас, и богом вам клянусь,
Вот-вот я дымом вздохов захлебнусь!

Откройте вашу цель, и, может быть,
Я чем-нибудь смогу вам пособить!..»

Душевнейшим обычаем его,
Всем царственным обличием его

Те люди были так изумлены,
Так состраданьем были пленены,

Что, ниц повергшись, о своих делах
В таких ему поведали словах:

«Кто ты, кто сердцем чистым взговорил?
Не сам ли ты архангел Джабраил?

Мы ангелов не видели, а все ж —
Ты на людей обычных не похож.

Но если ты и человек, то пусть
Тебя минуют беды, горе, грусть!

Ты спрашивал, теперь ответ внемли:
Отчизна наша — это рай земли.

Есть сорок крепостей у нас в стране,—
Их башни с зодиаком наравне.

Венчает добродетелью страну
Царица, наш оплот — Михин-Бану.

От Афридуна род ведет она,
И в мире, как Джемшид, она знатна.

На лик ее венец не бросил тень,
Но дань с венцом берет он, что ни день.

Сокровищ у Михин-Бану в казне,—
Никто не видел столько и во сне.

Опора нам владычество ее,
Отрада нам величество ее.

Живет она, от мира отрешась,
Ничьих враждебных козней не страшась.

Есть у нее племянница Ширин,
Как свет зари, румянец у Ширин.

Вся — заповедник чистоты она,
Стройна, как тополь, как луна — ясна.

Не то, что в светлый лик ее взглянуть,—
Не смеем это имя помянуть.

Кто красоты ее видал венец,
Тот, говорят, на свете не жилец...

Михин-Бану полна забот о ней,
Навек ей дав приют в душе своей.

Отраду в жизни находя одну,
Лишь для нее живет Михин-Бану.

А о труде своем что скажем мы?
Арык ведем в гранитном кряже мы.

Кряж с запада к востоку наклонен,
Источник оросил восточный склон.

Вода его свежа и так сладка,—
Мертвец воскреснет даже от глотка!

Туда, всю свиту вкруг себя собрав,
Царевна приезжает для забав.

Порою эта гурия пиры
Устраивает в том конце горы.

На западе ее дворец стоит,
Необычайной красоты на вид.

Дворцу под стать — окрестность хороша;
Как дивный рай, вся местность хороша.

Макушкою в заоблачный атлас
Там горная вершина вознеслась.

Ах, видно, нет и рая без беды:
Ни капли на вершине нет воды!

Однако, по сужденью знатоков,
Исход из положения таков:

Пробить арык — и из ручья тогда
На запад, мол, поднимется вода.

Но от дворца живительный ручей
Течет, увы, за десять ягачей!

Вот их наметка. Мы по ней арык
Должны пробить — и вверх пустить родник.

Но здесь, как видишь сам, все сплошь — гранит;
Тишой долбишь, киркою бьешь гранит,—

Они его, однако, не берут...
Замучил, погубил нас этот труд!

Мы поломали все тиши, кирки:
Тут юноши на вид — как старики,

Все потеряли даже вид людей,
В три года сотни три пробив локтей.

Не только мало жизни нам одной,
Но если б жить нам столько, сколько Ной,

И то нам этот не пробить арык,—
Столь непосилен труд и столь велик!

Начальников мы убедить хотим,—
Что́ наши доводы и просьбы им!..»

Их повести печальной внял Фархад,
За них страдая, застонал Фархад:

«О ты, несправедливая судьба!
О, с камнем непосильная борьба!

А я такие знанья берегу
И неужели им не помогу?

Хоть я не для того пришел сюда,
Но слишком велика у них беда...»

* * *

Оставить их не мог беспечно он:
Горн попросил и мех кузнечный он,

И кожаный передник он надел
И приступил к работе, как умел.

Мех осмотрев и не найдя прорех,
Соединил затем он с горном мех,

Засыпал уголь, плюнул на ладонь —
И начал в горне раздувать огонь.

Затем — будь негодны иль хороши —
Велел собрать он все кирки, тиши,

И все затем забросил в горн и стал
Переплавлять весь собранный металл.

А переплавив, начал ковку он,
Ковал с особенной сноровкой он,

Ковал кирки под стать своим рукам:
Одна — равнялась десяти киркам!

Такие же тиши: коль взвесить их,
Тишей обычных было б десять в них!

Напильников наделал покрупней,
Точильных наготовил он камней,

И тайно всем орудиям он стал
Каренов тайный придавать закал.

И, так все приготовив для работ,
Отер Фархад с лица обильный пот,

Присел — и стал о деле размышлять,
Как дело повести, чтоб не сплошать.

Почтительно застыв, толпа людей
Ждала, что будет делать чародей:

У них орудья отобрав из рук,
Что, если сам не справится он вдруг?

Как будто их сомнения прочел,
Фархад к черте арычной подошел,

Киркой взмахнул — и вот уже громит
Он богатырскою рукой гранит.

Ударом посильнее валит он
Такую глыбу,— не осилит слон!

А послабее нанесет удар,
И то обломка хватит на харвар,

От мелких же осколков люди вскачь
Оттуда разбегались на ягач.

Что ни удар — то отгулов кругом —
На десять ягачей грохочет гром.

Так богатырскою своей киркой
Свершить успел он за день труд такой,

Который непосилен был двумстам
Работавшим три года мастерам.

Теперь звучал не горя,— счастья крик:
«Да он один прорoет весь арык!»

Спешат начальники к Михин-Бану,—
Обрадовать хотят свою луну.

* * *

Эй, кравчий, дай из самых жгучих вин!
Я проглочу расплавленный рубин.

Скалу печали чем разворочу?
Вином ее расплавить я хочу!

ГЛАВА XXXI

ВСТРЕЧА ФАРХАДА С ШИРИН

Выезд двора на места работ.
Описание красоты Ширин.
Награждение чудесного мастера.
Фархад узнает в Ширин красавицу, виденную в зеркале Искандара.
Потеря сознания.
Фархада переносят во дворец Михин-Бану

Тот ювелир, что жемчуг слов низал,
Так ожерелье повести связал.

* * *

А я, начав главу, упомяну
О том, что люди бросились к Бану.

Фархад их изумил своим трудом,—
Они ей так поведали о том:

«Пришел к нам некий юноша,— таких
Не видели созданий мы людских:

На вид он изможден, и слаб, и тощ,
А мощь его — нечеловечья мощь.

А сердцем прост и так незлобен он,
И ликом ангелоподобен он.

Не справиться так с глиною сырой,
Как он с крепчайшей каменной горой.

За нас один ломать он стал гранит,—
Арык на полдлины уже пробит!..»

Известием удивлена таким,
Могла ль Михин-Бану поверить им?

И лишь когда опять к ней и опять
Все те же вести стали поступать,

Не верить больше не было причин.
Тогда Бану отправилась к Ширин

И рассказала все, что стало ей
Известно от надежнейших людей:

О том, каков на вид пришелец тот,
Обычаем каков умелец тот

И как один он за день сделал то,
Чего в три года не успел никто.

Воскликнула Ширин: «Кто ж он такой,
Наш гость, творящий чудеса киркой?

Он добровольно нам в беде помог,—
Действительно, его послал к нам бог!

Он птица счастья, что сама влететь
Решилась в нашу горестную сеть.

Сокровища растрачивала я,
Напрасный труд оплачивала я,

И говорила уж себе самой:
«От той затеи руки ты умой,—

Арык не будет сделан никогда,
И во дворец мой не пойдет вода!..»

А этот чужеземец молодой,
Я верю, осчастливит нас водой.

Чем эту птицу счастья привязать?
Ей нужно уваженье оказать!»

Она приказ дала седлать коней,—
Михин-Бану сопутствовала ей.

За ними свита из четырехсот
Жасминогрудых девушек идет.

У сладкоустой пери — строгий копь,
Весь розовый и ветроногий конь.

Резвейшим в мире был ее скакун,
А прозван был в народе он Гульгун.

И, управляя розовым конем,
Ширин — как розы лепесток на нем.

Она пустила сразу вскачь коня —
Остались сзади свита и родня,

И конь, послушный пери, так скакал,
Что пот росой на розе засверкал.

Для уловленья в сеть ее красы,—
Как два аркана черных, две косы —

Две черных ночи, и меж той и той,—
Пробор белел камфарною чертой.

Злоумышляла с бровью будто бровь,
Как сообща пролить им чью-то кровь,

И на коране ясного лица
Быть верными клялись ей до конца.

Полны то сладкой дремою глаза,
То страсть пьянит истомою глаза.

А губы — нет живительнее губ,
И нет сердцегубительнее губ!

Как от вина — влажны, и даже вид
Их винной влаги каждого пьянит.

Хоть сахарные, но понять изволь,
Что те же губы рассыпают соль,

А эта соль такая, что она
Сладка, как сахар, хоть и солона.

Другой такой ты не найдешь нигде —
Подобна эта соль живой воде!

А родинка у губ — как дерзкий вор,
Средь бела дня забравшийся во двор,

Чтоб соль и сахар красть. Но в них как раз
По шею тот воришка и увяз.

Нет, скажем: эти губы — леденец,
А родинка у рта — индус-купец:

И в леденец, чтоб сделать лучше вкус,
Индийский сахар подмешал индус.

И о ресницах нам сказать пора:
Что ни ресничка — острие пера,

Подписывающего приговор
Всем, кто хоть раз на нери бросит взор.

Нет роз, подобных розам нежных щек;
На подбородке — золотой пушок

Так тонок был, так нежен был, что с ним
Лишь полумесяц узенький сравним,

При солнце возникающий: бог весть,
Воображаем он иль вправду есть.

Жемчужины в ушах под стать вполне
Юпитеру с Венерой при Луне.

Для тысяч вер угрозою угроз
Была любая прядь ее волос.

А стан ее — розовотелый бук,
Нет, кипарис, но гибкий, как бамбук.

Заговорит — не речь,— чудесный мед,
Харварами мог течь словесный мед.

Но, как смертельный яд, он убивал
Вкусившего хоть каплю наповал...

Такою красотой наделена
Была Ширин. Такой была она

В тот день, когда предстала среди скал
Тому, кто, как мечту, ее искал.

И вот он, чародей-каменолом,
В одежде жалкой, с царственным челом.

Величьем венценосца наделен,
Он был силен, как разъяренный слон,

А благородно-царственным лицом
Был времени сияющим венцом.

В пяту вонзился унижения шип,
А камень бедствий голову ушиб.

Боль искривила арки двух бровей,
Хребет согнулся под горой скорбей,

Легли оковы на уста его,
Но говорила немота его.

На нем любви страдальческой печать,
На нем тоски скитальческой печать.

Однако же — столь немощен и худ —
Он совершает исполинский труд:

С горой в единоборство он вступил —
Гранит его упорству уступил...

Фархад, узрев Ширин, окаменел,
То сердцем леденел, то пламенел.

Но и сама Ширин, чей в этот миг
Под пеленою тайны вспыхнул лик,

К нему мгновенной страстью занялась,
Слезами восхищенья облилась.

На всем скаку остановив коня,
Едва в седле тончайший стан склоня,

Тот жемчуг, что таят глубины чувств,
Рассыпала, открыв рубины уст:

«О доблестнейший витязь, в добрый час
Пришедший к нам, чтоб осчастливить нас!

С обычными людьми не схож, ты нам
Загадка по обличью и делам.

По виду — скорбен, изможден и хил,
Ты не людскую силу проявил,—

Не только силу, но искусство! Нет,
Не знал еще такого чуда свет!

Но, от большой беды избавив нас,
Ты в затрудненье вновь поставил нас:

Ведь сотой части твоего труда
Мы оплатить не сможем никогда.

За скромные дары не обессудь,—
Не в них признательности нашей суть...»

* * *

Фархад от изумленья в землю врос.
А ей закрытый подали поднос

С дарами драгоценными; никто
Не мог бы оценить богатство то.

Поднос рукой точеною открыв,
Ширин, все извиненья повторив,

Дарами стала осыпать того,
Чье чудом ей казалось мастерство.

Фархад стоял, как бы ума лишен,
Так был он поражен, обворожен

Негаданно счастливой встречей той,
Изысканной, учтивой речью той.

Так сердце в нем стучало, что чуть-чуть
Его удары не разбили грудь,

И сам он с головы до ног дрожал,
Все успокоиться не мог — дрожал.

Но вот уста открыл каменотес
И, задыхаясь, еле произнес:

«Я умер от дыханья твоего,
Погиб от обаянья твоего!

Но я не знаю, кто ты! Уж не та ль,
Чей образ вверг меня навек в печаль

И отнял трон, и родину, и дом
И кем я был в скитальчестве ведом

И на чужбину брошен, пред тобой
Повержен в прах, ничтожный камнебой?

Душа меня покинула, едва
Произнесла ты первые слова.

Нет, я живу, не мог я умереть —
Твое лицо я должен был узреть!»

Вздохнул он. Ветер вздоха был таков,
Что с луноликой он сорвал покров.

Да, перед ним теперь предстала та —
Его любовь, страдание, мечта!

Но кто лишь отраженье увидал
Возлюбленной, и то Меджнуном стал,

Не будет ли небытием сражен,
Чуть самоё ее увидит он?

Кто, вспомнив о вине, хмелеет,— тот,
Хлебнув его, в бесчувствие впадет...

Едва Ширин свой приоткрыла лик,
Фархад ее узнал, и в тот же миг

С глубоким стоном, мертвеца бледней,
Как замертво, свалился перед ней.

Увидев, что, как труп, он распростерт,
Ширин воскликнула: «Он мертв, он мертв!»

Как тучей помраченная луна,
Померкла, огорченная, она...

Едва тот светоч верности угас,
К нему, как легкий мотылек, тотчас

Поспел Шапур — и горько зарыдал:
«О ты, несчастный! Ты всю жизнь страдал:

Печаль и муки — вот твоя судьба,
Тоска разлуки — вот твоя судьба!

Путь верности ты в мире предпочел,
Но вот какой привал на нем нашел!

Ты на него лишь раз взглянул затем,
Чтоб в тот же миг расстаться с бытием.

Чист сердцем, как ребенок, был,— увы!
В сужденьях мудр и тонок был,— увы!

Ни совесть ты не замарал, ни честь,—
Всех совершенств твоих не перечесть,

Тебе уж не стонать, страдальцу, впредь!
Не двинуть ни рукой, ни пальцем впредь!

Где мощь твоя, крушительница скал?
В ущельях, что киркой ты высекал!

Что блеск и что величие твои,
Высокие обычаи твои?

Раз не возглавишь ты людей земли,
Какой же людям прок от всей земли?

Какие страны, в траур облачась,
Тебя начнут оплакивать сейчас?

Какой народ всех более скорбит,
Какой хакан несчастием убит?

Ах, лучше бы не знать Фархада мне,—
И горе не было б наградой мне!»

Так горевал Шапур. Не он один:
Рыдала столь же горько и Ширин,

Михин-Бану не сдерживала слез,
И плакал весь цветник придворных роз.

Потом уже, подавлен и понур,
Поведал им учтивейший Шапур

Все то, что знал о друге он своем,
О встрече с ним, о странствиях вдвоем...

Но время наступило, наконец,
Обратно возвращаться во дворец.

Шел медленно печальный караван.
И на носилках пышных, словно хан,

Лежал Фархад... нет,— как великий шах,
Несомый девушками на плечах!

Затем в одной из царственных палат
Оплакан всеми снова был Фархад.

И жизни словно не принадлежал,
На царственном он ложе возлежал.

* * *

Эй, кравчий, верный друг мой, поспеши,
Вином крепчайшим чувств меня лиши!

Я притчей стал, в любви не меря чувств,
А если пить — так до потери чувств!

ГЛАВА XXXII

ШИРИН ВЛЮБЛЯЕТСЯ В ФАРХАДА

Исчезновение Фархада из дворца. Снова в горах. Борьба Ширин со своим чувством

Расписывавший ложе по кости,
Повествованье так решил вести.

* * *

Фархад вторые сутки нем лежал,
То — будто бы дышал, то — не дышал.

При нем, не отходя ни шагу прочь,
Ширин с Шапуром были день и ночь.

Когда же непреодолимый сон
Им в третью ночь сковал глаза,— то он

Глаза открыл, очнулся и не мог
Понять никак, что это за чертог,

Как он сюда попал, и почему
Столь пышно ложе постлано ему?..

И вдруг он вспомнил, как к нему пришла
Та, что была, как солнце, вся светла,

Что с ней беседы удостоен был,
Что награжден своей мечтой он был...

Но пресеклась воспоминаний нить,—
Не мог Фархад концов соединить.

Иль образ пери так его потряс —
Ее волшебный голос, чары глаз,

Что в обморок упал он — и сюда
Из жалости доставлен был тогда?

Холодным потом обдал стыд его,—
Что, если пери навестит его?

И, робости не в силах превозмочь,
Стремглав он убежал оттуда прочь.

Он проблуждал всю ночь, а на заре
Он возвратился, наконец, к горе,

Где ради той, которую любил,
Арык в гранитных скалах он долбил.

Здесь он подумал: «Я пред ней в долгу.
Чем благодарность высказать могу

Ей, луноликой, светлой пери, ей,
Так снизошедшей к участи моей?

Арык — ее заветная мечта,
Так пусть не будет тщетною мечта!

Хоть жизни нашей скоротечен срок
(Не знаю, мне какой намечен срок),

Но ровно столько я хотел бы жить,
Чтоб это дело с честью завершить...»

И вот опять киркой он замахал,
Опять гранит в горах загромыхал:

Что ни размах руки — то грома треск,
Что ни удар кирки — то молний блеск.

А пыль — как туча, встала до небес,
Лазурь затмилась, солнца свет исчез.

Его дыханья расстилался дым,
Туманом поднимался он густым.

Не пыль, не дым окутали простор
Страны армянской всей от гор до гор.

Нет, не туман! Весенней тучи мощь,
Гранитный град, гранитный шумный дождь.

Лопатой тину или снег рукой
Не снимешь так, как он гранит киркой.

И так в работе той горяч он был,
Так рвеньем трудовым охвачен был,

Так быстро продвигался он вперед,
Что в изумленье ввергнутый народ,

Который следом камни разгребал,—
И кушаков стянуть не успевал...

Но сам рассказчик, подтянув кушак,
Вспять повернул повествованье так:

Когда в то утро солнечный рубин
Открыл глаза Шапуру и Ширин,

Фархада ложе пусто было. Ах!
Мгновенно свет померк у них в очах.

Напрасно поднят был переполох,—
Никто Фархада отыскать не мог.

Шапур пустился в горы. Прибежав,
Увидел он: Фархад и жив и здрав!

Забыл Шапур и горе и испуг,
И ноги друга обнял верный друг...

* * *

А между тем — грустна, потрясена,
Стрелой любви внезапной пронзена

(Как от рассказчика мы узнаем),
Ширин страдала во дворце своем.

Ее уже огонь разлуки жег.
Чтоб скрыть любовь, она нашла предлог,

И говорит она Михин-Бану:
«Постигнуть надо дела глубину.

Дабы, напрасным угнетен трудом,
Родной народ не проклял нас потом,

Направлен был к нам волею небес
Тот витязь-камнелом, но он исчез.

Нам не пробить арыка без него,
Напрасен труд великий без него.

Скорей гонцов повсюду разошли,
Чтоб чужестранца-витязя нашли...»

Весьма тонка была Михин-Бану,—
Все сразу поняла Михин-Бану.

Ей стало ясно, что граниторуб
Ее племяннице отныне люб,

Что наставленьем — страсти не унять
И что пока не время ей пенять.

Благоразумием руководясь,
Михин-Бану за поиски взялась.

Когда же весть пришла, что витязь тот
Опять в горах усердно камень бьет,

Уста Ширин, поблекшие с тоски,
Вновь расцвели, как розы лепестки.

Но жаждет испытания любовь,
Томится без свидания любовь.

И стала думать и гадать Ширин,
Как повидать его хоть раз один,

Хоть издали, хоть как-нибудь тайком,
И даже так, чтоб он не знал о том:

Она боялась, чтоб еще сильней
Не растерялся он при встрече с ней

И как бы не был тот костер открыт,
Что тайно в сердце у нее горит...

Михин-Бану была душевна с ней,
Беседовала ежедневно с ней,

Справлялась о здоровье,— не больна ль?
Какую носит на душе печаль?

И убедилась, что Ширин чиста,
Что страсти не перейдена черта,

Но что любовь проникла в сердце к ней
И с каждым днем над нею все властней.

Ширин таилась: с кем ей говорить,
Какому другу сердце ей открыть?

Ах, первая любовь всегда робка,—
Ширин блюла достоинство пока.

Проходят дни, а все грустна Ширин,
Не ест, не пьет, не знает сна Ширин.

То вдруг решает: «Я пойти должна!»
То вдруг и мысль об этом ей страшна.

Честь говорит ей: «Нет!», а сердце: «Да!»
Кто скажет ей — что благо, что беда?

О боль разлуки, как ты горяча!
Недуг растет, а нет ему врача.

* * *

Эй, кравчий, дай душистого вина!
Дай розового, чистого вина!

Неисцелима боль моя, но ей
Благоуханное вино — елей!

ГЛАВА XXXIII

ФАРХАД ЗАКАНЧИВАЕТ АРЫК И СТРОИТ ЗАМОК ДЛЯ ШИРИН

Вдохновенный труд Фархада.
Описание устройства арыка и озера-водохранилища.
Замок из цельной скалы.
Живописные работы Фархада и Шапура.
Водосбросы для горожан.
Народные толпы спешат на праздник водопуска.
Царица Бану среди народа. Где Ширин?

Кто острой мысли сложный ход решал,
Тот так пером всю книгу украшал.

* * *

Фархад всецело в дело весь ушел,
Он с каждым днем арык все дальше вел,

Тая в душе надежду, что когда
Он завершит арык, придет сюда

Ширин, розовотелый кипарис,
С кем, наконец, его пути сошлись:

Ее увидит и услышит он
И тем за труд свой будет награжден.

О, сколь она нежна и хороша!
А если скорбная его душа,

От радости такой вся излучась,
Покинет вовсе плоть его в тот час,

То — бог свидетель — больше у него
Он и просить не смеет ничего...

Одушевлен надеждою такой,
С зари и до зари своей киркой

Гранит неутомимо он долбил
Во имя той, которую любил.

Арык он так прокладывал: вперед
Две равнобежные черты ведет

На тысячу локтей: три — ширина,
Два локтя вглубь — арыка глубина.

Он тысячу прорубит, а за ней
Прорубит дальше тысячу локтей.

А двести камненосов следом шло,
Освобождая от камней русло.

Тогда Фархад при помощи тесла
Подравнивал бока и дно русла,

И так искусно их потом лощил,
Как будто воском камень он вощил.

Нет, стены превращал он в зеркала,—
Песчинка отражаться в них могла.

А если каменный кончался грунт
И вдруг песчаный обнажался грунт,—

Не облегчались там его труды:
Пески — плохое ложе для воды,—

И, чтоб арыку не грозил обвал,
Чтоб всей воды песок не выпивал,

Без устали киркой он и тишой
Работал — и не унывал душой.

Он сотни плит гранитных вырезал,
Их оббивал и тщательно тесал,

И высекал зубцы по ребрам плит —
Зубец в зубец он сплачивал гранит,

И, много сотен плит сводя в одно,
Он стены облицовывал и дно,

И так в работе этой был он строг,
Что швов нигде никто б найти не смог...

А снова станут скалы на пути,
В куски он их раскалывал в пути.

Гранитных скал стал жителем Фархад —
Стал скалосокрушителем Фархад.

Подтянет свой кушак потуже он —
Одним ударом рушит целый склон;

Махнет, как бы игрушкой, он киркой —
Смахнет скалы верхушку он киркой.

Он низвергал за глыбой глыбу в степь —
Обрушиться хребты могли бы в степь!

Осколки били по луне, но ей
Был ореол защитой от камней.

Был звездам страшен тех осколков дождь,
Что излила на них Фархада мощь,—

И, головы спасая, сонмы звезд
Бежали с неба, покидая пост.

А небосвод — хоть весь изранен был,—
Захватывал те камни и копил,

Чтоб их бросать на землю: млад и стар
Страдают от камней небесных кар,

И, видимо, запаса тех камней
У неба хватит до скончанья дней!..

Вершины руша от самих небес,
Пыль поднимая до седьмых небес,

Сто вавилонских чар затмив, Фархад
Сердца потряс, смутил умы Фархад,

Когда и день и почь арык в горах
Он пробивал, свергая горы в прах...

Так исподволь все дело шло к концу,
Арык уже был подведен к дворцу,

И здесь, как мы в дальнейшем узнаем,
Фархадом был устроен водоем,—

Нет, озеро там выдолбил Фархад,
Чья площадь — шестьдесят на шестьдесят.

Вода его живой водой была,
Свежа, прохладна и до дна светла.

* * *

Вблизи дворца стоял один утес,
Который в небо голову вознес.

Он круглым был,— в окружности своей
Имел он свыше пятисот локтей.

Фархад подумал: «Исполин-скала!
Мне тут сама природа помогла.

Об остальном я позабочусь сам:
Прекрасный замок из скалы создам».

Опять Фархад кирку пускает в ход,
Над озером он замок создает,

Из цельной глыбы строит он дворец —
Искуснейшего зодчества венец.

Возглавлен был высоким сводом он,
Стоял лицом к озерным водам он;

Его айван со множеством колонн
В лазурный упирался небосклон.

Величию наружному под стать
Сумел Фархад и все внутри создать:

Был для приемов и пиров большой
Внутри скалы им высечен покой;

Вверху простерся купол-великан,
Трехарочный и тут стоял айван

С высокими колоннами: Фархад
Не пожалел трудов для колоннад.

Он отзеркалил так скалу-дворец,
Что весь подобен стал стеклу дворец.

Своим резцом художник-камнетес
Узоров много на айван нанес,

Украсил стены множеством картин,—
На каждой он изображал Ширин.

Была на троне изображена
Средь гуриеподобных дев она.

Но даже и при райской красоте
Лишь воплощенной формой стали те,

Зато Ширин была так хороша,
Как в образ воплощенная душа!

Во многих видах он изображал
Ту, для кого дворец сооружал.

Изображал он также там себя,
Но так изображал он сам себя,

Что где бы ни была она иль он,
К ней взор его всегда был устремлен.

Шапур его не оставлял и тут,
С ним разделяя живописи труд,

И смелой кистью другу помогал,
И в кисть Фархада смелость он влагал.

Над росписью работая в те дни,
Друг друга дополняли так они:

Один — людей напишет, тот — зверей,
Один — зверей поправит, тот — людей.

Ту, что была всем пери образцом,
Фархад не кистью лишь, но и резцом

Изобразил на камне, и себя
Из камня высек, плача и скорбя.

Так создан был из той скалы дворец,
И так он был украшен под конец,

Подобный по величине горам,
А по изяществу — китайский храм.

Когда уже все кончил в нем Фархад,
Вновь принялся за водоем Фархад,

Стал от него арыки ответвлять
И к самому дворцу их направлять,

Так, чтоб дворец Ширин со всех сторон
Узором водным был осеребрен.

Когда он это дело завершил,
И город он снабдить водой решил.

А город был внизу, и без воды
Там огороды гибли и сады.

Фархад исчислил высоту,— она
Двум тысячам локтей была равна.

И с этой кручи вниз пустил Фархад
За водопадом в город — водопад.

И так благодаря его трудам
Все люди воду получили там...

* * *

Когда же день настал для пуска вод,
Смятением охвачен был народ.

Не только этот город,— вся страна
Событием таким потрясена,

Спешила к месту зрелища толпой,
Невиданной досель еще толпой —

Такой, что, попади в нее игла,
И та упасть бы наземь не могла.

Да что игла! Из-за людских лавин
Ни гор не видно было, ни равнин!

А несравненный низвергатель скал
Вдоль берега арычного шагал,

В слезах, печальный. И, как он, понур,
Брел рядом с ним и друг его Шапур.

Да, шел Фархад, тоскою удручен,
Одной мечтою страстной увлечен.

Он думал: «Валит весь народ сюда,
Быть может, и она придет сюда

Полюбоваться делом рук моих —
Моя любовь, источник мук моих.

Я жду ее, тоскую, но боюсь:
Придет — от радости я чувств лишусь.

А если вдруг не явится — умру.
Не повидав красавицы — умру...»

Так, молча, нес он бремя горьких дум.
Но в это время он услышал шум,

И вот — сквозь слезы, как сквозь пелену,
Он видит караван Михин-Бану.

Блестящей свитою окружена,
Как между звезд бесчисленных луна,

Была она так величава,— вся
Великолепье, блеск и слава вся.

Горячим ликованьем обуян,
Народ, столь пышный видя караван,

Срывал все драгоценности с себя,
И путь царицы устилал, любя.

Фархад остановился и поклон
Отвесил низко, горем ущемлен:

Не находил он в царской свите той,
Которая была его звездой.

Печально он опять побрел вперед,
И весь тот многочисленный народ,

Заполнивший от гор до гор пути,
Держал о нем лишь разговор в пути —

И, праздник омрачая сам себе,
Скорбел и плакал о его судьбе.

Хотя Фархад и поспешить бы мог,
Он остановкам находил предлог,

А сам смотрел: не прибыла ли та —
Его любовь, страдание, мечта.

Глядел не в два,— в четыре глаза он,
Ища ее — смятение времен.

И так дошел он до истока вод,
И так за ним дошел и весь народ.

* * *

Подай вина мне, кравчий! Винный хмель
Приятней, чем тоски полынный хмель!

О хмель разлуки! Сколько боли в нем!
Лечи его свиданьем иль вином!

ГЛАВА XXXIV

ПРАЗДНИК ВОДОПУСКА

Солнце Армении спешит к водному знаку зодиака.
Суматоха в толпе. Приезд Ширин.
Осмотр арыка. Вода пущена. Ликование народа.
Фархад на плечах приносит Ширин вместе с конем к водохранилищу.
Вода в замке. Снова разлука

Кто в тех горах разламывал гранит,
Поток прозрачной речи так стремит.

* * *

Когда Фархад, на сердце навалив
Хребты печали, реки слез пролив,

Отправился в тот день на пуск воды,—
Ширин, кто знала все его труды:

И высеченный среди скал арык —
Тот гладкий, как лицо зеркал, арык;

И тот дворец, подобный небесам,
Который для нее он создал там;

И те узоры и картины те,
Которым равных нет по красоте;

И все, что он свершил и что вовек
Другой свершить не мог бы человек,—

Осведомляясь каждый миг о нем
И тем же, что и он, горя огнем,

На этот раз, такую слыша весть,
Волнения не в силах перенесть,—

Придворным слугам отдает приказ
Коня Гульгуна оседлать тотчас.

Тот резвый конь был на ходу легок —
Зерном жемчужным он катиться мог,

Он ветром был. Ширин — нежна, тонка,
Была на ветре лепестком цветка,

Но прежде, чем на ветер свой воссесть,
Ширин к Бану с гонцом послала весть:

«В прогулку солнце хочет, мол, пойти,
Оно спешит, оно уже в пути.

И тот себе наметило привал,
Что зодиака знак облюбовал.

Так пусть булаторукий витязь — тот
Гранитонизвергатель подождет.

Пусть водопуск задержит, пусть вода
Пойдет, когда прибуду я туда...»

Бану, обрадована вестью той,
Спешит найти в толпе людей густой

Фархада, потерявшего, скорбя,
Не только сердце,— самого себя.

Найдя, сказала: «Ты нас извини.
Тебе лишь огорчения одни

Мы причиняли, и велик наш стыд,
Но разве он тебя вознаградит?

Немало ты набегался. Присядь.
О радости хочу тебе сказать:

Сейчас сюда и та прибыть должна,
Что, словно роза нежная, нежна,

Стройна, как кипарис,— чтоб озарить
Арык, что соизволил ты прорыть,

И цвесть, как роза и как кипарис,
У этих вод. А ты приободрись...»

Ведя такой сердечный разговор,
Бану велела разостлать ковер,

Поставить трон и, дав коню покой,
Сошла с седла, на трон воссела свой —

И вновь Фархаду оказала честь,
Прося его на тот ковер присесть.

Гранитосокрушитель, весь в пыли,
Склонился перед нею до земли —

И, словно ангел божий, он присел,
У тронного подножья он присел...

Но тут в толпе возникла кутерьма.
Пыль черная, густая, как сурьма,

Клубилась вдалеке. Она, она —
Султан красавиц, ясная луна,

Вершина красоты, светильник дня —
Сюда поспешно правила коня!

А стража стала оттеснять народ,
Который сбился у истока вод

Вокруг Фархада и Михин-Бану.
Но как сдержать взметенную волну?..

Фархад весь дрожью был охвачен вновь,
Внезапный жар в нем высушил всю кровь.

И начала его увещевать
Михин-Бану заботливо, как мать:

«Свою ты волю напряги, сынок,
Глаза и сердце береги, сынок!

Ведь, потеряв рассудок в этот миг,
Ты рушить можешь все, что сам воздвиг.

Пред всем народом обезумев здесь
(Об этом поразмысли, это взвесь),

Как встретишься ты с пери? Что, когда
Ее страдать заставишь от стыда?

Мир не прощает недостатков нам.
Ты овладей собой, не мучься сам,

Не огорчай меня, а также ту —
Земную гурию, твою мечту...»

Пока боролся он с собой самим,
Красавица была почти пред ним.

В огонь, что на щеках ее пылал,
Как саламандра, весь народ попал.

Не говори, что за кольцом кольцо
Спадали кудри на ее лицо,

Благоухая амброй: это — дым
От пламени того был столь густым,

Как амбра черный,— чернотой своей
Мир омрачил он тысячам семей...

К Фархаду направляя скакуна,
Смущала время красотой она,

И, дерзко время попирая в прах,
Конь приближался, взмыленный в пахах.

Бану Фархаду говорит: «Спеши
Взор уберечь от бедствия души,

Покуда не сошла она с седла,
И принимайся за свои дела.

Быть может, нелюбезен мой совет,
Но был бы лишь полезен мой совет».

* * *

Шапур помог Фархаду встать — и тот
Пошел с киркой открыть воде проход.

А тут как раз поспела и она —
Та, что была от пери рождена.

И, осмотрев со всех сторон арык,
Любуясь, как сооружен арык,

Ширин, в восторге, слов не находя
И руки в изумленье разводя,

Качаньем головы, улыбкой — так
Высказывала радость, что ни шаг...

Фархад киркой пробил дыру, куда
Вся ручьевая хлынула вода,

Но, встретив заграждение камней,
Свернул сначала в сторону ручей.

И, словно мельница стояла там,
Теченьем камни увлекало там.

Когда же стал арык приютом вод,
Волненье всколыхнуло весь народ.

Как будто вся толпа сошла с ума,
Такая началась там кутерьма,

Такая суматоха, клики, рев,—
И тут и там, с обоих берегов.

Подтягивали пояса певцы,—
Настраивали голоса певцы,

Так, чтоб напевы их звучали в лад
С водой, которую пустил Фархад.

Михин-Бану с красавицей своей
Во весь опор помчали двух коней,

Чтоб, обогнав течение воды,
Ждать в замке появление воды.

Но даже конь небесный бы не мог
Опередить столь быстрых вод поток.

И все-таки за всадницами вслед
Пустился весь народ — и юн и сед.

Фархад, давно оставшийся один,
Пешком понесся догонять Ширин.

А конь ее, как ни был он горяч,
Как ни летел за ягачом ягач

(Не говори, что ровным прямиком,—
Летел и через горы ветерком!),—

Но ветерок, чья ноша серебро,
Боится сбросить все же серебро,—

И был в такой тревоге этот конь,
Резвейший, ветроногий этот конь,

Что вдруг одну из ног вперед занес,
А остальными — в камень будто врос.

А если бы его погнать тогда,—
Могла с Ширин произойти беда:

Запутаться ногами мог бы конь,
Свалить ее на камни мог бы конь!..

Фархад, которого примчала страсть,
Чтоб розе с ветра наземь не упасть,

Согнулся, как под солнцем небосвод,
Спиной уперся он коню в живот,

Передние схватил одной рукой,
Две задние ноги схватил другой,

И так же, как владычицу сердец
Носил тот ветроногий жеребец,

Так на своих плечах Фархад-Меджнун
Понес обоих, как лихой скакун.

Он так помчался, что, как черный дым,—
Нет, как сурьма, клубилась пыль за ним.

Без передышки на себе их мча,
Два или три бежал он ягача —

И вскоре очутился пред дворцом.
Он обежал дворцовый водоем,

К айвану подбежал и, стан склоня,
Поставил наземь пери и коня...

Едва сошла красавица с седла,
Вода в арык дворцовый потекла.

Прах пред Ширин облобызал Фархад,
Опять ни слова не сказал Фархад,

И, слезы проливая, он ушел,
Как туча дождевая, он ушел.

Когда он в горы шел тропой крутой,
Арык уже наполнился водой,

И до краев был полон водоем —
Так что вода не умещалась в нем;

Она, подобна райским ручейкам,
Текла вокруг дворца по арычкам,

В степь изливаясь, продолжала путь,
У горожан в садах кончала путь...

«Рекою жизни» тот арык с тех пор
Завется у людей армянских гор,

И «Морем избавленья» — водоем
Народ прозвал на языке своем.

* * *

Эй, кравчий, море винное открой —
И чашу дай с корабль величиной!

В арыке винном — воскресенье мне,
А в море винном — избавленье мне!

ГЛАВА XXXV

ФАРХАД НА ПИРУ У МИХИН-БАНУ

Ширин тоскует.
Михин-Бану приглашает Фархада на пир.
Десять ученых дев.
Здравица Ширин за Фархада и за ее любовь к нему

ГЛАВА XXXVI

СВАТОВСТВО ХОСРОВА

Иранский шах Хосров Парвиз ищет новую жену.
Сообщения гонцов о красавице Ширин.
Советник шаха Бузург-Умид.
Отправка посла к Михин-Бану

ГЛАВА XXXVII

МИХИН-БАНУ ОТКАЗЫВАЕТ ХОСРОВУ

Приход иранского посла.
Неожиданное предложение.
Объяснение с Ширин. Пир в честь посла.
Мудрый отказ Михин-Бану. Гнев Хосрова

ГЛАВА XXXVIII

НАШЕСТВИЕ ХОСРОВА НА СТРАНУ АРМЕН

Крепость Михин-Бану.
В ожидании осады. Фархад на вершине скалы.
Хосров осматривает крепость.
Два метких камня Фархада

Войска стихов построив на смотру,
Поэт в поход повел их поутру.

* * *

Парвиз, поднявший гнева острый меч,
Решив страну армян войне обречь,

Собрал такую силу, что и сам
Не ведал счета всем своим бойцам.

За войском поднимавшаяся пыль
Мрачила светоч дня за милем миль,

Скажи — совсем затмила светоч дня,
Сознанье неба самого темня.

Не помнил мир неправый, чтоб поход
Настолько был несправедлив, как тот!

Немного дней водил Парвиз войска,—
Увы, была страна Армен близка...

Тревоги весть летит к Михин-Бану,
Что вторгся неприятель в их страну,

Что он потоком грозным хлынул... нет,—
Какой поток! То море страшных бед!

Какое море! Ужасов потоп!
Нет ни дорог свободных и ни троп...

Бану не растерялась: в ней давно
Созрела мысль, что горе суждено.

И был начальник крепости умен —
К осаде крепость приготовил он.

А крепость, простоявшая века,
Была и неприступна и крепка,

Но так ее сумел он укрепить,
Что крепче и кремлю небес не быть.

Дорога, по которой в крепость шли
Арбы с пшеницей, с сеном той земли,

Напоминала неба Млечный Путь,
Покрытый звездной зернью вечный путь.

За крепостной стеной, что вознеслась
Зубчатым гребнем в голубой атлас,

За каждым из зубцов — гроза врагам —
Сидел не просто воин,— сам Бахрам!

Рвы доходили до глубин земных,
И так вода была прозрачна в них,

Что по ночам дозорным со стены
Бывали звезды нижние видны.

Вся крепость так укреплена была
И так припасами полна была,

Что даже и небесный звездомол
Лет в сто зерна б того не промолол.

Как звезд при Овне — было там овец,
Коров — как звезд, когда стоит Телец.

Описывать запасы всех одежд
Нет смысла нам,— а счесть их — нет надежд...

Теперь Бану заботилась о том,
Чтоб власть в народе укреплять своем.

А пери думу думала одну —
Она с военачальником Бану

Фархаду в горы весть передала:
Мол, таковы у них в стране дела,—

Его судьба, увы, ее страшит,
Пусть он укрыться в крепости спешит.

Не думал он в укрытие засесть,
Но, чтоб обиды пери не нанесть,

Он все же нужным счел туда пойти,
Но с тем, чтоб не остаться взаперти...

Над крепостью была одна скала —
Быть башней крепости небес могла.

На ней Фархад решил осады ждать,
Чтоб камни в осаждающих метать...

* * *

А между тем туда спешил Хосров,
Придя, войска расположил Хосров

От места укрепленного того
В полмиля расстояния всего,

А сам со свитой выступил в объезд —
Обозревать твердыню здешних мест.

Внимательно он местность изучал,
На крепость взоры часто обращал,

Обдумывал, рассчитывал, но взор
Не крепость видел на высотах гор,

А небо на земле. Как небо взять?
Где силу и дерзанье где бы взять?

Так размышлял и каялся Парвиз,
Но не совсем отчаялся Парвиз:

В походе пользы, может быть, и нет,
Но сожаленья путь — не путь побед.

Хосров на ту скалу направил взгляд,
Где на вершине пребывал Фархад,

Как жемчуг драгоценный на челе.
Хосров его заметил на скале,

И, словно сам в себя вонзил кинжал,
Он, к свите обратившись, так сказал:

«Осведомьтесь, кто дерзкий тот храбрец —
Угроза и смятение сердец!»

Погнал коня один из тех людей,
К скале приблизился и крикнул: «Эй!

Желает знать великий шах Парвиз,
Кто ты такой? Чем занят? Назовись!»

И так Фархад ответил со скалы:
«Себе не стану расточать хвалы.

Я к именитым не принадлежу,—
Я именем своим не дорожу,

Оно мне чуждо стало,— нет, оно
Исчезло — в прах, в золу превращено

Огнем любви, в котором весь сожжен,
Я своего же существа лишен.

Но люди легкодумны,— потому
Небытию не верят моему,—

И, прах мой поминая, не в укор,
Фархадом именуют до сих пор...»

От столь глубокомудро-скорбных слов
Чуть не лишился разума Хосров.

И, ревностью сжигаем, думал шах:
«Есть сладость в этих мыслях и словах,

Красноречив соперник мой Фархад,
Но в сахаре он мне подносит яд,

Убить змею шипучую — не жаль:
Не ползай и при случае не жаль!

Чтоб не вонзился терний в ноги,— прочь!
Он мой соперник,— и с дороги — прочь!

Пришла пора стянуть на нем аркан,
Пробить ему в отходный барабан».

И кликнул шах: «Эй, люди, кто храбрей!
Ко мне его доставьте поскорей...»

Увидел с высоты своей Фархад,
Что мчится в десять всадников отряд,

И громко закричал оттуда вниз:
«Эй ты, сардар! Хосров ли ты Парвиз

Иль не Хосров, но уши ты открой
И вслушайся в мои слова, герой!

Своих людей ко мне ты с чем послал?
Когда б меня ты в гости приглашал,

То разве приглашенья путь таков,
Что требовал бы сорока подков?

А если смерти ты меня обрек,
Мне это — не во вред, тебе — не впрок,

И грех пред богом и перед людьми
За десять неповинных жертв прими.

Ты волен мнить, что это похвальба.
Однако шлема не снимай со лба:

Метну я камень в голову твою —
И лунку шлема твоего собью.

Вот мой привет! И вот — второй! Проверь:
Сбиваю с шлема острие теперь».

Фархад метнул за камнем камень в шлем —
И лунку сшиб и острие затем.

Сказал: «Вот подвиги людей любви!
Ты видел сам и воины твои,

Как меток глаз мой, как сильна рука:
Так уведи скорей свои войска,

Иначе — сам себя же обвиняй:
Всех истреблю поодиночке, знай!

Хоть пощадил я череп твой, а все ж
И сам ты головы не унесешь.

А потому благоразумен будь —
И с головой ступай в обратный путь.

И милосердью ведь пределы есть:
Не вынуждай меня, сардар, на месть.

Я не хочу, чтоб каждый камень мой
Стал неприятельскою головой.

Но мне, в себе несущему любовь,
Я верю — бог простит и эту кровь.

Тебя он шахом сделать захотел,
Мне — прахом быть назначил он в удел,

Однако дело, коим занят шах,
Стократ презренный прах в моих глазах.

Дорогой гнета день и ночь скача,
Конем насилья все и всех топча,

Ты тем ли горд, что кровь и произвол
Ты в добродетель царскую возвел?

Моею речью можешь пренебречь,
Но страшно мне, что ты заносишь меч

И тучу войск на ту страну ведешь,
Куда тебя вела любовь... О, ложь!

Свои уста, язык свой оторви —
Ты говорить не смеешь о любви!..»

Рассерженный Хосров остался нем.
Фархад пробил сначала камнем шлем,

Теперь, произнеся такую речь,
Вонзил он в сердце шаха острый меч.

И, в сердце уязвлен, Хосров ушел,
К своим войскам он, зол, суров, ушел.

* * *

Войска печали, кравчий, отзови!
И шах и нищий — все равны в любви,

Любовь для нас, как власть царям,— сладка,
Но есть соблазн и в доле бедняка.

ГЛАВА XXXIX

ОСАДА КРЕПОСТИ АРМЕН

Новая попытка вынудить Михин-Бану к согласию.
Достойный ответ. Ревность и ярость Хосрова.
Начало осады

ГЛАВА XL

ПЛЕНЕНИЕ ФАРХАДА

Фархад побивает иранцев камнями.
Коварный план. Мнимый меджнун. Отравленная роза. Засада.
Пленение. Горе Шапура

Что крепость небосвода? Лучше ты
Скажи о ней: твердыня красоты!

* * *

Когда к осаде приступил Хосров,
Он вырыть приказал огромный ров

И круглый вал насыпать земляной,
Чтоб с тылу оградить себя стеной...

А в это время в крепости армян
Бил день и ночь тревоги барабан,

Дозорных крик не умолкал всю ночь,
И глаз никто там не смыкал всю ночь,

И, факелами вся озарена,
Пылала, как жаровня, их стена...

Десятый день в осаде жил народ,
Не отпирая ни на миг ворот.

Но к их стене вплотную подойти,
Людей своих на приступ повести

Хосров не мог: на тысячу локтей
Фархад камнями побивал людей.

Метнет — разбита вражья голова.
Но он пробил бы даже череп льва.

Что — головы? Попал бы он равно
И в маковое малое зерно!

Несчетно камни он заготовлял,
Врагов несчетно ими истреблял...

Но если спросишь: как же тот, кто сам
Привержен был к страданьям и слезам;

Кто каждому несчастному был рад
Помочь и обласкать его, как брат;

Кто с каждым бедняком сердечен был,
Великодушен, человечен был;

Кто, возмущен насильем, гнетом, злом,
Теперь убийство сделал ремеслом? —

То мы напомним: проливая кровь,
Он воевал за верность и любовь.

И ужас наводил на тех людей,
Которых на злодейство вел злодей.

Фархад же человеком был — и он
Самозащиты признавал закон.

Да, положенье было таково:
Иль он Хосрова, иль Хосров — его!

Любя Ширин, ее народ любя,
Он поступал, как муж, врагов губя...

А шах Хосров, злодей эпохи той,
Весь мир топча губительной пятой,

Бездействовал угрюмо день и ночь,
Все о Фархаде думал день и ночь;

Как обезвредить, как его убрать,
Чтоб двинуть, наконец, на приступ рать?

С Бузург-Умидом ночи он сидел:
Как быть, где средство к улучшенью дел?

Что ни решат — все тайна. А к утру —
Молва кочует от шатра к шатру.

И гневный шах, качая головой,
Не мог с безликой справиться молвой...

Но вот один бесчестный негодяй,
Хитрец и плут, известный негодяй,

Кто дьяволу пришелся б двойником,
Нет,— дьявол был его учеником! —

Перебежал к Хосрову. Денег тьму
Шах посулил предателю тому.

А подлый плут решил награду взять
И хитростью живым Фархада взять.

Он так сказал: «Я чувств его лишу,
Но дать людей в засаду мне прошу...»

Коварный шах ему, что нужно, дал,
Сто человек в броне кольчужной дал.

Обходной тропкой двинулся хитрец,—
Помешанным прикинулся хитрец.

Сорвал он розу, снадобье добыл —
И розу этим зельем окропил.

Он брел нетвердым шагом, так стеня,
Что каждый стон был языком огня.

Безумцем притворясь, он громко пел
О той, по ком он якобы скорбел.

И так притворщик гнусный скорбен был,
Так жалок, так искусно сгорблен был,

Что лишь услышал песнь его Фархад
И лишь на нем остановил свой взгляд,

Он сразу вспыхнул жалости огнем,
И сердце больно закипело в нем.

Сказал он: «Кто ты? В чем твоя беда?
С какой ты улицы пришел сюда?

И кто она, светлейшая из лун,
Тебя ума лишившая, меджнун?

В меня любовь вонзила скорби меч,—
Как удалось ей грудь твою рассечь?

Несправедливым небом я казнен,—
Зачем же твой столь безнадежен стон?

Меня в огонь разлуки бросил рок,—
Ужель он и тебя огню обрек?..»

Хитрец, найдя доверия базар,
Раскинул лицемерия товар:

«Подвижников любви пророк и шах!
Мы на твоем пути — песок и прах.

Я имярек — скорбящий человек,
Пришелец я из края имярек.

Вела меня сквозь бедствия судьба,
Забросила впоследствии судьба

Меня сюда и покарала вновь,
Страдальческую присудив любовь.

Я разлучен был с милой. Но пока,
Хотя б тайком, хотя б издалека

Я мог послать ей вздох иль нежный взгляд,—
Был и таким я кратким встречам рад.

Хосров (будь проклят он! Да ниспошлет
Ему скорей возмездье небосвод!),

Когда припел и город обложил,
Меня последней радости лишил:

Там, в крепости армянской, заперта
Со всеми горожанами и та —

Улыбчивая роза, мой кумир,
Нет, солнце, озарявшее мне мир!

Я тут чужой, я неизвестен тут,—
Мне в крепости укрыться не дают,

Слыву безумцем, и меня народ
Камнями прогоняет от ворот.

Отверженный, в пустыне я брожу,—
Сочувствия ни в ком не нахожу.

О горе, горе! Страшен мой недуг!
О, если б хоть один нашелся друг!..

Но ты, кто сам живя в цепях любви,
Слывешь проводником в степях любви,

Ты, шах всех униженных на земле,
Престол свой утвердивший на скале,

Поверить этой повести изволь —
И состраданьем облегчи мне боль!..»

Весь вымышлен с начала до конца —
Фархада взволновал рассказ лжеца.

Ему казалось — самому себе
Внимает он, внемля чужой судьбе.

И так его разжалобил рассказ,
Что слезы градом полились из глаз,

И он издал, как пламя, жгучий стон
И наземь рухнул, горем потрясен...

Обманщик из-под рубища извлек
Отравленный снотворный свой цветок,—

И, чтоб продлить бесчувствие, поднес
Дурман Фархаду он под самый нос.

Разбив войска его сознанья так,
Он закричал, подав засаде знак...

Шапур, за камнем лежа в стороне,
От сна дурного мучился во сне.

Услышав крик, вскочил в испуге он,—
Забеспокоился о друге он,

Взглянул — лежит ангелоликий друг,
И суетятся воины вокруг,

А между них — дьявололикий шут,
Поет и пляшет — счастлив дикий шут.

Так вот кем предан был Фархад! Так вот
Зачем меджнуном наряжен урод!

Шапур один, а те пришли толпой.
Как против ста он может выйти в бой?

И все они при копьях, при мечах —
Несут Фархада на своих плечах.

Тяжелый камень подыскал Шапур,
Вскочил на выступ, словно горный тур,

И притаился — ждал, пока пройдет
Как раз под ним ликующий урод,—

И бросил камень так, что черепки
Остались от предательской башки.

Есть поговорка: «Тверд зловредный лоб,
Но камень разобьет и медный лоб...»

Рыдал Шапур,— осиротел он вдруг,—
Чуть на себя не наложил он рук.

Да что — Шапур! Гранитная скала
Слезами по Фархаду истекла...

Ни к радости, ни к горю свет не глух:
Летит, как быстрый камень, в крепость слух.

Но люди тайно горевали там,—
Несчастье от Ширин скрывали там,

Уверены, что иль сойдет с ума,
Иль жизнь свою она прервет сама...

* * *

Дай чару, кравчий,— я лишился сил:
Меня дурман разлуки подкосил.

Мой разум ты от плоти отдели,
Вином мое беспамятство продли!

ГЛАВА XLI

ДОПРОС ФАРХАДА ХОСРОВОМ

Фархад в цепях. Допрос.
Приговор. Речь Фархада.
Заступничество Бузург-Умида.
Заточение Фархада в темницу Селасиль

ГЛАВА XLII

ЖИЗНЬ ФАРХАДА В СЕЛАСИЛЬСКОМ УЗИЛИЩЕ

Отношение стражи к Фархаду.
Магическое слово Сократа.
Саморазмыкание оков. Невидимка.
Прогулка в окрестностях Селасиля.
Один или сто? Крылатые и четвероногие друзья

ГЛАВА XLIII

ТЯЖЕЛЫЕ СТРАДАНИЯ ФАРХАДА В СЕЛАСИЛЬСКОМ УЗИЛИЩЕ

ГЛАВА XLIV

ШАПУР НАХОДИТ ФАРХАДА

Страдания Ширин. Ночью на крыше замка.
Песня о гибели Фархада. Появление Шапура.
Вести из стана врагов.
Шапур с письмом Ширин отправляется в Селасиль.
Встреча друзей

ГЛАВА XLV

ПИСЬМО ШИРИН К ФАРХАДУ

Фархад прочитывает письмо.
Фархад пишет ответ. Друзья расстаются

«В строках начальных моего письма,
Что за меня напишет боль сама,

Да прозвучит моя хвала тому,
Кто создал в мире черной скорби тьму

И кто обрек на вражий гнев и месть
Людей, чья непоколебима честь,

Кто им разлуку горше яда дал,
Сердцам влюбленных муку ада дал.

Когда он страсти молнию метнет,
И кипарис и хворост он сожжет;

Низринет он поток любви — беда! —
И пустоши зальет и города;

Он дунет ветром скорби — и для нас
Уже и свет ярчайших звезд угас;

Костер невзгод он разожжет, а дым
Глаза разъест и зрячим и слепым;

Он камнем гнева, брошенным с вершин,
Равно дробит стекляшку и рубин;

У соловья он исторгает стон,
На пышной розе в клочья рвет хитон;

Он атом на страдание обрек,
Он солнце на сгорание обрек...

Кончаю тут вступление к письму,—
Нет, не к письму, а к мраку самому!

Посланье от лампады к мотыльку.
Увы, гореть уж нечем фитильку!

От саламандры — в капище огня.—
Скажу ясней: Фархаду — от меня:

Тебе, чья крепость горя — горный кряж,
Я, крепости тоски бессменный страж,

Пишу в слезах, измучена судьбой...
О милый мой страдалец, что с тобой?

Придавленный горой тоски по мне,
Как ты живешь в той дикой стороне?

Тростинку тела твоего, боюсь,
Не изломал бы горя тяжкий груз.

В пучине бед, наверно, тонешь ты?
В костре разлуки как там стонешь ты?

Как корчишься на том огне тоски,
Как сердце разрывается в куски?

Чернеет ли весь мир в твоих глазах,
Чуть о моих ты вспомнишь волосах?

Михраб моих бровей припомнив там,
Как юный месяц, не согнешься ль сам?

Мои ресницы вспомнишь ли, грустя,
Чтоб волос каждый стал острей гвоздя?

Лишь вспомнишь ты мои глаза скорбя,
Пронзит ли боль стоиглая тебя?

Представишь ли мои зрачки себе
Так, чтобы выжглись клейма на тебе?

Вообразишь мои две розы ты,—
Прольешь ли розовые слезы ты?

О родинке моей мечтать начнешь,—
На ране сердца сколько мух сочтешь?

Без моего лица не в силах жить,
Не хочешь ли и солнце потушить?

Лишен беседы сладостной со мной,
Подолгу ль говоришь ты сам с собой?

Лишь память о зубах моих блеснет,
Не превращаются ли слезы в лед?

Когда вообразишь мои уста,
Блуждает ли в небытии мечта?

Не стали б ямки на щеках моих
Колодцами горчайших мук твоих!

Тебе в плену — моих кудрей узлы
Не будут ли, как цепи, тяжелы?

Не сделаешься ль золота желтей,
Припомнив серебро моих грудей?

Не сделаешься ль тоньше тростника,
Вообразив, как станом я тонка?..

В степи ль, в горах обрел обитель ты?
Обрел постель не на граните ль ты?

Где птица счастья твоего? Увы,
Витает над тобою тень совы!

Лань, говорят, теперь вожатый твой,
Кулан теперь там конь крылатый твой;

В твоей же свите состоят теперь
И птица хищная, и хищный зверь;

Львы у тебя — в стремянных, говорят,
Орлы — в бойцах охранных, говорят;

Царя царей теперь ты носишь сан,
Стал, говорят, велик, как Сулейман.

Но если Сулейману ты ровня,
Царицею Билькис сочти меня.

А если же Билькис я не чета,
Твоей рабыней быть — моя мечта...

О, если бы судьба, чье ремесло —
Творить насилье, сеять в мире зло,

Моей горячей тронута мольбой,
Не разлучила бы меня с тобой!

Была б тебе я спутница и друг,
Всегда бы услаждала твой досуг;

Как солнце, озаряла бы твой день,
Была бы ночью при тебе как тень;

Ты б ногу занозил колючкой злой,—
Ресничкой извлекла бы, как иглой;

Я волосами подметала б сор,
Чтоб и соринки твой не встретил взор;

А пылью чтоб тебя не огорчить,
Могла б слезами землю омочить;

Хотел бы ты от скорби отдохнуть,
Склонил бы голову ко мне на грудь;

Сгустился б над тобою вечер бед,—
Лицо открыв, я излучала б свет;

А стал бы долгий день тебе невмочь,—
Волос душистых опустила б ночь;

Как амулет от боли и тоски,
Сплела бы на тебе я две руки;

Ты попросил бы зеркало — и вмиг
Я повернула бы к тебе свой лик;

А воспалился б сердцем и ослаб —
Уст моих сладкий ключ я поднесла б;

Была б твоим светильником в ночи,
А днем хранила б тайн твоих ключи...

Но, если мы — всем любящим пример —
Разобщены круговращеньем сфер,

То сможем ли, хотя б расшибли лбы,
Смягчить несправедливый суд судьбы?..

Но ты в народах мира знаменит
Тем, что тебе — как мягкий воск, гранит.

Тягчайшие страданья стерпишь ты,
Всех бедствий испытанья стерпишь ты,

И хоть со мной в разлуке ослабел,
Но будь, как витязь, доблестен и смел —

И мужество и твердость сохрани,
И в униженье гордость сохрани...

А если скорбь ударит камнем в грудь,
И крика ты не сдержишь — не забудь:

Закон влюбленных не нарушь, Фархад,
Блюди там клятву наших душ, Фархад!

А я, кого разлуки острый меч
На сто частей не пожалел рассечь,

Кого огонь разлуки сжег дотла,
Я — только раскаленная зола.

Но пусть душа на ста кострах горит,
Сильней огня девичий страх горит;

Не испустить на людях вздохов дым,
Не уронить слезы глазам моим!

Будь женщина, как лилия, скромна,
Будь гордою, как кипарис, она;

Пусть, как луна, сияла б красотой,
Луну хоть затмевала б красотой;

Возлюбленной она примерной будь,
Иль даже ветреной, неверной будь,—

Не дай господь ей как-нибудь попасть
В тот плен, которому названье — страсть!

Не дай любви хлебнуть ей через край,
А дашь — мечом разлуки не карай.

Огонь такой любви нет сил снести,
Нет сил, чтоб душу из него спасти.

Спасется ль слабый малый муравей
От сотни жадных, беспощадных змей?

И хворостинке ль тонкой уцелеть,
Когда ударит молнийная плеть?

О, для влюбленных много страхов есть!
Страшней всего, однако, стыд и честь:

Хоть в судорогах бейся день и ночь,
Лишился чести — утешенья прочь!

Позора избежать ведь нелегко
Той, кто в любви заходит далеко.

Пускай вздыхает так, что семь завес
Поднимутся со всех семи небес,

Но ей с лица не снять покров стыда,
Ей от людского не уйти суда...

Твоя печаль, я знаю, тяжела,
Но не подумай, что моя мала.

И все же, вспомнив о тебе, Фархад,
Свои страданья множу я стократ.

Я пленница любви твоей, и вот —
Мой стон, мой вопль пронзает небосвод.

С тобой в разлуке я забыла смех,
Мне без тебя на свете нет утех:

Венец мой царский захватил Хосров,
Мой край родной поработил Хосров;

Я и народ мой жить обречены,
Как совы, в тьму пещер заточены;

Нас всех теперь сравнял надменный враг:
Мы все рабы — царица и бедняк.

Те, кто в плену — мертвы при жизни тут,
Те, кто спаслись — от страха перемрут.

Все эти беды, весь позор, вся кровь —
Всему причиной лишь моя любовь.

Меня народ возненавидит... Ах,—
Его проклятья у меня в ушах!

Стыд перед ним терзает душу мне,
Стыд пред Бану убьет меня вдвойне...

И все-таки скажу я без прикрас:
Моих страданий будь хоть во сто раз,

Не в сто, а в тысячу раз больше будь,—
Но только б на тебя еще взглянуть,—

Клянусь, что буду я тверда, как сталь,
Что отойдет с моей души печаль!

Но и сейчас, в разлуке, в этот час,
Что горше самой смерти во сто раз,

Поскольку я еще дышу пока,
Надежду в сердце я ношу пока.

Конец тогда, когда надежды нет,—
С надеждой можно отстрадать сто лет...

Теперь я об одном тебя прошу:
Письмо, что я в смятении пишу

Пером смятенья, мертвая почти,—
Внимательно прочти и перечти

И, если хочешь облегчить мне боль,
Прислать ответ с посланцем соизволь.

Я сохраню твое письмо-привет,
Как тайный, чудотворный амулет,

Оно послужит для Ширин твоей
Охранной грамотой от всех скорбей...»

* * *

Когда несчастный дочитал письмо,
Рыдая, целовать он стал письмо,

В безумии стеня, крича, вопя,
Он наземь падал, корчась и хрипя.

Когда же, наконец, он поборол
Безумья приступ и в себя пришел,—

Шапур калам для друга очинил,
Бумагу подал и сосуд чернил,

И сел Фархад и стал писать ответ —
Повествованье мук своих и бед...

Фархад письмо Шапуру передал,
Простился с ним — и снова зарыдал.

Шапур ушел. Бог весть каким путем
С письмом пробрался в крепость он потом.

Ширин взяла в смятении письмо,
Прочла в уединении письмо,

Высокой скорби страстные слова
Нам огласит дальнейшая глава.

ГЛАВА XLVI

ПИСЬМО ФАРХАДА К ШИРИН

Горе и радость Ширин и Михин-Бану.
Почести Шапуру

«Письмо печали, славословьем стань
Тому, кто, взяв перо творенья в длань,

Навел на гладь вселенной свой узор,
Узор нетленный рек, долин и гор;

Кто молнией любви сверкнул — и так
Мир разделил с тех пор на свет и мрак:

Он создал силу — имя ей Любовь.
Ей, как судьбе своей, не прекословь,

И, кто ее печатью заклеймен,
Скитаться, словно атом, обречен.

Свою отчизну должен он забыть —
И горькое вино чужбины пить,

И если на чужбине кров найдет,
То скоро целый мир врагов найдет.

Но если друг ему в награду дан,
То не страшны ему враги всех стран,

Он похитительницею сердец
В письме утешен будет наконец...

Да, горный кряж страданий сплошь в гранит
Из края в край та сила превратит,

А луг любви в пустыню мук и бед.—
Влюбленным из нее исхода нет!»

Такие мысли изложив сперва
Во славу сил любви и божества,

Он, словно одержимый, весь дрожал —
И пламенную повесть продолжал:

«Всеозаряющему свету дня
Послание от дымного огня.

От терния пустыни к розе... нет,—
Терновник кипарису шлет привет!

Из преисподней ада в вышний рай —
Письмо Фархада, пери, прочитай!

* * *

Клянусь душой загубленной своей:
Тебя назвать возлюбленной своей,

Сердечным словом *милая* — и то
Назвать я не осмелюсь ни за что!

Да, я прослыл безумцем. Признаюсь,
С безумьем прочен у любви союз.

Но пери луноликая сама
Свела меня, несчастного, с ума.

И если б я, помешанный, в бреду
Сказал такое слово на беду,

То, да простится заблужденье мне,—
Есть, как безумцу, снисхожденье мне.

Да, я Меджнун, а ты моя Лейли,
Моя недостижимая Лейли.

Мне был приказ Лейли — и я пишу,
Заочно перед ней в пыли — пишу.

Ей, как Меджнун, всю душу изолью,
Всю боль разлуки, муку всю мою.

Не обо мне, однако, будет речь,—
Нет, о твоих собаках будет речь...

Как им живется? Сыты ли они?
В покое ли, в тоске ль проводят дни?

Глубокой ночью сон тревожа твой,
Собравшись в круг и поднимая вой,

О чем они так долго воют все?
Не обо мне ль, пропавшем жалком псе?

Когда, ворча, бросаются на кость,
Какой мечтой себя приводят в злость?

Не хочется ль полакомиться им
Костлявым телом высохшим моим?

Когда в долбленый камень бьются лбом,
Чтоб вылизать глоток похлебки в нем,

То знают ли, какие камни тут
По темени меня все время бьют?

Лакая воду, хоть один ли пес
Поток моих соленых вспомнит слез?

Когда на цепи их сажает псарь,
Не мнится ль им, что он иранский царь?

В ошейниках спеша к себе домой,
Не думают ли про ошейник мой?

Собачьи вопли их не унимай:
Не о моей судьбе ль их злобный лай?

О, если б на ночь вместе с ними мог
Склонить я голову на твой порог!..

Мне там дороже всех была одна:
Была, как я, измучена, больна

И, словно бы стыдясь других собак,
На морду уши свешивала так,

Что покрывалом из больших ушей
Скрывала морду от чужих очей.

Весь выпирал ее спинной хребет,
Подобный узловатой нити бед.

Не только защищаться не могла,—
Свой хвост она едва уж волокла.

Была она вся в язвах, и ее
Терзали мухи, словно воронье.

Ей — от коросты, от увечных ран,
Мне мука суждена сердечных ран.

Быть может, и неведомо тебе,
Она была так предана тебе:

Ни на кого не поднимала глаз,
Но четырех ей мало было глаз,

Когда ты проходила через двор,
Ей подарив случайный, беглый взор.

Хоть в этом с ней соревновались мы,
Друзьями все же оставались мы.

Чем больше был, чем дольше был я с ней,
Тем обнаруживал я все ясней

В ней свойства человечности. Поверь,
Что человечности не чужд и зверь!

Была она великодушна... Да!
Переступив порог твой иногда,

В своей собачьей радости, она
Ко мне бывала жалости полна.

Так иногда, при виде бедняка,
У богача раскроется рука.

Нет! Мы дружили. Помню, и не раз,
Я плачу — слезы у нее из глаз...

Что с ней теперь? Я мысли не снесу,
Что так же тяжко ей, как мне здесь, псу.

Все так же ль носит в сердце, как недуг,
Воспоминанье обо мне мой друг?

Ах, может ли она в себе найти
Остаток сил — на твой порог всползти?

А если хватит сил,— о боже! — пусть
Поймет она мою, собачью, грусть!..

Но, беспокоясь о ее судьбе,
Осмелюсь ли спросить я о тебе?

Когда свое писала ты письмо,
Из жемчугов низала ты письмо,

И столько чистых, звонких в нем монет,
Чистейших чувств, что им и счета нет!

Но чем отвечу я на это все?
Вот — сердца звонкая монета. Все!

А сердцем я пожертвовать готов
За буковку твоих бесценных слов...

Ты пишешь, как страдаешь за меня;
Жжет эта весть меня сильней огня,

Пусть тысячи умрут, подобных мне,—
Мы — прах. О чем скорбеть моей луне?

Ты пишешь, что, в страданьях закалясь,
Живешь, судьбы ударов не боясь,

Что ты окрепла в горе, что с горой
Ты справиться могла бы, как герой...

А я... какой же подвиг совершу,
Когда уже едва-едва дышу?

Я слабосильный, жалкий муравей,
В моих глазах кусок веревки — змей,

Дорожный камень для меня — гора.
О мощь моя! Прошла твоя пора!..

Могуч я лишь мечтаньем о тебе,
Душа сыта страданьем по тебе.

Но сколько б сил в любви ни черпал я,
Дракона превращает в муравья

Такая страсть,— и если будет он
Растоптан ею,— вот любви закон!..

Другая весть от луноликой мне:
Из-за ее большой любви ко мне

Ее страна, и трон, и весь народ
В руках врага и что не счесть невзгод;

Что в крепости, в горах заточены,
И вы с Михин-Бану обречены...

Как тяжко сердцу внять таким словам!
Чем вас утешить, чем помочь мне вам?

Ни сил я, ни отваги не найду,
Но слово на бумаге я найду:

Когда судьба обрушит свой кулак,
Ты перед ней покорной жертвой ляг!

Я знаю, как угнетена страна,
Которая врагом покорена,

Я знаю участь подданных твоих.
Сочти меня ничтожнейшим из них,—

Те бедствия, что грозный небосвод
Обрушил на тебя, на твой народ,

Столь велики, что не могу дерзнуть
Сказать, что я страдал когда-нибудь.

Но если скажешь: «Поделом ему!
А нам возмездье неба почему?!» —

То жертвой искупленья хоть сейчас
Душа моя готова стать за вас!..

Кто я и что в твоих глазах теперь?
Я на твоем пути лишь прах теперь!

Но не всегда я прахом низким был,—
Имел я дом и дорог близким был,

И родину имел и царский сан,—
Ведь мой отец китайский был хакан!

Венец его над головой моей,
Престол его был под ногой моей;

Двенадцать тысяч городов в стране
Повиновались и ему и мне.

Была большая свита, войска тьма
И роскошь, всех сводившая с ума.

Однако же, когда издалека
Напали на меня любви войска

(Не самого явления любви,—
Нет, лишь воображения любви!),—

Я стал несчастным, и в несчастье том
Был вынужден покинуть отчий дом

И разлучиться с царством и страной.
И все рабы и знать страны родной —

Весь мой Китай тьмутысячный рыдал,
Когда я край отчизны покидал.

Я облачил в печаль отца и мать,
Чтоб им ее до гроба не снимать.

Их небосвод осиротил в тот день,
Меня же в прах он превратил в тот день!

Но раз любовь природою моей
Была уже во тьме предвечных дней —

И на страданье обречен я был,
Когда еще и не рожден я был,—

То на кого поднять упрека меч?
И не себя ль на кару мне обречь?

Подобных мне хоть сто, хоть сто раз сто,
И тысячи Хосровов грозных — что

Перед судьбой всесильною? Рабы!
Нет, не рабы,— пылинки для судьбы!

Я ослабел... Уже едва-едва
Держу калам и вывожу слова.

Я много знал, но, разум потеряв,
Стал неучем, все разом потеряв.

Все знанья стали кучей слов пустых,
Но вот уже я путаюсь и в них.

Последних мыслей свет в мозгу темня,
Сознанье покидает вновь меня.

Уже пишу, не зная, что пишу...
Простить меня, безумного, прошу.

Прогулку завершает мой калам...
Да завершится все на благо вам!»

* * *

Ширин письмо читала, возбудясь,
То вскакивая, то опять садясь,

То — в горе сгорбит, как старуха, стан,
То распрямит, воспрянув духом, стан;

То плачет от тоски по нем, то вдруг
От счастья плачет: «Жив он, жив мой друг!»

Потом с многожеланным тем письмом
Она к Михин-Бану вернулась в дом,

И обе, радуясь и плача там,
Вели свой разговор горячий там.

Михин-Бану, Шапура обласкав,
Ему большие почести воздав,

Просила, чтоб Шапур поведал им,
Как встретился он с другом дорогим,

Обрадовался ли письму Фархад,
Что на словах сказал ему Фархад...

О весть надежды! Как ты хороша
В тот час, когда отчаялась душа!

Яви мне, боже, чудеса твои:
Вложи в основу жизни Навои,

Когда бы ни отчаивался он,
Надежды оживляющей закон!..

* * *

Вина мне, кравчий! И не отрезвляй!
Надежду потерять не заставляй.

Моя надежда и твоя слиты:
Чего достигну я, достигнешь ты.

ГЛАВА XLVII

ШАПУР ПОПАДАЕТ В РУКИ ХОСРОВА

Засады на путях к Селасилю.
Шапур схвачен.
Хосров читает очередное письмо Ширин к Фархаду.
Новый совет Бузург-Умида

ГЛАВА XLVIII

КОЛДУНЬЯ ОБМАНЫВАЕТ ФАРХАДА

Мнимая отшельница. Клевета на Михин-Бану.
Ложная весть о самоубийстве Ширин

ГЛАВА XLIX

СМЕРТЬ ФАРХАДА

Приступ безумия.
Фархад падает на камни и разбивается.
Прощание с жизнью.
Фархад передает ветерку свои предсмертные просьбы.
Последний вздох.
Скорбь и гнев животных и зверей

Перо, в одежду скорби облачась,
О скорби повествует в этот час.

* * *

Степей небытия добычей став,
Так от меча коварства пострадав,

Фархад был ранен в сердце, нет, оно
Все было пополам рассечено!

Он, ослабев, упал. Пытался встать,
Но, приподнявшись, падал он опять.

Не видя ничего перед собой,
На светлый мир глядел он, как слепой.

На жестком камне лежа, он вопил,
И в судорогах позвонки дробил.

И так он бился в твердый камень лбом,—
Чуть камень не разбил на месте том!

Струил потоки слез в последний раз
Он из своих уже незрячих глаз.

С несчетных ран повязки он срывал,
Весь хлопок в алой краске посрывал,

И хлопок алый разбросал вокруг —
Смотри: тюльпаны испещрили луг!

Кричал он, раны обнажая: «Вот —
Откройся жизни выход, смерти — вход!»

Его терзала смертная тоска,
И покидали сил живых войска.

Огня его печали черный дым
Клубился тучей бедствия над ним,

И туча, как Меджнун, скорбя о нем,
Сама кровавым плакала дождем.

Он весь в кровоточащих ранах был,
Как если бы весь в розах рдяных был.

Кровь капала на камни вкруг него,
Алела лепестками вкруг него,

Как осыпь роз... Нет, вид кровавых брызг
Был россыпью пурпурных жгучих искр!

Фархад кричал: «О смерть моя, приди!
О небо золотое, пощади!

Разбей мне голову скорей,— она
Мне ни на что отныне не нужна!

В мои глаза вонзи свое копье,—
Смотреть им не придется на нее!

Язык мне отсеки своим мечом,—
С кем говорить я буду и о чем?

Дыханья моего заткни трубу,—
О ком вздыхать, когда Ширин в гробу?

Переломай мне ноги,— все равно
Ходить к Ширин уже не суждено.

Нет, жизни вновь не разжигай во мне:
Я не согласен снова жить в огне!

Одним ударом грудь мне рассеки,
И сердце вынь и разруби в куски!

Отныне с ним уже не связан я!
Отдай меня во власть небытия!..

Делила горе ты со мной, любовь,—
Свою тебе я завещаю кровь!

Печаль разлуки! Бог — судья тебе:
Ты все взяла, все отдал я тебе.

Теперь меня на волю отпусти —
Дай плоти в прах рассыпаться,— прости!

О слезы! Вы лицо мое сожгли,—
Спасибо: сделали вы, что могли.

Взяв душу у меня, о ты, мой вздох,
Вручи ее моей любимой, вздох!..»

Со степью он прощался: «Степь, о степь!
С меня уже упала жизни цепь!

Себя ты распростерла вширь и вдаль,
Чтоб убегал скорбящий в мире вдаль.

Страдальцев друг, отверженных оплот!
Тебе доставил много я хлопот.

Твой день, бывало, в ночь я превращал,
Так пыль вздымал и небо омрачал.

Тебя избороздил следами я,
Всю затопил тебя слезами я.

Прости,— страдала часто от меня,—
Избавишься сейчас ты от меня!..»

Степь огорчилась, ворот разодрав,
Посыпав черным прахом зелень трав.

Горе Фархад свой посылал привет:
«Уперся в небо мощный твой хребет.

Приют больным — подножие твое,
Но сердце как тревожил я твое!

Как мучила тебя моя кирка,
Но ты, могучая, была кротка!

За что навлек я на тебя позор,
Зачем с тобой завел неправый спор?

Я был жесток, а ты была добра.
В мой смертный час прости меня, гора!..»

И, гору опечалив до глубин,
Гранит ее он превратил в рубин.

И, руки простирая в небосвод,
Взывал он: «Умираю, небосвод!

Грабитель, притеснитель мой, внемли!
В последний раз кричу тебе с земли:

Хотя насилье, гнет — обычай твой,
А я был предан верности святой;

Хотя всю жизнь меня ты угнетал,—
Прости,— и сам ты от меня страдал!

Пыль я вздымал — и ты был запылен,
Был вздохами моими опален,

А скорби дым, которым я дымил,
Сиянье солнца твоего затмил.

Не золото вся россыпь звезд твоих —
То искры от костра скорбей моих.

Еще один, последний вздох издам —
И завершится счет твоим звездам.

А от меня не станет и следа,
Мой прах развеет ветром — не беда!

Но если плоть и превратится в прах,
Чтоб мелкой пылью странствовать в мирах,

Пусть эта пыль тебя не огорчит
И помыслов твоих не омрачит.

Иль лучше так: раз я с земли исчез,
Пускай сотрусь и в памяти небес!..»

А небосвод над ним уже пылал,
И тот огонь в его душе пылал,

И стал бродить в тоске смертельной он,
Предсмертною печалью угнетен.

И на свою кирку направил взгляд
И, с ней прощаясь, так сказал Фархад:

«О ты, моя помощница в труде,
Моя рабыня и мой друг в нужде!

Я и тебе доставил много мук,
Не выпуская день и ночь из рук.

Я с двух концов испытывал тебя,
Тобой гранит и так и так долбя.

Страдала ты, но как тверда была,
Как ты выносliва всегда была!

И за тебя болит душа моя,
Многострадальная тиша моя!

Простите гнет мой! Я отныне вам
Свободу и покой навеки дам!..»

И застонали тут кирка с тиной,
Как люди стонут от беды большой,

И головами бились о гранит:
«Скал не рубить нам, не тесать нам плит!»

Как дети за кушак отцовский, так
Они цеплялись за его кушак

И плакали: «В долине и в горах
Все рассечем — уйдем с тобою в прах!..»

* * *

Летела птица ль, проходил ли зверь —
Фархад к ним слово обращал теперь:

«Товарищи мои, мои друзья!
Навеки с вами разлучаюсь я.

Как братьев, как единоверцев, вас
Я так любил, любил всем сердцем вас!

Предательство, двуличье, ханжество —
Вот вечное людское естество.

Вы прямодушны, честны все, верны,
Природой из любви сотворены.

Сдружились вы в скитаниях со мной,
Братались вы в страданиях со мной.

Разлуки боль с родной страною мне
В чужой вы облегчали стороне.

Родных вы заменяли мне, друзей,
Вы были свитой преданной моей.

Куда бы я ни направлял стопы,
Не уклонялись вы с моей тропы.

И сколько б ни стонал, ни плакал я,
Ни разу не видал, однако, я,

Чтоб тяготился кто-нибудь из вас
Моей тоской докучливой хоть раз.

Обязан всем вам очень многим я,
Четвероногие мои друзья!

И вам, пернатым, кто в палящий зной
Крылатым кровом реял надо мной,

Всем вам я благодарность приношу,
У всех у вас прощения прошу!..»

Он горькими слезами залился,
А звери, возвышая голоса,

Завыли, ущемленные тоской,
Но без притворства, не как род людской!

Так непритворно люди, может быть,
В день воскресенья мертвых будут выть...

Когда зверям он высказал хвалу,
То смертный час пустил в него стрелу.

Он видел, что его конец пришел,—
Теперь на ум ему отец пришел.

* * *

А вспомнив об отце, он вспомнил мать —
И руки стал в отчаянье ломать:

«О смерть, скорее душу отними!
Меня хоть этой пыткой не томи!

Ужель страданий мало мне других,
Что в смертный час я вспомнил и о них?

Да, ты коварством вечен, небосвод!
О, как ты бессердечен, небосвод!

Так не ведется ведь у палачей,
Чтоб одного казнили сто мечей!

Чтобы кусочек хлопка сжечь, нужна
Не молния,— лишь искорка одна!

Я дотлевал уже, как головня,—
Зачем же ты опять разжег меня?!

Клянусь, будь ты немного хоть добрей,
Меня бы в прах воткнул ты поскорей!

О кравчий времени! Тебе упрек:
Зачем ты милосердьем пренебрег,—

Зачем отраву в чашу подсыпал
Тому, кто сам навеки засыпал?

Каким быть надо злобным палачом,
Чтоб даже мертвеца рубить мечом!..»

И обратился к ветерку Фархад:
«О ветерок, не знающий преград!

Во имя бога, взвейся и слетай
В мой милый край, в далекий мой Китай.

И прах моей отчизны поцелуй,
Но старого отца не разволнуй:

Ему не сразу истину открой,—
Речь поведи сначала стороной,

Потом скажи: «Твой сын, страдалец-сын,
Твой заблудившийся скиталец-сын,

Он — кровь твоя и кость твоя, и плоть,
Дар, коим одарил тебя господь,—

В раскаянье, в мучениях погиб,
Без твоего прощения погиб.

О, как была судьба коварна с ним!
Как был он ею день за днем гоним!

Иранский грозный шах — Парвиз Хосров,
Злой чародей, хитрец из хитрецов,

Хосров Парвиз, его заклятый враг,
Преследовал его за шагом шаг.

С таким врагом, будь честен враг и прям,
Фархад бы рассчитаться мог и сам.

Но кривды путь, обычай лжи избрав,
Хосров его осилил, в прах поправ.

О нечестивце говорить к чему?
Возмездие — один ответ ему!

И потому скажи,— просил Фархад:
«Храбрец Бахрам, мой друг, молочный брат,

Пусть войско соберет и пусть сюда
Придет он для кровавого суда.

Пусть кровь мою с Хосрова спросит он,
И голову с него да сбросит он!..»

И если эту огненную весть
Отец мой — шах — не в силах будет снесть,

И всю беду поймет в единый миг,
И вспыхнут все па нем седины вмиг,

И в горе ворот раздерет он свой,
И станет биться об земь головой,

И возопит, беспомощен и стар,
И камнем скорби сам себе удар

Он в сердце нанесет, хотя оно
И без того разбито уж давно,—

Не допускай, чтоб он венец разбил,
Чтоб свой хаканский трон отец разбил!..

И ты отца утешишь, ветерок:
Мол, так предначертал Фархаду рок.

Любовь была в предвечности уже
Предопределена его душе.

Был смерти на чужбине обречен
Еще в утробе материнской он.

А то, что нам всевышним суждено,
То — рано или поздно — быть должно!

Пусть мне сужден безвременный конец,
Но вечно пусть живет мой шах-отец!

Развалится лачуга — не беда,—
Чертогу бы не рухнуть никогда!

С засохшею травою примирись,—
Будь вечно зелен, гордый кипарис!..

И если весть о гибели моей
До материнских долетит ушей,

И, в горе разодравши ворот свой,
Мать воплем всполошит весь город свой

И обо мне, несчастном, сокрушась,
Забьется лбом о камень в этот час,

И, щеки исцарапав, станет мать
В отчаянье седины вырывать

И причитать: «Мой сын, ребенок мой!
Погибший, жертвенный ягненок мой»,

И если б воплей ураган сорвал
С ее лица все девять покрывал,—

Моей тоской над нею задыми —
Покровом ей да будет пред людьми!

Скажи: «Не убивайся так, скорбя,—
Не радовал он никогда тебя.

Иметь мечтала друга в сыне ты,
Но плакала и плачешь ныне ты.

Мечтала о рубине дорогом,
А получила рыхлой глины ком.

Просила солнца вечного огонь,—
Горящий уголь приняла в ладонь.

В садах все дети веселятся... ах,—
Я в детстве лишь грустить любил в садах!

Я тем несчастней был, чем был взрослей,—
Я разлучился с родиной моей.

С тех пор скитанья муки — жребий мой,
Огонь разлуки с сыном — жребий твой.

Хоть сжег тебя заблудший сын Фархад,
Прости его, не обрекай на ад!

О, ты простишь, но знаю наперед,
Что смерть твою мне не простит народ,

А раз меня народ мой не простит,—
Пусть и умру, все будет жить мой стыд!»

А если Мульк-Ара и друг Бахрам
Об участи моей узнают там,—

Сурьмы чернее станут лица их,
И киноварью слезы литься их,

И облачатся в черную кошму,
И это уподобится тому,

Как мир, о солнце вечером скорбя,
В палас ночной закутает себя

И до утра в долинах и в горах
Горюет, головой зарывшись в прах.

И Мульк-Аре ты скажешь, ветерок:
«Такую кару мне назначил рок.

А с небом спора не начнет мудрец,
Земли недолговременный жилец».

И передай Бахраму, ветерок:
«От вздохов и от слез велик ли прок?

Молочный брат, духовный мой двойник,
Товарищ верный мой, мой ученик,

Скорей сюда с войсками соберись,
Чтоб отомщенья не избег Парвиз!

И часу не теряй в пути — спеши,
Убийцу моего найти спеши —

Да отвернется небо от него! —
И кровь мою потребуй от него!..

Твой путь через Хотанский край пройдет,
Скажу — через земной он рай пройдет!

Четыре сада встретишь — те сады,
Где, как Плеяды, розы и плоды.

В садах четыре высятся дворца,
Что строились по замыслу отца.

Меня в саду весеннем помяни —
Слезинку цвета розы урони.

Ты вступишь в летний сад — и там пролей
Слезу о пальме гибели моей.

В саду осеннем вспомни о листке,
Что пожелтел и высох вдалеке.

В саду зимы вздох обо мне издай,
Чтоб инеем покрылся зимний рай...»

И так, о милый ветерок, шепни
Великому художнику Мани,

Чья кисть, благословенная судьбой,—
Китай навек прославила собой,—

Скажи ему: «Художник-чародей,
Которому нет равных средь людей!

Ты расписал мои дворцы,— они
Венец искусства твоего, Мани!

В них кистью ты своей запечатлел
Все, что свершить я в Греции успел:

Как в бой с драконом грозным я вступил,
Как Ахримана, духа зла, убил,

Как был сражен железный великан,
Как взят был Искандаров талисман,

Как я нашел Сократа, наконец,
И как меня благословил мудрец.

Вот счет великих подвигов моих,
И кистью ты увековечил их.

Исполни же завет предсмертный мой:
Со стен изображенья эти смой,

А что не смоешь — соскобли, сотри
Во всех дворцах снаружи и внутри.

Со всех айванов посрывай шелка,
Сожги, чтоб не осталось ни клочка...

Прости мне просьбу страшную мою:
Всю боль твою, художник, сознаю,

Но если мне судьба дает взамен
Души и плоти — лишь распад и тлен,

И если должен сам исчезнуть я
В неведомых мирах небытия,—

Не нужно мне и памяти земной,—
Пусть все мои дела умрут со мной.

Так для чего же красоваться мне
Подобьем бездыханным на стене?»

И передай Карену, ветерок:
«Фархаду пригодился твой урок.

Но твой Фархад, твой ученик погиб!
Он много нарубил гранитных глыб,

Но небосвод низвергнул их потом
На голову его густым дождем.

Он рушил горы — и прославлен был,
Но сам одной горой раздавлен был».

И вот о чем, Карен, тебя прошу:
Возьми свою кирку, возьми тишу —

Разбей тот камень, на котором ты
Резцом изобразил мои черты.

Пусть обо мне ни краска, ни гранит,
Ничто воспоминанья не хранит!..»

* * *

О странствующий в мире ветерок!
Ты пролетаешь вдоль больших дорог,

Порхаешь по долам и по горам,
По многолюдным шумным городам.

Всем истинным поклонникам любви
О гибели Фархада объяви:

«О подданные, умер ваш султан!
За вас Хосровом в жертву он заклан.

В одежды черной скорби облачась,
Сплотитесь, на Хосрова ополчась.

Пролейте на него горючий дождь —
Стрел ненависти вашей жгучий дождь.

Сожгите стонами дворец его,
Престол, венец, а также самого...»

И передай Шапуру, ветерок:
«Преподал миру дружбы ты урок,

Свою ты кровь глотал, со мной дружа,
Отрады не видал, со мной дружа.

Со мной дружа, каких не пролил слез,
Каких печалей ты не перенес!

Но в дружестве других условий нет,
И да не будет до скончанья лет!

Да наградит тебя за это бог,
Свидетель моего завета — бог:

Карателем ты силам вражьим стань,
И над моей могилой стражем стань!..»

* * *

Тут речь его предсмертную глуша,
К устам Фархада подошла душа

И вмиг с душой возлюбленной слилась,
Огнем великих бед воспламенясь.

«Ла-Хавл! — он поспешил произнести,—
Будь милостив ко мне, господь, прости!»

На долю скорби, горести, невзгод
Так много выпало в тот час хлопот,

И шум смятенья их был так силен,
Что жителей небес встревожил он.

Печаль осиротела. А любовь,
Что в пламя превращает сердца кровь,

На плечи черную кошму надев,
Во мрак повергла юношей и дев.

И звери, видя, что почил навек
Тот благородносердый человек,

Большие слезы пролили из глаз,
За упокой души его молясь,

Его убийцу разорвав в куски,
В себя вонзали когти от тоски.

Да, если ты не знал, узнай теперь:
Людей коварных благородней зверь!

* * *

Эй, кравчий, чару яда мне налей!
Яд смертоносный мне вина милей.

Возлюбленной я верен, как Фархад.
И умереть намерен, как Фархад!

ГЛАВА L

МИР МЕЖДУ ХОСРОВОМ И МИХИН-БАНУ

Звери охраняют труп Фархада.
Весть о чуде. Ропот народа в крепости.
Снятие осады. Ликование Хосрова

ГЛАВА LI

СМЕРТЬ ШИРИН

Ширин переезжает в свой замок.
Шируйя, сын Хосрова, загорается страстью к Ширин.
Отцеубийство. Послание Шируйи к Ширин.
Ширин прибегает к хитрости.
Шапур доставляет труп Фархада.
Вечная близость возлюбленных

Кто словом сокрушенья начал речь,
Тот кончил похоронным плачем речь.

* * *

Когда была посажена Ширин
На царственный свой крытый паланкин,

Чтоб к месту исцеления спешить
И в том краю без треволненья жить,—

Все воины Парвиза собрались
Взглянуть на ту, кого избрал Парвиз.

Столпившись пред носилками ее,
Они как будто впали в забытье,—

Скажи, что солнце, выглянув из туч,
В густую пыль направило свой луч!

Но в этот час произошло здесь то,
Чего и ожидать не мог никто:

Пришел полюбоваться на Ширин
И шах-заде, родной Парвизов сын,

Прославленный красавец Шируйя...
Как связана со всей рекой струя,

Как искра с пламенем костра, так он
Всем естеством был с шахом сопряжен.

Однако жил с отцом он не в ладах,
И не был также с ним сердечен шах.

Так издавна меж ними повелось,—
Все — несогласье, все — раздор, все — врозь...

Как весь народ, и Шируйя глядел
На паланкин. Вдруг ветер налетел —

И занавеску поднял, и на миг
Он той луны увидел светлый лик,—

Не говори — луны,— она была,
Как солнце, ослепительно светла!

Хотя всего лишь миг он видел ту
Мир озаряющую красоту,

В нем сразу вспыхнул страсти тайный жар,
Негаснущий, необычайный жар!

Лишась покоя, отстраняясь от дел,
Ни днем, ни ночью он не спал, не ел.

И понял он, что жертвой должен пасть,
Что смерть — расплата за такую страсть,

Потом подумал: «Смерть?.. Но почему
Мне нужно умереть, а не ему?

Кто не боится смерти сам в любви,
Ужели не прольет чужой крови?

Ведь если устраню Хосрова я,
Мир будет мой и гурия — моя.

Все царство мне отцовское на что?
Подобных царств она сулит мне сто!..»

Он, в замысле преступном утвердясь,
Вступил с военачальниками в связь.

А так как все границы перешло
Чинимое народу шахом зло,

То Шируйя войска к себе склонил
И постепенно весь народ сманил.

Таков был небосвода поворот!
Принес присягу Шируйе народ,—

Хосров был схвачен, в яму заключен,
Пощечинами даже посрамлен!

Но чтобы этой птице как-нибудь
Из темного гнезда не упорхнуть,

Чтоб мести от нее потом не ждать,
Решили ей покой во прахе дать...

Сын обагрил отцовской кровью меч!
Кто злодеянье это мог пресечь?

Закон любви таков, что вновь и вновь
За пролитую кровь ответит кровь!

Фархада погубил Хосров — и вот
Возмездие ускорил небосвод.

Терзал сердца народа властелин —
Убил его единородный сын.

Судьба на милость и на гнев щедра,
В потворстве и в возмездии быстра.

Невинному удара боль тяжка,
Но и суровой кары боль тяжка!

Чужую жизнь пресекший, знай: змея
Отмстительница тайная твоя!

Кто искру сделал грудой пепла, тот
Себе возмездье в молнии найдет!

Какое в землю сеял ты зерно,
Землей оно же будет взращено.

А если так, то в бренной жизни сей
Лишь семена добра и правды сей.

Кто сеял зло — себя не утешай:
Неотвратим твой страшный урожай!

Хосров Парвиз насилья меч извлек,—
В него вонзило небо свой клинок;

Пошел на преступленье Шируйя,—
Не жди судьбы прощенья, Шируйя!..

* * *

Когда Хосров был сыном умерщвлен,
Отцеубийца поднялся на трон

И возложил на голову венец —
Правления тяжелого венец.

В нужде мы и убийце угодим:
Стал Шируйя царям необходим.

Пытался он Михин-Бану привлечь,
И сразу о Ширин завел с ней речь.

Ответила: «Она еще больна.
Оправится — решить сама вольна.

Ее судьба в ее руках, а я
Ни в чем ей не помеха, Шируйя!

Но лучше ты поговори с ней сам:
Захочет — я благословенье дам...»

Но так как грубым он невеждой был,
А страсть в нем разожгла надежды пыл,

То он кумиру своему послал
Письмо любви, в котором так писал:

«О гурия, ты обольщенье глаз,
Чью красоту я видел только раз!

Но, вспыхнув от ее огня, с тех пор
Ношу в душе пылающий костер.

О, ни Фархад, ни мой родитель-шах,
Клянусь, не мучились в таких кострах!

Отцовскую пролить осмелясь кровь,
Чем докажу еще свою любовь?

Никто таких страданий не терпел,
Какие мне любовь дала в удел.

Всю летопись судьбы перелистай
Лист за листом подряд — и прочитай

Все повести любви из века в век,—
Такой любви не ведал человек!

Хоть я владыкой стал, тебе скажу:
Я горькую утеху нахожу

В том, что, тебя любя, о мой кумир,
Себя на весь я опозорил мир.

Да, мне в позоре этом равных нет,
И мучеников столь бесславных — нет!..

Не отвергай, Ширин, моей любви
И к жертве страсти милость прояви.

О пери, обещаньем мне ответь,
Надеждой на свиданье мне ответь!

Хоть я не жду отказа, но клянусь:
Ни перед чем я не остановлюсь,

И — не добром, так применяя власть,
Ответить на мою заставлю страсть!..»

* * *

Ширин, приняв посланье от гонца,
Лишилась чувств, не дочитав конца.

Она понять сначала не могла
Столь небывало страшные дела.

Но, долго размышляя над письмом,
Она, увы, уверилась в одном:

«Вот подлинно безумный, страшный тем,
Что чувство страха утерял совсем!

Кто мог отца с пути любви убрать,
Преступит все и может все попрать,

Чтоб своего достичь. Я цель его,
И ждать я от него могу всего.

Нет, не хочу я на него смотреть!
О боже, помоги мне умереть!

Да, смерть — одно спасение мое,
В ней вижу воскресение мое!..»

К такому заключению придя
И в нем успокоение найдя,

Она с довольным, ласковым лицом
Речь повела почтительно с гонцом.

Сказала: «Шаху передать прошу:
Я за него молитвы возношу.

Угодно было, видимо, судьбе
Хосрова бремя передать тебе.

И если жизни ты лишил отца,
То был орудием в руках творца,

И, значит, воли был своей лишен,
А сделал то, чего хотел лишь он.

Я ль не пойму страдания твои?
Сама я знала плен такой любви.

Ты слышал о Фархаде, кто гоним
И кто загублен был отцом твоим,

Кто был любви поклонникам главой,
Всем верности сторонникам главой?

Круговращенье вечное небес
Таких еще не видело чудес,

Такой любви, как между им и мной,
Примером ставшей для любви земной.

Не преходящей похотью сильна,—
Сильна была единством душ она!

Фархад низвергнут был Хосровом в ад,
И принял смерть из-за меня Фархад.

И я теперь в разлуке вечной с ним,
Но сердцем так же безупречно с ним.

Я заболела от тоски по нем
И чахну безнадежно с каждым днем.

Я птицей недорезанной живу
И непрестанно смерть к себе зову...

Но если шах действительно мне друг,
Он, может быть, поймет, что мой недуг

Тем более жесток, что милый мой
Еще поныне не оплакан мной.

И если б, как обычай велят,
Я, завернувшись в черное до пят,

Здесь труп его оплакать бы могла
И скрытой скорби выход бы дала,

То, душу от печали облегчив,
Я жить могла б, недуг свой излечив...

Шапура в цепи заковал Хосров;
Освободи Шапура от оков —

И я с людьми туда пошлю его,
Где брошен труп Фархада моего.

Он привезет его ко мне — и я
Свою очищу совесть, Шируйя,

И, выплакав свою любовь к нему,
Покорной стану шаху моему.

А твой отказ — он приговор твой, шах,
Тогда меня получишь мертвой, шах!..»

Гонец понес царю, ликуя, весть.
Услышав от гонца такую весть,

Был счастлив Шируйя, повеселел —
И выпустить Шапура повелел.

Шапур пришел к Ширин и весь в слезах —
Ниц распростерся перед ней во прах.

И вся слезами залилась Ширин,—
Фархада вспомнила тотчас Ширин.

Настолько встреча их горька была,
Что почернело небо, как смола.

Но жалоб сердца отшумел поток,—
Настал для разговора дела срок:

Убрав тигровой шкурой паланкин,
Дала Ширин Шапуру паланкин

И, двести человек в охрану дав
И пышность царских похорон создав,

Отправила весь караван туда,
Где смеркла навсегда ее звезда...

Шапур с людьми ушел — и там, в горах,
Нашел того, кто рушил горы в прах

И кто теперь горою бедствий сам,
Мертв, недвижим предстал его глазам.

Не как гора! — зверями окружен,
Лежал как средоточье круга он.

Но звери разбежались от людей —
И люди стали на места зверей,

И на носилки возложили труп,
И шелком и парчой покрыли труп,

И почести, как шаху, оказав
И, плача, на плеча носилки взяв,

Печалью безутешною горя
И щедро благовоньями куря,

Так до дворца Ширин они дошли,
Фархада тайно во дворец внесли,

В ее опочивальне уложив
И ей затем, печальной, доложив...

* * *

Когда Ширин узнала, что такой
Желанный гость доставлен к ней в покой,

Она возликовала, как дитя,
Лицом в тот миг, как роза, расцветя.

Не только на лице, в ее душе
Следов страданья не было уже.

И, с места встав, легка и весела,
С ликующим лицом к Бану пошла

И так сказала: «Прибыл друг ко мне.
Хочу проститься с ним наедине.

Часы свиданья быстро пробегут,—
Пускай меня хоть раз не стерегут...»

И, разрешенье получив, она
К себе в покой отправилась одна,

Решив достойный оказать прием
Возлюбленному во дворце своем:

«Он умер от любви ко мне — и вот
Мне верность доказать настал черед.

В своем решенье до конца тверда,
Не окажусь я жертвою стыда.

Сердечно гостя милого приму:
Я жизнь свою преподнесу ему!

Но совесть лишь одно мне тяготит.
Один меня гнетет предсмертный стыд,

Одну ничем не искуплю вину,—
Удар, который нанесу Бану!..»

Омыв от жизни руки, в свой покой
Ширин вступила твердою ногой.

Покрепче изнутри закрыла дверь
И, не тревожась ни о чем теперь,

С улыбкой безмятежной на устах
Направилась к носилкам, где в цветах,

В парче, в шелках желанный гость лежал,
Как будто сон сладчайший он вкушал.

Но сон его настолько был глубок,
Что он проснуться и тогда б не мог,

Когда бы солнце с неба снизошло
И, рядом став, дотла б его сожгло!

Залюбовавшись гостя чудным сном,
Столь сладостным и непробудным сном,

Ширин глядела — и хотелось ей
Таким же сном забыться поскорей,

И с милым другом ложе разделить,
И жажду смерти так же утолить.

Свою судьбу в тот миг вручив творцу,
Она — плечо к плечу, лицо к лицу —

Прижалась тесно к другу — обняла,
Как страстная супруга, обняла,—

И, сладостно и пламенно вздохнув,
С улыбкой на устах, глаза сомкнув,

Мгновенно погрузилась в тот же сон,
В который и Фархад был погружен...

О, что за сон! С тех пор как создан свет,
От сна такого пробужденья нет!

Пресытиться нельзя подобным сном,
Хоть истинное пробужденье — в нем!..

* * *

Покрепче, кравчий, мне вина налей!
С возлюбленной я обнимусь своей.

Мы будем спать, пока разбудит нас
Дня воскресенья мертвых трубный глас!

ГЛАВА LII

БАХРАМ ВОССТАНАВЛИВАЕТ МИР В СТРАНЕ АРМЕН

Смерть Михин-Бану.
Сон сорока отшельников. События в Китае.
Бахрам отправляется на поиски Фархада.
Плач Бахрама на могиле Фархада.
Шируйя возмещает убытки от войны.
Всенародный сход армян. Новый царь.
Бахрам и Шапур поселяются отшельниками
вблизи гробницы Фархада

Кто плачем дом печали огласил,
Напев такой вначале огласил.

* * *

Михин-Бану, вся свита и родня
Напрасно ждали до исхода дня,

А все не возвращался их кумир.
И вечер опустил покров на мир,—

Ширин не шла... И, потеряв покой,
Направились они в ее покой.

Хотели дверь открыть — и не могли,
И выломали дверь, и свет зажгли,

И, занавес парчовый отвернув,
Оцепенели все, едва взглянув:

Фархад на ложе не один лежит,—
С Фархадом рядом и Ширин лежит

И друга обнимает горячо,
Прижав к лицу лицо, к плечу плечо.

Но, как Фархад, бестрепетна, нема,
Ширин, увы, была мертва сама!

Разлуке долгой наступил предел,—
Им выпал вечной близости удел...

Тела их бездыханные слились,
Как с гибкою лианой кипарис.

Но, мертвой увидав свою луну,
Могла ль снести удар Михин-Бану?

Сама пресытясь жизнью в этот миг,
Стон издала она — не стон, а крик,

И сотрясла, смутила небеса,
И душу отпустила в небеса.

Всю жизнь она одной Ширин жила,
Скажи, что жизнь ее — Ширин была,—

И потому, Ширин лишась, она
Была мгновенно жизни лишена.

Вслед за душой ли вырвался тот стон,
Иль вылетел с душою вместе он?

Но пальма жизни сломана была,—
В веках лишь стебельком она была!

О дивная, о благостная смерть!
О, если б нам столь сладостная смерть!

* * *

Листы времен листая как-то раз,
В них обнаружил я такой рассказ:

Когда благодаря своей любви,
Неслыханной среди людей любви,

Прославился Фархад, и слух о нем
Распространялся дальше с каждым днем,—

То и в Китай, страну его отцов,
Проникла эта весть в конце концов.

А там — судьба, верша свои дела,
Немало перемен произвела.

Отец Фархада умер вскоре,— мать
Ушла за ним — зачахла с горя мать.

И так как сына был хакан лишен,
То младший брат его взошел на трон.

И стал при нем начальником войскам
Сын Мульк-Ары, Фархада друг — Бахрам.

Он, доблестью прославясь, был таков,
Что стал акулой грозной для врагов...

Фархада он вполне достоин был,
И весь Китай при нем спокоен был.

Но сам он утерял давно покой
И, по Фархаду мучимый тоской,

О нем расспрашивать не уставал
Всех, кто из дальних странствий прибывал...

Когда же слух о нем,— не слух, а шум! —
Уже и в Индустан дошел, и в Рум,

То чрез бродяг-дервишей и купцов
Проник в Китай тот слух в конце концов.

Принес Бахрам хакану эту весть:
«На западе, мол, государство есть —

Армен ему названье. Этот край —
Прекраснее Ирема, сущий рай.

Там гурия живет — и, говорят,
Сошел с ума, в нее влюбясь, Фархад.

И если б соблаговолил хакан,
Повел бы я войска в страну армян,

Фархада б разыскал, помог ему,
А не нашел бы — так и быть тому...»

Хакан подумал: «Если слух не лжив,
То вряд ли все же мой племянник жив.

Но мне опасен может стать Бахрам.
Пусть он идет и пусть погибнет сам...»

Он разрешенье дал Бахраму... Тот
Собрал войска и двинулся в поход.

Двойные переходы делал он,
На запад шел все дальше смело он,

И на страну армян — настал тот день! —
От войск его упала счастья тень.

Здесь истина ему открылась, здесь
Он разузнал и ход событий весь,—

И, пламенною скорбью обожжен,
Направился к гробнице друга он.

Бахрам одним утешиться бы мог,—
Был в горе он своем не одинок:

Фархада тот народ не забывал,
С его печалью он свою сливал...

Узнав, что друг был у Фархада там,
Велел Шапура пригласить Бахрам.

Пришел Шапур скорбящий — и вдвоем
Они о друге плакали своем.

А над гробницей так Бахрам вопил,
Что землю жаром скорби растопил.

Лицом припал к изножью гроба он,
И весь дрожал, как от озноба, он

И восклицал: «Фархад! Мой друг, мой брат!
Мою надежду ты унес, Фархад!

О, лучше б слепота глазам моим,
Чем увидать Фархада мне таким!

Язык мой вырван из гортани будь,
Чтоб не сказал тех слов когда-нибудь!

Где с огнедышащим драконом бой,
Где с Ахриманом разъяренным бой?

Где меч твой, рассекавший ребра гор?
Где сотрясавший стены шестопер?..

Но ты устал, Фархад! Ты погружен,
Оказывается, в слишком крепкий сон!

Очнись же, наконец, глаза открой,—
Пришел к тебе твой друг, товарищ твой.

Потряс я воплем небеса! Проснись!
Весь мир в огне! Открой глаза! Проснись!

Ты спишь!.. Так, значит, правду говорят,
Что сон и смерть — одно?.. Ты мертв, Фархад?!

Был у тебя такой, как я, слуга,
А ты погиб от подлого врага!

О, если б за тебя мне жертвой лечь!..
Но если обнажить возмездья меч —

И если страны недругов твоих
Опустошить, сровнять бы с прахом их,

Обрушить горы в море, чтоб вода
Их степи залила и города

И чтоб водовороты лишь одни
Напоминали, что в былые дни

Стояли минареты здесь, и вот —
Все стало навсегда добычей вод...

Нет, нет! Ведь если, мстя за кровь твою,
Кровь сотен тысяч я теперь пролью,—

К чему мне кровь такая?! Все равно
Твой дух обрадовать мне не дано!

А если так,— кушак и меч к чему?
И в жгучих мыслях душу сжечь — к чему?

И латы и кольчуга для чего?
И лук и щит без друга — для чего?

Героем как считаться мне теперь?
Как ездить мне на скакуне теперь?

Как на пиру теперь веселым быть,—
С каким же сердцем стану чару пить?

Клянусь, что без тебя, о мой Фархад,
Мне пир не в радость, а вино мне — яд!

Мое вино — боль укоризны, скорбь.
Одно мне остается в жизни — скорбь!..

Иль самому мне булавой своей
Покончить с бедной головой своей?..»

Так он рыдал, Бахрам так причитал,
И весь народ там плакальщиком стал.

* * *

Уняв печаль, поцеловал он прах
И, выйдя, начал думать о делах.

Он к Шируйе послал приказ, чтоб тот
Пришел — и личный дал во всем отчет:

«Коль зла не делал другу моему,
Его с почетом, с лаской я приму;

А коль уверюсь я в его вине,—
То буду знать, что надо делать мне!»

Испуг напал на шаха Шируйю,—
За голову боялся он свою.

И Шируйя Шапура пригласил —
Заступничества у него просил:

«Свидетелем да будет честь твоя:
В крови Фархада не повинен я.

Его убийцу я казнил потом,
Хотя он был моим родным отцом.

Об этом ты Бахраму доложи,
Без кривотолков, прямо доложи,

Скажи, что я готов служить ему,
И власть его покорно я приму.

Одну лишь милость да проявит он —
От встречи с ним пускай избавит он.

Уговори его — и я тогда
Твой друг и раб до Страшного суда!..»

Шапур исполнил просьбу — и Бахрам
Сказал: «На это я согласье дам.

Однако же армянская страна
Хосровом так, увы, разорена,

Народ такие пытки претерпел,
Такие он убытки потерпел,

Что даже и прикинуть трудно мне,
Какой понес ущерб он на войне.

Да будут все убытки сочтены —
И Шируйей сполна возмещены.

Когда он ублаготворит армян,
Тогда его я выпущу в Иран,

Однако пусть сначала присягнет,
Что столько же оттуда он пришлет...»

Почел за милость Шируйя приказ,
Казну свою опустошил тотчас —

И весь ущерб, что принесла война,
Армянам тут же возместил сполна.

А возвратясь в Иран, как присягал,
Он без задержки столько же прислал...

* * *

Бахрам велел созвать народный сход
И вопросил армянский весь народ:

«Фархада ради кто из вас терпел
Парвизов гнет и разоренье дел?

Кто потерпел ущерб — скажите мне,
И радуйтесь: я уплачу вдвойне».

В ответ на речь его со всех сторон
Раздался шум смятенья — плач и стон:

«О, за Фархада все молились мы!
Стать жертвой за него стремились мы!

Скорбим поныне мы всегда о нем
И эту скорбь деньгами не уймем!..»

Бахрам назначил счетчиков, вдвойне
Плативших пострадавшим на войне.

И заложить затем решил Бахрам
Основу и величье царства там.

Он вызвал всю родню Михин-Бану,
Нашел средь них ровню Михин-Бану:

Достойный муж, светило меж светил,
Кто мудростью Бану превосходил.

Его, как падишаха, на престол,
Герой Бахрам торжественно возвел,

Дабы народу в государстве том
Стал мудрый муж покровом и щитом;

Дабы, держась державных правил там,
По справедливости он правил там;

Чтоб заново страну отстроил он,
Ее богатства чтоб утроил он.

Народам и державам — там расцвет,
Где справедливость есть, где гнета нет!..

И это все царю армян внушив
И так устройство царства завершив,

Китайские войска созвал Бахрам
И роздал всю свою казну войскам,

Сокровища и деньги роздал всем
И начал с извиненья речь затем:

«Со мной столь трудный совершив поход,
Перенесли вы множество невзгод,

Теперь вернитесь к семьям, по домам,
К своим хозяйствам и к своим делам.

Хакану так скажите обо мне:
«Нашел Бахрам Фархада в той стране,

Обрел теперь Бахрам к блаженству путь,
Прости, хакан, здоров и счастлив будь!»

* * *

Бахрам, такую речь войскам сказав
И путы связей с миром развязав,

От праха мира отряхнул подол,—
К Фархадовой гробнице он ушел.

А с ним — Шапур. Вблизи нее в те дни
Отшельниками зажили они.

Так этот путь смиренья стал для них
Желанней всех богатств и царств земных...

Примеру их последуй, Навои,
Осуществи желания свои!

* * *

Мне чару униженья, кравчий, дай!
Вина уничтоженья, кравчий, дай!

Быть может, ощутив его во рту,
Я тот же путь спасенья обрету!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Быстробегущий небосвод, внемли!
Покоя алчет слабый сын земли.

Лекарство дай от робости моей,
Избавь меня от клеветы людей.

Коварный недруг чтобы не вонзал
Мне в сердце сотни ядовитых жал,

Чтоб, превратясь для стрел обид в мишень,
Мозг не гудел, как улей, целый день;

Чтоб сердца разоренная страна
Мир обрела, была возрождена.

Пусть расточитель и завистник-плут
Сочувствия у шаха не найдут.

Пускай не валит на меня вины
Тот, чьи поступки каждому видны.

Пусть на мои страданья взглянет шах —
И милостив ко мне да станет шах.

Чтоб радости не ведал клеветник,
Чтоб радости моей расцвел цветник!

Чтобы в теченье суток каждый час
Я мог вздохнуть свободно хоть бы раз;

И сердце застучало бы ровней
И не сжималось так в груди моей;

Калам в руке старательней бы стал,
Я сам к словам внимательней бы стал.

И, если б я очистить чувства мог,
Поднять бы и свое искусство мог.

И если счастья моего звезда
Не станет мне завидовать тогда,—

Пусть от людей я буду в стороне,
Покой да предоставлен будет мне.

Все должности с меня да снимет шах,
Чтоб я стихи слагал не впопыхах,

Пусть я у шаха иногда найду
И благосклонность к своему труду.

Я — не Хосров, не мудрый Низами,
Не вождь поэтов нынешних Джами,

Но так в своем смирении скажу:
По их стезям прославленным хожу.

Пусть Низами победоносный ум
Завоевал Берда, Гянджу и Рум;

Пускай такой язык Хосрову дан,
Что он завоевал весь Индустан;

Пускай на весь Иран поет Джами,
В Аравии в литавры бьет Джами,—

Но тюрки всех племен, любой страны,
Все тюрки мной одним покорены!

Я войск не двигал для захвата стран,
Но каждый раз я посылал фирман.

Скажи: писал я дарственный диван
Не так, как государственный диван —

И от Шираза до степей туркмен,
От Хорасана до китайских стен,—

Где б ни был тюрк,— под знамя тюркских слов
Он добровольно стать всегда готов...

И эту повесть горя и разлук,
Страстей духовных и высоких мук

Писал я вдохновенно день за днем
На милом сердцу языке родном.

О боже мой, тебе — моя хвала!
Твоя десница мой калам вела

И не закрыла книгу дней моих,
Пока не прозвучал последний стих!..

Год написанья книги: восемьсот
И восемьдесят девять. Дни не в счет.

* * *

Побольше чару, кравчий! Поспеши,—
Чтоб друг поднес друзьям от всей души.

Полней налей,— хоть миг передохну:
Стоянки я достиг — передохну!

ЛЕЙЛИ И МЕДЖНУН

ПЕРЕВОД С. ЛИПКИНА

ГЛАВА I

О том, как родился Кайс и стал совершенным в глазах любви и дорогим для людских сердец

Измученный в цепях любви! Таков
Железный звон и стон твоих оков:

Жил человек в стране аравитян,
Возвел его народ в высокий сан.

Он был главою нескольких племен,
И справедливым был его закон.

Он бедным людям, чей удел суров,
Предоставлял гостеприимный кров,

Их ожидал всегда накрытый стол,
Всегда подвешен был его котел,

Весь день, всю ночь пылал его очаг,
Огонь сиял у путника в очах,—

Сиял он путеводною звездой
Застигнутым пустынной темнотой.

Искусство щедрости его влекло,
И превратил он мудрость в ремесло.

Его стадам подобных в мире нет:
Баранов сосчитать — цыфири нет,

Всех знаков чисел не хватило б нам,
Чтоб счет вести верблюдам и коням.

Но только сына старцу не дал рок,
На горькую печаль его обрек.

Он всем владел, а жаждал одного:
Чтоб милый сын родился у него,

Чтоб не слабела с бренной жизнью связь,—
И жаждал крепче, старше становясь.

Он мыслил: обветшала утварь дней,
Прогнило древо жизни до корней,—

О, если б тополь молодой расцвел!
Пусть клонится к паденью старый ствол,

Но тополь над склоненною главой
Раскинет тень, шумя своей листвой.

Он мыслил: раковина пропадет,
Но будет жемчуг радовать народ.

Пусть я, богатства накопив, умру,—
Не даст наследник пропадать добру.

Пусть ввечеру зайдет моя заря,—
Взойдет другая, веселей горя.

Она взойдет над племенем родным,
Охватит небо пламенем своим...

Нет, соловей над высохшим кустом
Не станет петь... Иль ты забыл о том?

Когда свечи истлеет фитилек,
Не станет светом резвый мотылек.

Ты цели не достиг в конце пути?
Так цель свою в терпенье преврати!

И старец не роптал и не просил
И жребий свой носил пред богом сил,

И заслужил смирения венец,
И сына даровал ему творец!

А сыш какой! Сердца испепелив,
Влюбленных Мекку в нем явил халиф.

Ты мысли раковиной назови,
А плод любви — жемчужиной любви,

Зефиром в сокровенном цветнике,
Сапфиром в драгоценном тайнике!..

Высокий лоб, любовью озарен,
Являл добра и верности закон.

Любовь — страна. Воскликнул шах страны:
«Пусть от звезды незримой до луны

Светила все ночной украсят пир:
Звезда любви в земной скатилась мир!»

И сразу потемнел небесный свод:
Ушел на пир созвездий хоровод...

Заволновалось воинство любви,
Печаль построила войска свои.

Беда младенческих коснулась век:
«Здесь будут русла горьких, скорбных рек».

Разлука кудри гладила, скорбя:
«Я дождь камней обрушу на тебя».

Страдание омыло рот ему:
«Я пламя вздохов к небу подниму».

Любовь заговорила, тронув грудь:
«Ты, чистая, моим жилищем будь!»

Отец, гордясь жемчужиной своей,
Жемчужинами одарял людей.

Он Кайсом порешил дитя наречь
И нянькам поручил дитя беречь.

И вот, закутан в соболь, в горностай,—
Бутоном розовым его считай! —

Ребенок в колыбели, как в саду,
Или, верней, как лепесток в меду.

И, чистотою внутренней блестя,
Покой и радость нянчили дитя,

Его от злого рока стерегли
И как зеницу ока берегли.

Дитя напоминает нам слезу:
Ребенок в доме, как слеза в глазу.

Он в бархате едва ли не лежал,
Он косточкой в миндалине лежал!

Стоял народ вокруг его шатра.
Чтоб не прошли холодные ветра!

Но пред судьбой бессильны сотни слуг:
К младенцу в колыбель проник недуг.

Вздохнет он — видишь: горе глубоко,
Глотнет он — станет кровью молоко.

Украдкой тянется к огню дитя,
Любовным пламенем его сочтя,

И так как ноги по земле не шли,
Он ползать начал с первых дней в пыли.

Страданье было неразлучно с ним
И вырастило мальчика больным.

Когда грудным младенцем плакал он,
Всем чудился тоски великой стон.

Когда слова произносить привык,
Резцу он уподобил свой язык.

Когда беседовать он стал с людьми,
Казались мудрецы пред ним детьми.

Манило всех горение в очах
И радость вдохновения в речах.

Он душу покорял, он увлекал,
В живую плоть он слово облекал,

Из уст прекрасных вылетев едва,
В сердца людские падали слова!

Услышали об этом чуде все,
Узреть его мечтали люди все,

И толпами со всех сторон текли,
И, глядя, наглядеться не могли.

Того привел в смятенье лик его,
Другому в сердце ум проник его.

Он был мечтой, любимцем бедняков,
И сто красноречивых стариков

Немыми станут, уст не разомкнут,
Когда рассказывать о нем начнут!

Родителям он дорог был равно,—
Два сердца, полюбившие одно.

И, поражаясь чаду своему,
Его словам чудесным и уму,

Сказали так: «Да минет горе нас,
Пусть мальчика дурной не сглазит глаз!

В шелка заботы кутая дитя,
Окурим дикой рутою дитя!»

Когда вступил он в пятую весну,
Решил отец: «Учить его начну».

И, не теряя времени, велел —
Среди родного племени велел —

Учителя для мальчика найти,
Наставника, вожатого в пути,

Чтоб милый Кайс достойным сыном был,
Великих знаний властелином был,

Чтоб в чуждых землях край прославил свой,
Чтоб с поднятой ходил он головой...

* * *

И я, наставник, знанием влеком!
Сам разум у тебя — учеником.

Скорей листок ребенку в руки дай,
А мне урок любви науки дай!

ГЛАВА II

О том, как Кайс начал учиться в школе, увидел красоту Лейли и занозы любви вонзились в его сердце

Тот, кто уроки мне давал не раз
В науке слова, так повел рассказ:

Для Кайса начали искать вокруг
Наставника и знатока наук.

В той местности наставник славен был,
По нраву ангелам он равен был.

Учил детей он племени всего:
Не знал отрадней бремени сего.

Звезда наук, он был земле не чужд,
Открыл он сердце для народных нужд.

Высокий саном, был он к лести глух,
Превыше сана был высокий дух!

Был гнев его горячим, жестким был,—
В его руках и камень воском был!

Был гнев самумом,— не губил он роз,
Из племени былинки не унес.

Вкусивший светлый хлеб его щедрот,
Лепешкой жалкой солнце назовет!

Конюшней старой пред его страной
Казался беспредельный мрак ночной.

Родимый кров от недругов храня,
Он был сильнее ветра и огня.

От всех печалей мира и невзгод,
Как крепость, ограждал он свой народ.

Жемчужинами был мудрец богат,
Но лишь одною восхищался взгляд.

Взрастил он много роз в своем саду,
Но лишь одной ценил он красоту,

Светильником гордился лишь одним,—
Как искра, тлело солнце рядом с ним!

В его дому была свеча одна,
Как в небесах всегда одна луна,

Но та свеча была такой луной,
Перед которой слепнет глаз дурной.

Нет, не свеча, а кипарис блестит,
Которому завидует самшит!

Нет, не луна, а счастья звездный дар,
Не звездный дар, а солнца грозный жар!

Кто губы разгадает, кто поймет?
По цвету — финики, по вкусу — мед.

Ланитам кто сравненье дать готов?
То — луны под завесой облаков.

Как солнце — лик ее в ночи волос,
Ночное небо солнцем обожглось!

О ночь! Лейли! Мы смотрим на тебя,
Рассвета блеск забыв и разлюбя.

Две брови черные на белом лбу,
Соперничая, начали борьбу,

Но родинка вмешалась в бранный спор,
И брови не воюют с этих пор.

Даруют брови, сведены басмой,
Свет полнолунья, спорящий со тьмой,

Их кипарисами назвать могу:
Не правда ль? Ветер их согнул в дугу!

Два глаза — два могучих колдуна.
Им сила чародейная дана.

О, дремой осененные глаза!
Истомой опьяненные глаза!

Над вами кипарисы в жаркий день
Простерли страстного желанья тень.

Чему я уподоблю ряд ресниц?
То — войско негров у своих границ.

Мигание? То негры пред тобой
Затеяли междоусобный бой.

Нет, неграми ресницы не считай!
Давно богат газелями Китай,

Потребны копья нам для ловли их,
Ресницы — копья. Взять готов ли их?

Но черный мускус пролила газель,
И копья стали черными отсель...

Ее лицо в приманку нам дано,
А родинка — приманное зерно.

Попался на приманку человек,
И стал он пленником любви навек.

Так сладостен ее прекрасный рот,
Что стали и слова ее как мед.

В губах собрала сердца чистоту.
Родник живой воды — слюна во рту.

О все животворящие уста,
Рубинами горящие уста!

Гранильщик им ущерба не нанес,
В них — сок янтарный виноградных лоз...

Стройна, как молодое деревцо.
Мертвец воскреснет, увидав лицо.

Живой узрит — бессмертье обретет,
Другая жизнь к нему тогда придет.

Она, как мысль правдивая, чиста,
Как жалобы народной правота.

Две темные, тяжелые косы —
Две ночи в блеске неземной красы.

Вот почему ты Ночью названа!
Ты — Ночь могущества, ее луна!

Тебя хвалить захочет сын земли,—
Не сыщет слова, равного «Лейли»!

И всех ночей чудесней эта ночь,
И свет очей отца такая дочь.

Покой богатый ей отец отвел,
Покой — луны прекрасной ореол:

Он школой был. Подобные звездам,
Сияли дети, собранные там.

Учитель, о котором речь была,
Их наставлял на добрые дела.

Он райской гурией Лейли назвал:
Уроки ангел гурии давал.

* * *

Об этой школе всюду шла молва,
Хвалебные текли о ней слова.

О ней родитель Кайса услыхал
И счел ее достойною похвал.

И Кайса в эту школу отдал он,
Как повелел обычай и закон.

Был Кайс наставнику в ученье дан:
Жемчужина упала в океан.

И, радуясь жемчужине своей,
Стал океан светлей и веселей,

И в добрый час, и справедлив, и строг,
Учитель вывел на доске урок.

Но сколько ни писал он,— все равно
Казалось, Кайс об этом знал давно!

Когда сокровище вселенной — Кайс
Учиться начал,— несравненный Кайс,—

Была месяцеликая больна.
Была тоска подруг по ней сильна.

Ее природа — солнца горячей...
Есть горечь некая в жару лучей!..

Горит светильник. Масла ты подлей —
И будет он гореть еще светлей.

Песок полдневным солнцем накален.
Огнем ожги — и жарче станет он.

О пери! Огненная у тебя душа,—
И вдруг подул самум, огнем дыша!

Она любила финики и мед,
Вино, воспламеняющее лед.

Четыре — мед, самум, душа, вино —
Соединились: тело зажжено!

И пери лихорадкою больна:
Вошла в нее украдкою она.

Лейли дрожит, как тополь поутру,
Как белый тополь на степном ветру,

И тело рвется на куски... не ложь:
Землетрясение — такая дрожь.

И желтым стал огонь ее лица,
Как нежной розы желтая пыльца,

Родные собрались вокруг Лейли,
Врачей искусных к ложу привели.

Что пользы нам от сотни лекарей?
Природа может вылечить скорей!

Что пользы нам, что воскрешал Иса?
Творит одна природа чудеса.

Хотя врачи руками развели,
Но сжалилась природа над Лейли:

Вернула силы ей, недуг исчез,
Вновь стала пери чудом из чудес,

Улыбка на губах — стократ светлей,
Румянец на щеках — стократ милей.

Соскучилась ученая краса,
Услышать хочет школы голоса.

И волосы, подобные мечте,
Искусно убрала ей мешшате

И, красоту украсив красотой,
Застыла, восхищенная звездой.

Два завитка — веди сравненье в даль! —
Как в слове «хадд» удвоенное «даль»!

А родинка над ртом — открою вам —
Как точка черная над словом «фам»;

Подобная индусу-колдуну,
В рубинах губ таит она слюну!..

Ее уста — живой воды родник,
И пламень губ в живой воде возник!

Огонь румянец на щеках разжег,
Их золотой осыпал порошок.

Два глаза, подведенные сурьмой,
Соперничают с полуночной тьмой.

Не молния грозы — ее лицо,
А молния красы — ее лицо.

Да, молния: то — ливня бедствий жди,
То — милостей посыплются дожди!

Вкруг шеи ожерелье зажжено,
Как звезды вкруг луны, горит оно.

Повязка — лунный луч на волосах...
Рок видит смерть свою в ее глазах!

Вся хороша, от головы до ног,
Любви дупа — от головы до ног!

Она выходит. Властная краса
Смущает мир земной и небеса.

За ней — служанки, юны и стройны,
Как приближенные самой весны.

И в школе стало празднично, светло:
Игривое веселие пришло!

Учитель счастлив: миновал недуг.
Он отпустил гулять ее подруг.

Как солнце для небес и для земли,
Была для школы светочем Лейли;

Лейли, как ночь весны, сердца влечет!
Ей оказали девочки почет,—

Созвездья так приветствуют луну,
Так сад встречает юную весну.

Все расцвело. Лишь дерево одно
Дыханьем осени обожжено,

Пылает увяданья огнем,
И пожелтела вся листва на нем:

Увидел Кайс весеннюю зарю,
И стал он весь подобен янтарю.

Вокруг царила юная весна,—
Его лицо покрыла желтизна,

Дыханье осени в его крови:
Восточный вихрь ворвался, вихрь любви.

По телу слабому пошел озноб,
Росой холодной увлажнился лоб.

Он чувствовал: сейчас конец придет,
В беспамятстве сейчас он упадет.

Его лицо менялось каждый миг.
Он обезумел: он любовь постиг.

Любви пригубил чашу в первый раз,
Хлебнул глоток — и опьянел тотчас.

Но, мучаясь, он пересилил страсть,
Чтобы на землю тенью не упасть.

На Кайса поднял взор его кумир...
Ей показался темным светлый мир!

В огонь упала слабая душа,
Сгореть в любовном пламени спеша.

Волненье Кайса ей передалось.
Он для нее прозрачным стал насквозь.

Лейли глядит — и видит только страсть.
Да, и она любви узнала власть!

И с тонкостью понять ему дала,
В каком она огне, и поняла

Потом сама: «Когда ему сейчас
Не помогу, для посторонних глаз

Он явной сделает свою любовь,
Мы встретиться тогда не сможем вновь,

Ему не разрешат учиться тут,
Преграду между нами создадут».

И молвила, подняв глаза с трудом:
«Друзья мои! Давайте в сад пойдем;

Всей школой хорошо гулять в саду!..»
Ученики ликуют: раз в году

Такая радость красит долю их:
Учитель отпустил на волю их!

И Кайс, усилье сделав над собой,
Смешался тоже с резвою гурьбой...

Искусный садовод в саду любви!
Мне розовую чашечку сорви:

Скажу, на завязь бросив быстрый взгляд,
Какие розы разукрасят сад!

ГЛАВА III

О том, как Кайс увидел Лейли в весеннем саду и упал в беспамятстве

ГЛАВА IV

О том, как Кайс, придя в себя, застонал, как соловей, и снова потерял сознание и отец увел его с собой

ГЛАВА V

О том, как Кайс направился в сторону племени Лейли, как он беседовал с собакой Лейли, а потом увидел свою возлюбленную

Кто воспевал страдальца бытиё,
Так заставлял писать перо свое:

Беспамятством, бессильем одержим,
Не ведал Каïс о том, что стало с ним,

И вот узнал, едва лишь ожил он,
Как близких сердцу растревожил он.

Родители стонали день и ночь,
Не ведая, что делать, как помочь?

Тот — юныï лоб, вздыхая, целовал,
Та — горестью убита наповал.

И, все поняв, смутился Кайс тогда,
Не знал, куда деваться от стыда,

Глядеть в отцовские глаза не мог,
В тоске лежал у материнских ног,

И под ярмом позора своего
Не поднимал он взора своего.

Когда увидели отец и мать:
В могилу Кайса может стыд вогнать,—

Решили не расспрашивать его,
Как будто не случилось ничего,

Решили слова не сказать в укор,
Чтоб мальчик позабыл про свой позор.

И мыслили, вздыхая тяжело:
«Быть может, наваждение прошло?

Он станет сдержанней, горячий нрав
Природой целомудренной поправ?

Быть может, горести промчатся все?..»
И так гадали домочадцы все:

«Приснился юноше волшебный сон»,
«Виденьем неким был он потрясен»,

«Его с дороги сбил коварный див...»
Никто не знал, что, пери всех затмив,

Заворожила юношу Лейли,—
И восвояси родичи пошли.

И Кайс остался наконец один.
Искал он горю своему причин.

Искал он исцеленья своего,
Алкал он избавленья своего.

Тоске внезапной изумлялся вслух,—
Метался беспокойный, слабый дух:

Любви отдаться? От людей бежать?
Но жалко покидать отца и мать.

Найти покой среди домашних вновь?
Но топчет сердце властная любовь!

Так он страдал, пока рука небес
Не сбросила на мир ночных завес.

И войском горя был он побежден:
Настала ночь — Лейли увидел он.

Каков удел влюбленных — он забыл!
И снегом убеленных он забыл

Отца и мать, забыл недавний стыд,
И вот уже к возлюбленной спешит.

Не взял он волю в спутники себе,
И разум не был другом при ходьбе.

Он шел и падал, и вставал, и шел,
И каждый шаг безумцу был тяжел.

Валялся, как поклонники вина
Валяются, напившись допьяна.

И видит он становища огни
И думает: «Меня сожгут они!»

И сердце вдруг охвачено огнем,
И мнится: искры заметались в нем...

Вознес он к небу огненный язык,
Открыл огню воспламененный лик,

Как пышет пламенем зажженный куст,
Он песню-пламя выпустил из уст:

«Огонь, благословенный проводник!
Ты в ночь печали предо мной возник.

Я вижу: искры падают в траву,—
Их звездами печали назову.

Вознесся дым, как вздох твоей груди,
Как цель, очерченная впереди.

Лепешку спрятал ты в своей золе,—
То месяц на заоблачном столе.

Кто взглянет на тебя, тому сурьмой
В глаза войдет летучий пепел твой.

Но роза не глядела на очаг.
Откуда ж цвет сурьмы в ее очах?

Или решила стать сурьмой зола,
Когда она в твои глаза вошла?

Огонь! Горящий жар твоих углей
Рубинов драгоценных мне милей:

В нем вижу я — мне цвет багряный люб —
Всепожирающее пламя губ!

Нет, не венец — рубином, а венцом
Украшен сей рубин: ее лицом!

Ты в ночь заботы подал руку мне,
Ты озарил в ночи разлуку мне.

Как высказать, как я люблю тебя?
Каким стихом я восхвалю тебя?

И что тебе я, путник робкий, дам?
Алоэ и сандал в растопки дам!

Огонь! Тебе никчемных слов не дам:
Луну и солнце я в жаровни дам!

Огонь! Всегда будь на моем пути,
Всегда свети, вселенной всей свети!..»

Не кончил он, как ветер вдруг донес
Протяжный лай: залаял в стане пес...

Он скорчился, пошла по телу дрожь,
И на собаку стал он сам похож.

И стон его поднялся в вышину,—
Не стон, а вой нарушил тишину.

Как путник, потерявший караван,
Взывает, страхом темным обуян,

Следы читает сквозь кромешный мрак,—
Так шел несчастный Кайс, и пел он так:

«О ты, чей голос радость мне принес,
Ночной товарищ мой, печальный пес!

Ты, верный друг, мне громкий подал крик,
Всех заблудившихся ты проводник!

Вокруг селенья ходишь, честный страж,
Не правда ль, одинаков жребий наш!

Пройдут ли ночью воры в мирный кров,—
Зубами в клочья разорвешь воров,

И хна для ног твоих — людская кровь.
О, мне конец такой же приготовь!

Я тоже пес, как ты, но ты важней:
Ты можешь в стан войти, к прекрасной, к ней.

Твоя судьба — хранить и хлеб и кров.
Моя судьба — бродить вокруг шатров!»

Так пел влюбленный, так шагал в пыли...
А ты, месяцеликая Лейли,

Ты плачешь тоже, ты грустишь о нем,
Ты видишь Кайса утром, ночью, днем,

Он призрак, он души твоей звезда.
Беда арабов — пленная беда:

Тебе попала, Кайс, в полон она,
И вот не ест, не пьет, не знает сна...

Как легкий локон вьется на ветру,
Лейли в тоске металась по шатру

И падала на ложе, ослабев...
Вдруг скорбный к ней доносится напев,

Лейли глядит: в степи темным-темно,
Все племя сладким сном пьяным-пьяно.

Отраден сон для тех, кто не влюблен,
Но кто влюблен,— для тех запретен сон...

Старуха-нянька вместе с ней жила,
Ее любви наперсницей была,

Благословила двух сердец союз,
Желала им нерасторжимых уз,

Ей Кайс — как сын, она — как мать ему...
Когда в степную выбежала тьму

Лейли, в ночи сияя, как луна,—
Как тень луны, пошла за ней она.

Лейли, не видя ничего, бежит.
К возлюбленному своему спешит.

Два вздоха пламенных светло зажглись,
Два сердца раненых в одно слились.

Как боль ясна, как тайна их чиста!
Какой немотой скованы уста!

Как будто солнце скрылось, а светло.
Нет наводненья,— стену всю снесло!

Друг друга пусть обрадуют они!..
Но без сознанья падают они.

Старуха тут заплакала навзрыд:
Увидят их — какой позор и стыд,

Они погибнут от людского зла!
И на плечо она Лейли взяла

И ношу понесла — любви сосуд.
Не так ли солнце небеса несут?

Ее согнуло горе... не солгу:
Так небеса сгибаются в дугу!

И девушку вернула в отчий дом,
И возвратилась к юноше потом,

И юношу взвалила на плечо,
И горе жгло ей сердце горячо.

Чуть ноша становилась тяжела,
Безумного по травам волокла,

Подальше от селенья своего,
От подозрений всяких, от всего,

Что может ввергнуть юношу в беду,
Когда у всех он будет на виду.

Оставила его в степном песке,
И в дом направилась в глухой тоске,

Судьба-старуха, где твой правый путь?
К тебе взываю: справедливой будь!

Ты горе посылаешь на людей,
Как мать, проклявшая своих детей!

ГЛАВА VI

О том, как соплеменники узнали об исчезновении Кайса, нашли его в песках пустыни, доставили домой и Кайс повсюду прослыл безумцем, Меджнуном

Кто рассказал о ночи роковой,
Украсил так рассказ печальный свой:

Увидели родные на заре,
Что Кайс опять не спал в своем шатре,

И вороты порвали на себе,
Взмолились небу о его судьбе.

Отец, рыдая, утешает мать,
Велит людей на поиски послать.

И люди, наконец, следы нашли:
Вели следы к становищу Лейли.

И люди в стан пришли по тем следам
И новые следы открыли там:

Одни — глубоко вдавлены в песок,
Как будто путник тяжкий вьюк волок,

Другие — как создания пера,
Как будто пери здесь прошла вчера,

А третьи — в глушь пустынную ведут,
Возникнут вдруг и снова пропадут...

И люди в глушь пустынную пошли,
Песчаный холм увидели вдали.

Приблизились, разрыли... о творец!
Там Кайс лежал, недвижный, как мертвец.

Пустынный вихрь песком его занес!
Тут хлынули из глаз потоки слез:

«Убит,— один другому говорит,—
Убийцею тайком в песок зарыт».

И светлый мир им показался пуст...
Вдруг слышат: вылетает вздох из уст.

«О небеса! Он жив, он жив еще!»
Один из них взял Кайса на плечо,

И люди тронулись в обратный путь...
Разорвалась родительская грудь,

Когда больной вернулся в отчий дом!
Но Кайс, придя в сознание с трудом,

Не знал, как объяснить поступок свой,
Стоял с опущенною головой.

Обрушились упреки на него,
Во всем нашли пороки у него.

Один сказал: «Тебя сломила страсть?»
Другой: «Ты страстью насладился всласть?»

А третий: «Будь сильней, сломи ее!»
И что ни слово — острое копье.

Вонзились в сердце резкие слова,
Осыпана камнями голова —

Невидимою грудою камней:
Невидимые, бьют они больней!

Один сказал: «Наставить должно ум».
Другой: «Избавить от опасных дум».

А третий: «На ноги наденьте цепь!»
Но Кайс молчал, вперяя взоры в степь.

Мечтал он, чтобы день короче стал,
Он с нетерпеньем темной ночи ждал,

И только звезды стали высыпать,
Он к племени Лейли пошел опять.

Опять родители к его шатру
Направились поспешно поутру,

Опять его нашли в степной глуши,
И был сильней недуг его души.

Опять слова — острей змеиных жал...
А ночь пришла — опять он убежал.

И поняли родители тогда:
У них — непоправимая беда.

Слова напрасны: кто безумен, тот
Безумным слово разума сочтет.

Собрали знахарей и лекарей —
И колдунов, чтоб вылечить скорей.

Росло в дому советчиков число,—
Безумие любви быстрей росло,

Недуг страдальца был неисцелим...
И дети бегать начали за ним,

И вот Меджнуном прозван с юных лет.
«Меджнун! Меджнун!» — ему неслось вослед.

Но что ему, сошедшему с тропы,
Презрительные прозвища толпы,

Когда в глухое впал он забытье,
Когда он имя позабыл свое,

Народа своего, своей земли,—
Одно лишь имя помнил он: Лейли!

Когда: «Лейли» — он голос поднимал,
Меджнун пред ними — каждый понимал.

Он шел по вечерам и по утрам
К становищу Лейли, к ее шатрам,

Чтоб воздух племени ее вдохнуть,
И камнем ударял себя он в грудь.

Влачил вокруг шатров страданья цепь,
А прогоняли — возвращался в степь.

* * *

О ты, кто сделал степь моей страной!
Я заблудился. Сжалься надо мной!

Я одинок. Устал я в царстве лжи.
Дай руку мне, дорогу покажи!

ГЛАВА VII

О том, как отец Лейли, узнав о любви Меджнуна к своей дочери, разгневался на отца Меджнуна и тот заковал сына в оковы

Кто написал страданья книгу, тот
Свое повествованье так ведет:

И превратил круговорот времен
Меджнуна имя в притчу для племен.

Владыкам сильным, людям слабым всем,
Известным сделалось арабам всем.

И некто благосклонный, злобы враг,
О нем отцу Лейли поведал так:

«Был Кайс несчастный в племени Амир,
Его способностям дивился мир.

Разумен был он, сдержан был весьма,
Но, кажется, теперь сошел с ума.

Чуждается людей отныне он,
Блуждает и вопит в пустыне он.

Жалеют люди: «Бедный человек,
Любовь свершила на него набег!

Он словно грозной бурею влеком:
Любовью к некой гурии влеком».

Отец Лейли растроган был до слез.
Он руку укусил и произнес:

«Ах, бедного хвалили столько раз,
Его дурной, наверно, сглазил глаз.

Ах, светлая погибла голова,
Ум совершенный, дивные слова!

Язык сладчайший всем понятен был,
Он и моей душе приятен был.

О, каковы страдания отца
И матери! Разбиты их сердца!

Каким огнем он мучим и палим?
Душа объята пламенем каким?

Какая роза в нем любовь зажгла?
Какое племя для него кыбла?»

И некто молвил: «О дающий свет!
Раз ты спросил, позволь держать ответ:

В стени широкой множество племен,—
Ни к одному из них не склонен он.

Его любовь плоха иль хороша,
Но в племени твоем — его душа,

Но в племени твоем — весь мир его,
Но в племени твоем — кумир его!

В гареме целомудрия — душа.
Лишь ветром целомудрия дыша,

Она прекрасна, как весенний ток.
Основа этой ткани и уток —

Учтивый, скромный прав... Но пробил миг,
И вздох страдальца в сердце ей проник...

В его очах — забвение всего.
В его речах — свержение всего.

Ты знаешь сам: он мастерства достиг,
Отмечен высшим даром плавный стих,

Но в каждой строчке — имя лишь одно,
Не будет упомянуто оно.

Сказал я. Сам теперь ты все поймешь
И разум свой в советники возьмешь».

И слушавший лишился вдруг себя.
Как нитка, закрутился вкруг себя,

Сначала даже слова не сказал,
Ни доброго, ни злого не сказал,

В ушах его стоял немолчный шум!
Потом очнулся, успокоил ум

И молвил так: «Ступай, вкушая мир.
Скажи владыке племени Амир:

«Такие речи недостойны нас,
Я перед ними слух замкнул сейчас.

Пусть говорит народная молва,
Но ты гони подобные слова.

Давно сыновний видел ты недуг,
Ты должен был смирить строптивый дух.

Знай, заслужил безумец одного:
Цепь, только цепь — лекарство для него!

Иль ты забыл могущество мое,
И каково имущество мое,

И как мое значенье велико?
С тобой и сыном справлюсь я легко!

Или тебе неведом больше страх?
Я раздавлю, я превращу вас в прах!

Запри Меджнуна, если он упрям!
Не подпускай его к моим шатрам!

Настойчив будет он в своих делах,—
Тогда судьею станет нам аллах,

Его тогда о милости моли:
Я твой народ смету с лица земли!»

Отправил с этим словом он посла:
Война свой пламенный язык зажгла.

Пришел посланец, долг исполнив свой...
Поник родитель Кайса головой,

Когда он смысл речей уразумел.
Спасенья нет! Смириться он сумел,

Согласье дал. Простился с ним посол...
А весь народ в смятение пришел,

Меджнуна люди бросились искать
И плачущим нашли в степи опять,

Как будто был покойник у него
Или напал разбойник на него!

Безумца притащили в отчий дом,
Надели цепи на него потом...

* * *

О ты, чей жребий — звон стальных цепей,
Гордись счастливой участью своей!

Кто и в цепях сберег свободы пыл,—
Свободу многим тысячам добыл.

ГЛАВА VIII

О том, как Меджнун пылал, словно огонь в печи, страдал, как птица в силке, и цепи расплавились от огня его сердца, и он удалился в степь

ГЛАВА IX

О том, как Лейли увидел Ибн-Селлям, влюбился в нее, отправил сватов и получил согласие отца Лейли

Кто жемчуга блестящих слов низал,
Увидел мысли блеск и так сказал:

В ту ночь, когда Лейли, в тоске немой
Покинув сад, направилась домой,

В пути благоухая, как жасмин,—
Ее увидел человек один

И потрясен розоволикой был!
Среди арабов он владыкой был

И прозывался так: Бахт Ибн-Селлям...
Терял он счет верблюдам и коням,

Баранам и быкам терял он счет,—
Покрыл пустыню всю несметный скот,

И так как знатен был он и богат,
Он жил, ни в чем не ведая преград...

Заботы заблудившемуся нет,
Когда увидит звездный блеск монет.

Звезда блеснула Ибн-Селляму вдруг,
И душу страстный охватил недуг.

Не запустил болезни он своей,
Задумал исцелить себя скорей.

Направился к становищам своим,
И кинулся к сокровищам своим,

И выбрал сто подарков дорогих,
Сто редкостей, — не видел мир таких,—

И выбрал несколько проводников,
Как шейхи, златоустых стариков,

И людям цель свою открыл глава,
И племя приняло его слова.

Послы, чуть свет, чтоб не застиг их зной,
Поехали с подарками, с казной.

Отец Лейли приветствовал гостей:
Он долю получил благих вестей,

Он Ибн-Селляма знал уже давно,
К нему приязнь питал в душе давно:

Богат и знатен, как гласит молва,
Народа Бену Асад он глава...

И вот, к приему посланных готов,
К ним дружбу проявил на сто ладов.

Радушием смущенные послы,
Седые, благосклонные послы,

Раздав подарки и воздав хвалу,
Присев к гостеприимному столу,

Рассказ неторопливый повели,
Рассказ красноречивый повели,

И, цель свою достойно объяснив,
Ответа ждали, головы склонив.

Сказал отец: «Да снидет благодать!
Когда моим он сыном хочет стать,

Я встречу, как родной отец, его,
Да красит жемчуг мой венец его!

Но потерпеть он должен некий срок:
У розы как бы сломан стебелек,

Она больна, гнетет ее тоска.
Надежды пальма — веточка пока,

И солнце — только месяц молодой.
Когда придут здоровье с красотой,

Пусть поспешит благословенный сын,
И с розой пусть обнимется жасмин!»

Так, расточая сотни добрых слов,
Обрадованных отпустил послов...

Лейли гуляла в этот час в саду,
Еще не зная про свою беду.

Там нет лекарства от ее тоски,
Там розы распустили лепестки,—

Ей розы открывали вновь и вновь
Кровопролитную свою любовь,

Как бы кровавый обнажали меч,
Чтоб сердце ей безжалостно рассечь.

И вот печаль свершила свой набег,—
И плакала рожденная для нег.

Она пришла домой, дрожа, в бреду,
Сказала: «Дурно стало мне в саду».

Так обманула легковерных слуг.
Но те, кому понятен был недуг,—

Ее друзья, наперсницы любви,
Стремились ей отдать сердца свои.

И занялся у старой няньки дух:
А вдруг ушей Лейли достигнет слух

О том, что замышляет Ибн-Селлям?
Тут сердце разорвется пополам!

Решила: скроем от Лейли скорей,
Какой удел приуготован ей...

Однажды к ним знакомые пришли,
Друзья, подруги, жившие вдали,

И все, кто был отцу Лейли сродни,—
Больную навестить пришли они.

Была меж ними дряхлая весьма
Старуха, выжившая из ума.

Она, чтобы влюбленную развлечь,
Язык в смертельный превратила меч:

«Не огорчайся, роза! От волос
На лик твой много амбры пролилось,

Но скоро обретешь веселье ты,
Нас позовешь на новоселье ты,

Возвращена здоровью будешь ты,
Исцелена любовью будешь ты!

Нет в мире краше прелестей твоих,—
Красивым оказался твой жених.

Об этом люди говорят давно.
В твой кубок льется радости вино!»

Старуха вовсе разумом плоха:
Сказала даже имя жениха...

Когда в сознанье пери дорогой
Проникла весть об участи такой,—

Та весть дошла случайно до нее,
И явной стала тайна для нее! —

Сознание покинуло ее,
Старуха сердце вынула ее!..

* * *

О ты, кто скрыт, но явен, кто в глазах
Отсутствуя, присутствует в сердцах!

Открыл ты пламя сердца небесам,
Открой сиянье и моим глазам!

ГЛАВА X

О том, как Лейли, узнав о прибытии сватов, стала проливать кровавые слезы и мать ее заплакала, увидев страдания дочери

ГЛАВА XI

О том, как отец Меджнуна повез его на паломничество в Мекку и как Меджнун привел в смятение паломников, поведав богу о своей сердечной муке

Кто мысли излагает без прикрас,
Так начал удивительный рассказ:

Когда страдалец, жертва всех скорбей,—
Меджнун освободился от цепей,

Когда, не разыскав безумца, в дом
Вернулись посланные со стыдом,—

Тогда в отца смятение вошло,
На мать как бы затмение нашло.

Они сидели, слабые, вдвоем,
Они о сыне думали своем:

Слова найдут — и тут же отведут,
Возникнут мысли — тут же отпадут.

И так они решили наконец:
Всевышний лишь поможет нам творец!

Мы нищим подаянье раздадим,
Отыщем путь к отшельникам святым,

Пусть дервиши помолятся в тиши
Об исцелении больной души.

Узнав о двух беспомощных сердцах,
Нам сына, может быть, вернет аллах!»

Нарочно ль время выбрали они,
Но подошли паломничества дни.

В пустыню вновь отправили гонцов,
И найден был Меджнун в конце концов.

Меджнун готов забыть для Кабы все.
Да, Каба исцелить могла бы все!

И, нищих одаряя без числа,
Семья Меджнуна в Мекку понесла.

И прибыли паломники в Харам,
Увидели благословенный храм.

На каменной основе он стоял:
На непреложном слове он стоял!

Благоговейным трепетом влеком,
Безумец обошел его кругом,

Издал безумец исступленный крик,
Сказал: «О ты, владыка всех владык!

Ты, говорящий мертвому «живи»!
Весь мир бросающий в огонь любви!

Ты, открывающий любви тропу!
Сгореть велевший моему снопу!

Ты, нам любви дающий благодать,
Чтобы камнями после закидать!

Ты, женщине дающий красоту,
Из сердца вынимая доброту!

Ты, утвердивший страсти торжество!
Ты, в раковину сердца моего

Низринувший жемчужину любви!
Раздувший пламенник в моей крови!

Испепеливший скорбью грудь мою,—
Вот я теперь перед тобой стою!

Несчастный пленник, проклятый судьбой.
В цепях любви стою перед тобой!

И тело в язвах от любовных ран,
И тело режет горестей аркан,

Суставы тела — грубые узлы,
Душа сожженная — темней золы,

Но все же я не говорю: «Спаси!»
Не говорю: «Мой пламень погаси!»

Не говорю: «Даруй мне радость вновь!»
Не говорю: «Убей мою любовь!»

Я говорю: «Огонь раздуй сильней!
Обрушь трикраты на меня камней!

Намажь мои глаза сурьмой любви!
Настой пролей мне в грудь — самой любви!

Да будет зной — пыланием любви,
Да будет вихрь — дыханием любви,

Язык мой — собеседником любви,
А сердце — заповедником любви!

Я загорюсь — пожару не мешай!
Меня побьют — удару не мешай!

Меня печалью, боже мой, насыть.
Дай ношу скорби множимой носить!

Мне люди скажут: «Вновь счастливым будь,
Забудь свою любовь, Лейли забудь...»

Бесчестные слова! Позор и стыд!
Но пусть и тех людей господь простит.

О, в кубок просьбы горестной моей
Поболее вина любви налей!

Два раза кряду предложи вина.
Напьюсь любовным зельем допьяна.

Великий бог! Мне жилы разорви,
Наполни страстью их взамен крови!

Души моей, аллах, меня лиши,
Дай мне любовь к Лейли взамен души!

О всемогущий! Смерть ко мне пришли,—
Мне станет жизнью память о Лейли!

Больному сердцу моему вели:
Да будет сердце домом для Лейли!

Великий бог мой, милости продли:
Да будет вздох мой вздохом о Лейли:

Лиши меня вселенной целой ты,—
Мою любовь нетленной сделай ты!

Когда, господь, изменят силы мне,—
Врачом да будет призрак милый мне!

Когда последняя наступит боль,—
Сказать: «Лейли!» в последний раз позволь.

Захочешь возвратить меня к живым,—
Дай мне вдохнуть ее селенья дым.

Геенну заслужил я? Раскали
Геенну страстью пламенной к Лейли!

Достоин места я в твоем раю?
Дай вместо рая мне Лейли мою».

* * *

Когда мольбу любви Меджнун исторг,
Привел он всех в смятенье и восторг.

Оцепенели жители пустынь,
И каждый повторял: «Аминь! Аминь!»

Отец от горя разум потерял:
Он всю надежду разом потерял.

И Кайс безумным сделался опять,
Утратив разум, перестал рыдать.

Родные, слушая безумный бред,
Решили так: «Пути к спасенью нет».

И подняли его и всей семьей
Они Меджнуна понесли домой...

Водой любовный пламень не тупи:
Стать маслом ей дано в огне души.

Хотели сделать слабою любовь,
Но укрепилась Кабою любовь...

* * *

О ты, кто место Кабы посетил!
Ты в свой восторг меня бы посвятил!

Молясь творцу, меня воспомяни:
Огнем любви себя воспламени!

ГЛАВА XII

О том, как Меджнун порвал нити дружбы с людьми, подружился с дикими зверями и встретил в пустыне полководца Науфаля

Кто эту быль узнал из первых рук,
Свои слова в такой замкнул он круг:

Когда прошли паломничества дни,
Познало племя горести одни.

Отец в оцепененье вскоре впал,
В неописуемое горе впал,

Отчаялся безумного спасти,
Вернуть его с безумного пути,

И так, в слезах, решил о сыне он:
Как знает, пусть живет отныне он!

И вот Меджнун скитается в горах,
В глухих степях, где зноем выжжен прах,

Куда идет? Не скажет, не поймет,—
Толкает сила некая вперед!

У слабого покоя боле нет,
Желанья нет и доброй воли нет.

Измученный, бредет в жару, в пыли,
Одно лишь слово говорит: «Лейли!»

Окинет землю с четырех сторон,—
Одну Лейли в сиянье видит он.

Вообразит он только лик ее —
И стройный стан уже возник ее.

И думает тогда Меджнун: «Хвала!
На кипарисе роза расцвела!»

Он о Лейли слагает сто стихов,
Сто редкостных газелей — жемчугов,

Всем рифмам красота Лейли дана,
Лейли во всех редифах названа!

И в каждом слове страсть к Лейли звенит,
И в каждом звуке власть любви пьянит.

И строчек падает жемчужный ряд,—
Они обрадуют и огорчат:

Для горя — сладость вспомнить о Лейли,
Рыдает радость, вспомнив о Лейли.

И каждый стих — великий чародей,
Смятенье сеет он среди людей,

Унылому дарит надежду вновь,
Вселяет в равнодушного любовь.

Когда блеснет в мозгу Меджнуна свет,—
Он — дивных слов кудесник, он — поэт;

Войдет безумие в свои права,—
Он говорит нелепые слова,

Бессмысленно другим внимает он,
И сам себя не понимает он.

Испепелен тоской великой он,
И как бы стал пустыней дикой он.

Рыдает горько без кручины он,
Смеется звонко без причины он.

Плоть без души,— он скорбною тропой
Бредет, весь в синяках, избит судьбой.

Опомнится на миг Меджнун,— и страх
Войдет в него, он завопит: «Аллах!»

Но странника спасительный испуг
Бесстрашная любовь прогонит вдруг...

Он плакал, как ребенок, он кричал,
И долго отзвук в горной мгле звучал.

В песках он высохшим растеньем был,
Отца и мать забыл, себя забыл.

Он муку сделал спутницей своей,
И скуки не знавал он без людей.

Он яства и питье забыл давно,
Он самоистязанья пил вино.

Он шел и шел, куда — не зная сам:
Подобен путь безудержным слезам.

Людей чуждался в страхе странном он,
Пугливым сделался джейраном он.

Он жил в степи, животных не губя:
Природу пса он вырвал из себя.

И вот газельи дружат с ним стада,
Он окружен газелями всегда,

Он с ними разговаривает вслух,—
Газелей диких он теперь пастух.

Газелей на руки порой берет,
Одну целует в лоб, другую в рот.

Дика пустыня, и земля тиха,
И волки, как собаки пастуха.

И гибель ожидала бы его,
Но бог услышал жалобы его.

* * *

В пустыне пребывал глава племен.
Был Науфаль и честен и умен.

Среди арабов редкостью он был.
Повсюду славен меткостью он был.

Владел он луком и мечом владел,
Расширил он земли своей предел...

Охотился однажды Науфаль,
Попали ловчие в глухую даль.

Охота всю пустыню потрясла:
Газелям вкруг Меджнуна нет числа,

И всякая спешит к Меджнуну дичь,
Охотничий заслышав страшный клич.

Пернатых стаи и стада зверей
Меджнуна просят их укрыть скорей.

«От гибели спаси ты!» — просят все,
Убежища, защиты просят все...

И странным происшествием таким,
Противным всем обычаям людским,

Был Науфаль безмерно удивлен:
«Что это означает? — молвил он,—

Я, кажется, в своем уме вполне!
Благоговение внушает мне

Событие, украсившее свет!
Вы тоже это видите иль нет?»

И несколько нашлось людей таких,
Которые слыхали от других,

Какая губит юношу печаль.
Их выслушав, заплакал Науфаль:

И он путем любви когда-то шел,
И он блуждал в пустыне бед и зол!

Границ не видит горю своему,
Охота опротивела ему,

Сказал: «О дивный эликсир — любовь!
Ты молнией сжигаешь мир — любовь!

Когда ты сердце жертвой изберешь,
Войти не смеет в это сердце ложь.

Вот рядом человек и дикий зверь,
И зверь к нему ласкается теперь.

Любовь! Столь чистым сделало твое
Могущество Меджнуна бытие,

Что звери в нем не видят свойств людских!
Избавился Меджнун от свойств дурных,

Лишился человеческого зла,—
И сразу дикость у зверей прошла!

Друзья! Не будем обижать зверей
И лук и стрелы бросим поскорей,

Собачьих свойств довольно в нас и так,—
Покрепче привяжите всех собак!»

И Науфаль, такой отдав приказ,
К несчастному приблизился тотчас.

Хотя в стада животных страх проник,
Меджнун остановился все ж на миг,

Приязнью к неизвестному влеком,
Как будто был он с ним давно знаком.

И Науфаль сказал ему: «Привет!»
И поклонился юноша в ответ

И молвил: «О, таким же будь и впредь!
Благословенье — на тебя смотреть,

И весь ты — солнце дружбы и любви,
Сияют верностью глаза твои.

Но странно мне: в довольстве ты живешь,
С толпой невежественной ты не схож,

Ты сыт, и людям голод не грозит,—
Зачем твоя стрела зверей разит?

Или других не знаешь ты забав,
Или мучений требует твой нрав?

Кто вправе кровь напрасную пролить
Лишь для того, чтоб душу веселить?

Наступишь на колючку в поле ты,
И закричишь от сильной боли ты.

Зачем же натянул обиды лук?
Зачем готовишь зверям столько мук?

Животным тоже душу дал аллах,—
Дыханье бога есть и в их телах.

Не будь убийцей. Стань душой добрей,
Безвинных ты не истребляй зверей».

И Науфаль, услышав эту речь,
Пред ним не постыдился наземь лечь

И молвил так, поцеловав песок:
«О ты, чей дух воистину высок,

Ты, непохожий на других людей,—
Моей душой отныне ты владей!

Я понимаю все твои слова
И принимаю все твои слова.

Не буду я преследовать стада:
Себя убью, а зверя — никогда!

И речь твоя в душе моей жива,
Но выслушай теперь мои слова».

Сказал Меджнун: «О чистый свет зари,
Благословенный свыше,— говори!»

И Науфаль ответствовал: «О ты,
Кто стал примером вечной чистоты,

О ты, кто показал мне правый путь,
Сказав: «Вражду к беспомощным забудь»,—

Ты покорил мой разум навсегда,
Беспомощным не причиню вреда.

И я стремлюсь к сиянью твоему,
Но я дивлюсь деянью твоему.

Наперекор обычаям, пойми,
Ты зверям другом стал, порвав с людьми.

Ласкаешь ты зверей, людей боясь.
Ужель тебе с людьми противна связь?

Творения светило — человек,
Предвидения сила — человек!

Дрожа перед породою людской,
Ужель среди зверей обрел покой?

Я знаю, по какой причине ты
Покинул мир, живешь в пустыне ты:

Одной розовощекой ты смущен,
Одной огненноокой ты сожжен.

Но если так, прошу тебя: покинь
На время некое зверей пустынь,

И погуляй со мною в тех местах,
Где ты навек запутался в сетях,

Где дни твои в силке любви прошли!
Хочу с тобой соединить Лейли;

Благословит судьба такую цель,—
В одну вас положу я колыбель.

Нам не помогут просьбы и казна,—
Поможет нам священная война.

Подарки, деньги могут всех привлечь.
Чего не скажет злато, скажет меч.

Поможет нам небес круговорот,—
Найду я деньги, соберу народ,

Все мыслимые средства приложу,
Но этот узел бедствий развяжу,

А если будет против нас господь,—
Твою беду сумею побороть:

Тогда я сыном сделаю тебя,
Твой светлый ум и сердце возлюбя.

Но только ты друзей своих оставь,
Животных диких и ручных оставь!

Одной породы — люди все, поверь,
Природы разной — человек и зверь!..

Коль встреча *с ней* — желание твое,
Так приложи старание твое!»

При слове «встреча» задрожал Меджнун,
И слез горячих побежал Джейхун.

От радости страдалец ослабел,
От слабости скиталец онемел,

Улыбка на устах, в глазах вода...
И так заговорил Меджнун тогда:

«На все твои слова, мой старший друг,
Был у меня готов ответ, но вдруг

Ты слово «встреча» произнес, и мне
Все чуждым стало в дикой стороне,

И в мыслях отошел я от всего.
О, если обещанья твоего

Тебе не даст исполнить рок людской,—
Пусть служит голова моя ногой

Прославленному твоему коню,
Лицом своим — копыто заменю!»

И так друг другу выказав почет,
И видя, как друг к другу их влечет,

Обрадовались близости своей,
Один другого полюбил сильней,

И тот, кто подал о свиданье весть,
Меджнуна взять с собой почел за честь...

* * *

О ты, кто в жертву дал себя принесть
Разлуке! Слышишь о свиданье весть?

Пусть не дождется встреч твоя душа,
Но даже весть о встрече — хороша!

ГЛАВА XIII

О том, как Науфаль потребовал от отца Лейли, чтобы тот выдал свою дочь за Меджнуна, а когда получил отказ, то решил пойти войной на племя Лейли

Кто много трудных странствий совершил,
Слова в таком убранстве разложил:

Когда два редких существа земли
В дом Науфаля радостно вошли,

Потребовал хозяин поскорей
Своих красноречивейших людей,

Чей опыт, знания помочь могли,—
Велел им ехать к племени Лейли.

Казны, подарков дорогих — не жаль!
И приказал посланцам Науфаль:

«Отцу скажите: «Ты, кому верны,
Кому покорны счастья скакуны,—

Послушай: Каїс, чье слово, как резец,
Кто всех народных качеств образец,

Любовью чистой воспылал к Лейли.
Но країний стыд и робость привели

К тому, что изъясниться он не мог.
И вот переступил он свой порог,

Отца и мать покинул и родных
И начал жить среди зверей степных.

Он так любовью очарован был,
Он так любовью околдован был,

Так обезумел от своей Лейли,
Что все его Меджнуном нарекли.

Постиг науки всей вселенной он,
И в смысл проникнул сокровенный он,

В твоем народе знанья добывал
И не забыл еще твоих похвал.

Что думает отец и что творит,
Узнав, что сын в огне любви горит?

Хоть не был сыном он тебе родным,
Ты поступить, как с сыном, мог бы с ним.

Но очевидцев ты слова отверг,
Ты боль живого существа отверг!

Его ты сделал пленником скорбей.
Влачил он жребий свой в глуши степей.

Пусть это канет в вечность наконец!
О, где же человечность наконец?

Но поздно каяться. Таков наш путь:
Прошедшее не в силах мы вернуть.

Участье принял я в его судьбе,
В степи нашел его, привел к себе.

Мне сыном стал теперь и другом он,
Простился со своим недугом он.

Тебя прошу, к тебе взываю так:
Да будет заключен скорее брак!

Добро любое Кайсу дать я рад,
Как нам велит обычай и обряд:

Блестит жемчужиной своей венец,
Рубины рядом — и светлей венец.

Ты должен просьбу выполнить мою,
Не то — страшись: обиды не таю!..»

Вручив подарки и сказав слова,
Мужей послал он с целью сватовства.

Отец Лейли, безжалостный отец,—
Собранием, приятным для сердец,

Почтил высокое посольство все,
Чтобы видели его довольство все.

Людей с вестями принял, как гостей,
И новость он узнал среди вестей.

Враждебно эту новость встретил он,
Послам — не вовремя! — ответил он:

«Так было суждено, так хочет мир,
Чтобы Фархара месяц и кумир,

Краса, что расцвела в саду моем —
Будь розою она или шипом —

Досталась мужу славному в удел,
Чтоб ею любящий другой владел.

То приказанье — небом нам дано.
Но даже было бы другим оно,

Не вижу я причин — свой сан забыть,
У Науфаля в подчиненье быть,

Так поступить, как замышляет он,—
Его желанья превратить в закон!

И речь его, к тому же, в двух частях:
Надежда — в первой, а в последней — страх.

Обрадовал надеждой Науфаль,
Но страхом усмирит меня едва ль...

Той, что у многих отняла покой,
Предназначается жених другой.

Раскается ваш вождь в письме своем,—
Он — там, мы — здесь без горя заживем,

А если дела не поправит он,
Пусть ненависть иль милость явит он.

Проявит милость он — мы здесь сидим,
Покажет ненависть — мы здесь стоим.

Он к нам пойдет — и мы к нему пойдем.
Войну начнет — и мы войну начнем».

И так закончил, отпустив послов:
«Идите. Я других не знаю слов!»

И с тем ушли смущенные послы,
Отказом огорченные послы.

* * *

И Науфаль, ответ узнав такой,
Стал озабоченным, забыл покой,

И голос чистой совести не молк:
«Исполнить обещанье — вот мой долг!»

Собрал он войско племени всего.
Война! Война! — решенье таково.

Меджнуну повелел вступить он в бой,
Его поставил рядом он с собой,

Помощником назначил, дал коня,
Что создан был из вихря и огня,

Одежду благовоньем напитал
И голову тюрбаном обмотал.

Меджнун то слезы льет, а то вздохнет:
Не замечает, что б ни делал тот.

Конь скачет,— ничего не скажет он,
Конь станет,— мчаться не прикажет он...

И вот готово племя для войны,
Все воины по смелости равны,

И чтоб Меджнуна храбрецы спасли,
Повел их вождь к становищу Лейли.

В становище пришли в расстройство все,
Но сразу обрели геройство все:

Всех воинов собрать заставил враг!
И ненависти затянув кушак

И видя приближение беды,
Пошли навстречу, выровняв ряды.

И небо, их восторг уразумев,
И храбрость, и благословенный гнев,

Свои дела творило хорошо,
И часто говорило: «Хорошо!»

И Науфаля воины, тверды
И яростны, построились в ряды,

И плотный пар среди равнин степных,
Как от верблюдов пьяных, шел от них.

Так встретились два смелых войска там,
Чтоб славой подышать геройской там,

Чтоб кровь пролить, чтоб ужас возбудить,
Погибнуть с честью или победить.

И конский вихрь селенья закрывал
И жалости растенья вырывал.

Степь задрожала, недрами гудя,
И стали стрелы струями дождя.

И звери заметались, видя смерть,
Напоминая смерч и водоверть.

Как змеи скручиваются в траве,
Когда ударить их по голове,

Свернулись копья — буквы «даль» кривей,
Они — подобья ивовых ветвей.

Двуострый меч могучим в битве был.
В цирюльне той подобен бритве был,

Но сразу гнев его обуревал:
Не волосы, а головы сбривал!

Как птица горя — каждая стрела,
И вот она расправила крыла,

И вот уже взлетела, и летит...
Тут сразу жизнь из тела улетит!

Взлетают стрелы в воздух наконец,
И вот все небо в звездах наконец!

Те звезды — несчастливые всегда...
Но вот копье — падучая звезда —

Проходит сквозь кольчугу: так игла
Пройти бы легкий шелк насквозь могла!

Кинжал единый миг в крови лежал,—
И стал кровавым языком кинжал.

Когда копье ломалось о копье,
Друг друга брали воины в дубье,

И в чашу головы, в пылу войны,
Дубина пряталась, как бы в ножны!

Войска напоминали стаи туч,
И меч — как молния: блестящ, летуч,

Степные звери — вихрь, издалека
Гоняющий густые облака,

И кровь подобна дождевой воде.
И тонет мир в неслыханной беде!

Зигзаги молнии при свете дня,—
Как ноги богатырского коня!

Убийством дышит в день войны ездок,
Как богатырь отважен и жесток!

Сыны арабов ревностны в бою:
Зажгли, как пламя, ненависть свою.

Два племени, две рати, две толпы,—
Стоят над ними пламени столпы.

Рать Науфаля — больше и сильней,
И ярче ярость разгорелась в ней.

Когда увидел это пламя враг,
Он оробел, закрался в сердце страх,

Отец Лейли свою заставил рать
Путь робкой осторожности избрать,

И видя: гибелью враги грозят,—
Помчались воины его назад.

Вечерняя настала тишина.
Победа славная предрешена!

И возвратился облаченный в сталь
Довольный и веселый Науфаль,

И выбрал он для сна удобный лог,
И стан воинственный на отдых лег,

И войско звезд, когда народ заснул,
Несло ночной порою караул.

Китайский хан покинул свой престол,
И на него Хосров тогда взошел.

Короче: закатился шумный день,
Упала на поля ночная тень.

Решили оба стана боевых
Отрядов несколько сторожевых

Расставить на долине, на горе...
Но что судьба готовит на заре?..

* * *

О ты, боец любви! Подай вина!
Печалью мне объявлена война.

Хмелея и смелея,— в правый бой
Помчусь я с обнаженной головой!

ГЛАВА XIV

О том, как отец Лейли, поняв, что его ждет поражение, решает убить свою дочь, и тогда Меджнун, который увидел во сне это злодейское намерение, просит Науфаля прекратить войну

Кто сло́ва своего копье метнул,
Калама так поводья повернул:

Тогда как жаждет Науфаль войны,
Его противники устрашены.

Отца Лейли отчаянье берет:
Он медленным увидел свой народ.

Решил: дождемся бед, а не побед,—
И воинов собрал он на совет.

И долго люди спорили о том,
Как прекратить войну, каким путем?

Но споры прекратил отец Лейли:
«Дни испытания теперь пришли!

Что будет, если недруг победит
И наше войско в бегство обратит,

И Науфаль, всесильный, как эмир,
Мою Лейли — мой светоч, мой кумир —

Захватит в плен? Скорбей тогда не счесть,
Погибнет наша слава, наша честь!

Нам умереть придется со стыда
Иль родину покинуть навсегда!

Я так решил предотвратить беду:
Лейли я на рассвете приведу.

Иглой стрелы одежду ей сошью,
Нужна ей хна? Я кровь ее пролью,

На землю пальму тела повалю
И в землю ствол зарыть я повелю.

Хотя она свеча моих очей,
Цветущий сад она души моей,

Она — мне дочь, и потому хочу,
Чтоб ветер смерти погасил свечу,

Чтоб осень разорила этот сад,
Но только чтобы враг не знал услад!

Пусть уничтожу юную красу,—
Зато свою и вашу честь спасу!»

И воинов обрадовал глава,
Одобрили они его слова.

Но Науфаля рать была сильней:
Удача гордо реяла над ней.

* * *

Меджнуна жизнь похожа на туман,
То счастлив он, то горем обуян.

Как вспомнит о Лейли, о встрече с ней,—
Его чело становится ясней.

Поймет, что́ племени ее грозит,—
Смертельная тоска его пронзит.

Сочувствует другим тот, кто влюблен:
Великодушье — вот любви закон!

Он горем был подавлен, угнетен,
А счастье на глаза нагнало сон.

Он дивный образ увидал во сне.
Нет, девушку, подобную весне!

Не девушку, а кипарис! О нет:
Для солнца — страшной ревности предмет.

И меркнет луч луны в ее луче!
От головы до ног в шелку, в парче,

Касалась легкою стопой земли.
Меджнун узнал ее, свою Лейли!

Остановилась на пороге вдруг,
Поцеловала Кайса в ноги вдруг,

Склонилася, чтобы его поднять,
И сделала, чтобы его обнять,

Для шеи ожерелие из рук.
Сказала: «Верный друг! Нет, вечный друг!

Решил отец, а с ним и весь народ,
Убить меня, когда заря взойдет,

Чтоб солнце жизни скрылось за горой,
Чтоб стала кровь вечернею зарей,

Чтоб стала кровь вечернею зарей,
Чтоб я нашла жилище под землей.

Мой друг! Судьбу мою благослови!
Я раствориться жаждала в любви,

Искала я в любви небытия,
И вот исполнилась мечта моя!

Чего хотела, для чего жила,
К чему стремилась я— к тому пришла.

Пришла к своей любви, к твоей любви.
Прощай. Умру я завтра. Ты — живи».

Из глаз прекрасных слезы потекли,
И спящего покинула Лейли.

Издал безумец исступленный стон,
И сразу всех людей оставил сон.

Стонал он и рыдал в печали там,
А воины впотьмах кричали там:

«Что это значит? Нет ли здесь врага?»
Но к Науфалю быстро, как слуга,

Меджнун помчался, горестью гоним,
Поцеловал он землю перед ним,

Заговорил,— а страх застыл в глазах:
«О повергающий врага во прах!

Прошу тебя,— вложи свой меч в ножны.
Прошу тебя,— не продолжай войны.

Ведя войну, воюешь ты со мной,
В меня теперь вонзаешь меч стальной!

Лук ненависти выброни из рук:
Ты на меня направил этот лук!»

Был озадачен Науфаль весьма.
Подумал: Кайс опять сошел с ума?

Расспрашивать страдальца начал он,
И рассказал Меджнун свой вещий сон.

И выслушал страдальца Науфаль,
И погрузился в долгую печаль.

И понял он: правдив Меджнун во всем,
Он просветлен правдивым, вещим сном.

Меджнун—прозрачный ключ с прозрачным дном,
Он зеркало: мир отразился в нем.

Но, всматриваясь в эту чистоту,
Увидим только правды красоту!..

Когда пришла аравитянка-ночь,
Семью младенцев-звезд отбросив прочь,

Когда расставил юрты звезд, как встарь,
На синем поле тюрков государь,—

О сне Меджнуна, молнии быстрей,
Распространилась весть среди людей.

Одобрил весь народ его слова:
«Уйдем назад, пока Лейли жива!»

И с войском удалился Науфаль,
А Кайс помчал коня в степную даль...

О голос неба, ты меня призвал,
Достоин ты бесчисленных похвал:

Рабу — счастливую мне долю дал!
О, лучше бы, прогнав, мне волю дал...

ГЛАВА XV

О том, как Меджнун покинул Науфаля, удалился в степь, встретил Зейда и тот, сочувствуя горю Меджнуна, отправился к стоянке племени Лейли

Кто разукрасил чистую тетрадь,—
Слова такие пожелал избрать:

Гадали соплеменники Лейли:
«Зачем бойцы противника ушли?

О, что же тут содеял Науфаль?
Не хитрость ли затеял Науфаль?

Так близок он к победе был уже!..»
Решили: надо быть настороже,

В другой степи разбить решили стан,
Сказав: «Уходит в Мекку караван...»

Меджнун, держа за повод скакуна,
В степи с утра скитался до темна,

И путника нежданно встретил он.
Клеймо скорбей на нем заметил он.

И, горем незнакомца огорчен,
Спросил Меджнун, о чем тоскует он?

И молвил тот: «О господин! Твой раб —
Несчастнейший, презреннейший араб.

В такую впал я страшную нужду,
Что нищенскую жизнь в степи веду,

У всех я подаяния прошу,
Дневного пропитания прошу.

Мое пристанище — народ Лейли,
Мне служит ложем пыль его земли.

Голодной я обременен семьей.
Зовусь я Зейдом, жалок жребий мой.

Когда Меджнуну преданным слугой
Стал Науфаль, чтоб кровь пролить рекой,

Когда на стан Лейли повел он рать,
Когда, войну прервав, ушел он вспять,—

Решил народ Лейли, что здесь — обман,
Что Науфаль поймает всех в капкан,

Что рано веселиться и плясать,
Что возвратится Науфаль опять,

Что здесь опасно ночевать сейчас,
Что надо перекочевать сейчас!

И вот над миром пролита смола,
Легла густая мгла, ночная мгла,—

И я заснул. Проснулся — стан исчез,
И только пыль восходит до небес!

И я пошел, чтоб к племени примкнуть,
Но мне внезапно преградили путь

Два всадника: они, в тряпье худом,
Сидели на верблюдице верхом.

У Науфаля бранный гнев затих,—
Он отпустил всех воинов своих,

И эти тоже ехали домой...
И вот они мешок забрали мой,—

Хранился промысел мой нищий там:
Немного было черствой пищи там

И два дирхема, и один дирхем
Зашит... И воры завладели всем!

Упал я под ударами бича,
А воры надо мной стоят, крича:

«Где спрятал ты свое добро, скажи!
Вернись назад и место покажи!»

И долго так тиранили меня,
Измучили, изранили меня,

И вот разбойники умчались вскачь,
И в том узрев удачу из удач,

Поспешно я пошел степной тропой,
Столкнулся неожиданно с тобой.

Но если ты такой же вор и тать,
Как эти всадники,— то должен знать:

Пуст мой карман, и все мое добро —
Моей души правдивой серебро!»

Меджнун заплакал, выслушав рассказ.
Сказал: «О друг мой! Ранен ты сейчас,

Ты нищ, и по душе пример твой мне,
Отрадно за тебя стать жертвой мне!

Когда от Науфалевых людей
Ты пострадал или другой злодей —

Меджнун — виновник всех твоих обид,
Так знай: Меджнун перед тобой стоит!

Ты нищий, ты валяешься в грязи?
Возьми же меч, Меджнуна порази

И надвое Меджнуна рассеки,
И разруби ты сердце на куски!

Пугает злодеяние тебя?
Но я прощу заранее тебя!..

Ты деньги потерял из-за меня?
Возьми в замену моего коня!

Ограблен ты бесчестными людьми?
Взамен своих вещей мои возьми!»

Меджнун своим добром не дорожил.
Одежды снял, пред Зейдом их сложил,

Подвел к нему лихого скакуна
И все доспехи подарил сполна,

И ноги он поцеловал ему
И молвил: «Смерть я за тебя приму!

Когда от горестей своих вдали,
Ты вновь достигнешь племени Лейли,—

Как я скажу, где я найду слова:
Привет, мол, передай Лейли сперва,

Такая-то, мол, и такая весть...
О, на какой язык мне перевесть

Мою печаль и боль! Здесь нужен крик,
Другой, не человеческий язык!

Судьбою равен ты моей судьбе,
С мольбою обращаюсь я к тебе:

За племенем Лейли иди всегда,
Куда пойдет Лейли, пойди туда,

Ляг на пороге у ее дверей,
Не поднимая головы своей,

И прахом стань перед ее дверьми,
И душу раздели между людьми!

А если жаль тебе души своей,—
Мою возьми, вынь сердце поскорей,

И душу растопчи пред нею сам,
И сердце брось на растерзанье псам!»

От этих слов, от этих горьких дум
Расстроенный пришел в расстройство ум,

И Зейда эти речи потрясли.
Меджнуну поклонившись до земли,

Сказал: «Избранник дней, ты — светлолик!
Как знаменье Корана, ты велик!

В ночи разлуки, в этой мгле сырой,
Лейли сияет утренней зарей!

Она заря твоей надежды. Нет,
То — солнца вечного нетленный свет!

Так от любви к тебе она слаба,
Что сказкой сделалась ее судьба.

Лишь о тебе твердят ее уста,
В ее душе — лишь о тебе мечта.

Я о тебе доставлю повесть ей,—
Душою станет эта новость ей!

И счастье госпожи в отраду мне,—
Она двойную даст награду мне.

Прикажешь — передам Лейли привет,
Прикажешь — принесу тебе ответ,

Отныне и во сне, и наяву
Желаньем двух влюбленных я живу!»

Сказал Меджнун, надеясь и томясь:
«Для ран моих твое дыханье — мазь!

О друг моей души, товарищ мой!
Я разлучен с Лейли, и я немой.

Ты просишь слов? Не знает слов язык,
Из-за Лейли я говорить отвык.

Ступай. Одежды верности надень,
Да будет бог с тобою каждый день».

И Зейд на скакуна вскочил тогда
И скрылся, как летящая звезда.

Помчался к племени Лейли скакун,
И в ту же сторону пошел Меджнун.

Не шел он,— сами ноги привели
К стоянке прежней племени Лейли...

О ветер из жилья любви! Спеши,
Неси благоухание души!

Я задохнусь, паду я на ветру!
Нет вести о любимой? Я умру!

ГЛАВА XVI

О том, как Меджнун пришел на старое становище Лейли, как встретил ее собаку, страдавшую чесоткой, как беседовал с людьми из племени и как с вестью от Лейли прибыл Зейд

Кто на площадке слов бывал горяч,
В човган играя, так подбросил мяч:

Был жаркий полдень,— гибель для земли.
На мир бросал он пламя, как Лейли.

В степях Аравии настал таммуз,
И землю зной давил, как тяжкий груз.

Горячий ветер, как Меджнун гоним,
Всех обжигал дыханием своим.

Меджнун бежал и ноги поднимал,
Как от жаровни, ноги отнимал:

Песок июньским солнцем накален!
От зноя пострадал и небосклон,

И звезды, устрашенные жарой,
Искали тени где-то под землей,

Переменилось неба естество,
Как видно, лихорадило его!

Весь мир жара ужасная сожгла,
И стала пеплом каждая скала,

А камни драгоценные в скале
Подобны углям, тлеющим в золе.

Река в себя струю жары вберет,
И начинается водоворот!

Захочет утка сунуться в поток,—
Ее обварит этот кипяток,

Но чтобы ноги в воду окунуть,
Спешит их перепонкой обтянуть.

Колосья хлеба лопнули везде,
С горохом схожи на сковороде.

И небу желтый блеск жара дала,
И землю раскалила добела.

И вот уже к сковороде земли
Фазан и куропатка подошли,

Они клюют готовое пшено:
Ай, хорошо изжарено оно!

Паук в полыни скрылся от жары:
Он в паутине скрылся от жары.

Бежит собака, высунув язык:
То — летний месяц молодой возник!

Червяк — он плавится в таком аду —
Спешит укрыться в наливном плоду.

Так солнце убивает все плоды,
А прежде нежило на все лады!

В степи лежало озеро, дремля,—
Всю воду залпом выпила земля,

От горя треснуло сухое дно:
Тоскует по своей воде оно...

В подобный день Меджнун достиг земли,
Где прежде жил народ его Лейли.

Меджнун следы стоянки обошел,
Становища останки обошел,

Там, где следы жилья заметить мог,
Он подметал ресницами порог.

Случайно поднял он безумный взор,—
Увидел он возлюбленной шатер.

Упал Меджнун, от боли сжался весь:
Вот здесь она жила, дышала здесь,

Вот этот прах... то был порог ее!
Вот эта пыль касалась ног ее!

Меджнун еще сильнее занемог,
Любви еще свежее стал ожог,

К любимой сердце бедное рвалось.
Он запах чувствовал ее волос,

Припав к земле, вбирал он грудью всей
Дыхание возлюбленной своей.

Ресницами густыми жалкий прах
Он подметал и пыль скрывал в глазах,—

Как бы легла на стекла эта пыль,
От слез его размокла эта пыль,

И стала глиной вязкою она,
И сделалась замазкою она:

Окно замазать нужно навсегда,
Чтоб в дом любимой не вошла беда!

И на мгновенье лег безумец в печь,
Чтобы своим огнем ее зажечь,

Золой глаза намазал, как сурьмой,
И, как сурьма, глаза оделись тьмой.

Потом конюшню старую нашел,
Он к стойлам опустевшим подошел,—

И сразу пожелтел он, как саман!
И снял он с крыши несколько семян,

Посеял в сердце семена любви.
И раны он перевязал свои,

Из крыши вырвав войлока кусок...
Его вниманье жалкий пес привлек.

Был в язвах, лишаях паршивый пес,
Краснела кожа, вся сплошной расчес,

Из носа, изо рта текла вода,
И в жилах крови не было следа;

Был от сустава отделен сустав,
Валялось мясо, от костей отпав.

Песчинка, волос, что к нему прилип,—
Считаться ношей для него могли б.

Не в силах был ходить, не в силах встать,
Не мог поднять хвоста пустую кладь.

Он запахом гниения пропах;
Не закрывались губы на зубах,—

Он зубы скалил, будто над собой
Смеялся, над несчастною судьбой;

Глаза низверг он в ямы: спрятал взор,
Как бы стыдясь взглянуть на свой позор!

Все тело гнойной влагой налито,
Вся кожа превратилась в решето,

И черви жадные вползли в нее:
Находят в ранах пищу и жилье.

И, с пластырем и мазью незнаком,
Облизывал он раны языком,

Облизывал их с яростью такой,
С какой когда-то лаял день-деньской!

Кишело столько мух в отверстьях ран,
Что мнилось: пятнами покрыт тюльпан.

От мух немало вытерпел он мук,
И вороны над ним чертили круг...

И, возмущен жестокостью такой,
Глядел на пса Меджнун, глядел с тоской,

Умилосердить он хотел червей,
Умилостивить птиц мольбой своей:

«О вороны! Ваш вид благословен!
Мне будьте, вороны, венка взамен!

Вся в ранах голова моя сейчас,—
Гнездо готово каждому из вас!

Пробито сердце вздохами насквозь,
И дыр немало бы для вас нашлось!

Разрушен я неправдой, горем, злом,
О, сделайте развалину жильем!

Вонзитесь в тело, выклюньте глаза,—
Не трогайте глаза и тело пса!

Вам нужен только тощий пес больной?
Я пес больной. Насытьтесь, птицы, мной!»

Но понял он, что речь его слаба,
Бессильны довод, просьба и мольба,

И крикнул он, и птицы скрылись прочь...
Меджнун спешил животному помочь,

Страдающего пса поцеловал,
Потом свою рубаху разорвал,

На ранах вытер кровь умело он,
Повязки наложил на тело он,

И в тень больного пса он перенес,
Взрастив на нем цветы кровавых слез:

«О ты, кто был на благо всех племен
Из верности и дружбы сотворен!

Ты умираешь, горе — твой удел,
Каким великим сердцем ты владел!

Как мышь летучая, не знал ты сна,
И голова была всегда ясна,

О верный страж! Так чуток был твой слух,
Что сотни прочих сторожей и слуг,

Храня жилье, могли спокойно спать,
Курильщиками опиума стать!

Насторожился волк, тебя страшась:
Огни зажег в глазах в полночный час!

И леопард, придя издалека,
Едва заметив два твоих клыка,

От огорченья, бедный, занемог,
Пятнистым стал от головы до ног!

И полосы на шкурах тигров злых,—
Следы царапин от когтей твоих!

И барс глаза зажмурил от стыда,
Увидев, как ты прыгаешь всегда!

Подобны мирте отпечатки лап.
«Плеяды»,— говорит о них араб.

О, ты бежал под стременем царя,
И шею гладила твою заря!

Ты болен. Человечий страшен суд:
Тебя завидев, люди прочь бегут.

И пусть бегут себе! Но ты поверь:
Я дружбою с тобой горжусь теперь!

Когда ты лаял на дворе Лейли,
В собачьей стае бегал я в пыли.

Ты мчался по степи стрелы быстрей,
Я был собакой у ее дверей.

Когда ты возвещал, что будет гость,
Ты получал из рук прекрасных кость,

Тебя ласкала лучшая из дев,
На шею ожерелие надев.

Пусть буду жертвой телу твоему!
Пусть гибель от клыков твоих приму!

Вот кровь моя, больного сердца дань:
Сильней и здоровей, чем прежде, стань!

И если снова счастье обретешь
И в дом Лейли ты снова будешь вхож,

Тогда моей тоске чужим не будь,
Тогда меня, страдальца, не забудь,

И душу у меня ты отними
И положи перед ее дверьми!

По улице промчишься, верный страж,
И мой привет прохожим передашь.

Ты будешь кость на улице глодать —
Меня припомнишь: я — кости под стать.

Вдруг счастье вздумает тебе помочь:
Настанет ночь, тебе не крикнут: «Прочь!» —

Ты сразу прекратишь протяжный вой,
Положишь тихо подбородок свой

На пальцы мягкие передних ног,
Положишь морду на ее порог,—

Тогда, прошу я, милость мне даруй:
Порог любимой тайно поцелуй,

Чтобы никто, никто узнать не мог,
Что это я поцеловал порог!

Пусть позабуду я сиянье дня,
Но вырви оба глаза у меня,

И на ее дорогу положи,
Там, где поставит ногу, положи!»

Так мудро говорил он о Лейли,
Прохожих эти речи привлекли.

Кто знал его — заплакал, пожалев,
А кто не знал, дивился, ошалев:

Собаку он слезами оросил!
И некий добрый человек спросил:

«О ты, кто углем был в огне любви!
Нет, саламандрою себя зови!

Небесными твои дела слывут,
И люди ангелом тебя зовут.

Из пламени и света существо,
Ты ангела являешь естество.

Был ангелом для нас бесплотным ты,—
Свел дружбу с мерзостным животным ты!

Меж ангелом и псом какая связь?
Как чистоту соединить и грязь?

Не вступит ангел в дом, в котором — пес:
Преграду между ними бог вознес!»

Меджнун ответил на слова его:
«Ты о любви не знаешь ничего!

Себя скорее ангелом зови:
Ни разу не страдал ты от любви!

Таких, как я, звать ангелами — ложь:
Я даже духам злым внушаю дрожь!

В любви сгорело существо мое,
Небытием сменилось бытие.

Я куча пепла: раненому псу,
Как пепел, облегченье принесу.

Пес — в ранах весь. Иль будут люди злы
И пса прогонят от моей золы?

В нем нет собачьих свойств, он чист вполне:
Вся псарня мира собрана во мне!

Я пес, я раненое существо,
Позор я для народа своего!

Кто ранен, душу тот готов отдать
За пластырь. Я же должен обладать

Десятком душ, нет, нужен мне туман,
Нет, сто туманов, чтоб спастись от ран!»

Росло безумье в нем от этих слов...
Внезапно диких вспомнил он ослов

Пустыни, где с джейранами бродил,
С газелями, куланами бродил,

И на прощанье пса поцеловал,
И на пустынный вышел перевал,

И к диким зверям побежал скорей,
И стал он жить опять среди зверей.

* * *

Когда Меджнуном посланный к Лейли
Зейд, наконец, достиг ее земли,

И доступ вскоре получил к луне,
И с ней увиделся наедине,—

О нем, испепеленном, рассказал,
О жалком, о влюбленном рассказал.

У пери закружилась голова,
Едва услышала его слова,

Дыханье стало пламенем полно,
И сердца сталь расплавило оно.

То амброю пропитана коса,
Иль дым над головою поднялся́?

Она, как черная коса ее,
Вся извивалась, и краса ее

Неугасимым пламенем зажглась,
Вода печали потекла из глаз:

«Твои слова, как душу, я приму:
Вернул ты душу телу моему.

Недуга моего целитель ты,
Не человек, а небожитель ты!»

И быстро побежала в свой покой,
И вышла со шкатулкой дорогой:

Там были редкостные жемчуга.
Сказала: «Весть твоя мне дорога,

Она ценней подарка во сто раз,
Но мало денег у меня сейчас...

О Зейд! Не скрою жадности своей:
Стократ была бы весть твоя ценней,—

Я недовольной все-таки была б!
О, где же он, любви безумный раб?

Ему письмо страданья напишу!
Я милости и верности прошу!

Свою печаль я передам письму,
Доставь его безумцу моему,

Ко мне с его ответом поспеши!»
И Зейд сказал: «Я раб твоей души,

Но торопись: меня пославший ждет,
К несчастью промедление ведет!»

Потребовав чернила и калам,
Чернила со слезами пополам

Смешав, Лейли закончила письмо,—
В нем сердце запечатано само!

И Зейд в пустыню поспешил с письмом,
А там в очаровании немом

Дни одиночества Меджнун влачил,
И Зейд ему послание вручил.

Упал он, уподобившись тому
Искомканному, смятому письму,

И молвил так: «Благословен посол!
С каким известьем ты ко мне пришел?

Единым словом исцеленье дай,
Открой письмо, ее веленье дай!»

ГЛАВА XVII

Письмо Лейли Меджнуну

ГЛАВА XVIII

Ответное послание Меджнуна на письмо Лейли

ГЛАВА XIX

О том, как отец нашел в степи безумца Меджнуна и уговорил его вернуться домой

Кто начал эту книгу в добрый час,
Продолжил так правдивый свой рассказ:

По милом сыне убивалась мать,
Отец не в силах был уже страдать,

Хотя решил: непоправимо зло,—
Стремленье к сыну верх над всем взяло.

Быть может, думал он, безумный сын
Над скорбью сжалится его седин,

И плач родительский, истошный крик
Безумья свяжет, может быть, язык,

Язык отца найдет сто тонких слов,
И вновь Меджнун войдет под отчий кров...

Решил: надежда сбудется его!
И повезла верблюдица его

В пустыню, и прошло немало дней,
И груду серых он нашел камней,

Он жалкие развалины нашел,
Он сына, опечаленный, нашел!

Безумному развалины сродни:
Он был разрушен больше, чем они.

Чем занят он, отшельником живя?
То убивает жалкого червя,

То под горою глину роет он,
Столбы из этой глины строит он,

То голову посыплет прахом он...
То, одержим внезапным страхом, он

Садится быстро на́ стену верхом,
Трясется весь в отчаянье глухом,

Кусает ногти, рукава жует...
То запоет он, как сова поет,

И молкнет, обессиленный, потом,
От пыли чистит филина потом,

И, дерзкая, познав свои права,
Ему садится на руку сова,

Садится филин и глядит вперед,
Рога о голову Меджнуна трет.

Господь раненья в голову нанес,—
На ней ранений больше, чем волос.

В глазах окровавлённых — сто сучков,
Их больше, чем ресничных волосков.

Черты на крыше выведет впотьмах,
Из этих черт невольно выйдет: ах!..

И был отец несчастьем сразу смят,
Сыграло с ним страданье, сделав мат!

Воскликнул он: «Подобие чего
Вот это загнанное существо?

Ужели человеком назову?
Ужели сына вижу наяву?»

Отшельник страшен был, а шаг тяжел,
И все ж отец к Меджнуну подошел.

Но в сторону безумец отбежал,
Как будто страх отец ему внушал,

Как будто им сыновний долг забыт.
Заплакал тут седой отец навзрыд:

«О, должен ли меня страшиться ты!
О, сердца моего частица ты,

А сердце потеряло ранам счет!»
И понял сын: отец его зовет,

И встречей счастлив он с отцом родным,
И, вздох издав, упал он перед ним.

Отец нагнулся, поднял сына он,
С Меджнуном слился воедино он.

И крепко два страдальца обнялись,
Как буквы однородные слились,

В смятении кричали каждый миг,
И это был печали страшный крик.

Когда же улеглась тоска сердец,
Воскликнул так дряхлеющий отец:

«Несчастный сын! Ты — часть моей груди!
Сердечных ран моих не береди!

Ты плоть моя: ты ранен — ранен я,
Ты бездыханен — бездыханен я.

Еще не начинались дни твои,
А кровь твоя текла в моей крови.

Я требовал тебя в мольбах своих,—
Кормил голодных, одевал нагих,

С молитвою ложился и вставал
И милостыню бедным раздавал.

И я тебя нашел на склоне дней,
Ты стал единой радостью моей.

Сто капель крови я терял, пока
Ты насыщался каплей молока.

Колючка малая в твоей ступне
Вонзалась острым жалом в печень мне.

И свет наук твои глаза привлек,—
Тебя на первый я привел урок,

Чтоб с добрыми ты чувствами дружил,
С науками, с искусствами дружил,

Чтоб знание, достоинство и честь
Сумел ты самым высшим благом счесть.

Когда ты уходил и приходил,
За каждым шагом я твоим следил.

Я думал так: настанет мой черед,
От Истинного смерть ко мне придет,

Как некогда к родителям моим,—
Таков удел, назначенный живым,—

Тогда жилище взглядом обведу,
Тебя с собою рядом я найду,—

Ты будешь то в ногах, то в головах,
И я легко земной покину прах.

Когда простится с бренным телом дух,
Увидишь: дней моих огонь потух,—

От горя скрутишься веревкой ты,
Забьешься бабочкой неловкой ты,

Мне рай твоя молитва отопрет,
Тобою озарится мой народ.

Я думал: встречу смерть свою светло,
Мое в народе имя не мало,

И не мала и не пуста казна:
Чужому не достанется она.

Не даст наследник расточаться ей,
Не устремятся домочадцы к ней,

Не страшен ветер моему шатру,
Найдется крепость моему добру,

Мой дом родной не будет знать невзгод,
И в радости пребудет мой народ...

И время наступает: я умру.
Ночь тягот мчится к моему утру,

Сменило утро смерти ночь мою,
И я обличье смерти узнаю.

Свеча моя вот-вот сгореть должна,
Один твой вздох — погаснет вдруг она.

Душа вот-вот отправится в полет,
Один твой крик — и крыльями взмахнет.

Ты не был волен в том,— не прекословь,—
Что пала слабая душа в любовь,

Но есть конец, пойми, для всяких дел,
Но есть для каждой гибели предел.

Иль не видали мы людей любви?
Иль не топтали мы путей любви?

Кто в битве с нею голову сложил,
Тот разума презренье заслужил,

Тот не утонет, кто в пучине вод
Ногами и руками бить начнет,

Но тот, кто не старается спастись,
Не может не погибнуть, согласись.

Чтоб выбраться из чаши, муравей
Не силу — ум спешит собрать скорей.

Не только немощь людям дал господь,—
Лекарство дал, чтоб немощь побороть.

Сверни, мой сын, с опасного пути,
Старайся думать, как себя спасти.

Не сразу станет мудрым ученик,
Не сразу станет сахарным тростник,

Не сразу исцеленье ты найдешь,
Но все же к просветленью ты придешь.

Сто лет прожить захочет человек,—
Терпенья пусть возьмет на целый век.

Увы, тяжел на минарет подъем,
Зато легко сойдем с него потом.

Безумия вершина под тобой:
С горы спустись знакомою тропой.

Доколе без тебя мне горевать?
Покоя без тебя не знает мать,

От ночи до утра не знает сна,
С утра до ночи слезы льет она.

Взывает мать: «Мой сын, ребенок мой!»
Рыдает мать: «О верблюжонок мой!»

И так о камень бьется головой,
Что даже камень плачет, как живой.

Лицо свое, что горем обожглось,
Осыпав камфарой седых волос,

Тоскует мать, твоей тоской полна,
Ты падаешь — и падает она.

Последний или предпоследний вздох,—
Вот все, что ей теперь оставил бог.

Ушла надежда наша,— не вернуть.
Пора нам собираться в дальний путь.

Мой бедный сын! Ушел из дому ты,—
Ужель отдашь его чужому ты?

Тепло твое хранит твоя постель,—
Мой бедный сын! Ей дашь остыть ужель?

Умрем из-за тебя. Подумай сам:
Что ты ответишь гневным небесам?»

И, выслушав прекрасные слова,
Меджнун к ногам отца припал сперва,

Ресницами подмел он каждый след
Отцовских ног и так сказал в ответ:

«О ты, чье племя для меня кыбла!
О, да сгорит печаль твоя дотла!

Лекарства мне ты приготовил в дар,
Но в пепел превратил их мой пожар.

Терпенье, говоришь? Его унес
Поток моих кровавых, жарких слез!

Зачем твоя безжалостная речь
Клеймом клеймо старается прижечь?

Где мужество, где право я возьму,
Чтоб отвечать призыву твоему?

Твое желанье для меня приказ,
Как ты велишь, так поступлю сейчас.

Что я могу сказать в ответ тебе,
Когда ответа нет в моей судьбе?

А был бы вправе дать тебе ответ,—
Свидетель целый свет,— сказал бы: нет!

Но всюду заклеймен позором я,
Судьбы наказан приговором я,

Зажжен любовью, связан я судьбой.
Лишен я воли над самим собой.

Меня спасать остерегайся ты:
Меджнуна видишь, а не Кайса ты!

Не кипарис,— трава перед тобой,
Уже трава становится золой,—

Быть может, смерч, кружащий на земле,
Вид кипариса вновь придаст золе!

Когда, как солнце, ты пришел сюда,
Увидел ты: я — черная звезда.

Зачем не знал я ранее тебя?
Бежал я от незнания тебя!

Вовеки недостоин я того,
Чтоб ты со мною признавал родство!

Пути зверей, я понял, не для нас,
Не может человеком стать Наснас.

Хотя собаки хуже всякой я,
Но быть хочу твоей собакой я:

Неверности не ведает она.
За человеком следует она.

Безумный пес в глуши пустынной я,
Но прихожу к тебе с повинной я.

Захочешь — пса прогонишь ты пинком,
Захочешь — пожалеешь, примешь в дом.

И точно так же ты меня прими,
Я буду снова жить между людьми!

Разумными считай мои дела,
Да не коснется их твоя хула!

Виновен я, но есть один закон:
Кто повинился, должен быть прощен».

Замолк Меджнун, и с быстротой слуги
К верблюдице направил он шаги,

И сразу — не забыл сноровку он —
От сбруи отвязал веревку он,

И к шее привязал ее своей
Одним концом, и подал поскорей

Другой конец отцу, и произнес:
«Я твой привязанный за шею пес!»

И, молвив так, он посреди пути
На четвереньках принялся ползти.

Отец веревку с шеи снял с трудом,
Спеша вернуть безумца в отчий дом...

Когда безумцем я проклятым стал,
Я родины своей вожатым стал.

У Кайса дом, отец... О Навои,
Ты без отца, и к дому нет любви!

ГЛАВА XX

О том, как укрепились нити дружбы между Науфалем и отцом Меджнуна, как Меджнун убежал в степь и встретил там пастуха из племени Лейли, как безумец лишился сознания и уподобился барану или хотанскому джейрану, которого приносят в жертву в честь праздника «Курбан»

Кто ехал на верблюдице стихов,
Тот песню пел, и был напев таков:

Когда безумец в отчий дом вступил,
Обрадовался тот, кто грустен был,

Отец повеселел душой опять,
Помолодела сгорбленная мать,

В парчу одели сына, в тонкий шелк...
Об этом деле разговор не молк,

Сердца людей он заставлял расцвесть!
Узнал и Науфаль благую весть.

Он тосковал о юноше больном,
Он горевал, скорбел душой о нем.

Прогнал счастливый слух его печаль!
И, чтоб Меджнуна видеть, Науфаль

Помчался вскоре к племени Амир.
Забыто горе в племени Амир,

С любовью встречен знатный воин был,
Прием сердечен и достоин был,

За гостя каждый жертвой стать готов!
И, дружбу выказав на сто ладов,

Меджнун и полководец обнялись,
Как две лозы, они переплелись.

И долго в стане племени Амир
В честь Науфаля шел веселый пир.

Был весел Науфаль, доволен всем,
Не видел, что Меджнун смущен и нем.

Когда зашла вечерняя заря,
Как Науфаль, отвагаю горя,

Когда меджнуноликим небесам
Предаться время пробило слезам,

Разбросить всюду горсти звезд своих —
Опресноки припасов путевых,—

Тогда и гость дорогою прямой
Направил скакуна к себе домой.

Был весел Науфаль, ретив скакун,—
По-прежнему невесел был Меджнун.

Отец его, с собой наедине,
Так думал: «Прибыл Науфаль ко мне,

Меня возвысил он среди людей,
Мой дом почтил он милостью своей.

Мне полководец оказал почет...
Какая цель его сюда влечет?»

И вспомнил он: «Твердили все кругом:
С Меджнуном Науфаль давно знаком,

Меджнуна ради обнажил он меч,
Меджнуна сыном он желал наречь,

На дочери своей женить его...
Да, склонен он вступить со мной в родство!

А нет,— зачем он прискакал в мой стан?
У Кайса не такой высокий сан,

Чтоб запросто к нам ездил Науфаль!
Без повода он прибыл бы едва ль...

Мы Науфаля посетим сейчас,—
Того учтивость требует от нас,

Проявим кротость в разговоре с ним,
Потом слова о браке изъясним.

Нам будет радость, если скажет: да!
А скажет: нет! — смиримся мы тогда.

И вот старейшин всех собрал глава.
Одобрили они его слова.

Решили: Кайс останется в дому,—
Не подобает выезжать ему.

И вот плеяды полночи зажглись,
И люди, как плеяды, собрались,

И двинулись они степным путем,
И сто рассказов повели потом,

И побасёнкам не было конца.
Увеселяя так свои сердца,

Достигли науфалевых шатров.
Они нашли гостеприимный кров.

Умом высок и светел Науфаль!
Гостей с почетом встретил Науфаль,

Он поместил их в лучшие шатры,
И начались веселые пиры.

И гости, молчаливые досель,
Открыли, в чем их посещенья цель.

Был Науфаль обрадован весьма.
Благая весть для сердца и ума!

Сказал: «Давно уже, по мере сил,
Заботу о Меджнуне я вкусил,

О браке слово я сказал давно,
То слово крепкое навек дано,

Отказывать не стану и теперь.
Назад ступайте к стану вы теперь,

А здесь для пира свадебного я
Велю готовить яства, пития.

Меджнуна сыном скоро назову —
Желаньем этим только и живу».

И свадьбы день назначил Науфаль.
Приготовленья начал Науфаль,

Чтоб угощеньем на пиру блеснуть...
Простились гости и пустились в путь,

Поехали, довольные собой,
Не зная, что́ им суждено судьбой.

* *

Случилось так: Меджнун в своем шатре
Метался, как преступник на костре,

Его объяла пламенем любовь,
Лишила воли, в степь толкала вновь.

И вырвался язык огня любви,
И выбежал безумец в забытьи.

Родных разбив надежды,— убежал,
В пустыню без одежды побежал.

Так мчится до заката солнца он,
Не знает сам, куда несется он,—

Любовь Меджнуна по степи несла.
Но вот седое небо до Козла

Домчалось, наконец, издалека,
Собрало звезды — капли молока,

Лепешку приготовило оно,
И снова солнце мира зажжено!

И услыхал Меджнун блеянье вдруг,
И стадо увидал баранье вдруг,

И встретился в пустыне с пастухом,—
Казалось, был ему пастух знаком,

И пастуха страдалец поразил,
Страдальца о здоровье он спросил.

«Твой лик благословен! — Меджнун вскричал,—
Скажи, где прежде я тебя встречал?

Меня влечет к тебе твой добрый нрав!»
Сказал пастух, к ногам его припав:

«Мой жребий скромен — я пастух простой.
К баранам отношусь я с добротой,

С ягнятами беседую всегда,
Лейли принадлежат мои стада.

В народе я видал тебя не раз,
Страданья школу ты прошел у нас,

Давно я знаю про твою беду,
Но я лекарство для тебя найду!»

Меджнун, чтоб высказать любовь свою,
Упал пред ним, он сделал бровь свою

Подковкой для сандальи пастуха,
Воскликнул: «О не ведавший греха!

Твои слова, как душу, я приму,
Вернул ты душу телу моему!

Ты мертвых оживляешь, как Иса,
В пастушестве творишь ты чудеса!

О ты — Муса: твой клич законом стал!
Ты — Аарон: твой жезл драконом стал!

Нет, Хызром стал ты на моем пути,
Живую воду мне помог найти!

В ночи разлуки стал ты светом дня.
Я болен страстью. Пожалей меня».

Сказал пастух: «Благословен твой путь!
Мой друг, со мной до вечера побудь,

Мне ведомо влечение твое,
Мне сладко излечение твое».

И вот Меджнун весь день в пыли бредет,
Но длится долгий день, как целый год.

И вот заходит солнце. День потух.
К становищу погнал стада пастух,

Потом баранью шкуру показал:
«Накинь ее на плечи,— он сказал,—

Войди в нее, Меджнун, согни свой стан
И стань четвероногим, как баран,

И буду в стаде я тебя пасти,—
Такого случая не упусти.

Узнай: как солнце озаряет мир
В созвездье Овна, так и твой кумир,

Играя и резвясь в кругу подруг,
Сюда приходит, на зеленый луг,

Чтобы взглянуть, как мы доим овец,
Блеснуть, как солнце, для простых сердец,

Дойдет она до головы твоей,—
Тогда на пери бросить взгляд сумей!»

И вот Меджнун — таков его удел —
Баранью шкуру на себя надел,

И весь вошел в нее, согнув свой стан,—
И стал четвероногим, как баран.

И вот встает становище вдали,
И вот бежит с подругами Лейли,—

Так в ореоле звезд блестит луна.
Она тоской великою полна,

Огонь разлуки щеки ей ожег,—
Покрыл румянец кожу нежных щек.

И лепесток — лицо ее: оно
Росой кровавых слез напоено.

И локон уподобился метле:
Смятенья пыль развеял по земле.

Смятение сурьмит ее глаза,
В них блещет молния, шумит гроза,

Печали черный дым клубится там,
Ресница каждая — убийца там!

Разумного сожжет ее краса,
Безумного убьет ее гроза.

Воистину красавица она:
Все гибнет, лишь появится она.

Ей пери позавидовать могли б!..
Ее Меджнун увидел — и погиб.

Такой издал он исступленный вздох,
Что небо задрожало, мир оглох!

Среди баранов он упал в пыли,—
Как будто на закланье повели.

Забывшись, он заплакал, и тогда
Бараны разбежались, кто куда,—

Друг друга забодали на бегу.
Лишь он один остался на лугу.

«Что это значит?» — думает Лейли.
«Кто это плачет?» — думает Лейли.

И видит: шкура на траве лежит.
И видит: в ней возлюбленный сокрыт.

Он в пепел превращен огнем любви.
Нет, лучше мускусом его зови!

Как мускус — черен, а в глазах — тоска,
Худое тело тоньше волоска.

И горестью раздавлена Лейли,
И разумом оставлена Лейли,

С Меджнуном рядом падает. О нет,
То падает на землю чистый свет!

Любовью гурия занемогла,
С Меджнуном рядом гурия легла...

Кто был в любви правдив и светел, тот
Возлюбленную любящей зовет.

Служанок робких охватил испуг:
С подругою соединился друг!

И побежали, быстрые, к Лейли,
И подняли ее, и унесли.

Шли пастбищем овец и кобылиц,
Придумывая сотни небылиц,

Чтоб успокоить родичей Лейли.
И вскоре скрылись девушки вдали...

Вот повесть, удивляющая мир:
Когда владыка племени Амир,

Вернувшись в дом, узнал о беглеце,—
Зажег он слезы на своем лице.

Он дал излиться пламенным слезам,
Пошел он, плача, по его следам,

И всех расспрашивал о сыне он,
Безумного нашел в пустыне он,

Нашел его, покрытого песком,
И на руках понес его бегом,

Достиг он стана, тяжело дыша:
Сто раз хотела вырваться душа.

Но вот Меджнуна ложе наконец!
Меджнун очнулся: перед ним отец.

Где был он? Память бедная глуха:
Баранов он забыл и пастуха...

В степях Аймана ты пасешь стада.
Твой пес — тебе я верен навсегда.

Я только твой рассказ передаю.
Возьми же руку слабую мою.

ГЛАВА XXI

О том, как после долгих уговоров отец Меджнуна добился от сына согласия жениться на дочери Науфаля и о том, как после свадебного пира во дворце Науфаля Меджнун убежал в степь, покинув невесту

Украшенный жемчужинами слов,
Девичий лик рассказа был таков:

Когда пришел в сознание беглец,
Заплакал, горько жалуясь, отец,

Увещевал Меджнуна без конца,—
И тот, взглянуть не смея на отца,

На землю, от стыда сгорая, лег,
Он целовал следы отцовских ног,

Молил отца: «Прости меня скорей,
Я прибегаю к милости твоей!»

Решив: сознался сын в своей вине,
Раскаяньем наказан он вполне,

Отец сказал: «Ты можешь быть прощен,
Но должен жить, как требует закон.

Вину свою ты искупи сейчас:
Как я велю, так поступи сейчас».

Меджнун всегда великодушным был,
Он благородным и послушным был,

Когда в мозгу не воцарялась мгла,
Чужда ему невежливость была.

Исполнен вежества прямых людей,
Исполнен мужества святых людей,

Несправедливости не выносил
И неучтивости не выносил.

Он так сказал отцу: «Твой правый суд
И слово — пусть прощенье принесут.

Твой приговор я с радостью приму,
Я слову подчиняюсь твоему».

От этих слов повеселев тотчас,
Отец повел о сватовстве рассказ:

«Единственный среди аравитян,
О нет! Скажи: среди подлунных стран,—

Был Науфаль заступником тебе,
Всегда сочувствовал твоей судьбе,

Всегда помочь твоей любви хотел,
Но был тебе сужден другой удел...

Его стараний счесть я не могу,
Ты в неоплатном у него долгу,

Ты должен повиниться перед ним,
И будешь ты прощен отцом родным.

Ты хочешь быть покорным до конца?
Исполни просьбу дряхлого отца;

Мне принеси повиновенья дань,
А Науфалю верным сыном стань.

Есть у него жемчужина одна,
И сердце каждое влечет она.

Таит живую розу красоты
Девичий заповедник чистоты.

Она красой затмила небеса,
Сразила сто племен ее краса,

Ее невольникам потерян счет,
Открыться ей — невольный страх берет,

Твое согласье — слава для меня,
А твой отказ — отрава для меня.

Прощу тебя, когда согласье дашь,
И весь народ возрадуется наш».

Язык Меджнуна так отец связал,
Что «соглашаюсь я!» Меджнун сказал.

Обрадовал отца ответ его,
Людей созвал он племени всего,

И вот выносят яства и вино —
Припасы приготовлены давно.

Одежды пира украшают всех,
А на Меджнуне — драгоценный мех,

Вот соболь черный, белый горностай,—
Одетым в день и ночь его считай!

И двинулся веселый караван,
И показался Науфалев стан.

Созвал и Науфаль своих гостей,
Созвал он знатных и простых людей.

Уселись приглашенные в кольцо,
К законам счастья повернув лицо.

И длился пир семь дней и семь ночей.
И много было сказано речей,

И много чаш осушено до дна,
И радость остается им одна:

Сейчас войдут в нарядах дорогих
Прекрасная невеста и жених.

Невесту девять спрятало завес,
Как месяц девять спрятало небес.

Жених красив, как солнце поутру.
Ему готово место на пиру.

И вот, красноречивый, как Иса,
Восславил проповедник небеса,

Хвалу и славу господу воздал
И солнце с месяцем он сочетал.

И деньгами осыпана чета,—
Да будет жизнь в богатстве начата.

Когда, сходна с невестой молодой,
Заря закрылась темною фатой,

И на земле, на пастбищах степных,
Ночь на колени стала, как жених,

И дорогих каменьев без числа
На девяти подносах поднесла,

Тогда, смеясь над юною четой,
Их вместе привели в шатер пустой,

Смеялись, ложе разостлав для них,—
Невеста не смеялась и жених.

Свели, увлечены своей игрой,
Купца — с товаром, Муштари — с Зухрой.

Но мудрый Науфаль пришел потом,
Людей он попросил покинуть дом,

Закрыл от взоров любопытных вход,
И разошелся по шатрам народ...

А Науфаль сидел и пил вино,
Но сердце было смутою полно.

И, беспокоясь о судьбе детей,
Он тихо встал, чтоб не привлечь гостей.

И, крадучись, приподнял он кошму,
И что же тут представилось ему?

Узнав, что любопытные ушли,
Привстала сразу дочь его с земли,

Привстала, чтоб у ног Меджнуна лечь,
И повела потом такую речь:

«Единственный средь мира и в любви!
Сияют верностью глаза твои!

Из-за страдальческой любви к Лейли
Ты притчей стал для жителей земли,

И славят все влюбленные тебя,
Твою любовь навеки возлюбя.

Лейли ты отдал сердце и покой,
Зачем же в брак вступаешь ты с другой?

Желая наших радовать отцов,
Зачем ты сердца заглушаешь зов?

О юноша! Ты — царь страны любви
И всех, чьи помыслы — верны любви!

И я внушила страсть душе одной,
И у меня есть милый, есть больной,

Из-за меня сгорает он в огне,
Привязан путами любви ко мне.

И я люблю, горю я вместе с ним,
Но пламя наше в тайне мы храним.

Подумай сам: что будет, если вдруг
Услышит он, что мне Меджнун — супруг?

Как нынешнюю ночь он проведет?
Не в силах жить, он гибель обретет!

Отныне тайну знаешь ты мою,
О милости, Меджнун, тебя молю:

Поняв, что я перед другим в долгу,
Что поступить иначе не могу,—

Ты встанешь и покинешь мой шатер,
Не выставив народу на позор.

Из-за меня гонения прими!
Ты строго будешь осужден людьми,—

Пусть ополчатся всюду на тебя,
Но я молиться буду за тебя!

Так счастье дашь ты сердцу моему,
Меджнун! К тебе взываю потому,

Что с прочими людьми не сходен ты,
Великодушен, благороден ты!

Надеюсь я, что бог, дающий свет,
Убережет Лейли от всяких бед.

Жемчужину, рожденную для нег,
С тобой соединит господь навек!»

Меджнун ответил: «В радости живи!
Печальная — счастливой будь в любви!

Любя, одежды верности надень.
Да будет бог с тобою каждый день.

Я понимаю боль любви чужой —
И я скорблю израненной душой.

Упреков не страшись: вот я стою —
Пусть падают на голову мою!

Прощай. Тебе не причиню я зла.
Я сам хотел уйти. Ты помогла».

Так, пожелав ей много долгих дней,
Он проявил великодушье к ней,

Ей братом стал, ее назвал сестрой,
И вышел он и скрылся за горой.

Опять он по степи решил блуждать,
В пустыню горя он ушел опять.

* * *

Был Науфаль беседой изумлен.
Своим ушам с трудом поверил он!

Весь разговор, подслушанный в тиши,
Потряс его до глубины души.

И воин встал, и полон был тоской,
И тяжело пошел он в свой покой,

Как тот, кто крепким опьянен вином,
Не ведая, что бендж таился в нем.

Что предпринять ему? С чего начать?
Нельзя рассказывать, нельзя молчать!..

А за другой стеною в эту ночь
Скрывался тот, кого любила дочь.

В руке держал карающий кинжал,
От ярости и ревности дрожал:

Замрут в блаженстве,— душу погубя,
Он их убьет сперва, потом себя!

Но был он чистой страстью опалим,
И смилостивилась любовь над ним.

Он, у Меджнуна чистоте учась,
Меджнуном был обрадован сейчас.

Меджнуновым величьем поражен
И разумом девичьим потрясен,

Он понял, что любимая верна:
Любовь неколебимая видна!

К земле припал он, в нем вскипела кровь,
Он сделал явной скрытую любовь.

Терпенье робкое замолкло в нем,—
Любовник пламенный ворвался в дом,

Перед любимой головой поник.
Испуганная,— подавила крик,

И сердце друга ласково взяла,
И голову страдальца подняла,

Укрыла голову в своей тени.
Давно друг друга жаждали они,

До этой ночи, жажде вопреки,
Не подавала встреча им руки,

Но был их пламень чистым, не плотски́м,
И подало свиданье руку им.

Безгласные, слились они в одно,
Их опьянило близости вино.

Но птица утра прокричала вдруг,
И вот с возлюбленной расстался друг...

Когда заря-невеста поднялась,
Белилами рассвета набелясь,

И небеса прислуживали ей,
Держа пред нею зеркало-ручей,

Тогда решили гости поутру
Направиться к счастливому шатру,

И, радостные, вместе все пошли,
К Меджнуну и невесте все пошли.

И что ж? Нашли одну, а не двоих.
Увидели невесту. Где жених?

Два племени заплакали тогда,
Два племени погибли от стыда!

И головою Науфаль поник.
Был скован немотой его язык!

Но все же долее молчать не мог.
Сказал: «Так пожелал всевышний бог!

Судьба такая свыше суждена,
Не ваша здесь и не моя вина,

Здесь не виновны даже сын и дочь.
Забудем все. Не в силах мы помочь».

И, проводив гостей, вернулся он,
Упал на землю, растянулся он,

От всех скрывая, как душа скорбит,
Скрывая боль страданий и обид...

О лекарь мой искусный! Болен я,
Твоим леченьем недоволен я.

Когда тебе меня взаправду жаль,—
Верни мне душу, прогони печаль.

ГЛАВА XXII

О том, как справили свадьбу Иби-Селляма и Лейли, как Лейли убежала в степь и встретилась там с Меджнуном

По всем страницам пробежав, калам
Такую повесть поверяет нам:

Немало в небе вероломства есть,
С обманом у него знакомство есть,

И шутки начало шутить оно!
А шутки — что? Бесстыдство лишь одно!

Меджнуну повелело: «В брак вступи!»
И в то же время мчится по степи

Со всеми родичами Иби-Селлям:
Он в стан Лейли велел скакать коням!

С почетом племя встретило гостей —
И жениха, и всех его людей.

И свой народ созвал отец Лейли,
И вскоре кубки пира принесли.

Продлилось пиршество немало дней,
А наливались кубки все полней.

Но только свадьба веселит пиры!
Дождались гости радостной поры.

И выбран был благословенный час,
Для двух народов незабвенный час.

И проповедник высунул язык —
Он попусту давно болтать привык —

И закрепил он брачный договор,
И все пошли к Лейли, в ее шатер,

Вступили в целомудрия приют,
И вот луну дракону отдают.

Невесту к Ибн-Селляму подвели,
Он руку протянул руке Лейли,

Но странный случай с ним произошел.
Страдал он сердцем. Был недуг тяжел

И мучил Ибн-Селляма издавна.
К тому же много выпил он вина,

Как будто заливал вином пожар,—
И на пиру его хватил удар.

Все тело судорогой сведено,—
Вперед запомнит он, как пить вино!

Но вот затих, недвижный, как мертвец,
И люди все подумали: конец.

Казалось, был он смертью покорен...
Смех свадьбы стал рыданьем похорон.

И жениха скорее унесли —
Забыли о невесте, о Лейли.

От горьких дум, которым нет числа,
Павлиньи сломаны ее крыла.

И думы ей покоя не дают,
Уйдут — придут на смену сотни смут.

Она решила ночью мертвой лечь
И притаила ядовитый меч.

Желанье Ибн-Селлям не утолит,
Она себя от мира удалит!

Она свободной сделает себя,
Умрет, единственного полюбя!

И выбран этот меч недаром был:
Наказан Ибн-Селлям ударом был...

Коварству неба где найти предел!
Как много в мире непонятных дел!

И вот одно: Меджнуна и Лейли —
Две несказанных радости земли —

Ударила судьба такой волной,
Что двое сделались четой одной.

Но две жемчужины разлучены:
Тот — мужем наречен другой жены,

Той — суждено другому стать женой —
И что же? Нет отверстья ни в одной!

И все это в одну случилось ночь!
Как вероломство неба превозмочь?

Не знают новобрачные родства,
Чужими стали, в брак вступив едва.

Или для них и час, и день, и год
Один и тот же выбрал звездочет?

О нет: и звездочет бессилен тут.
Ведь сказано: «Все звездочеты лгут!»

* * *

Когда, решив: жених сейчас умрет,—
Стоял всю ночь вокруг него народ,

Тогда вернулось мужество к Лейли:
Свободна от супружества Лейли!

Пока без чувств лежал ее жених,
Тихонько, незаметно для родных,

Она покинула отцовский дом
И скрылась вскоре за степным холмом.

Куда идет? Не ведает сама,
Не видно стана за песком холма...

И в ту же сторону Меджнун идет,
Не сам идет — любовь его ведет,

И приближаются в степной дали
Лейли к Меджнуну и Меджнун к Лейли!

Его печальный голос ей знаком:
Животворящим он звенит стихом.

Меджнун ее дыхание вдохнул,
Ее благоухание вдохнул.

К Меджнуну подошел его кумир.
Подобной встречи не запомнит мир!

И друг на друга смотрят, не дыша:
Вернулась к телу слабому душа.

Теперь им нужен был один творец!
Для двух жемчужин был один ларец!

Два солнца всходят на одной земле.
Две розы зреют на одном стебле.

В едином теле две души сошлись,
В глазу едином два зрачка зажглись.

Дух плотью стал, и духом стала плоть —
Единой сделал двойственность господь.

Слил виночерпий вина разных лоз
И чашу единения поднес,

Любовным зельем сделалась она,
Он сделался поклонником вина.

Он захмелел, она пьяным-пьяна,
И тот, и та — поклонники вина.

Два имени у них — что из того?
Единое мы видим существо!

Слились две капельки живой воды.
Их не разнять, напрасны все труды!

Она — вода, он — сахар в их судьбе.
Всю воду сахар притянул к себе.

Она — вода. От вздохов он дрожит,
Он пузырьками по воде бежит!..

Над ними небо сжалилось на миг,
И сон в глаза жестокости проник.

И каждое дыхание земли,
И каждое создание земли,

Все крохотные твари в эту ночь
Стремились двум любовникам помочь.

Раскинул нитку длинную паук:
Закрыл их паутиною паук.

Чтобы влюбленных скрыть, на мир легло
Летучей мыши серое крыло.

Чтоб не тревожить их, комар замолк.
Глаза прикрыл мохнатым ухом волк.

Замолк и филин, тяжело вздохнув,
Под перьями он свой упрятал клюв.

Бродил в степи с баранами пастух,—
Вошел в его собаку сонный дух,

И на нее, чтоб не будила стан,
Накинул из бараньих шкур аркан.

Чтобы лиса проснулась лишь к утру,
Ночь окурила всю ее нору.

Заснули насекомые в степи.
Спокойно спят пасомые в степи.

И все летающие твари спят.
И все кусающие твари спят.

За жертвою не скачет крупный зверь.
Не воет и не плачет малый зверь.

Ослабли силы четырех стихий
И стали неожиданно тихи:

Вода бурливой не шумит волной.
Не гонит пыль густую вихрь степной.

Дыханье стужи дремлет под замком,
И пламя не болтает языком:

Оно завесой шелковой встает,
Чтоб войско стужи не сошло с высот.

Луны лепешка скрыта темнотой,
И стала ей земля сковородой.

От глаз Меркурий отгоняет сон,
«Воистину, готовы...» — пишет он.

Венера не читает книг своих,
В руках Венеры звонкий чанг затих.

Любовников дурной не сглазит глаз:
Его проколет Марс копьем сейчас.

Воззвал Юпитер к совести судьбы,
Он распростер ладони для мольбы.

Сатурн влюбленным робкий шлет привет,
И ночи цвет — Сатурна робкий свет,

Но руки вымазала ночь в смоле,
Чтоб не нашел рассвет пути к земле.

Боится утро холодком пахнуть,
На пепел ночи ветерком дохнуть,

Не дышит утро истинное здесь,—
Дыхание развеет пепел весь.

И даже утро ложное, поверь,
Такое осторожное теперь!

Не виден людям утренний рассвет,
Светильников для них на небе нет,

Чтоб разлучить влюбленных не могли!..
Как чуден мир: Меджнуна и Лейли

Преследовали небеса всегда,—
В одну лишь ночь исчезла вся вражда!

Душа и тело,— вот они слились,
Как плющ и кипарис, переплелись.

Один целует ноги у другой,
Ласкает шею робкою рукой.

Она — ладони сетью заплетет,
Как волосами, друга обовьет,

А то ведет ладонью по глазам,
По шее, по лицу, по волосам.

Он тоже к сердцу друга припадет
И локонами руки обовьет,

И кудри — как чудовище-дракон:
Всегда хранит сокровище дракон!

Она, смущаясь, кудри соберет
И — спутанными — пыль с него сотрет,

И говорит: «О, пыль тоски твоей
Татарского мешочка мне милей!»

Свиданием с возлюбленным пьяна,
Себя Меджнуном чувствует она.

В Лейли мечтает воплотиться он:
Игрив и ласков, как девица, он!

Она есть он, отныне он — она.
У них одно дыханье, жизнь одна.

Не страшен путь греха такой чете:
Их даже грех приводит к чистоте.

Кто чистотою равен им, для тех
Вовек любовь не превратится в грех,

Влюбленный должен чистым быть всегда:
Любовь желанью грязному чужда!

Соединила двух людей любовь,—
Решило небо стать жестоким вновь,

И ложным утром озарило всех:
Раздался вероломный, лживый смех.

Взлетели искры утра выше гор,
В груди Меджнуна запылал костер.

Подобна утру светлому Лейли,—
Росо́й кровавой слезы потекли.

Прошла для них свидания пора,
Настала расставания пора.

Лейли, роняя красный цвет из глаз,
О прошлой ночи повела рассказ,

И на слова Меджнун переложил
Все то, что прошлой ночью пережил,

Один другому ноги целовал,
Один другому сердце разрывал,

Ожог разлуки ожигая вновь,
Немые руки обретая вновь.

С любимым быть на ложе — хорошо,
Но и расстаться — тоже хорошо!

Ушла Лейли: скрывается луна,
Созвездием скорбей окружена.

Пошел безумец по тропам степным:
И боль, и горе следуют за ним...

Свиданья ночь пришла, чудотворя,
Но сеть разлуки нам плетет заря.

Пусть ночь продлится век,— всё жаждем нег.
Как вздох, как вздох один, промчится век!

ГЛАВА XXIII

О том, как Меджнун поднялся на гору Неджд, вспомнил свою Лейли и воспел джейрана

ГЛАВА XXIV

О том, как умерли родители Меджнуна, как Меджнун увидел их смерть во сне и пришел к ним на могилу

ГЛАВА XXV

О том, как страдала Лейли, узнав о смерти родителей Меджнуна

ГЛАВА XXVI

О том, как осенью погасла свеча жизни Лейли и улетела из клетки тела душа Меджнуна

И ветер осени дохнул чуть свет,
И сад в соломенный окрасил цвет.

Повсюду листья желтые висят,
Как будто заболел желтухой сад.

И ноги протянули, и легли
Иные листья на одре земли,—

Был стебель вытянутою ногой!
Да, ждал кончины сад полунагой!

Увы, осенний ветер был таков:
Он отнял веру в жизнь у лепестков.

Дрожали все деревья, все сады,
В сараях темных спрятались плоды,

Под натиском осенних холодов
Лишились ветви листьев и плодов.

День ото дня глядит печальней сад.
Для пыли стал опочивальней сад!

Безгрешным он, себя очистив, стал,
Страною звезд он из-за листьев стал!

Сто тысяч листьев светятся во мгле,—
Сто тысяч звезд на вымокшей земле!

Звезда — как зеркало, и взор привлек,
Изображая ручку, стебелек.

Нет отраженья в зе́ркальном стекле,
Ведь золото мы видим на стебле!

Как слезы на лице любви чисты,
На красных ветках желтые листы.

Над купами деревьев воздух мглист,
Письмо о смерти — каждый желтый лист.

Разбросил ветер листья на воде,—
Взгляни на воду: золото везде!

О нет, вода блистает лезвием,
А золото — ножнами назовем.

Чудесен в эту пору виноград.
Плоды червонным золотом горят,

Как перстни на прекраснейшей руке.
Иль это хна пылает вдалеке?

Ушли те дни, когда светла роса,
У гиацинта вьются волоса,

Когда тюльпаны жгучи, как огонь,
И красной краской пачкают ладонь.

Пришли те дни унылые, когда
Одета белым мрамором вода.

Упрямый ветер не щадит дерев,
Вздымает к небу свой протяжный рев,

И соловей, страдая без тепла,
Под собственные прячется крыла.

Дохнул осенний ветер на весну,—
Лейли к последнему склоняет сну.

Вступила осень в розовый цветник,
Цветку велела, чтоб к земле приник,

Сровняла пальму сильную с землей,
Сровняла розу с пыльною землей,

Шафрана разливая желтизну,
На осень переделала весну.

Лейли, что садом красоты была,
Что розой райской чистоты цвела,—

Лейли осенней сделалась порой:
Весна казалась осенью второй.

Болезни ветер дул в лицо сильней,
Распутались узлы ее кудрей.

О, волосы арканами зови:
Они арканы для людей любви!

Царица прелести земной больна,—
Освободила пленников она,

И нет ограды узникам любви,
Свободе рады узники любви,

Один лишь пленник хочет жить в тюрьме,
Но этот пленник — не в своем уме:

Две брови пленник распростер сейчас,
Чтоб радость не вошла в жилище глаз...

Лежит в слезах царица красоты.
Чтоб светом озариться красоты.

К царице смерть-прислужница идет,
Румяна на лицо ее кладет.

Но пот бежит, как слезы по письму,—
Он смыл румяна, индиго, басму.

И сморщились медовые уста,
Нет, запеклись пунцовые уста,

От слов закрылись: надобно молчать,—
Там прыщики похожи на печать!

На подбородке впадинка была,—
Теперь голубка там гнездо свила,

То есть: голубку ожидает смерть,
Открыла впадину земная твердь.

И покрывало было ей дано:
Фиалкового цвета полотно.

То есть: на солнце, что навек зашло,
Фиалковое облако легло...

Решила: мир земной — уже чужой,
Уже расстаться надобно с душой!

От всех спешит избавиться она,
И вот лежит красавица одна,

И только мать она зовет к себе
И говорит ей о своей судьбе:

«Ты, чья душа моим жильем была!
Не помни мной содеянного зла!

Как жертву, отклоненную людьми,
Мою больную душу ты прими.

Я — только огорченье для тебя.
Как вымолю прощенье у тебя?

О, проживи я много тысяч лет,
И то моей вине прощенья нет!

Но губит осень все цветы в саду.
Настало время: скоро я уйду...

Смерть надо мной уже нависла. Нет!
Она пришла! Таиться смысла нет:

Ты знала все, в душе терзалась ты,
Хотя незнающей казалась ты.

Теперь, когда я в землю ухожу,
Не плачь о том, что я тебе скажу,

Не проливай потоки слез в тиши,
Не разбивай своей больной души.

Тебе тяжел, я знаю, мой совет.
Но выполни, молю, другой завет:

Пусть эту розу победил недуг,—
Не плачь, когда цветок уйдет на луг,

И если солнце навсегда зайдет,
Пусть не затмится пылью небосвод.

Но люди, звери, горы и леса
Поймут твоей печали голоса.

Пески сухих пустынь, полынь степей
Услышат громкий стон твоих скорбей.

И тот, кто болен, слаб и одинок,
Кто весь — печаль от головы до ног,

Чья жизнь сгорела в медленном огне,
В ком вместо жизни память обо мне,—

Как ветер, гонит он пустынный прах,
Как эхо, обрывается в горах! —

Когда услышит обо мне слова,
Когда узнает он, что я мертва,

Тогда расплавится его душа,
С моей душою встретиться спеша.

Отдаст он душу, обретет покой:
Он оболочку сделает пустой.

А то — среди живых пойдет ко мне,
Как солнце дней моих, придет ко мне!

Он, одержим любовью, подойдет,
Как солнце, к изголовью подойдет,

Печаль забудем, и любимый вновь
Покажет людям, какова любовь!

С моим он прахом прах смешает свой,
Навек поникнет мертвой головой.

Моей мольбе не откажите вы:
Почет Меджнуну окажите вы.

Любви почившей послужите вы,
Его со мною положите вы.

Мать! Ненависть забудь, поспорь со злом.
Добро и милость сделай ремеслом.

Меджнуну саван сшей — не согрешишь!
Из покрывала собственной души.

Меня в тот саван белый заверни;
Два тела — милость сделай — заверни!

Все нужное, как сыну, приготовь:
С ним дочь твою соединит любовь.

Для двух детей стели одну постель,
Клади в одну и ту же колыбель!»

Закрыв глаза от материнских глаз,
«Меджнун!» произнесла в последний раз,

Не вспомнила ни разу о Лейли...
И руки смерти на лицо легли,

И солнце смертная закрыла тень,
И мать увидела свой черный день.

И сердце неба кровью залилось:
Крик матери пронзил его насквозь.

И трижды мать вкруг ложа обошла,
Шатер, на смерть похожа, обошла,

Упала перед изголовьем ниц,
Потом соленой влагою ресниц

Лицо почившей стала щекотать,
Как будто говоря: «Не время спать,

Открой глаза, открой, смеясь, уста,
Мне без тебя вселенная пуста!»

Чтоб дать немного своего тепла,
Под мышку руки дочери брала,—

Но то, быть может, из объятий сна
Лейли тянула за руки она?

Откинув кудри от ее чела,
Показывала, как Лейли светла,

Как будто говоря: «Проходит ночь,
Родился день, пора проснуться, дочь!»

Поднимутся, быть может, вежды? Нет:
На пробуждение надежды нет!

И мать, воздев ладони к небесам,
Дав распуститься белым волосам,

Слезам кровавым вылиться из глаз,—
Ногтями в старое лицо впилась.

Как разрывает утро ворот свой,
Рассыпав искры света над землей,

Она, как ворот, грудь разорвала,—
И светом сердца озарилась мгла.

Взывала мать, рыдая: «Горе мне!»
Стонала мать седая: «Горе мне!

Мерещится спросонок это мне?
Проснись, мой верблюжонок! Горе мне!

Открой глаза: дай солнце нам опять,
Чтоб захотелось девушкам гулять,

Чтоб разбежались по́ саду цветы.
Все ждут они: пойдешь ли с ними ты?

Подруг нарядных много собралось!
Дай гиацинты мне своих волос,

Их локонами землю обовью,
Их запахами землю оболью!

Сокровищницу сладостной красы —
Твое лицо — украсят две косы:

Сплету я косы — будут две змеи
Оберегать сокровища твои.

Окрашу я глаза твои сурьмой,
Окрашу брови я твои басмой:

Глаза — мечи турецкие — должны
Упрятаться в зеленые ножны.

Твое лицо я нарумяню вновь:
Прибавлю я своих царапин кровь.

Я индиго на щеки положу,—
Зрачок дурного глаза поражу.

Я родинку поставлю на щеке,
Как семечко в петушьем гребешке.

И покрывала длинные твои
На волосы накину я твои:

Закрыта будет сторона одна,
Другая будет сторона видна.

Одену плечи в розовый наряд,—
О нем с восторгом все заговорят.

Ты с девушками племени пойдешь,
Как искушенье времени, пройдешь,

Всех освещая, обольщая всех,
Пустынников святых ввергая в грех!

Иди,— любимого найдешь в саду.
Меджнун вопит и стонет, как в аду,

В беспамятстве сейчас он упадет,
Но жизнь вернет безумцу твой приход.

Ты не придешь — он прибежит сюда,
Что я смогу сказать ему тогда?

Где слово я, в смущении, возьму?
Как буду я смотреть в глаза ему?

Не повергай в печаль друзей гвоих!
Ужель тебе не жаль друзей двоих?

Ужель тебе не жаль двоих сердец?..»
Так плакала. А за стеной отец

О землю ударялся головой,
Метался, ворот разрывая свой.

Был весь народ в печали о Лейли.
Народ кричал и плакал: «Вай, вайли!»

* * *

Я буду о Меджнуне говорить:
О нем я не могу не говорить!

Меджнун лежал на кладбище глухом,
Там люди воскресения кругом,

Среди могил свою печаль влачил,
И был он чист, как жители могил.

Когда бессильной сделалась Лейли,
Он тоже лег, беспомощный, в пыли.

Когда любимой овладел недуг,
Любимый жертвой стал жестоких мук.

То в светлом вымысле, то в ясном сне,
Он был всегда с Лейли наедине.

О ней одной он слушал голоса:
То сердце чистое, то небеса

Весть о возлюбленной ему несли.
Когда старуха-смерть пришла к Лейли

И пери чашу выпила ее,—
Почувствовал безумец: острие

Безжалостное прокололо грудь,
И задрожало сердце, точно ртуть.

И голос неба зазвенел в ушах:
«О воинства скорбей великий шах!

В державе горя — повелитель ты,
Всех любящих сердец правитель ты,

Они тебе приносят рабства дань.
Не спи, герой страны страданья! Встань!

Осенний вихрь в твоем саду сейчас!
Подул самум — светильник твой погас!

Все то, что соловьиное в тебе.
Все то, что голубиное в тебе,

Все мотыльковое ты собери,
Скорее к поднебесью воспари:

Подруга путешествия — луна,
Но спутника все время ждет она,

Ты будешь путешествовать с луной,
Или придется ей уйти одной?»

Хотя, как паутинка, был он слаб,
И нитка задержать его могла б,

Но тигром с ложа прянул он, едва
Услышал эти вещие слова!

Как солнце, как небесная газель,
Он побежал, одну лишь видя цель:

Он видел дом Лейли в мечтах своих!
Держал он песню на устах своих,—

Не песнь рыданья, не страданья песнь,
А песнь свиданья, ожиданья песнь.

Сокровища души держал в руке,
Чтоб разбросать, как деньги, на песке.

Он прыгал — мнилось: молния зажглась,
Струится ливень радости из глаз.

Горя любовью, солнцем стал земным.
Бежали звери дикие за ним.

В груди Меджнуна страха не найти.
Он знал: никто не станет на пути.

Боялись люди твердости его,
Предсмертной светлой гордости его,—

Бежали некоторые скорей:
Боялись некоторые зверей...

И вот Меджнун достиг дверей Лейли.
Вот ждут его стада зверей вдали:

Стоят спокойно, а народ вокруг
Не чувствует от страха ног и рук...

Когда, решив покинуть этот свет,
Лейли давала матери завет,

Тогда влюбленный появился вдруг,
Пришел, как верный друг... Нет, вечный друг!

Глаза — глаза желанные нашли:
Глаза одно желание прочли.

Возлюбленная руки подняла,
Возлюбленному душу отдала.

Возлюбленный склонился, не дыша:
К возлюбленной ушла его душа.

Попутчика себе Лейли нашла,
Теперь дорога ей не тяжела!..

И люди без числа входили в дом,
И двух усопших находили в нем,

Событью небывалому дивясь:
Нерасторжима двух страдальцев связь!

Все немотою связаны уста:
Любовь Меджнуна так была чиста,

Что смерть нашел в любви, как жил в любви,
Две жизни души отдали свои!

Когда огонь сочувствия погас,
Такие речи начались тотчас:

«Оборвалась двух слабых жизней нить.
Как будем эти жизни хоронить?»

Сказали: «Тех, кому возврата нет,
В ком даже примеси разврата нет,

Двух чистых, чья благословенна кровь,
Кому жестокосердая любовь

Ни разу в жизни счастья не дала,
Чья смерть ужасна так и так светла,

Кто, не вкусив любви в земном краю,
Нашли сближенье вечное в раю,

Двух разлученных, Кайса и Лейли,
Соединим во глубине земли,

Дадим навек соединиться им,
Будь саваном одна гробница им!»

Решили: справедлив такой совет,
Розоволикой вспомнили завет,

И, поступив, как требует обряд,
Как поступать обычаи велят,

В одних носилках понесли двоих,
С невестой рядом возлежал жених.

Два тела вместе в саван облеклись,
В едином теле две души слились,

Две грани здесь кристаллины одной,
Две косточки миндалины одной.

О нет, не косточки! — одно зерно:
Из двух долей оно сотворено.

Не двойственное видим существо,
Единства здесь мы видим торжество.

Два тела, как зерно, слились в одно:
Не в саване, а в кожуре зерно!..

Украсили Меджнуна и Лейли,
На головах носилки понесли.

Душа, соединенная с душой,
Они покрыты шелком и парчой.

И вот в табут возлюбленных кладут,
И в землю опускается табут.

Два путника нашли приют в земле:
Луна и солнце спрятались во мгле.

Наполнил души всех влюбленных страх:
И солнце и луна зарылись в прах,

Свечу надежды погасил самум.
Настало время для печальных дум,

Нет больше над влюбленными царя,
Луна зашла и не взошла заря!

И дважды в день на кладбище текли
Все родичи и весь народ Лейли,

Над камнем плакали отец и мать,
И страшно было стонам их внимать.

Недолго плакали: в тепле земли
Они отдохновение нашли...

О ты, кто стал виною наших слез!
Рыдай: две жизни прахом ты занес!

Когда ушли две жизни в мир теней,
Уйду и я с возлюбленной своей!

ПЕРЕВОД С. ЛИПКИНА

ВСТУПЛЕНИЕ

После характерных для поэзии восточного средневековья обращений к аллаху и к его пророку, автор пишет похвалу слову, которое «до всего сотворено», говорит о преимуществе стихов перед прозой, высоко оценивает своих великих предшественников — Низами, написавшего «Семь красавиц», и Эмира Хосрова, создателя «Восьми райских садов». В то же время Навои критикует их: «Явили ткань прошедшего они, но ткали опрометчиво они». Поэт рассказывает о том, что увидел во сне семь разноцветных дворцов, и их властители, цари семи частей земли, поведали ему семь чудесных повестей, которые поэт и пересказал в своей поэме, ибо «сердце жаждет света и добра и песни, спетой голосом пера». Перед тем, как приступить к сказанию о шахе Бахраме и о красавице Диларам, Навои в «нескольких вступительных словах» кратко излагает летопись царствования Бахрама Гура

СКАЗАНИЕ О БАХРАМЕ И ДИЛАРАМ

1

Тот мудрый, кто составил временник
Иранских полководцев и владык,

Дал место и Бахрамовым делам,—
Стал украшением письмен Бахрам.

Когда Бахрама,— так писал мудрец,—
С небесной славою связал творец,

Признали власть его державных дум
Хакан и кесарь, весь Китай и Рум,—

Все страны обитаемой земли
Ему свою покорность принесли.

Его предел — от Рыбы до Луны.
Он всем владел от Рыбы до Луны.

Царем царей Бахрама нарекли,
Царем царей семи частей земли.

Всем дерзновенным робость он внушил,
Всех венценосцев данью обложил.

Такой завел порядок искони:
Будь это раджа иль хакан,— они,

Собрав налоги у себя в стране,
Их не держали у себя в казне,—

Несли всю дань к Бахрамовым стопам,
За ней гонцов не посылал Бахрам.

Так все цари, сполна и каждый год,
Бахраму отправляли свой доход,

А также и добычу рук людских
Из недр земных или пучин морских.

Все редкости, все ценности земли
Со всех сторон в его казну текли.

Велик ли, мал, но целиком налог
Исправно в шахский поступал чертог.

А шах, к игре и пению влеком,
Веселью отдавался целиком.

Любил он страстно музыку, игру,
Звенели песни на его пиру.

Не ведал он тоске своей границ,
Не видя музыкантов и певиц.

Повсюду он возил их за собой,
Без них терял он волю и покой.

Всевластный, музыки признал он власть.
Охота — вот его вторая страсть.

Но даже на охоте удалой,
Пронзая жертву меткою стрелой,

Вдруг останавливался, не дыша:
Алкала светлой музыки душа...

Он промаха не знал, стреляя дичь,
Кровь проливая, издавал он клич.

Среди лихих охотничьих забав
Он пил всегда вино, чей цвет кровав.

Нередко он, охотясь, открывал
Красивую поляну, и привал

Он объявлял; слетались сотни слуг;
Хмельная чаша обходила круг;

Звенел ребаб, то плача, то смеясь;
Шипел кебаб, на вертеле дымясь...

Однажды он, охотясь так, набрел
На холм; вокруг пестрел цветами дол —

Не охватить его, не оглянуть...
Вливался воздух животворный в грудь.

Расположился на холме Бахрам,
Стал пировать. И песня к небесам

Свободно, ясно, радостно взвилась,
Она согласно, сладостно лилась.

Певцу внимая, пил Бахрам вино,
А сердце было ввысь устремлено.

Хмель в голове, а музыка в ушах
Так весело звенели; видел шах,

Что он могуч, и славен, и велик,
Для слабых — упования родник.

В душе рождалась мысль: «Я сотворен
Для блага всех земель и всех племен,

И в благодарность за любовь творца
Я должен бедных утешать сердца.

Я буду милосерден, справедлив,
Добро и правосудье утвердив».

Казалось, озирает он простор,
Нет, в самого себя он бросил взор!

Тут путника в степи заметил шах:
Он приближался, ускоряя шаг.

Бахрам подумал: «Кто это идет?
Внушает жалость бедный пешеход!»

Душа склонилась к незнакомцу вдруг,
И приказал он одному из слуг:

«Сядь на коня, а на другом коне
Ты чужестранца привези ко мне».

Гонец к Бахраму странника привез,
И незнакомцу задал шах вопрос.

А тот сошел с коня, чтоб наземь лечь,
И, прах поцеловав, повел он речь.

Он в жемчуга свои слова облек,
Всех изумил его отменный слог,

Бахрама так восславил чародей,
Что в восхищение привел людей,

Не только в восхищение — в восторг,
Из их груди он похвалу исторг:

«Не подобает страннику стоять,
Он должен подле шаха восседать!»

И вот вино пришельцу подают
И предлагают сто различных блюд;

Когда поел он вдоволь и попил,
В беседу с чужестранцем шах вступил.

Понравился Бахраму разговор.
Был собеседник тонок и остер,

На все вопросы находил ответ...
Подумал шах: «Он обошел весь свет,

Он сведущ в жизни, он знаток наук!»
Сказал Бахрам: «О мой чудесный друг,

Отрадно мне беседовать с тобой!
По всей вселенной ты прошел стопой;

Твои движенья быстры; твой язык
Вкус ясности и плавности постиг;

Ты земли дальних пересек держав,
Пустынь и городов; скажи, я прав?

Из слов твоих сужденье извлеку:
Ты много видел на своем веку.

Диковинки встречал ты на пути,—
Нас в тайну приключений посвяти.

Встречался с чудесами ты порой,—
Хотя б одно из них ты нам открой!»

Воскликнул путник: «Добрый господин!
В степи я путешествую один.

Язык мой беден, дар мой слишком слаб,
Не произнес бы слова я, когда б

Тебя в степи не встретил я сейчас.
Я знаю удивительный рассказ.

Живу я, тайну от людей храня:
Так это чудо потрясло меня!

Свой путь я начал далеко отсель,
И шах Бахрам — моих скитаний цель.

Он царь царей, он шахов гордый шах,
А небо — у его порога прах.

Когда к его чертогу я приду,
Когда к его порогу припаду,

Лицо и очи к праху приложу
И цель прихода шаху изложу,

Ему открою чудо в тот же миг.
Бахрама я покуда не достиг,

А ты уже вопрос мне задаешь,
Невольно на моем пути встаешь.

Как быть! Сказать? Нарушу я обет.
Но и молчать не смею я в ответ!

Радушием тебе обязан я.
Смотри же, господин, как связан я!

В тебе я вижу гордые черты;
Твой сан высок; являешь облик ты,

Который свойственен одним царям.
Мне кажется: пусть ты — не шах Бахрам,

Царем ты предо мною предстаешь,
Мне кажется: ты на него похож,

Хотя невероятно сходство с ним:
Бахрам ни с кем на свете не сравним!

Сюда пришел я из чужих сторон.
Твоим великодушьем я пленен.

Но все же у меня другая цель:
С Бахрамом говорить — благая цель.

Ты лаской сердце мне развеселил,
Но две заботы в сердце поселил:

Смолчу — беда и расскажу — беда...
Как на тебя смотреть мне без стыда?»

Тогда расцвел властитель, как цветник.
Светильником он сделал свой язык:

«О ты, кто странником в пустыне стал!
Знай: ищущий — нашедшим ныне стал.

Ты сам не ведаешь, что в этот миг,
Искатель, ты искомого достиг.

Не жаждай, друг мой, около реки,
Не страждай, друг мой, счастью вопреки!

К Бахраму ты спешил степной тропой?
Начни рассказ: Бахрам перед тобой!»

Тут странник, небеса благодаря,
Целуя землю, пал к ногам царя:

Узрел он цель, хоть много перенес!
Он благопожеланье произнес,

Учтиво сел и начал: «Мудрый шах!
О разных ты спросил меня вещах.

Вот первая: кто я? Мой шах, внемли.
Зовусь я среди жителей земли —

Мани; художник — звание мое,
Известно рисование мое».

Восторг Бахрама взвился до небес,
Как будто был он мертвым и воскрес:

Бахрам давно художника искал!
Он крепко обнял гостя, приласкал,

Остались все придворные в тени:
Увидел шах великого Мани!

Однако вскоре благосклонный шах
Ему напомнил о других словах.

Рассказчик молвил: «Слушай мой ответ.
Скитаясь, обошел я семь планет,

Под сводами блуждал я всех небес,
И очевидцем был я всех чудес.

Затмило все в моих глазах одно:
В Китае обретается оно.

Там с неким повстречался я купцом.
Не ошибемся, коль его сочтем

Богаче многих шахов и царей.
Сокровищами копей и морей

Владеет он: у этого купца
Товарам нет ни края, ни конца.

Число их даже передать нельзя,
А денег столько, что сказать нельзя,

Ему туманов никогда не счесть:
Одних наличных сотня тысяч есть!

Хотя богаче прочих он купцов,
Хотя забыл число своих ларцов,

Хотя не знает счета сундукам,
Рубинам, серебру и жемчугам,—

Владеет он жемчужиной одной.
Жемчужиной? Зови ее луной,

Любовникам сияющей с небес,
Игрушкой, дивом, чудом из чудес!

Волшебница в Китае рождена,
Любовью к ней страдает вся страна.

Красы подобной не было вовек:
С тех пор, как существует человек!

Кто взглянет на нее, тот будет рад
Отдать ей душу за единый взгляд.

Когда же в руки чанг она возьмет,
От счастья только мертвый не умрет.

Когда же струны чанга зазвенят
И стройным, животворным звукам в лад

Протяжно запоет она сама,—
Вселенную сведет она с ума!

Когда б я прожил тысячу веков,
Когда б я знал сто тысяч языков,

Я не сумел бы рассказать о той,
Чей голос нежный спорит с красотой!

Хозяин украшает красоту,
Богато наряжает красоту.

Он ей носилки для прогулок дал,
На них пошли алоэ и сандал,

Пленителен красавицы покров —
Крученый шелк изысканных цветов,

Он жемчугом искусно окаймлен.
Доносится до нас певучий звон:

То чанг звенит, и легче ветерка
Бежит по струнам тонкая рука.

Красавица играет, как Зухра,
Сияя, как рассветная пора.

Она игрой приводит всех в восторг.
Купец хотел продать ее, но торг

Не состоялся до сих пор. Смотри:
Зухра — одна, а сколько Муштари!

Все богачи, юнцы и старики,
Опустошив мешки и сундуки,

Отвесили купцу свое добро,
Но золото, рубины, серебро

Отверг хозяин и сказал: «Казна
Всего Китая — вот ее цена!»

Неутолимой страстью обуян,
Уже хотел ее купить хакан,

Весь годовой доход купцу отдать.
Узнав об этом, возроптала знать,

Советники сказали: «Светоч наш!
Когда казну ты за нее отдашь,

Не сможешь больше денег ты собрать,
Тебя покинув, разбежится рать.

Ты должен дань обычную внести
Или восстать: иного нет пути.

Но, потеряв и войско и казну,
Как против шаха ты начнешь войну?

Страсть утолишь ты, царство погубя.
О, пожалей державу и себя!»

Хакана мудрый охладил совет,
А у других влюбленных — денег нет.

Хотя страдают тысячи сердец,
С продажей не торопится купец.

Но я, желая стать твоим слугой,
Подарок приготовил дорогой,

Когда решил отправиться к тебе,
Быть может, он понравится тебе.

В живой воде я краску растворил
И образ дивной пери сотворил,

Хотя рисунок — не она сама,
Подобие найдешь в чертах письма:

Посильную красе принес я дань...»
Сказав, он вынул шелковую ткань.

Шуршала ткань, упруга и нежна,—
На ней певица изображена!

Художник жизнь в китайский шелк вдохнул,
Ресницами с картины пыль смахнул,

Расправив складки, разложил он шелк...
Бахрам взглянул, и вскрикнул, и замолк.

Казалось, разум у него погас!
До вечера не отрывал он глаз

От шелка, в думы погружен свои.
Казалось, он исчез в небытии.

До вечера ни с кем не говорил,
Он образ пери в сердце затаил,

Запали в душу дивные глаза,
Сжигали душу пламя и гроза.

Мани, почуяв боль его души,
Сказал: «Опомнись, шах, и поспеши,

Не упускай красавицу из рук,
Не то смертельным будет твой недуг!»

«Увы! — Бахрам воскликнул,— я в огне!
В целебном счастье жизни — горе мне.

Я обезу́мел: ты меня сразил,
Когда ее глаза изобразил.

Художник, сделал ты меня больным,
Как врач, недугом ты займись моим.

Скажи скорей, подай благой совет:
Что делать мне?» — Мани сказал в ответ:

«Ее цена — китайская казна.
Когда тебе краса ее нужна,

Когда из-за любви ты изнемог,
Да будет жертвой годовой налог!

Дирхемы — наилучшие врачи.
Всю дань Китая за нее вручи,

От денег в полной мере откажись
Иль от китайской пери откажись!»

«За близость с ней,— сказал ему Бахрам,—
Не только дань хакана я отдам,

А подати со всех моих держав
Отдам я, ничего не удержав,

И цену эту низкою сочту,
Когда осуществлю свою мечту!»

Воскликнув так, письмо составил он,
Немедленно в Китай отправил он

Сто мудрецов, ревнителей святынь,
А с ними — верных евнухов, рабынь,

Чтоб оказать красавице почет,
Чтоб на пути не ведала забот.

Хакану приказал он в точный срок
Купцу вручить весь годовой налог,

А людям он сказал: «Наказ таков:
Луну освободите от оков».

Стремясь исполнить шахский сей наказ,
Послы в Китай отправились тотчас,

С измученной душой остался шах,
Художник — рядом, а портрет — в руках.

2

Когда, за китаянкою спеша,
Китай избрать стоянкою спеша,

Ученые отправились мужи
И, наконец, представились мужи

Хакану, передав ему сперва
Письмо Бахрама, а потом — слова,

Хакан, гордясь посланием царя,
За эту честь послов благодаря,

Почтительно рукой коснулся глаз
И за купцом послать велел тотчас.

Сто радостей он выразил в речах,
Довольный тем, что счастлив будет шах.

Хакан и продавец в цене сошлись,
Был куплен для Бахрама кипарис:

Купцом за деньги продана душа,
Такая низость — свойство торгаша.

Цена ее — китайская казна.
Купцу вручив казну свою сполна,

Хакан отправил розу в шахский сад.
Простились люди, поспешив назад

По знойным долам, по степным тропам,
И каждый день за год считал Бахрам.

Его душою сделалась тоска,
И телом стал он тоньше волоска.

Он муку ожидания познал,
Разлуку и страдания познал.

Нетерпелива издавна любовь:
Вновь на рисунок он глядел и вновь.

На время черпал силы и покой
В изображенье пери дорогой,

На время о разлуке забывал
И для объятья руки раскрывал.

В отчаянье он покидал чертог,
Но места он себе найти не мог.

В садах не будет лучше ли ему?
Но и сады наскучили ему!

На крыше иногда Бахрам сидел
И на дорогу пристально глядел.

Увидев точку черную вдали,
Полоску пыли на краю земли,

Он обмирал; тряслось, как старый дом,
Его сухое тело, и потом,

Придя в себя, он плакал без конца,
Он посылал в ту сторону гонца:

Таил надежду мнимую Бахрам,
Но тщетно ждал любимую Бахрам.

Преследовал одну заботу он.
Предлогом избирал охоту он

И на коне, вздыхая, выезжал:
Он в сторону Китая выезжал,

Всем встречным задавал один вопрос:
«Ты весть о китаянке мне принес?»

Молчали все; шах вопрошал опять,
Надеясь о возлюбленной узнать.

Томленьем шаха был смущен Мани.
Пытался он Бахрама в эти дни

От горести картинами отвлечь,
Сказаниями длинными развлечь.

Он сердце шаха сказкой занимал,
Не понимая, шах ему внимал.

Влюбленного к спасенью не зови:
Он гибнет за пределами любви.

В разлуке тот не может не страдать,
Кого любви отметила печать.

«Тяжка разлука»,— исстари твердят,
Но ожиданье тягостней стократ.

Короче: шахом овладел недуг.
Но вот к нему вбежал один из слуг,

Доставив радостную весть о том,
Что под звездой счастливой — шахский дом,

Что солнце приближается сюда,
Развеяв ночь разлуки навсегда.

Отныне светлой стала эта ночь!
Бахраму сердце удержать невмочь:

Разлука и свидание равно
Опасны, если сердце влюблено!

Предстал очам Бахрама караван,
И доложили люди, что хакан

Исполнил слово шаха, что казна
На этот раз торговцу вручена,

Что радости лучи для них зажглись,
Что с ними — белогрудый кипарис,

Что пери прибыла в его жилье,
Что сотни солнц хотят купить ее,

Что розу не обжег пустынный зной,
Не утомил тяжелый путь степной...

Бахрам явил такую милость им,
Какая никогда не снилась им!

Он приказал: рожденную для нег,
Чей взор — гроза, разбойничий набег,

С почетом привести в его гарем.
Когда вступила гурия в Ирем,

В саду расположилась госпожа,—
В ее покой, от слабости дрожа,

Но с пламенем в груди, вошел Бахрам.
Он не поверил собственным глазам:

Знакомый сад неузнаваем был,
Теперь он первозданным раем был,

А в том раю — другой прекрасный рай,—
Не раем, а кумиром называй,

Да нет же: светоносною зарей,
Видением, парящим над землей!

Красива, обольстительна она,
Игрива и пленительна она.

Чернеют косы мускусом волос:
Китайский мускус караван привез.

Нет, мускусом груженный караван
В иремский сад пришел из дольних стран.

Ее густые локоны легки:
То ночь свои расставила силки.

А на щеках — шиповник и тюльпан.
Увидев их, любовник будет пьян.

Ее глаза, коль приглядимся к ним,
С китайскими джейранами сравним.

Даст мускус нам джейрана железа:
Две капли мускуса — ее глаза.

А родинка? То капля возле рта
Нечаянно джейраном пролита!

Ее лицо — прелестнее цветка,
А губы — два пунцовых лепестка.

Нектара полон каждый лепесток,
Живой водою стал медвяный сок:

Мертвец, его отведав, оживет!
И так укрыт между губами рот,

Что ты невольно вскрикнешь, изумлен:
«Рубин желанных губ не просверлен!»

Он для речей раскроется едва —
Жемчужины рассыплет, не слова.

Рубин,— а жемчуга рассыплет он?
Сок жизни,— кем же будет выпит он?

Жемчужная зубов белеет нить.
Как нам в рубин жемчужины вместить?

Но зубы все ж подобны жемчугам,
В живой воде подобны пузырькам!

Сошлись две брови: взорам предстает
Языческого храма низкий свод.

А где глаза? В кумирню мы войдем,
Двух пьяных, двух неверных мы найдем,

А побежим, раскаявшись, в мечеть,—
На своды будем набожно глядеть!

Смотри: продеты в мочки жемчуга.
Звездой сверкает каждая серьга:

Они расстались, чтобы мир познать,
Но сочетались, чтобы соблазнять.

Ты райским древом стан ее зови.
А что его основа? Дух любви!

Когда она, как некий дух земной,
Пройдет, покачиваясь, пред тобой,

То, стан ее не зная с чем сравнить,
Скажи: «Воображаемая нить...»

Такой на свете тонкой нити нет!
Незримый стан в багряный шелк одет,

Зеленый изумруд — ее наряд.
Не правда ль — в зелени раскрыт гранат?

Одежда — в блеске дорогих камней,
Чтоб не сойти с ума — смирись пред ней!

О нет, не дева райская она,
Не гурия китайская она,

Не пери, не мечта, не волшебство,
А гибель человечества всего!

При виде уст ее — смутится дух.
Заговорит — отнимет душу вдруг!

Из уст польется жизни сок тотчас,
Но стрелы смерти полетят из глаз.

Ее движенья, смех, и вздох, и взгляд —
Зовут, прельщают, мучают, пьянят!

К Бахраму привела ее судьба,
Он — раб ее, она — его раба.

Смиренно перед ним упала ниц,
Земли коснулась копьями ресниц.

Был взор ее лукавством наделен,
Игрив, но и почтителен поклон.

Когда увидел китаянку шах,
Из-за которой он страдал и чах,

Ее изображенье полюбя,—
Не мог от счастья он прийти в себя.

Та, что была бездушным полотном,
Та, что была картиной, сказкой, сном,

Вдруг ожила, предстала во плоти,—
О, мог ли он теперь в себя прийти?

Спокойно мог ли на нее взирать,
Взирая, не вздыхать, не замирать?

Короче: говорить нам не дано
О том, что было и прошло давно,

О том, как шах остался в тишине
С возлюбленной своей наедине,

О том, как, наконец, обрел Бахрам
Успокоенье сердца, Диларам,

Покорную желаниям его:
О них не расскажу я ничего.

Подруга нежная, влюбленный шах —
Их тайна не нуждается в словах.

Кто в тайну их проникнуть бы не мог?
Одним лишь глупым это невдомек.

Когда сверкнуть стихом, как не сейчас?
Но будет неумелым мой рассказ...

3

Шах, обретя счастливую любовь,
К вину и музыке вернулся вновь.

В звенящих кубках пенилось вино,
И пение звенело заодно.

В саду, нередко до ночной поры,
Он царственные задавал пиры.

Дворцовый сад мы раем назовем:
Царица рая пребывала в нем,

Нет, роза, украшавшая цветник!
Бахрам терял сознанье каждый миг...

Когда, вином веселым насладясь,
Из белой розы красной становясь,

Настраивала звонкий чанг она,—
Согласно пели струны, лишь одна

Струна, оцепенев, рвалась в тиши:
Рвалась струна Бахрамовой души.

Не чанг — отшельник у нее в руках:
Он стан сгибает, как святой монах,

Он опускает скорбную главу...
Нет, пьяницей его я назову:

Звенит он — и заслушался кабак,
Сам пьяный, опьяняет он гуляк.

Но входит гурия в его игру.
Заводит песню магов на пиру —

И мир преображается земной,
Задет ее волшебною струной.

Мы вспомним феникса, на чанг взглянув:
Всю чашу выдолбил чудесный клюв,

В ней дырочки сквозные — то проход
Для тонких струн... Какой мудрец сочтет

Число всех звуков, что звенят вокруг?
Из каждой дырочки исходит звук,

Летя по струнам! Лишь рукою тронь —
Как феникс, чанг низринет в мир огонь.

Заслушавшийся мир объят огнем,
Но чанг, сгорая, вновь родится в нем.

Хотя павлином феникс наряжен,
Он соловьиным горлом наделен.

Нет, феникс музыку завел свою,—
Сгорая, мир внимает соловью.

Не диво, что весь мир к нему приник:
Китайский соловей розоволик...

Розоволикой был Бахрам пленен,
Покоя без нее не ведал он,

Не отрывал от милой пери глаз,
От песен — слуха, пламенел и гас,

Он без нее метался без души,
Но рядом с ней лишался он души.

Он пил вино, от страсти к ней сгорев,
Жизнь возвращал ему ее напев.

Волшебным пеньем сердце зажжено:
Чтобы залить огонь, он пил вино.

Она лицо откроет — гибнет он.
Уста раскроет — издает он стон.

Чтоб успокоить сердце, бедный шах,
Прервав пиры, охотился в степях,

Но удалялся от пиров ли он,
Иль предавался шумной ловле он,

С возлюбленной не разлучался шах,
Быть без нее не соглашался шах...

В степях Китая жившая досель,
Любила черноокая газель

Степной простор, степную пестроту,
Тюльпаны в обжигающем цвету.

Вот почему ей были по душе
Поездки в степь и отдых в шалаше.

Охотники неслись и гнали дичь,
Веселый, грозный издавая клич,

Скакал Бахрам по травам и камням,
Качалась в паланкине Диларам.

Охоту превратил в обычай он,
Но сам для пери стал добычей он:

Лукавый идол пеньем колдовским
Его смущал и властвовал над ним.

Желая загасить любовь, Бахрам
Все чаще припадал к ее устам,

Но пламя страсти не погасло в них:
Как видно, заключалось масло в них!

Любовь неутолимою была:
Ведь гурия — любимою была!

Чем больше утолял желанье он,
Тем дольше чувствовал пыланье он.

Шах даже рядом с ней терял покой,
А без нее стонал он, как больной.

Свиданья были гибельней огня,
А без нее не мог прожить он дня.

Она ему подругою была,
Возлюбленной, супругою была,

В беседах с ней он счастье находил,
В свиданьях с ней он страстью исходил.

Своей любовью так увлекся он,
Так близостью к луне зажегся он,

Так был он околдован, так привык
Перед собою видеть лунный лик,

Что, властный, он при ней не смел вздохнуть,
А без нее в тоске терзалась грудь.

И до того дошло, что мудрый шах
Забыл о государственных делах,

И правосудьем он пренебрегал,
Несчастным людям он не помогал,

Заботами не радовал народ.
Уже роптал, досадовал народ,—

Не слушал жалобы народа он.
Так прожил три-четыре года он...

Кто яд любви вкусил — в конце концов
Лишится всех престолов и венцов.

Бедняк последний, гордый шах страны —
Пред воинством любви они равны.

Любви подуют смелые ветра —
Взлетят равно и щепка и гора.

Поток любви обрушится с высот —
Равно дворец и хижину снесет.

Дракон пред ней дрожит, как муравей,
Как жалкий нищий, робок царь царей!

И вот, заботы царские поправ,
Завоеватель множества держав —

Владыкой всех племен его зови —
По доброй воле стал рабом любви.

Теперь одну преследовал он цель:
Охотясь, развлекать свою газель,

Отыскивать все новые места,
Чтоб скуки не знавала красота,

Покуда час веселья не пробьет
И луноликая не запоет.

Стремится он и к песне и к вину,
Лишенный воли, видит он одну

Свою черноволосую мечту,
Любовь звонкоголосую в цвету!

Погибелью душе грозит вино.
Когда ж оно с любовью — заодно,

Бессилен человек: судьбу губя,
Он пустит по ветру всего себя.

Был шах пленен любовью и вином,
О том, что стало с ним, рассказ начнем.

4

Бахрам, во имя песен и забав
Другим бразды правленья передав,

Оставил без надзора все дела.
Страна в расстройство тяжкое пришла.

С тех пор, как не каралось больше зло,
Неправый меч насилье занесло.

Шах отошел от справедливых дел,
Кто власть имел, тот делал, что хотел.

Мздоимная правителей толпа
Налоги отдала на откупа,

Разбойники закрыли все пути,
Да так, что ни проехать, ни пройти;

Был под угрозою домашний кров,
Удел народа — черен и суров.

Запели громко бражник, блудодей,
Затихли речи праведных людей.

Покрылся пылью мудрости сосуд,
С вином блестели кубки там и тут.

Как черви, волки развелись кругом,
Не овцами питались — пастухом!

И несколько советников царя,
Сановных собеседников царя,

С трудом к нему попали на прием,
Бахраму доложили обо всем:

О том, что нет порядка, что народ
Страдает, ропщет, правосудья ждет.

Их выслушав, Бахрам не спал всю ночь.
Он думал: «Как беде своей помочь?»

Увы, напрасно к помощи прибег:
Беспомощен влюбленный человек...

Хотя любовью был измучен шах
И прежней силы не было в руках,—

Душой и телом преданный луне,
Он думал о народе, о стране:

«Как исцелить себя? Лекарства нет!
Бежать, отдать другому царство? Нет!

Пока я царь, всегда в своем саду
Ей равную красавицу найду.

Не обладай державной властью я,
Ключа не отыскал бы к счастью я,

Не знал бы, где моей луны жилье,
Не стал бы я возлюбленным ее.

Но раз она существовать должна,
Не существует все, что — не она!

Сказав: «Живи для власти и для пег»,—
Ты скажешь: «Преврати мне пламя в снег».

Избавиться от страсти он желал
Затем, что жить без власти не желал.

Но отказаться от любви не мог,
Хотя найти пытался он предлог.

Несовместим с любовью царский сан.
Цари болтают о любви? — Обман!

Любовь предназначается тому,
Кто, в ней сгорев, исчез в ее дыму,

Кто, равнодушен к суете сует,
Душой отверг и тот и этот свет,

Кто ради прихоти любви готов
Пожертвовать блаженством двух миров,

Кто за возлюбленную жизнь отдаст,
Свою загубленную жизнь отдаст!

Но шаху, покорителю держав,
Который, битву ремеслом избрав,

Во имя власти проливает кровь,—
Чужда необоримая любовь.

Влюбленным он подобен иногда —
На жертву не способен никогда!..

И часто — на охоте, на пирах —
В такие думы погружался шах,

Он пил из рук возлюбленной вино,
А сердце было смутою полно.

Однажды ловлей завершился пир.
С Бахрамом рядом был его кумир,

А в голове шумел тяжелый хмель.
Вдруг Диларам увидела газель...

Бахрам так ловок был в метанье стрел,
Охотничьим искусством так владел,

Что промаха не знал, стреляя в цель.
Сказал он луноликой: «Вот газель

Несется, быстроногая, вдали.
В какое место,— пери, повели,—

Мне следует метнуть стрелу свою?
Как ты прикажешь, так ее убью».

О, нет китайским тонкостям числа!
Насмешница в ответ произнесла

Загадочные, тонкие слова:
«Моїй шах! Оковы наложи сперва

На две ее передние ноги,
Потом стреле, охотник, помоги:

Остановив газель на всем бегу,
Зарежь добычу, стоя на лугу».

Шах, выслушав красавицы приказ,
Ее загадку разгадал тотчас:

Охотник ловкий был, умелый он!
И вынул из колчана стрелы он,

И, медленно натягивая лук,
Газельи две ноги связал он вдруг

Стрелою тополевой, и стрела
Под кожей к тонкой кости приросла.

Тогда в газель нацелился он вновь,
И горло ей рассек, и пролил кровь.

Исполнил шах желанье госпожи!
О ловкости Бахрама так скажи:

«Не только люди — неба древний свод
Соперника ему не подберет»!

Когда Бахрам искусство показал,
Застыл он в ожидании похвал,

Но гурия красавицей была,
А красота гордыню родила.

Руки Бахраму не поцеловав,
Не похвалив властителя держав,

Сказала: «Каждый день стреляя дичь,
Кто б совершенства не сумел достичь!»

Невольно шаха подняла на смех,
Старанью приписав его успех.

Поняв слова красавицы своей,
Морщины шах навел на лук бровей,

Сердясь: да разве это похвала!
Увидев, что Бахрама привела

В расстройство, поспешила Диларам
Дать объясненье дерзостным речам,

Но все испортила, сказав ему:
«Я твоего упрека не приму,

Правдивы и чисты мои слова.
Мой шах! Себя возьму в пример. Едва

Коснусь я чанга слабою рукой,—
Сердца перенесу я в мир другой.

Быть может, красота повинна тут?
Нет, упражненья, постоянный труд!

Я прилежанье видела твое.
Чем сердце я обидела твое,

Сказав об упражнениях? Ужель
Без них попал бы ты стрелой в газель?»

От этих слов пришел Бахрам во гнев,
Вскипела ярость, сердцем овладев.

Когда властители разъярены,
Бегите, жители, из их страны!

Гнев самовластья страшен, гнев обид:
Он очи милосердия слепит.

Уже Бахрам хотел ее убить,
Уже мечом своим хотел срубить

Цветущий, вольный, стройный кипарис,—
Но в свите люди мудрые нашлись

И молвили: «Поступок нехорош.
Ужели женщину мечом убьешь?»

А несколько глупцов произнесло:
«Их убивать — не просто ремесло,

А высшее искусство!» И луну,
Из паланкина высадив, одну

Отправили на самый край земли,
В бесплодную пустыню привели,

Где ядовитая трава росла:
Был каждый лист колючим, как стрела.

На землю опрокинув тонкий стан,
Скрутили косы длинные в аркан,

Вкруг шеи обвязав их... Вот, в петле,
Она лежит на высохшей земле:

Ей, косами пленявшей, довелось
Стать пленницею собственных волос...

Злодейство это было свершено
В тот миг, когда и ярость и вино

Бахрама ослепили. Дотемна
От ярости хмелел он и вина.

Наутро, встав с тяжелой головой,
Наполнить приказал он кубок свой.

Спросил, опохмелившись, царь царей:
«Где та луна, что мне всего милей?»

Он сам забыл о том, что совершил!
Один из приближенных доложил

О том, какое зло произошло.
И ужаснуло шаха это зло,

И светлый день померк в его очах.
И помраченным сердцем понял шах,

Что резкий ветер ярости слепой
Забушевал, что собственной рукой

Он обезглавлен. И сказал Бахрам:
«Сейчас в пустыню я помчусь и сам

Из края в край на поиски пойду,
Найду свою красавицу, найду,

Паду к ногам, когда она жива,
Умру я сам, когда она мертва!»

Однако честь венца, престол и власть
К ее ногам не позволяли пасть,

На это дело разум восставал,
Бахраму стыд покоя не давал,

Но с разумом любовь боролась в нем,
Любви звенел призывный голос в нем.

Так мучилась душа меж двух огней,—
Скажи: меж двух драконов — муравей!

Шах, голову на землю положив,
Метался, полумертв и полужив.

5

Достойный смеха более, чем слез,
Бахрам себе такой удар нанес,

Что без сознанья двое суток был.
Когда в себя пришел он,— жуток был

И темен третий день. Войска любви
На приступ силы двинули свои,

Вступила в крепость мстительная рать,
Державу сердца стала разорять.

С избытком сердце утолило страсть,
Чтоб эту страсть жестокую проклясть.

Поплыл купец. Что ж, прибыль он обрел?
В пучине моря гибель он обрел!

Трудясь в саду, садовник ждал наград,
Но обломал его деревья град.

Была желанья молния светла —
Сожгла Бахрама бытие дотла.

Он драгоценный камень отыскал,
Но раздавил его камней обвал.

Он, защищая царство, поднял меч,
Чтобы мечом свою же грудь рассечь.

Хотел ресницы начернить сурьмой,—
Мир оказался черною тюрьмой.

Навылет в грудь он ранен был тоской,—
Избави бог от участи такой!

Бахрам, великой скорбью удручен,
Напоминал согбенный небосклон.

Его душа блуждала, как в лесу,
Скрипела плоть, подобно колесу,

Ужиться тело не могло с душой,
Душа для тела сделалась чужой.

Когда же к горлу подошла душа,
Бахрам поднялся и пошел, спеша

В пустыню, над которой зной повис.
Он думал: «Если жив мой кипарис,—

Благословлю удачу я тогда,
А если мертв,— заплачу я тогда,

На мертвую взгляну я красоту,
От стонов избавленье обрету,

Убью себя, с возлюбленной сольюсь,
Разлуку вечный победит союз!»

Прошел он по степным тропам стопой,
Любимую ища в степи скупой.

Но вольный кипарис нигде не рос:
Его обитель — средь пахучих роз.

Кто розу обретет в степном песке,
Когда ее цветенье — в цветнике?

Она меж яблонь скрылась от людей,
Ее найдешь по яблокам грудей.

В потере убедившись роковой,
Стал шах о землю биться головой,

Воппл и плакал мира властелин,—
Фархад не разыскал свою Ширин!

Как птица с переломанным крылом,
Припав к земле, рыдал он о былом.

Сказал он, обливаясь кровью слез:
«Я над самим собою меч занес!

Кому теперь судьбу свою вручу?
Задул я жизни собственной свечу!

Какое дело, боже, сделал я,
С душой и телом что же сделал я?

Кто равен скорбью мне в пыли земной?
Что сотворило, небо, ты со мной!

Добра у синей тверди я прошу,
Пылинки милосердия прошу,—

Жестоко ты, не хочешь мне помочь!
Мою судьбу ты превратило в ночь,

Но вместо звезд мне слезы принесло,
А солнце счастья моего зашло.

Пылает страсть великая моя.
Но где же солнцеликая моя?

О небо, жизни погаси свечу,
Жить в этом низком мире не хочу!

Ты отняло любимую,— молю:
С ней заодно возьми ты жизнь мою!

Возьми: я жизнью сыт, клянусь творцом,
О смерти дух скорбит, клянусь творцом.

Возьми, свое злодейство доверши:
Несчастна плоть, в которой нет души!»

Он плакал, стоном оглашая дол,
Забыл он свой венец и свой престол,

Забыл он о столице, о стране,
С печалью стал он жить наедине,

Лишь о любимой думал он теперь,
В пустыне стал он жить, как дикий зверь.

Стонал он, разрывая воротник,
Но вскоре город в той глуши возник:

Узнав, какая с ним беда стряслась,
Его любви мучительной дивясь,

Стремились люди в степь со всех сторон,
Пустынный край был в город превращен...

Как Диларам, небесный свод погас.
Лежал Бахрам, не закрывая глаз:

Мир превратился в мрак. Бахрам, скорбя,
В нем чужеземцем чувствовал себя.

Весь мир объял тысячерукий мрак:
То был печали мрак, разлуки мрак,

Он плоть, и мысль, и душу иссушал,
Живую воду в сушу превращал!

О нет, не мрак окутал мир, а дым:
Огонь разлуки буйствовал под ним.

Бахрам вопил,— что вопль его теперь?
В огне тоски он топливо теперь:

Разлука лучшим топливом сочла
Влюбленных бесприютные тела...

Хотя Бахрам от суеты мирской
Был отделен завесою ночной,

Разбила свита для него шатер,
Чтоб скрыть его страдания костер,

Людей отогнала подальше прочь...
Так вот что принесла разлуки ночь!

Таились люди по глухим углам,
Дивились вслух таинственным делам,—

Любой об этом диве говорил:
Один о страшном диве говорил,

Другой о нежной пери говорил,
А третий о потере говорил,—

Для всех недуг непостижимым был,
А шах стонал: он одержимым был!

Заснули слуги под ярмом забот,
Не ведая, что их наутро ждет.

Остался шах в невидимом огне,
С измученной душой наедине.

6

Когда невыносимым стал ожог,
Бахрам перешагнул шатра порог,

В уединенный он вошел покой:
Он на людей теперь взирал с тоской.

Покрепче изнутри он запер дверь,
Упал на землю, заревел, как зверь,

И одиночества издал он крик.
Он разорвал сначала воротник,

Потом зубами искусал себя,
Он бил себя, он истязал себя,

По голове удары наносил,
И, весь в крови, он выбился из сил,

Припал, в бессилье, к двери шах Бахрам,
Увидел образ пери шах Бахрам.

Припомнил косы черные до пят,—
И вот печалью черной он объят.

Изогнутая бровь предстала вновь,—
Согнул он тело слабое, как бровь.

Нет, стал он полумесяца кривей
При виде полумесяца бровей!

Ее глазам газельим отдал дань,—
В пустыне сердца заметалась лань.

Ее ресницы мысленно узрел,—
Вонзились в тело сотни тонких стрел;

То были не ресницы-волоски,
А грозные индусские стрелки.

Вообразил он светлое чело,—
Увы, затменье на него нашло.

Тоскуя по живительным губам,
И умирал и оживал Бахрам.

Кровавыми слезами он рыдал —
Степные камни превратил в коралл.

Пошли душа и тело на ущерб,
Сноп бытия скосил жестокий серп,

В глухой степи он точкой мнимой стал,
Воспоминаньем о любимой стал!

Ты не гонись за призраком степным,—
Найдешь его по признакам таким:

Он в памяти о гурии живет.
Когда он вспомнит животворный рот,

Ее зубов жемчужную красу,
Прольет он слез жемчужную росу.

Но вот он вспомнил нежный голос вдруг,—
Душа на части раскололась вдруг.

Почудился ему ее напев,—
Исчез Бахрам, в небытии сгорев,

И ожил вновь, предав себя тоске
По ямочке на розовой щеке.

Чуть видный тонкий стан пред ним возник,—
Бахрам заволновался, как тростник.

На серебро грудей посмел взглянуть,—
И слезы стали тяжкими, как ртуть.

Он вспомнил, как держала чанг она,—
Оборвалась нить жизни, как струна.

Он заболел, а лекарь не помог.
«О, неужели это я, мой бог,—

Он плакал,— неужели это я,
Кто превращал дракона в муравья?

Теперь иной господствует закон:
Я — муравей, а страсть моя — дракон.

Я ль это? Прежде, грозен и суров,
Я побеждал неукротимых львов,

Теперь, как маленький мышонок, слаб,
Я не избег страданья львиных лап.

Я ль это? Прежде, возглавляя рать,
Я заставлял китайцев трепетать,

Теперь в моих войсках не счесть потерь,
Разбит я китаянкою теперь.

Я ль это? Был я наделен в былом
Терпеньем, верой, силой и умом,

Сносил беду с достоинством не раз.
Перед каким же воинством сейчас

Я должен голову склонить и пасть?
Ужасной силой обладает страсть!

Ее войска я вижу наяву.
Как мне назвать их? Ночью назову!

Но так ли ночь грозна, черна, долга?
Несметно войско моего врага:

То войско ночи. Эта ночь длинней
Душистых кос возлюбленной моей!

Нет, для меня — могила эта ночь,
И труп мой поглотила эта ночь.

Ты, небо, чтоб заснул я мертвым сном,
Меня в могилу бросило живьем,

Свое копье направило в меня,—
Зачем не обезглавило меня?

О полчища несметные мои,
О слуги безответные мои,

Я видел ваши головы в пыли,
У ног своих: так службу вы несли.

Я стал для вас источником щедрот.
Мои права никто не отберет.

Хвалились вы не раз: как благодать
Вы за меня готовы смерть принять.

Так где же вы? Где ваш двуострый меч,
Зачем вы не бежите в пламя сеч?

Так где же вы? На поле вышли вы?
Из подчиненья, что ли, вышли вы?

Пусть быстрый меч в мою вонзится грудь,
Чтоб, жизнь отняв, покой душе вернуть!

Не допущу, чтобы одна любовь
Без наказанья проливала кровь:

Вам право я такое же даю,—
О слуги, уничтожьте смерть мою.

Друзья по брани,— постоянство где?
О мусульмане,— мусульманство где?

Убив меня, найдете путь к добру:
От мук избавлюсь я, когда умру!»

Так плакал шах Бахрам в степном шатре.
Когда запела птица на заре,

Бахрам без чувств лежал в крови, в пыли...
Бесплотной тенью мы б его сочли!

Тоска и ужас обуяли слуг,
Когда открылся им его недуг,

А между ними, что ни говори,
Имелись полновластные цари!

И каждый шах страны, и каждый бек,
Простой слуга и знатный человек

Стояли с непокрытой головой
И выщипанной в горе бородой;

Но, видя: если плакать день и ночь,
Нельзя недуг опасный превозмочь,—

Собрание созвали, наконец,
И долго толковали... Наконец

Сошлись на том, что здесь, в глуши степной,
Не должен оставаться их больной.

Врачи нашли: здесь воздух нехорош,
Больного этим воздухом убьешь,

К тому ж за ним необходим уход,
А здесь больной удобства не найдет.

И люди шаха в город понесли,
Свой разрывая ворот, понесли

И поместили в розовом саду.
До вечера метался шах в бреду...

Едва царя лишается престол,
Народ находит время для крамол.

Беспомощное, в пламени горя,
Трясется тело бедного царя.

7

Хотя воссел Бахрам на свой престол,
Он до́ ночи в сознанье не пришел.

Он был убит, он был сожжен тоской:
Престол казался гробовой доской.

С престолом ты связал свою судьбу?
В конце концов окажешься в гробу!

Вот опустился занавес ночной.
Почуял запах мускуса больной.

Очнулась шаха скорбная душа,
Ночными благовоньями дыша.

Открыв глаза, мгновенье помолчал,
И вдруг он громким криком закричал.

Возлюбленной он вспомнил лунный лик!
И стон его, и вздох, и плач, и крик

Пронзили небо в чуткой тишине,
Затрепетали звезды в вышине.

Как острый меч — его тоски глагол:
Он звезды, очи неба, проколол.

Подула буря вздохов тяжело,
В движенье мира колесо пришло,

И встала на пороге смерть сама,
Увидела, что шах сошел с ума!

Ослаблен был его ущербный мозг —
В руках недуга мягким стал, как воск.

Уже Бахрам свой пламень погасил.
Уже для стонов не хватало сил.

Уже смятенье кончилось. Уже
Несчастный был на смертном рубеже.

Не слышно было голоса его.
Лишь иногда с престола своего

Он голос подавал. В тоске, в слезах
По временам просил о чем-то шах,

И просьба стоила ему труда,
Но разума в ней не было следа.

Утратили друзья надежды все,
Порвали на себе одежды все!

Чтобы вернуть ему сознанья свет,
Столпы страны собрали на совет

Врачей царя, четыреста числом,
Прославленных высоким ремеслом,

И вот какие речи повели:
«Наш господин, владыка всей земли,

Свое здоровье вверил вам, покой,
Вас награждая щедрою рукой.

Окружены заботами его,
Награждены щедротами его,

Вы жили здесь, не ведая нужды,
С единой целью: чуть рука вражды

Коснется шаха, волей неба вдруг
Придет жизнегубительный недуг,—

Его недуг должны вы устранить,
Чтоб шахской жизни вновь окрепла нить.

Так знайте же: настал несчастный час,
Без промедленья мы призвали вас.

Обласканы вы милостью царя.
Борьбу начните с хилостью царя,

Он много сделал подданным добра.
Теперь, у смертного его одра,

Обязан каждый шаху послужить —
И вы должны старанье приложить!

Когда ему грозил мятежный враг
Иль ополчался зарубежный враг,—

За шаха смело мы бросались в бой,
Гордясь, что можем жертвовать собой,

Царю царей служа всегда, везде.
Теперь, когда Бахрам в такой беде

И тьма в уме расстроенном его,—
Уподобляйтесь воинам его:

Рассейте царского безумья мрак!»
Врачи, подумав, отвечали так:

«Услышали мы истину от вас.
Сердца́ призыв о помощи потряс.

Однако тот, кто без ума влюблен,
Не будет врачеваньем исцелен.

К тому, кто сломлен муками любви,
Ты лекаря с лекарством не зови,

Его огонь, без помощи врачей,
Залить сумеет близости ручей.

Кто полюбил, тот пламенем палим,--
Мы снадобья со щепками сравним.

Но все ж борьбу со смертью поведем,
Когда пойдем усердия путем.

Должны мы отыскать в короткий срок
Лечения основу и уток.

Недуг любви должны мы побороть,
Чтобы опять здоровой стала плоть.

Однако знайте: только божество
Сумеет разум прояснить его».

Так порешив, немедленно, в ночи,
Леченьем шаха занялись врачи,

Попеременно находясь при нем,
По-разному борясь с его огнем.

Одни, молитву слезную творя,
Просили бога вылечить царя,

Входили с приношеньем в божий храм,
Дирхемы раздавали беднякам.

Другие волхованьем занялись,
Волшебным заклинаньем занялись,

Старались джинна криками прогнать,
Чтоб властелин покой обрел опять.

Для третьих сочетание светил
Казалось важным. Каждый обратил

К пластинкам астролябии свой взор,
Судьбы прочесть желая приговор.

Четвертые алоэ жгли, стремясь
Спасительную приготовить мазь,

Изобретали яства и питье —
Усердно дело делали свое.

Блаженны духом, с думой на челе,
Себе не зная равных на земле,

Четыре сотни сведущих врачей
Трудились, не сомкнув своих очей,

Трудились не напрасно лекаря:
Рассеялось безумие царя,

Под благостным воздействием наук
Стал менее мучительным недуг,

Частичного здоровья шах достиг,
Луч разума в безумный мозг проник.

Сказали врачеванья знатоки:
«Теперь избавим шаха от тоски.

Лечили мы и холили его —
Спасем от меланхолии его.

Как быть нам с одиночеством его?
Займем искусным зодчеством его!

Он телом слаб, и взгляд его угрюм,—
Займем постройкой зданий скорбный ум,

И созерцанье зодческих работ
Успокоенье шаху принесет.

Когда строитель, мыслью вдохновлен,
Покажет свой дворец со всех сторон,

Когда покажет смелый он чертеж,
Где старое и новое найдешь,—

Забудет шах любви опасный зов,
Весь поглощен строительством дворцов!»

Решив, что мысль такая хороша,
Больного шаха исцелить спеша,

Сановники одобрили врачей...
И вот узнали семь земных царей,

Что заболел тоской великий царь.
И так как был для них владыкой царь,

То все отправились в его чертог —
Ресницами мести его порог

И днем и ночью состоять при нем!
И каждый шаху верным был рабом,

И каждый клялся дружбою своей,
Гордился каждый службою своей,

Бахраму угождал, как только мог,
В надежде, что, когда поможет бог,

Пойдет о них в народе добрый слух,
Шах наградит вернейшего из слуг.

Когда постановили мудрецы
Построить небывалые дворцы,—

Тогда цари семи частей земли
К согласному решению пришли:

Усердье проявив, молясь творцу,
Они построят каждый по дворцу —

Изящества он будет образцом,
Творения сияющим венцом,

А шах больное сердце развлечет,
Следя за ходом зодческих работ.

Бахрам слова их принял в добрый час:
Его согласье — милость и приказ...

Тянулись от столицы семь дорог.
По ним народов двигался поток,

Дороги эти длинные вели
К столицам всех семи частей земли.

В начале каждой из семи дорог
Воздвигнуть было решено чертог.

Строителей не молкли голоса
И шумом оглушали небеса,

А те дарили им свои лучи,
Из солнца создавая кирпичи.

И говорили, их труды хваля:
«Семь райских кущ вместит в себя земля!»

Дворцы росли, меняясь на глазах,
И, созерцая их, увлекся шах.

Вот, проявив усердье, наконец
Закончил каждый зодчий свой дворец.

Покуда шло строительство, Бахрам
Дивился башням, лестницам, стенам,

Многоискусных зодчих мастерство
Целебным средством стало для него.

Могучие дворцы достигли туч,
Но каждый зодчий тоже был могуч,

Свою работу каждый кончил в срок,
Украсились дворцами семь дорог...

Вот улеглось смятение любви,
Утихло наваждение любви,—

Но тут работы кончились, и впредь,
Казалось, шаху не на что смотреть.

Но молвили четыреста врачей,
Премудрости четыреста свечей:

«Еще одно лекарство нам дано:
Искусством называется оно.

Художники, прекрасного творцы,
Пусть разукрасят царские дворцы,

Их живопись, волшебна и нежна,
Для шаха стать целебною должна.

Пусть вдохновенье, озарив сердца,
Распишет стены каждого дворца,

Окрасив их в один и тот же цвет
Снаружи и внутри,— вот наш совет».

Вот привели сановники Мани,
И молвили художнику они:

«Ты создал кистью множество картин,
Явил ты всем художество картин,

Искусства красок ты вершиной стал,
Услады царской ты причиной стал,—

Здоровья царского причиной будь,
А мы тебе укажем верный путь.

Перед тобою — семь дворцов, Мани.
Немедленно их украшать начни,

Их распиши снаружи и внутри,
Но семь цветов различных избери.

Тебе не скажем: «Так, мол, распиши»,—
Ты следуй лишь велениям души;

«Не делай так!» — ненужные слова.
Не станем нарушать твои права,—

Так распиши, как пожелаешь сам».
Художник, руку приложив к глазам,

Ответил: «Хорошо. Вот мой приказ:
Все нужное доставьте мне тотчас».

И каждый по приказу поступил,
И мастер к делу сразу приступил.

Из всех земель Бахрама и держав,
Художников искуснейших созвав

И тех, кто позолоту наводил,—
Для каждого работу находил.

На семь отрядов их разбил Мани;
В семи дворцах работали они,

А сам учитель поспевал везде:
Он — вдохновитель их в святом труде.

Искусством увлечен, по всем дворцам
Ходил с утра до вечера Бахрам,

Картины целый день обозревал,
И в каждой новый мир он открывал.

Он о своей кручине забывал,
Он бытие в картине познавал!

Пленила сердце роспись мощных стен,
Забыло сердце свой любовный плен.

Прошло немного времени, и вот
Величественны, как небесный свод,

Окрашены в различные цвета,—
Дворцы готовы: прелесть, красота

Сюда из райских перешли садов,
И стали семь дворцов — семи цветов!

Хотя в душе Бахрама не погас
Огонь любви, он ослабел сейчас.

Тогда сказал врачей высокий круг:
«Нашли мы средство устранить недуг.

Семью дворцами обладает шах,—
Семь гурий поселим в его дворцах.

Подчинены Бахраму семь царей,
Отцы семи красавиц дочерей.

Царевны эти — гуриям сродни,
Бахраму будут женами они.

Их музыкой, их пеньем опьянен,
Он будет их любовью исцелен».

Державы многодумные столпы
К семи царям направили стопы,

Нашли семь гурий, чудо из чудес,
Семь ярких солнц за пологом небес,

Семь бедствий мира, семь его даров,
Сознанья разрывающих покров,

Семь ясных звезд,— а блеск их нужен всем,
В ларце невинности — жемчужин семь!

Да, звезды, но сокрыт их нежный свет,
Жемчужины, но в них отверстий нет!

Не только слово — самый тонкий стих
Изобразить не в силах прелесть их!

Когда узнали семь земных царей,
Каков совет премудрых лекарей,

То поразились: в голову царям
Ни разу не пришло, что шах Бахрам

К себе в гарем возьмет их дочерей!
Но, выслушав посланцев, семь царей

Ответили с покорностью в очах:
«Поступим так, как соизволит шах,

Мы — капли малые в его морях,
Мы — под ногами шаха бренный прах,

Пылинки мы: вознес он к солнцу нас.
К чему согласье наше иль отказ?

Он — царь царей, он украшает мир!..»
И каждый свадебный устроил пир.

Когда же наступил конец пирам,
Семи красавиц мужем стал Бахрам.

И каждая вступила в тот дворец,
Который строил для нее отец.

И вот, согнав с лица Бахрама тень,
Врачи установили час и день,

Когда, в какой дворец ему входить,
Кого из обитательниц почтить.

Сказали: «Вот зашел заботы день,
А завтра предстоит субботы день.

Для шаха счастлив этот день всегда:
В зените в этот день его звезда.

Пусть мускусом поит его газель,
В гареме черном постелив постель».

СУББОТА

Рассказ путника, приведенного с дороги в Черный дворец

Фаррух, сын серендибского (цейлонского) царя Джусрата, «стремился к бедности святой, богатство, власть считал он суетой». В поисках приснившейся ему красавицы царевич попал в сирийский город Халеб (Алеппо). Одетый в одежду бедняков, в черный палас, наш странник нашел прибежище в городских развалинах. Купец Ахи, который, движим милосердием, «бродяг и нищих приводил в свой дом», привел к себе и Фарруха и случайно узнал, что красавица, которую ищет царевич, не кто иная, как его, Ахи, жена. Тогда купец развелся с любимой женой и отдал ее, против ее воли, в жены Фарруху. На пути домой царевич услышал от нее всю правду, узнал, что она по-прежнему любит Ахи, и, потрясенный, решил: «Пребудь отныне милой мне сестрой». Вернувшись на родину и унаследовав престол скончавшегося отца, Фаррух стал править страной по законам милосердия. Между тем царь Халеба, по навету клеветников, заключил Ахи в тюрьму и приказал его казнить. Купцу удалось убежать в Серендиб, и, как некогда царевич, он обрел пристанище в развалинах. Фаррух, подражая другу, отыскивал в развалинах нищих и странников, предоставлял им приют. Так он нашел Ахи и вновь соединил его с женой. В честь Фарруха и Ахи в Серендибе вошла в обиход простая одежда бедняков, черный палас, что дает поэту повод воскликнуть: «Я сам, когда б удача мне далась, не стал бы шелком заменять палас»

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Бахрам в Золотом дворце

В воскресный день, когда зажглись лучи,
Оделось небо в платье из парчи.

Прекрасен пери золотой наряд,
Ее ланиты розами горят.

А шах — он солнцем бы назваться мог:
Он в золоте от головы до ног.

Он щедро сыплет золото свое,
И купол золотой — его жилье.

Красавица румийка входит в дом.
Она — как солнце в небе золотом,

Вот в желтом кубке — желтое вино,
То пламя в пламени заключено.

Кровавым блеском исходил дворец,
Под сводами как бы пылал багрец.

Бахрам — как саламандра в том огне,
Не саламандра — солнце в вышине!

Он вызов бросил желтому вину,
И вел он с ним до той поры войну,

Покуда солнца лик не пожелтел
И день одежду черную надел:

Закрыл он чернью солнца желтизну...
Красавица, затмившая луну,

По крови — золотого Рума дочь,
За полог свой зашла. Настала ночь.

На ложе золотое шах прилег,
Но светлый сон от шаха был далек.

Опять Бахрам велит слуге идти:
Да будет первый встречный на пути

Сюда, пред очи шаха, приведен,
Поведает о том, что знает он.

На розыски отправился гонец,
И путника привел он во дворец.

И путник шаха услыхал приказ,
И так повел он дивный свой рассказ,

Начав его красивой похвалой,
Приятной и учтивой похвалой.

Рассказ путника, приведенного с дороги в Золотой дворец

«В те дни, когда Джемшида славил мир,
Жил в Руме знаменитый ювелир.

И говорили мудро про него:
Мехами было утро для него,

Небесный круг был горном для него,
Металлы — солнцем горным для него!

Работал он в дворцовой мастерской,
У шаха был доверенным слугой.

Проверкой пробы ведал он в стране,
Был стражем государевой казне.

Из рудников к нему текло добро,
Все золото страны, все серебро,

Ремесленные люди всей земли
Умельца Зейд-Заххабом нарекли.

Он зодчим был, а также мудрецом,
Гранильщиком и златокузнецом.

Сегодня — лекарь, завтра — медник он,
Для шаха — лучший собеседник он.

Философом из любопытства был,
Но только дерзок до бесстыдства был!

Он был искусством с головы до ног,
Но в том искусстве был один порок...

Весна сменяла светлую весну,—
Своей он сделал шахскую казну,

К себе таскал он шахское добро,
Но так как воровал всегда хитро,

То милость в шахских он читал очах,
Хвалил его искусство старый шах,

А люди, слыша эти похвалы,
Боялись говорить слова хулы,

А говорили — шах не слушал слов,
А если даже слушать был готов,—

Обманщик, заглушая голоса,
Показывал такие чудеса,

Умел таким искусством ослеплять,
Что шах безвольным делался опять,

В руках таил такое волшебство,
Что шах почти молился на него!

Однажды шаху молвил ювелир:
«О царь царей! Ты покорил весь мир.

Ты всех владык величьем превзошел,—
Достойным должен быть и твой престол,

О шах! Твой лик — счастливый лик зари.
Пусть прочие владыки и цари

Довольствуются деревом простым,
Но твой престол да будет золотым!

Богата золотом твоя казна,
И не скудеет, множится она.

Зачем в подвалах золото держать?
Зачем ему без пользы там лежать,

Когда ему другое суждено:
Особый блеск тебе придаст оно,

Великолепье — шахству твоему,
Едва на свет его я подниму!»

Всем сердцем принял шах такой совет.
«О светоч знаний! — молвил он в ответ,—

Ты хорошо придумал, чудодей,
Начни же труд желанный поскорей!»

А тот: «О шах! Чтоб я престол воздвиг,
Чтоб золота я существо постиг,

Две тысячи батманов нужно мне».
И шах сказал: «Возьми в моей казне».

Вот, нагружен добычей золотой,
Искусный мастер скрылся в мастерской.

Усердно он трудился день и ночь,
Чтоб вещество искусством превозмочь,

В усильях и бореньях год прошел,—
Был золотой сооружен престол.

Глаза людей манил он, изумлял,
Он миру восемь ярусов являл.

Сияли восемь башен, как стекло,
Высоких, низких — равное число;

Четыре башни — дивной высоты,
На них павлиньи светятся хвосты,

Четыре — низких, в прорезях витых,
Четыре попугая было в них.

В рубинах, рдевших ярко и светло,
К престолу восемь ступеней вело.

Но все с уменьем сделаны таким,
Что, если поднимался шах по ним,

Они склонялись под его ногой,
К ногам одна спускалась за другой.

Но вот он восемь ступеней прошел,
Но вот воссел владыка на престол,—

Тогда ступени поднимались вновь.
Шах поднимал от удивленья бровь,

А попугаи, будто подан знак,
В четыре горла заливались так:

«Да сбудутся твои желанья, шах!
Да будет крепок твой престол в веках!»

А все павлины, полные ума,
Над головою шаха, как Хума,

Вдруг расправляли пестрые крыла,
Чтоб над счастливцем тень от них легла.

Сидение, чтоб возвышался шах,
Уставил мастер на восьми столбах.

Под ними восемь двигалось колес,
И самого себя владыка вез —

Куда хотел, без помощи людей,
По мановению руки своей.

Диковинки вселенной превзошел
Тот самодвигающийся престол!

Такого чуда, выше всех похвал,
Никто из венценосцев не знавал!

Когда людей кудесник удивил
И во дворце престол установил,

Довольный шах, повеселев душой,
Возвысил ювелира пред собой,

Искусника в высокий сан возвел
И расплатился щедро за престол.

Однажды во дворце, в одном углу,
Собратья мастера по ремеслу,

Чей быстрый ум, чей труд ценил народ,
Сказали так: «Престол — как небосвод:

Хоть солнечный он излучает свет,
В нем скрытно серебрится лунный цвет.

Не перечислим всех чудес его,
Две тысячи батманов — вес его,

Но к золоту, заметить не хитро,
Подмешано, бесспорно, серебро.

Украл соперник не один батман!
Но чтобы обнаружен был обман,

Но чтобы шах сумел его понять,
Немыслимо такой престол сломать,

Все превзошедший по своей красе...»
И так как Зейда опасались все,

То ювелиры начали совет:
Как дело вывести на божий свет?

И выход найден был в конце концов.
Добыв двух попугаев, двух птенцов,

Их обучали, приручив сперва,
Чтоб каждый затвердил свои слова:

Один: «Лишь позолочен сей престол»,
Другой: «А позолоту вор навел».

Зеленые, как всех лугов наряд,
Два попугая Зейда посрамят!

Один из заговорщиков нашел
Тропу к тому, кто охранял престол,

Вручив ему немало серебра.
И тот, подумав, обещал: с утра

Двух прежних попугаев заменить,
Доносчиков пернатых посадить,

Чтоб шах услышал не себе хвалу,
А низкому обманщику хулу.

Вот утром на престол садится шах,
Предчувствует хвалебный звон в ушах.

Что ж слышит он, владыка всех владык?
Два попугая поднимают крик,

Два попугая режут напрямик,—
У шаха отнимается язык!

Но так решил, когда пришел в себя:
Замыслил некто, мастера губя,

С ним нынче счеты давние свести,
Но, зная, что у шаха Зейд в чести,

Открыл проступок птичьим языком...
А если так, то правду мы найдем!

И вот напильник золото совлек,
И сразу обнаружен был подлог!

Сумел напильник Зейда обвинить
И оборвать приязни шахской нить.

Шах приказал, узнав его вину,
Отнять его имущество в казну,

А мастера, который так лукав,
В колодец бросить, в цепи заковав,—

В колодец с узким ртом, с широким дном:
Вход — как отдушина, а дно — как дом.

Как ночь разлуки, мрачен и глубок,
Жесток, как одиночества силок,

Насилием воздвигнут, страшен он:
В нем заживо преступник погребен.

В нем Зейд немного получал еды:
Два сухаря, один кувшин воды.

Но тот, кто шаха обмануть хотел,
Предвидел для себя такой удел.

Вот почему запрятал он кинжал,
Всегда напильник под полой держал.

Сказав: «Пускай паденье велико,—
Отречься от спасенья нелегко,

Пусть я в пучину бедствия сойду,
Но для спасенья средство я найду,

Пройду все испытания судеб!» —
Он сделал так: припрятал в угол хлеб,

А воду применил весьма умно:
Изрыв кинжалом глинистое дно,

Замешивал он глину на воде.
Так, дни и ночи проводя в труде

И выбиваясь из последних сил,
К отверстию ступени возводил.

«Воды!» — молил и клял судьбину он,
Стеная, припадал к кувшину он,

И глину, воду получив, месил,
И вновь, рыдая, он воды просил.

Хотя душа едва держалась в нем,
Ступени поднимались с каждым днем,

И много лун прошло, и пробил миг:
Он глиняную лестницу воздвиг.

Перепилив оковы на ногах
И дрожь и слабость чувствуя в руках,

По лестнице взобрался он, идет...
Увы, заложен тяжким кампем вход!

Ужель ему не выбраться отсель?
Кинжалом сбоку просверлил он щель,

Подкоп подвел под камень мастерски,
И каменные разорвал тиски,

И вышел из колодца наконец!
И в дальний край направил путь беглец,

Он в землю франков свой направил шаг...
Когда узнал об этом бегстве шах,

Узнал о том, как в пропасти земли
И труд и разум Зейду помогли,

Кусал от удивленья пальцы он,
И часто вспоминал скитальца он.

А Зейд все шел, не отдыхал в пути.
Он торопился, чтобы жизнь спасти.

И, множество преодолев преград,
Вступить на землю франков был он рад:

У франков не дрожал от страха он,
У франков не боялся шаха он!

В дороге сделав не один привал,
В Кустантынию странник наш попал.

В дороге он приветствовал зарю,
Дорога привела к монастырю.

Измучен странствиями, запылен,
В монастыре остановился он.

Как небосвода голубая ширь,
Был бесконечен древний монастырь,

И храм стоял светло и мирно в нем —
Не храм, а капище, кумирня в нем!

Сверкала позолота потолка,
Пол мраморный — из одного куска,

А стены — в украшениях лепных,
Горят лазурь и золото на них.

Из цельных слитков — каждая стена,
И яшмой облицована она.

Сомкнулись своды, сводам нет числа,
Как будто смотрят своды в зеркала.

Над каждым сводом — яхонт и сапфир,
Под каждым сводом — золотой кумир,—

Каменьев драгоценной красотой
Увенчан каждый идол золотой.

Туда ворота преграждали вход,
Они напоминали небосвод.

Монахи на ночь запирали храм
И снова открывали по утрам...

Придя в восторг от роскоши такой,
Как циркуль, сделав круг одной ногой,

Сказал философ, очарован весь:
«Так много вижу золота я здесь.

Так много здесь добычи даровой,
Что шаху долг я возвращу с лихвой!»

Вот идолопоклонником он стал,
Язычества сторонником он стал,

С неверными он жил, как друг и брат,
У монастырских поселился врат,

Ничем лица не выдал своего,
Стал богом каждый идол для него.

То каменным он застывал столбом,
То бил он перед идолами лбом,

Как пред единым богом мусульман.
И так искусен был его обман,

Что вскоре полюбил его народ,
В нем видя веры истинной оплот,

Избрав его, в душевной простоте,
Наставником в молитвах и посте.

Усердной службой, тяжестью вериг
Он в храме сана важного достиг.

Святыни ложной пламенем горя,
Добился он ключей от алтаря.

Теперь начнет он с капищем войну!
Едва склонялись жители ко сну,—

Привесив к кушаку от храма ключ,
Он мчался в город, словно горный ключ...

Давно, во время странствий, на пути
Двух правоверных он сумел найти,

В дни радостей — служителей своих,
В дни горестей — хранителей своих.

Но гнев и ужас их безмерным стал,
Когда товарищ их неверным стал.

С отступником у них вся дружба врозь,
Когда грехопаденье началось.

Но Зейд пошел и, разыскав друзей,
Поведал им о выдумке своей.

Те счастливы, что стоек в вере Зейд!
Обоих поселил в пещере Зейд:

В скале пещера вырыта была,
Вдавалась в море дикая скала.

Сказал: «Друзья, помочь вы мне должны.
Приборы ювелира мне нужны.

Достаньте их, я не боюсь затрат.
В пещере мы устроим тайный склад».

Друзья сумели мастеру помочь.
В пещере Зейда заставала ночь,

А утром властелин его — Сомнат,
На людях — он поклонник верный Лат.

Но лишь входил в глаза людские сон,
От глаз людских спешил укрыться он

И до утра в пещере мастерил:
Он из железа идолов творил,

Их легкой позолотой покрывал,
Друзей своей работой поражал:

От монастырского неотличим,
Был каждый идол с виду золотым!

И, довершая сходство, ювелир
Венчал камнями каждый свой кумир:

Но то не камни рдели так светло,
То было разноцветное стекло!

Сообщники, дивясь его делам,
С кумиром ночью проникали в храм,

Таясь прохожих добрых и дурных,—
С поклажею два призрака ночных!

Ощупывала идолы рука,
Искала золотого двойника

И ставила поддельного взамен.
Назад две тени двигались вдоль стен.

За ними — храм, огромный и пустой,
А с ними — идол тяжкий, золотой!

И двигались кумиры по ночам:
В пещеру — золотой, поддельный — в храм.

Никто, никто в их тайну не проник,
Так был на образец похож двойник.

За божеством таскали божество,
И в храме не осталось ничего.

Все золото светильников и чаш
Железом заменил искусник наш!

Закончив дело, заболел он вдруг:
По родине тоска — его недуг.

Когда открыл тоски причину он,
Язычников поверг в кручину он:

«Для нас отцом, подвижником ты был,
И мудрецом и книжником ты был,

Зачем стремишься к нашим ты врагам?
Или душой ты охладел к богам?»

А тот: «Я верен божествам вовек,
Но без отчизны скорбен человек.

К тому же боги приказали мне
Направить путь к моей родной стране.

Я нашу Лат умею понимать
И понял: у меня скончалась мать.

Богам усердный собеседник я.
А матери своей — наследник я.

Все золото, что накопила мать,
На нужды храма я хочу отдать.

Свершить я святотатство не хочу,
Я для себя богатства не хочу,

Но, материнским золотом богат,
К Менат и Лат я возвращусь назад.

Хотя в разлуке буду я страдать,
Но мне поможет веры благодать».

И люди, слыша похвалу богам,
Склонились до земли к его ногам:

«Печалит нас известие твое,
Но видим благочестие твое.

Не покидай своих послушных чад,
Благополучно возвратись назад.

В язычестве прослыл ты мудрецом,
И, так как нашим сделался жрецом,

Теперь, когда спешишь к местам родным,
Тебя достойно в путь мы снарядим».

Воскликнул он: «Не вижу в том нужды,
Лишь божествам я посвятил труды!»

А те в ответ: «Помочь тебе — наш долг!»
И он пред уговорами замолк.

Когда прощанья подошла пора,
Ему собрали множество добра,

Шли в храм со всех сторон и чернь, и знать,
Чтоб слово расставания сказать.

Спеша от этих удалиться мест,
Он все же на день отложил отъезд.

Он ящики большие сколотил,
Два идола он в каждом поместил

И — ловкости образчики свои —
Заделал крепко ящики свои.

Всех ящиков набрал он пятьдесят:
Сто истуканов в ящиках лежат!

В скале, в пещере вся работа шла.
Вдавалась в море дикая скала.

На берегу безлюдно было там,
И наготове судно было там:

Отсрочки миг любой — бедой грозил!
Он ящики на судно погрузил

И доброхотных не забыл даров,—
К отплытью мореплаватель готов!

Неверных паства собралась опять,
Чтобы в последний раз его обнять,

Язычники рыдали без конца,
В огонь разлуки бросили сердца,

Но мастер, с виду грустен, втайне рад,
Их так утешил: «У подножья Лат

Найдете вы послание мое,
Прочтете назидание мое».

И вот повел он судно по волнам,
А стадо глупое вернулось в храм.

Послание нашла толпа мирян.
К глазам прижав его, как талисман,

Глазам не веря, все письмо прочла:
В нем описал хитрец свои дела!

Ошеломил язычников обман,
Как при похмелье — бенджа злой дурман,

Все бросились к богам, не чуя ног,—
Железо обнаружило подлог.

Тут крики раздались, стенанья их...
Глядите же на ум и знанья их!

Тем временем хитрец из мусульман
Пересекал, как ветер, океан.

Попутный ветер тоже был силен.
Мелькнули в небе Рыбы, Скорпион,

И на заре наш опытный пловец
Увидел берег Рума наконец.

В те дни румийский шах страдал от мук.
В постель свалил владыку злой недуг.

Лишь ювелир умел недуг прогнать,
Но врач исчез — вернулась боль опять.

Никто не мог владыке угодить,
Никто не мог владыку исцелить,

Недуг его давил, как тяжкий груз,
К усладе жизни потерял он вкус.

Раскаивался в совершенном шах,
Раскаивался, но сильнее чах

И вспоминал, тоскуя и крича,
Лукавого, но милого врача.

Зейд, на берег ступив, решил в тетрадь
Свое повествованье записать:

Он много дел свершал, как волшебство,
Но это — удивительней всего.

Свои пожитки спрятав под замком,
Он в город вечером вошел тайком.

Те самые оковы раздобыл,
Которые когда-то распилил,

Себе жильем колодец он избрал,
Тот самый, из которого бежал.

Властителю, волнуясь и дрожа,
О чуде сообщили сторожа.

Едва ли не из мертвых шах воскрес,
Узнав об этом чуде из чудес!

И прошептал он, слабого слабей:
«Ко мне ведите мудреца скорей!»

Философа приветствуя возврат,
Почетный преподнес ему халат,

Склонил он сердце к милостям таким,
Что своего коня послал за ним.

Тот на коне примчался во дворец.
Порог дворца поцеловал мудрец.

Вступил в покой, поцеловав порог,
Как прах, на землю перед шахом лег.

Шах поднял этот прах и обнял прах,
Сел на престол с желанным гостем шах,

Чтоб, насладясь рассказами его,
Найти отраду в разуме его.

Любимца своего лаская так,
Он подал Зейду руку, дружбы знак.

Поцеловав ее, наш мастер вдруг
Нащупал пульс и понял, в чем недуг,

Стал врачевать и суток через пять
Сумел недуг от шаха отогнать.

Тогда искусник шаху преподнес
Сокровища, которые привез.

От изумленья шах лишился чувств!
Потом сказал: «О гордость всех искусств,

Свои поведай приключенья мне
И побеседуй в поученье мне!»

И тот поведал о своих делах.
Дивясь, внимал его рассказу шах,

Внимал всю ночь, не отходя ко сну!
Зейд отдал все сокровища в казну.

Шах оказал ему такую честь,
Что нам о ней и в книге не прочесть,

Да и не так-то прост о ней рассказ!
И тут же властелин издал приказ:

«Все идолы разбить на сто кусков
И наделить богатством бедняков».

Народ на площадь стали созывать,
Добро Каруна стали раздавать,

Чтоб черноту и белизну одежд
Народ украсил золотом надежд,

Чтоб те обновки радость принесли,
Чтоб все циновки золотом легли!

Шафран, мы знаем, вызывает смех.
Так золото развеселило всех.

На волю вышли узники темниц,
Не золото ли желтизна их лиц?

И вид их так развеселил народ,
Что, чудилось, без чувств он упадет...

Хотя не веселит янтарный цвет,
Им дорожит неблагодарный свет.

Хотя лицо любовью сожжено,
И желтое к себе манит оно.

Пока не станет желтою заря,
Не выйдет солнце, золотом горя».

Все это выслушав, сказал Бахрам:
«Красноречивый гость! Поведай нам

И о себе, и о делах своих,
Ты, рассказавший о делах чужих,

Начни о жизни собственной рассказ.
Умом своим очаровал ты нас!»

И тот сказал: «Моя отчизна — Рум,
Я медицине посвятил свой ум;

Философ я, хочу постигнуть мир,
А предок мой — тот самый ювелир,

О чьих делах поведал я тебе.
Участие прими в моей судьбе:

Я шел сюда, чтоб стать твоим слугой,
Тебя избрал я целью дорогой!»

И путника недимом сделал шах,
Советником любимым сделал шах,

И щедро наградил его Бахрам...
Нашел дорогу сон к его глазам,

И крепким сном заснул Бахрам тотчас,
И до рассвета не открыл он глаз.

ПОНЕДЕЛЬНИК

Бахрам в Зеленом дворце

Вот солнце понедельника взошло,
Небес желто-зеленое стекло

От ржавчины отмыло: засверкал
Небесный свод сверканием зеркал

И пожелал, исполненный причуд,
Чтоб вспыхнула заря, как изумруд,

В таинственном сиянии своем...
В зеленом одеянии своем,

Зеленый тополь взяв за образец,
Бахрам в Зеленый поспешил дворец.

К нему в покои гурия вошла:
Небесная лазурь ее вошла,

Зеленой веткой гибкою вошла,
Со сладостной улыбкою вошла:

Улыбка — сахар нежного стручка,
А зелень хороша, когда сладка!

Игрива, и нежна, и весела,
Царевна кубок шаху поднесла.

И принял шах лазоревый сосуд.
Из рук луны он принял изумруд,

Он пил вино из этих тонких рук,
Покуда неба изумрудный круг

Черней ночного сонмища не стал.
Шах благодатным сном еще не спал,

Печальным думам он предался вновь:
На шаха порчу навела любовь.

Пошли рабы за путником ночным,
Они в степи рассеялись, как дым,

И пешехода из чужой земли
Пред очи шаха вскоре привели.

Шах молвил из-за полога: «Тотчас
Пусть сядет он и поведет рассказ».

И чужестранец, похвалу воздав
Могучему властителю держав,

Прося благословенья божества,
Повел неторопливые слова.

Рассказ путника, приведенного с дороги в Зеленый дворец

«Давным-давно в Египте жил купец.
Богатством наделил его творец.

Был целью бедняков его порог,
Был стол его обилен и широк.

Был у него один счастливый сын:
Во всех искусствах он достиг вершин,

Юсуфа красотою наделен,
Был юноша богат, как фараон.

Его достоинств нам не счесть число.
Светилось ясным разумом чело.

Владел он всем, что было у купца,
Владел он всем имуществом отца!

Науки светской мудрость возлюбя,
Он окружил учеными себя.

Саадом звался. Видел в нем отец
Всей жизни счастье, дней своих венец.

Покои для гостей воздвиг Саад.
Прохожему любому был он рад.

К нему дорогу знали свой, чужой:
Он всех встречал с открытою душой,

Всем путникам предоставлял приют...
Спросив: откуда и куда идут,

Какая цель у них и в чем нужда,—
Он милость им оказывал всегда,

Оказывал гостям в жилье своем
Внимательный и ласковый прием.

Когда же, чуткий сердцем, видел он,
Что гость благодеяньями смущен,

Хозяин с лаской задавал вопрос:
Что видел он? Что знал? Что перенес?

Что, странствуя, стремился он познать?
В какой науке видит благодать?

Саад внимал гостям, как ученик,
Он в тайны сокровенные проник,

Он стал наук заморских знатоком,
Алхимией и волшебством влеком.

Но вот привел непостижимый рок
Двух чужестранцев на его порог,

Одетых в одинаковый наряд:
В зеленое от головы до пят.

Поставил блюда для гостей Саад,
Раскрыл объятья, их приходу рад.

Он ласковым не для приличий был,—
Таков души его обычай был!

Великодушьем он гостей потряс.
Такую милость встретив в первый раз,

Переглянулись оба, замолчав:
Их поразил его приятный нрав.

Желая их развлечь, в один из дней
Хозяин пир устроил для гостей,

Который полон был всего того,
Чего желает наше естество.

Когда вино дыханием паров
Отбросило смущения покров,

Своим гостеприимством сын купца
Пленил навеки странников сердца.

Когда он лаской поразил гостей,
«Откуда вы? — он вопросил гостей,—

Ответьте мне: где жили прежде вы?
В зеленой почему одежде вы?»

А те: «Далек родной страны рубеж,
Она зовется Шахрисабз и Кеш.

На зеркале ее широких вод
Трава, подобно ржавчине, цветет.

Одета вся страна в зеленый цвет,
Кто в ней живет, в зеленое одет.

Как видишь, в зелень мы облачены:
Мы Шахрисабза верные сыны».

«Теперь скажите мне,— спросил Саад,—
Какой диковинкою мир богат?»

Один промолвил гость: «Моя страна
В зеленые одежды убрана,

Благоуханна, как цветущий рай.
В раю цветущем есть нагорный край,

То место называется Кетвер,
А в нем, поднявшись до небесных сфер,

Кумирня гордо своды вознесла:
Она из камня сделана была,

А на ее стенах, со всех сторон,
Был ярко мир зверей изображен.

Опомниться не сможет человек,
Когда найдет в монастыре ночлег:

Узнает он годов грядущих даль,
И радость будущую, и печаль.

Когда он вступит в тот стеклянный храм
И сон к его приблизится глазам,

К нему во сне два странных существа
Придут и скажут вещие слова,

В лицо вперив зрачки недвижных глаз,
По очереди поведут рассказ.

И первое поведает о том,
Что встретит он, идя благим путем;

Поведает второе существо,
Какое горе поразит его.

И станет пробужденному от сна
Вся будущая жизнь его ясна.

Он радостно проснется поутру:
От зла уйдет он и придет к добру».

Так молвил первый странник и затих.
Второй повел начало слов таких:

«В той области живет святой старик.
Он сердцем чист, он разумом велик.

Когда, увидев сон в монастыре,
Узнав о зле грядущем и добре,

Иной постичь не сможет благодать,
Понять не сможет, как от зла бежать,

И станет пред загадкою в тупик,—
Страдальца просветит святой старик.

Так нужно поступить: увидев сон,
Но не поняв, что означает он,

Не зная, как благим путем пойти
И как дурного избежать пути,

Отправься к старцу, расскажи свой сон.
Советом старца будешь умудрен,

И, выполнив его благой совет,
Увидишь ты добра желанный свет».

Саад сознанье потерял: рассказ
До глубины души его потряс.

Он до ночи не отпускал гостей,
Измучил их беседою своей.

Тоскою беспредельною объят,
Бессонницей томясь, решил Саад

Отправиться в зеленую страну,
В кумирню, к удивительному сну.

Настало утро, чей лазурный свет
Наполнил ярким блеском дольний цвет.

Лишенный воли, потеряв покой,
Саад томился темною тоской.

Свое решенье он открыл отцу.
Чтоб сына удержать, пришлось купцу

Принять немало хитроумных мер,
Но юношу влекла страна Кетвер.

Ты болен страстью? С нею не борись,
Одно поможет средство: покорись...

Поняв, что сына удержать нельзя,
Ни уговаривая, ни грозя,

Купец, хотя стонал и плакал сам,
Сыновним все же уступил слезам,

Дитя свое он богу поручил,
Казну свою пред сыном положил

И молвил: «Все возьми, чем я богат!»
Обрадованный, приказал Саад

Собрать в теченье суток десяти
Все нужное для дальнего пути.

Собрал отец по-царски сына в путь,—
Саад царю не уступал ничуть!

Он видел, нетерпеньем обуян,
Верблюдов среброносный караван;

Свисали тяжкие тюки с горбов;
Четыре сотни молодых рабов,

Чьи золотом блестели кушаки,
Привязывали накрепко тюки;

Все, что придумать может человек,
И то, чего не выдумать вовек,

И то, что будет в будущих веках,—
Все было в преизбытке в тех тюках!

Попутчиками сделав двух гостей
И две реки пролив из двух очей,

Вздохнув, простился юноша с отцом.
Отец стоял с заплаканным лицом:

Ему хотелось мертвым сном заснуть!
Саад отправился в далекий путь.

Он торопился: делал он зараз
Два перехода, не смыкая глаз,

Два гостя к рубежам своей земли
Его, подобно ангелам, вели.

Осталась позади степная ширь,
Языческий пред ними монастырь:

До неба своды храма достают!
Брахманы, предоставив им приют,

Преподнесли им яства и питье,
Добросердечье выказав свое.

Саад велел двум спутникам-друзьям
Сейчас же обозреть стеклянный храм.

Они вошли вовнутрь монастыря,
На стены с изумлением смотря.

Сказал один из спутников тогда:
«В храм не входи, чтоб не было вреда!»

Но, болен страстью, пребывал он глух,
Замкнул пред уговорами он слух.

Когда зажглись лучи ночных светил,
Он в крепость монастырскую вступил,

А спутники стояли у стены,
Предчувствием дурным омрачены.

Саад вступил, друзьям не веря, в храм.
Брахман снаружи запер двери в храм.

Всем существом затрепетал Саад.
Ему хотелось убежать назад.

Дрожа, он впал в отчаянье тогда,
Почувствовал раскаянье тогда,

Но было поздно: мраком устрашен,
Увидеть жаждал он чудесный сон.

Но разве сон к тебе отыщет путь,
Когда глаза не в силах ты сомкнуть?

Так было с ним. В испуге и мольбе
Он тщетно сновиденье звал к себе.

Заснул он лишь на утренней заре.
Увидел он себя в монастыре,

В том самом, где нашел себе ночлег,
Где ночь провел он, не смыкая век.

Внезапно два пернатых существа,
Чьи перья — как зеленая трава,

Запели дивным пением и ввысь,
Подобно легким птицам, поднялись,

Над головой Саада сделав круг,
Ему на плечи опустились вдруг.

Одна, чьи перья — ангела крыла,
Сновидцу весть благую подала:

«Тебе в подруги пери суждена,
Прекрасная, как солнце и луна».

За ней другая птица, вестник зла,
Пророческий свой голос подала:

«Твоей судьбою станет грозный див,
Тебя он свяжет, в рабство обратив».

Проснулся, пораженный сном, Саад.
Смущением и трепетом объят,

Он завопил. Восточная заря
Вдруг осветила мрак монастыря.

Он ринулся в смятении к дверям,—
Брахман открыл снаружи двери в храм...

Саад утратил разум и покой.
Томим тоской, он слезы лил рекой.

Свет разума в глазах его померк.
В отчаянье он слуг своих поверг,

И те, исполненные скорбных дум
И обратив лицо к пришельцам двум,

Сказали так: «Сбылось, увы, сейчас
Предупрежденье одного из вас,

Но от другого помощи мы ждем».
Тогда другой, с возвышенным умом,

С приязнью откровенною в глазах
И тайной сокровенной на устах,

Сказал страдальцу: «Помощь такова,—
Мои ты вспомни прежние слова,—

Ты поднимись на горную тропу,
К святому старцу ты направь стопу,

Поможет он тебе, как верный друг,
Прогонит он, быть может, твой недуг».

И все пошли к жилищу старика.
В зеленых платьях два проводника,

К вершинам гор, поднявшимся вдали,
Несчастного к пещере привели.

Паломники вошли, сгибая стан,
В пещере той увидели айван,

А выдолбил его, подняв топор,
Не кто иной, как низвергатель гор.

С трудом пройдя сквозь каменную мглу,
Заметили отшельника в углу:

Как драгоценный камень в руднике,
От мира скрывшись в горном тайнике,

Он возлюбил пещеры темный мир,—
То в мире малом был огромный мир!

Как мир скрывают ночи небеса,
Распущенные скрыли волоса

Его худое тело; как рудник
Таит богатства, в сердце скрыл старик

Науки драгоценную руду;
Причастная духовному труду,

Сияла мудрость на его челе;
Он семь столетий прожил на земле;

Он удалился от пути невежд,
От разочарований и надежд;

К богатству, к власти потерял он вкус:
Без страха жил премудрый Файлакус...

Поражены обличием его
И внутренним величием его,

Молчали гости, трепетно дрожа,
Смиренно руки на груди сложа.

Но понял их смятение старик:
Откинув волосы, открыл он лик.

Он своды озарил, и мрак исчез:
Так солнце озаряет свод небес.

Их встретил с милостью старик святой,
Глаза его светились добротой.

Все гости к праху приложили лбы.
«Саад,— сказал старик,— ты свет судьбы,

Ты — соименник счастья. Узнаю,
Благовеститель, красоту твою!

Сейчас ты мне расскажешь обо всем.
А хочешь — волосок за волоском —

Я сам твою же повесть изложу?
Сам о тебе всю правду расскажу?»

Упав пред старцем ниц, сказал Саад:
«Когда Лукман вещает, все молчат».

Сверкнул улыбкой старца чудный взор.
Главу склоняя, тихий разговор

Повел сердца пленяющий мудрец
О том, где гость родился; кто отец

И мать его; где вырос он; о том,
Как для гостей открыл Саад свой дом;

О том, как он ловил из уст гостей
Диковинки чудесных повестей;

Как путникам он деньги раздавал;
Как, путникам внимая, познавал

Науки совершенство; как постиг
Творения таинственный язык;

Как, выслушав слова пришельцев двух,
Он стал мечтать, и беспокойный дух

От близких и родных его увлек
В дорогу дальних странствий; как он лег

На ложе в монастырской тишине;
Как дивных птиц увидел он во сне;

Как, порицаньем вещим потрясен,
Не в силах был истолковать свой сон...

Саад внимал, надеясь и скорбя,
А старец продолжал: «Я ждал тебя.

Я сновиденью объясненье дам,
Я сновиденью воплощенье дам,—

Пойми: я цель преследую свою!
Тебе я жизнь поведаю свою.

Я некогда верховным был жрецом,
Меня считала паства мудрецом.

Во сне и наяву хотелось мне
Услышать прорицанья в дивном сне,

Мечтал избрать своим ночлегом храм,
Но мудрость преграждала путь мечтам.

И, наконец, мечтанья взяли верх.
Я голос робкой мудрости отверг.

Не сам, а силой странною влеком,
Вошел я в храм в молчании ночном.

«Вот здесь,— решил я,— будет мой ночлег!»
Сон сразу на меня свершил набег.

Открылось в этом сне моим глазам:
Сто тысяч обликов явилось в храм.

И двух существ увидел я полет,—
Ты тоже видел их, мой гость! — И вот,

Слетев ко мне с высот монастыря,
Запели обе птицы, говоря,

И первая сказала: «Будет миг —
Согнешься ты под тяжестью вериг,

Твой день погаснет, с темпой ночью схож,
Обитель ты в пещере обретешь».

Другая возразила: «Кто крылат,
Пусть не скорбит. Тебя спасет Саад.

Хотя стезя к спасенью тяжела,
Перелетишь, почуяв два крыла».

Но тут, испуган речью вещих птиц,
Сон удалился от моих ресниц.

А я смущен великой смутой был,
Раздавлен я тоскою лютой был,

Я вопрошал: «Где толкователь снов?
Где благовест его правдивых слов?»

В огне я бредил и во тьме бродил,
Но толкователя не находил.

Какая мне готовится беда?
Мне вспомнилась пословица тогда,

Я повторял ее на все лады:
«Предчувствие беды страшней беды».

Меня пугало будущее зло,
И вскоре дело до того дошло,

Что я, терзаться не желая впредь,
Одно придумал средство: умереть...

Вдруг старца вижу я. То призрак был?
Но старец так похож на Хызра был,

Что я подумал: это Хызр святой!
Он в рубище облек свой стан худой,

Зеленый посох он держал в руке.
Сказал: «Не плачь, испуганный, в тоске.

Я сон твой истолкую, но сперва
Мне обещай, что все мои слова

Без отговорок примешь ты сейчас,
Исполнишь без докуки мой приказ».

Запечатлев на прахе поцелуй,
Сказал я Хызру: «Сон мой истолкуй.

Я всей душой слова твои приму,
Покорен я приказу твоему».

А тот: «Запечатлей в своем уме
Страницы мудрые Джамасп-наме.

Когда прозренья книгу ты прочтешь,
Ты повесть о самом себе найдешь.

Джамаспа слово для тебя — закон.
Прочти — поймешь, как толковать свой сон.

Но вот условье,— слух свой напряги,—
Ты знанием иным пренебреги.

Науками свой разум не дробя,
Снотолкованью посвяти себя.

Познав науки этой глубину,
Дашь толкованье ты любому сну.

Усердие твое — награда нам.
Ты должен тем, кто ночью вступят в храм

И выйдут утром, скорбью сражены,
Растолковать мучительные сны,

Утешить слабых должен ты, как врач,
Развеять их печаль, унять их плач».

Сказав, исчез. Я волю дал слезам,
Я приложил глаза к его следам.

Был след его стопы, как свет во тьме!
Я встал, пошел, раскрыл Джамасп-наме,

На той странице книгу я раскрыл,
Где обо мне провидец говорил.

И вот его слова: «В такой-то век,
В такой-то год, такой-то человек,

Чей разум высшим знаньем просвещен,
В монастыре заснув, увидит сон.

Познает пламенное горе он,
Но пусть поднимется в нагорье он.

В пещере пусть отшельником живет.
Сто лет промчит времен круговорот,

Пройдет столетье, как единый миг,—
Постигнет он значение верниг.

Благая весть придет к нему тогда.
Над ним взойдет счастливая звезда,

То есть: придет счастливый человек,
Чей путь его дорогу пересек,

Чье прозвище — Саад, чей счастлив лик,
Чей скорбный сон тяжеле всех вериг.

К пещернику придя, попросит он
Растолковать его ужасный сон.

Едва найдет желанное Саад,
Поняв свой сон и не страшась преград,

Свой сон поймет и толкователь сна,
Загадка станет для него ясна.

Он таинства небесные поймет,
Все небо мыслью быстрой обоймет,

Украсит он собой сады небес,
Проникнет ум его в труды небес;

Ничтожеством считая небосвод,
Отшельник тот над небом власть возьмет,

В пещере темной умерщвляя плоть,
Сумеет он страданье побороть.

Настолько станет дух его велик,
Сильнее плоти, всех ее вериг,

Что внидет он, не ведая оков,
В сокровищницу мудрости веков.

Вот объясненье первой части сна.
А часть вторая так объяснена:

Кто светлой мыслью к небу воспарил,
Почуял силу двух духовных крыл».

Когда проник я в смысл чудесных строк,
Пещеры я переступил порог,

Я целое столетье в ней провел,
Я людям подавал благой глагол,

Я размышлял о зле и о добре.
И тем, кто видел сон в монастыре,

Я, сновиденья объясняя суть,
Указывал к добру тернистый путь.

Я часто думал: счастье обрету,
Когда твою увижу доброту.

Сто лет промчалось на моих глазах,
И ты пришел. Благословен аллах!

Сейчас услышишь толкованье сна.
«Тебе в подруги пери суждена»,—

Вот первой птицы вещие слова.
Разгадка прорицанья такова:

О дочери царя слова гласят.
На ней блестит лазоревый наряд,

Сурьма для солнца — след ее ноги.
Отец ее, пред кем дрожат враги,

Чья гуще трав бесчисленная рать,
Решил столицей Шахрисабз избрать.

Подобно пери шахское дитя.
Красавицу соперницей сочтя,

Питают пери зависть ныне к ней,
А гурии годны в рабыни ей.

Старуха неба, зеркало держа,
Ее причесывает. Госпожа

Считает солнце зеркалом своим.
Нет, лучше с ясным солнцем мы сравним

Ее красу: она весь мир сожгла,
И рядом с ней тускнеют зеркала!

Пред ней, восторг в смущенье заглуша,
Глаголющая замолчит душа.

Язык пред ней немеет, слишком груб,
Живой водой блестят рубины губ.

Подобно Хызру вещему, она
В зеленое всегда облачена.

Ее лицо — как райский цвет живой,
Что всходит над зеленою травой.

Она для шаха — радости ручей,
Она — зеница, свет его очей.

Шах на вершине горного хребта
Построил крепость. Башня поднята

До самых туч. Она, превыше гор,
Бросает небосводу свой укор.

Посередине крепости дворец
Воздвиг для гордой дочери отец.

Вокруг дворца — три крепостных стены,
И башни на стенах возведены.

В стенах обширных — крепкие врата,
До неба их доходит высота,

Тропа ведет к подножью этих врат,
Она полна немыслимых преград.

У первых врат на страже — великан,
Свирепый негр по имени Катран.

Пред ним, как муравей, бессилен слон,
А каждый волос на плечах — дракон,

Но волосы и шеи и спины —
Слоновыми назваться бы должны!

Как страж небес, как полуночный мрак,
Стоит он, и пред ним трепещет враг.

Мудрец, который знанием богат,
На страже встал у следующих врат.

Перелистал он сотни древних книг,
Он крепость эту шахскую воздвиг.

У третьих врат старуху мы найдем.
Ей любо заниматься колдовством.

В коварстве, в хитрости, в науке зла
Она старуху неба превзошла.

Нельзя ее свирепость обмануть,
Не смеет ветер в крепость заглянуть.

Заглянет птица — выпадут крыла,
Заглянет муха— и сгорит дотла.

Волшебный пламень жжет все горячей,
Он может камень превратить в ручей...

Царевна, с сердцем каменным луна,
К супружеству презрения полна.

Она, недосягаема для глаз,
В той крепости от мира заперлась.

Но мир, наслышан о ее красе,
Стремится к ней: о ней мечтают все,

Хотя повергнут в страх влюбленный мир:
Его сердцегубительный кумир

Условье ставит, гордо говоря:
«Будь это грозный царь, иль сын царя,

Иль мудрый муж, прославленный вовек,
Иль просто благородный человек,

Но каждый, кто в сердечной глубине
Взлелеял мысль о близости к луне,

Кто речь, когда негаданно придет,
О брачном договоре заведет,

Пусть как ему угодно: колдовством,
Коварством, силой, хитростью, умом —

Ворота шахской крепости возьмет!
Дойдя до первых крепостных ворот,

Пусть победит сперва Катрана он.
Его связав, пусть невозбранно он

Приблизится потом к вторым вратам.
Мудрец ему задаст вопросы там.

Когда ответов он найдет язык,
Поставит вопрошавшего в тупик,

Пусть до последних он дойдет ворот:
Там победителя колдунья ждет.

Когда он, силой знанья своего,
Старухи уничтожит колдовство,

Когда, с противником расправясь так,
Он водрузит над крепостью свой стяг,

Над крепостью явив права свои,
Он завладеет крепостью любви.

А нет,— он будет схвачен, как злодей,
С позором выгонят его людей,

Пусть на себя тогда пеняет сам:
Его убьют, останки бросив псам,

А голову, всем прочим в образец,
Поднимут вверх, на крепостной зубец».

Условье гордой пери тяжело,
И дня еще такого не прошло,

Чтоб не был умерщвлен один из тех,
Кого манил и обманул успех.

Для псов добычей стали храбрецы,
Чьи головы воздеты на зубцы...

Но ты не трепещи, судьбу кляня.
В пустыню страха не гони коня:

Красавицу соединю с тобой,—
Она тебе назначена судьбой.

Тебе с подругой сблизиться пора,
Тебя наставлю я на путь добра».

Когда премудрый так проговорил,
Он раковину гостю подарил,

И несколько волшебных слов подряд
Он начертал, чтоб заучил Саад.

Еще одну записку написал
И, юноше вручив ее, сказал:

«Вставай и отправляйся в путь скорей.
Вожатыми ты сделай двух друзей

В зеленых платьях: не теряя дня,
До Шахрисабза ты гони коня.

Зеленый город — всех стараний цель.
Когда же ты достигнешь тех земель,

Ты спутников к царю отправь тотчас:
Пусть обо всем доложат без прикрас.

Шах скажет: «Негра победи сперва».
Вступи в борьбу, но затверди слова,

Которые тебе я начертал,—
Их чарами владея, начертал:

В них мощь твоя, они — твой талисман,
Пред мощью их беспомощен Катран!

Как только в раковину дунешь ты,
Когда сквозь раковину плюнешь ты,

В какое б место ни попал плевок,
Твой враг заснет, и будет сон глубок.

Ты возликуй, Катрана победив:
Когда в борьбе погибнет черный див

И будет крепость первая взята,—
Раскроет радость пред тобой врата,

И ступишь ты уверенной ногой,
И так дойдешь до крепости другой.

Ты будешь остановлен мудрецом.
Ты будешь поражен его лицом,

В глазах увидишь мудрости лучи.
Мою записку ты ему вручи.

Смирится пред тобой, ее прочтя,
Поможет он тебе, мое дитя.

Он с высшею премудростью знаком,
Он стал мне сыном и учеником.

Развеет он старухи колдовство,
И счастья ты достигнешь своего».

Так молвив, улыбнулся он светло,
Поцеловал он юношу в чело,

Напутственное слово произнес:
«Удачлив будь! Ты счастье мне принес,

Теперь за счастьем ты своим иди.
Спеши: преграды будут впереди».

С порога старец крикнул: «Счастлив будь!»
Саад, повеселев, пустился в путь,

Луга пересекая и поля...
И показалась, наконец, земля,

Покрытая зеленою травой,
Слиянная с небесной синевой.

Терялся в небесах ее рубеж:
Предстал пред путниками город Кеш.

Саад сказал своим проводникам:
«Ступайте к шаху во дворец!», а сам

Верблюдов он развьючить приказал,
Устроил посреди степи привал.

Явились к шаху два проводника
И повесть начали издалека

О том, как непостижная звезда
Саада издали вела сюда.

Они хвалили ум его и нрав,
Его радушью должное воздав.

К ним шах склонил свой милостивый слух:
Друзей и слуг он видел в этих двух,

Он твердо знал, что их рассказ правдив.
Уже к Сааду сердце обратив,

Приязнь к нему почувствовав, приказ
Двум правдолюбцам отдал он: «Тотчас

Помчите вы коней к его шатру,
Я к завтрашнему жду его утру».

Наутро уроженцы той земли
К властителю Саада привели.

Шах, увидав его счастливый лик,
Утешился душой и в тот же миг,

Едва на юношу он бросил взгляд,
Решил: ему, как сердце, мил Саад!

Шах возвеличил гостя и вознес
И благопожеланье произнес.

Упал пред ним Саад, целуя прах,
Но поднял гостя милостивый шах

И оказал невиданную честь:
Велел ему перед престолом сесть.

Когда чужой и свой, собравшись тут,
Вкусили вдоволь от богатых блюд

И шах узнал от сведущих двоих,
От добрых верноподданных своих,

Желанье юноши,— сказал он так,
И это был расположенья знак:

«Был труден, утомителен твой путь,
Саад, сейчас ты должен отдохнуть.

А завтра час борьбы назначу я.
Предчувствую твсю удачу я».

Тогда Саад направился к шатру.
Друзей и слуг собрал он на пиру.

Он пил вино, и сладостный кумир
Незримо украшал веселый пир.

Мрак над землей свой полог растянул,
Не раз ночной менялся караул,—

Опьянены и сражены вином,
Пирующие спали крепким сном.

Для пьяного — все беды позади:
Хмель — в голове, любимая — в груди.

Саад покинул свой шатер, ведом
Отвагою, любовью и вином.

Не видели друзья, пьяным-пьяны,
Как он дошел до крепостной стены,

Как падал он, как поднимался вновь,
Как опьяняла пьяного любовь,

Как вопли он, шатаясь, издавал:
Он о любви к возлюбленной взывал...

А в это время кровожадный негр,
Что, словно дым, восстал из горных недр,

Чья грудь бесстрашна, чьи глаза остры,—
Расхаживал на выступе горы.

Он стражу нес у крепостных ворот,
Вдруг слышит: голос плачет и зовет.

На голос он с крутой горы сбежал,
Держа в руке безжалостный кинжал.

Он увидал сраженного вином:
Сознания свеча погасла в нем!

Сперва хотел убить его Катран,
Но передумал черный великан.

Сказал: «В пещере пьяного запру.
Когда же мир проснется поутру,

Убью при всех. И завтрашний мой враг,
Взглянув на мощь мою, почует страх,

И я затрепетавшего убью,
Народу силу покажу свою,

Чтоб восхвалял меня и стар и млад».
Катран, жестокому решенью рад,

К пещере приволок его, свиреп.
Пещера та напоминала склеп.

В тот склеп Саада бросил черный див,
Связав и руки на спине скрутив.

Он завалил тяжелым камнем вход,
На страже встал у крепостных ворот...

Заснул влюбленный, хмелем побежден.
Когда заря взошла, развеяв сон,

Он вспомнил, что произошло вчера,
Как пьяный, убежал он из шатра,

Как, пьяный, крепости вчера достиг,
Тогда слова, что написал старик,

Он стал читать, их повторяя вслух,—
И в тело мощь вошла такая вдруг,

Что выпрямился в мрачном склепе он,
И разорвал стальные цепи он,

От входа камень отвалил рукой
И быстро побежал с горы крутой.

Не озирался он, к друзьям спеша:
Взволнована была его душа.

Когда стоянки он достиг своей,
Застал он огорченными друзей:

Исчезнув ночью, он расстроил их.
Но ласково он успокоил их,

Вскочил в седло и поскакал на бой...
Жестокой удручен его судьбой,

Неисчислимый заполнял народ
Ристалище у крепостных ворот.

Посередине возвышался шах,
А злобный негр, внушая людям страх,

На исполинском гарцевал коне.
Подобная и солнцу и луне,

Глядела пери на Сатурна цвет,
Струя из башни свой лазурный свет.

Блуждал Катрана кровожадный взгляд.
Так думал негр. «Появится Саад,—

Убью хмельного пленника при всех,
Саада испугает мой успех».

Едва на поле прискакал Саад,—
Воитель черный поскакал назад,

Людей немало этим удивив.
Войдя в пещеру, поразился див:

Исчез вчерашний пленник без следа!
В Катране ярость вспыхнула тогда,

Он ринулся на бой, угрюм и зол.
Воинственный Саад с коня сошел.

Они вступили в рукопашный бой,—
Не побеждал ни тот и ни другой.

Не страшен был Сааду великан:
Ему помог священный талисман.

Он раковину приложил ко рту
И плюнул через раковину ту,

И брызнула снотворная слюна,
И сделался Катран добычей сна.

Саад взметнул его над головой
И бросил наземь с силою такой,

Что появилась трещина в скале,
Остался отпечаток на земле!

В народе грянул изумленья крик,
Он купола небесного достиг!

Когда Саад Катрана превозмог,
Он положил его у шахских ног,

Спросив: «Что делать дале? Повели!»
Саада по дороге повели

К вторым вратам, где пребывал мудрец,
Вход преградив к царевне во дворец.

Саад его лицом был поражен,
Он сотворил с достоинством поклон,

Вручил ему записку старика.
Тот задрожал, раскрыв ее: рука

Наставника писала те слова!
Ко лбу записку приложив сперва,

Он стал читать: отшельника перо
Приказывало сотворить добро.

Готовый пред Саадом наземь лечь,
Премудрый страж повел такую речь:

«Наставнику я предан своему.
Где смелости, где силы я возьму,

Чтоб повторить высокие слова?
Душа святого старца в них жива!

Исполнить я готов приказ его:
Старухи уничтожу колдовство».

Смотрел народ, столпившийся вдали,
Как эти двое разговор вели,

А страж сказал: «Колдунья — звук пустой,
Изображенье, созданное мной.

Хотя людей измучила она,
Не человек, а чучело она.

Ее прославленное колдовство —
Обман и ловкость, только и всего.

Приблизясь к ней, ударь старуху в грудь,—
И в храм любви свободен будет путь».

Поставив стража якобы в тупик,
Вновь к шаху обратил Саад свой лик,

Спросив: «Что делать дале? Повели!»
И вот его к старухе повели.

Все разбежались у ее ворот.
Один Саад бесстрашно шел вперед.

За ним стоял немолчный шум людской:
Был подвиг удивителен такой!

Вокруг старухи — тысяча смертей,
Над головой — огнеобразный змей.

Саад, не испугавшись ложных чар,
По высохшей груди нанес удар.

Тогда старуха зашаталась вдруг,
На множество кусков распалась вдруг:

То были тряпки. Связывал их клей,
Из ниток сделан был ужасный змей.

Откуда ж эти грозные огни?
Из пестрых тряпок сделаны они!

Разрушив чародейства мнимый ад,
Вернулся к шаху радостный Саад.

Шах, как отец, его поцеловал,
Любимым сыном он его назвал!..

«Зеленый рай»,— так прозван был цветник,
В котором старый шах дворец воздвиг.

Зеленому дворцу дивился мир,
Был во дворце устроен брачный пир:

Обвенчан ангел с пери молодой,
Слилась денница с утренней звездой!

Владыка вскоре в лучший мир ушел.
Счастливец унаследовал престол.

Саад в Зеленом восседал дворце,
В зеленом одеянье и венце.

В вазиры взял он правдолюбцев двух,
К словам народа он склонял свой слух.

Его кумир, красив, розоволик,
Зеленый шелк носил, как базилик.

Весельем ясным душу просветлив,
Был новый шах к народу справедлив,

Была его лицом озарена
Веселая, зеленая страна.

Зеленый цвет нам всех цветов милей:
Он — цвет весны, садов, лугов, полей.

Когда несчастья змеи к нам вползут,
Их ослепит зеленый изумруд.

Красавца молодого берегись:
Он строен, как зеленый кипарис.

Недаром Хызр в зеленое одет:
Бессмертье нам дарит зеленый цвет!»

Когда рассказчик смолк, сказал Бахрам:
«О чужеземец! Ты поведай нам:

Где корень твой, начало бытия?»
Ответил странник: «Родина моя —

Град Шахрисабз, а предок мой — Саад.
На мне зеленый видишь ты наряд».

Бахрам, узнав, кто этот человек,
Его градоправителем нарек;

И сразу, позаботившись о нем,
В ту ночь заснул он беззаботным сном.

ВТОРНИК

Рассказ путника, приведенного с дороги в Красный дворец

Индийский царь Джуне, щедрый и справедливый, узнал о том, что в подвластном ему городе Таразе живет юноша Масуд, который превосходит царя своей щедростью. Скрыв свое имя, Джуне приехал к Масуду, и тот подарил неизвестному гостю множество драгоценных даров, а среди них — чудодейную чашу, розовоцветного коня, прекрасную певицу и музыкантшу. Тразом в это время правил жестокий Джайсур: «Народ попал правителю в тиски, чей сан высок, а помыслы низки». Царь приказал сместить Джайсура с поста и назначить Масуда правителем Тараза. Тогда Джайсур, по совету своего помощника Маллу, похитил Масуда и бросил его в подземелье. Дочь тирана, давно уже тайно влюбленная в Масуда, вызволила пленника из подземелья и убежала вместе с возлюбленным из Тараза. Когда они вступили в столицу Индии Дехли (Дели), их ограбили разбойники. Масуд, чтобы заработать на пропитание, стал разносчиком, он пришел в царский дворец в качестве продавца плодов. Во дворце он увидел свои дары — чашу, коня, музыкантшу, узнал в царе своего неизвестного гостя. Узнал его и Джуне, и сделал его правителем Тараза, а Джайсура и Маллу предал казни: «Друзья лежат на розовых коврах, в крови, как в розах, утопает враг»

СРЕДА

Рассказ путника, приведенного с дороги в Голубой дворец

Михр, дочь Новдера, владыки островного государства, попала в плен к морскому разбойнику Джабиру. Ее жених Сухейль, сын йеменского царя Нумана, отправился на корабле к невесте. Подула буря и пригнала корабль к острову, где Джабир устроил свой разбойничий притон. Джабир бросил Сухейля в подземелье. Цари Нуман и Новдер, один по суше, другой по морю, отправились, во главе своих войск, на выручку царевича и царевны. Новдер, отстав от войска, попал в плен к Джабиру: «Урок царям: не покидайте рать, когда хотите царством управлять». Морской разбойник взял в плен и царя Нумана. С помощью Михр ее жених выбрался на волю, уничтожил разбойника, освободил всех его пленников. «Смотри: свиданья нить в конце концов связала двух детей и двух отцов»

ЧЕТВЕРГ

Рассказ путника, приведенного с дороги в Сандаловый дворец

Правдолюб Мукбиль и завзятый лжец Мукбир, потерпев кораблекрушение, пристали на челноке к неведомому острову, на котором рос огромный сандал. В дупле сандала бежал ключ, а рядом, на камне, надпись гласила, что, если из ключа напьется правдивый человек, то он проживет целый месяц, не нуждаясь в воде и в пище, «а если лжец хлебнет воды глоток,— насытится лишь на короткий срок», а именно — на три дня. Испив этой воды, нельзя лгать, не то «вмиг разорвется брюхо у лжеца». Если, гласила далее надпись, в воду нырнет лжец, то он сгорит в воде, а правдолюб увидит в ней чудо. Едва сунул ногу в воду Мукбир, как вода, вскипев, обожгла ногу. Когда нырнул Мукбиль, перед ним возник под водой сандаловый дворец, где его обворожила красавица. Утром Мукбиль проснулся на берегу ключа. Он снова нырнул в воду, но уже не нашел ни дворца, ни красавицы. Он увидел другую надпись на камне, повелевавшую ему немедленно уплыть в море. Скрыв от Мукбира все, что с ним произошло под водой, Мукбиль отправился со своим спутником в море. Они пристали к судну, груженному сандаловым деревом. Все корабельщики были мертвы. Сандаловое дерево, в качестве снадобья, предназначалось дочери восточного царя, страдавшей головными болями. Буря кружила корабль целый год, припасы кончились, корабель-

щики скончались от голода. Мукбиль и Мукбир пустились в море на корабле мертвецов, и корабль пристал к берегу страны восточного царя. Мукбир сказал царю, что он торговец, везет сандаловое дерево, что на корабле в живых остались только он и его раб Мукбиль. Едва лжец произнес эту ложь, как «затрещал халат, раздался скрип, и брюхо лопнуло, и он погиб». Мукбиль поведал царю всю правду, и тот женил Мукбиля на своей дочери. Оказалось, что царевна — именно та красавица, которую увидел Мукбиль в подводном дворце. Чудесное видение под водой сотворил влюбленный в царевну джинн. Царевна говорит мужу: «Сперва изображенье ты познал, потом со мной сближенье ты познал»

ПЯТНИЦА

Бахрам в Камфарноцветном дворце

Чуть алебастром выбелил восток
День пятницы, высокий сей чертог,—

Фигляр небес во весь явился рост,
В широкий рот бросая зерна звезд.

Поднялся жар горячечный небес,
А в это время в прачечной небес

Отмыла прачка утреннюю ткань,
Наполнив пеной солнечной лохань.

Одетый в белый шелк, явился шах,
И потонул весь мир в его лучах.

Шах солнцем светозарным засиял,
Под куполом камфарным засиял.

Царевна, облачившись в белый шелк,
Была готова свой исполнить долг.

В одеждах белых были гости там.
Белел престол слоновой кости там.

Уселся на престоле шах Бахрам,
Вновь обратив свое лицо к пирам.

Красавица, в Китае рождена,
В китайский кубок налила вина.

Хоть кубок сей — китайским кубком был,
Но, сделан из фарфора, хрупким был.

До вечера Бахрам с царевной пил,
Он более, чем каждодневно, пил!

Когда погасло солнце ввечеру,
Когда рассыпал месяц камфару,

Бахрам, заснуть возжаждав до утра,
Лег под навесом белого шатра.

Среди гостей присутствовал мудрец,
Скиталец, мыслей-жемчугов ларец.

Он, сидя пред веревками шатра,
Молиться стал, исполненный добра:

«О шах! Пусть превратится в твой навес
Необозримый древний свод небес,

Пусть раем станет белый твой дворец!»
Молитву сотворив, сказал мудрец:

Рассказ путника, приведенного с дороги в Камфарноцветный дворец

«Я много видел на своем веку,
Из виденного сказку извлеку.

В трудах дорога пройдена моя,
Страна Хорезма — родина моя.

Дорога музыки — русло мое,
Игра на сазе — ремесло мое.

Постиг я, музыку держа в руках,
Науку о ритмических кругах.

Со мной в моем высоком ремесле
Никто не в силах спорить на земле.

Я обучаю музыке людей,
Верней, учитель я учителей.

Вот слух промчался из конца в конец:
Китай покинув, к нам идет купец:

Сокровищам его потерян счет,
Невольница его — сердца влечет.

Хотя ходжа неслыханно богат,
Она красой богаче во сто крат.

При красоте, с ума сводящей мир,
Еще пленяет голосом кумир

И якобы игрою колдовской.
Хорезм, волнуясь, потерял покой,

Встречать купца весь город вышел вдруг,
Чтоб убедиться: справедлив ли слух?

Все оказалось правдою: купец,
Богобоязненности образец,

Владельцем был бессчетного добра.
Молился он от ночи до утра:

Он был подобен утренней заре
На маленьком молитвенном ковре.

Не менее, чем он, была знатна
Невольница его: свой род она

Вела от неба, гурии сродни,—
Ее владельца с ангелом сравни!

Рука его, как море, широка:
Жемчужиной владела та рука!

Ее лицо — как солнце, но оно
За облаком всегда затаено,

Нет, облаком одето камфары,—
То покрывало цвета камфары!

Все, что на ней, сияло белизной,
Красавица отвергла цвет иной.

Был слышен голос юный каждый день,
Она ласкала струны дважды в день,

За пологом налаживала чанг,
Рукою завораживала чанг,

Созвучен струнам был ее напев,
Пленялся весь Хорезм, оцепенев,—

Полдневною, полночною порой —
Волшебною восточною игрой!

Ее дворец весь день со всех сторон
Был толпами влюбленных осажден,

Но в дом никто еще не заглянул,
Никто поднять завесу не дерзнул,

Лишь каждый день, сраженный наповал,
В толпе влюбленных кто-то умирал.

Сердцами полновластно завладев,
Погибель приносил ее напев,

Но музыка так сладостна была,
Что и погибель радостна была.

Настраивала гурия струну —
Расстраивала гурия страну.

Смятенье очарованных сердец
Известным стало шаху наконец.

Хотя мечтал призвать он госпожу,—
Не мог унизить знатного ходжу.

Сменив наряд богатый на простой
(Любовь сближает шахов с нищетой),

Безумное желанье возымев
(Сильнее шахов девичий напев),

В толпу влюбленных скрытно он проник,
Посредниц к пери он послал в цветник,

В ее подруг посредниц превратил,
В служанок, в собеседниц превратил.

Вот их рассказ: душа чиста ее,
Красивей пенья красота ее...

Но шах прервал слова ее подруг:
Огнем любви он загорелся вдруг,

Желая луноликую познать,
Красу ее великую познать.

Он обезумел: он решил уже,
Что станет сыном знатному ходже,

Но цели не достиг он дорогой —
От богача пришел ответ такой:

«Ты ласковое слово произнес,
Раба ты возвеличил, превознес,

Пылинку ты возвысил до светил,
Нет, к небесам ты землю приобщил!

По сану я — скромнейшего скромней.
Достичь ли мне высоких степеней?

Но если бы ты этим пренебрег,—
Что пользы в том? Со мной враждует рок!

Узнай всю правду, обладатель благ:
Прекрасной пери ненавистен брак.

Она весь мир затмила красотой,
Никто не может стать ее четой.

Она тверда в решении своем:
Да будет воля шаха в остальном...»

Такой ответ покоя не принес,
Шах не жалел посулов и угроз,

Кричал, просил, бледнея и дрожа,
Но слов своих не изменял ходжа.

Тогда увидел шах: любовь сильна,
Владыкам не под силу с ней война,

Увидел шах: он должен будет пасть,
Когда не призовет на помощь власть!

Он приказал доставить во дворец
Игрушку, искушение сердец.

Исполнили придворные приказ,
Доставили красавицу тотчас.

В своем решенье ложном укреплен,
Мечтой о невозможном побежден,

Направился он радостно к луне.
Поняв его намеренья вполне,

Луна Чигиля в руки чанг взяла
И музыки расправила крыла,

И песня зазвенела струнам в лад,—
Как музыка, напев ее крылат!

Был шах в небытие перенесен,
Напев на всех навеял сладкий сон,

Все во дворце заснули, онемев,
Всех памяти лишил ее напев.

Игрой заворожив дворец немой,
Волшебница направилась домой.

Проснулся шах, проснулся шахский двор,
Шах вздрогнул, бросил изумленный взор.

Он приказал колдунью привезти,
Красавицу, шалунью привезти!

Вновь зазвенел чарующий напев.
Вновь шах его заслушался, замлев.

На всех внезапно сон свершил набег,—
Ушла домой рожденная для нег.

Влюбленный шах пытался вновь и вновь
Завоевать красавицы любовь,

Но гурия боролась всякий раз,
И помогал ей голос всякий раз!

Шах понял, что могуч ее напев,
Смирился, пораженье потерпев.

И вот пришел к ходже смиренный шах
С открытою приятностью в речах.

Устроив пир, он рядом сел с купцом,
Ласкал его и называл отцом.

Пред покрывалом белым он стоял
И языком несмелым умолял

Простить его: хотя он шахом был,
Но для красавицы он прахом был!

Он клялся, что, пленен ее игрой,
Ее считает дочерью, сестрой.

Она, не видя в нем отныне зла,
Его отцом в смущенье назвала

И зажила среди цветущих роз,
Отныне шахских не страшась угроз.

В укромной келье, сделанной купцом,
Беседовала гурия с творцом.

Хотя светлей зари ее атлас,
Струились звезды слез из ясных глаз.

Бела ее одежда — для кого?
Светла ее надежда — на кого?

О ком она мечтает по ночам?
Зачем она рыдает по ночам?

О чем скорбит невинная душа?
Не знает ни единая душа!

Настанет утро — песня вновь звенит,
Рыдает песня сладкая навзрыд.

Настанет утро — вновь звенит струна,
Тоска разлуки в музыке слышна.

И плачут все, когда она поет,
И за живое музыка берет.

До вечера молитвой занята
Ее благочестивая мечта.

Настанет вечер — снова плач людей,
И снова шах среди ее гостей.

Внимал незримой музыкантше он,
Сознание терял всех раньше он.

Таким высоким гостем дорожа,
Его отменно потчевал ходжа,

На все лады заботу выражал,
Властителя с почетом провожал.

Из-за пиров под кровлею ходжи
Расстроилась торговля у ходжи!..

В Хорезме я давно пленил сердца
Искусством музыканта и певца.

В напевах руда проходил мой день,
Как песнь, как чудо, проходил мой день.

Дастаны распевал я на пирах,
Но музыкантшей был растоптан в прах.

Дошел волшебный голос до меня,
И сердце раскололось у меня.

Народ превозносил ее напев,
К моим чудесным звукам охладев.

Вся жизнь мне опостылела тогда,
А сердце обессилело тогда.

Но я придумал, как беде помочь,
Как отогнать печаль и смуту прочь.

Я камфары так много проглотил,
Что сердца жар навеки остудил.

От силы я избавился мужской,
В девический направился покой.

Сидел в гареме радостный богач,
Когда внезапно испустил я плач.

В ответ услышал я слова ходжи
И гурии невидимой: «Скажи,

О чем твой стон? В каком горишь огне?»
А я: «От вас была обида мне».

Они: «Клевещешь, странник, ты сейчас,
Обида не в обычае у нас.

Быть может, нас ты принял за других?
Но впредь ошибок избегай таких!»

Сказал: «Я все же на своем стою:
Должны вы повесть выслушать мою,

Вознаградить меня за правоту
Или прогнать меня за клевету».

«Начни»,— сказали. Помолясь сперва,
Неспешно я повел свои слова.

Смеясь, мою признали правоту
Купец в чалме и кипарис в цвету,

Пока не стал я говорить ясней,
Как я мечтаю до скончанья дней

Жить возле пери, во дворце ее,
Найти наставницу в лице ее,

Все дни свои дастанам посвятить,
Занятьям неустанным посвятить;

Пусть долговечен буду я, как Нух,—
Ее напевы мой насытят дух,

А если пищу мне подаст ходжа,
Я буду счастлив, двум друзьям служа.

Хотя сейчас безволен я и слаб,
Я царь в своем искусстве, а не раб!

Учитель я средь хижин и дворцов,
Хорезмских музыкантов и певцов.

Я в музыке сильней, чем Афлатун,
Но все же мастер я, а не колдун.

Постиг я суть искусства своего,
Но пери нам явила волшебство:

Где слыхано, чтоб, сладко зазвенев,
И сеял смерть, и жизнь творил напев?

Так сетовал и жаловался я,
Так плакал и печаловался я.

И, тронув эти мягкие сердца,
Услышал слово ласки от купца:

«Когда ты нам свой разум посвятишь,
Когда наш слух ты сазом усладишь,

Я позабочусь о твоей судьбе.
Но как мечту осуществить тебе —

Стать гурии наперсником, слугой?
Как может муж войти в ее покой?»

А я: «Себя избавьте от забот:
Во мне мужская сила не живет.

Я был игрою пери посрамлен,
Как жалкий подмастерье побежден.

Готовя для содружества себя,
Навек лишил я мужества себя.

Из-за ее пленительной игры
Так много проглотил я камфары,

Что охладил навек я плоть свою;
Пред пологом камфарным я стою:

Пусть ваш слуга, Кафуром наречен,
От полога не будет отлучен!»

Их поразил мой искренний рассказ.
Они осмотр устроили тотчас

И, убедившись в том, что был я прав,
Мне выказали дружбу, приласкав.

Вступил в девичий заповедник я.
Служил ходже как собеседник я.

Пред пологом — советник я ходжи,
За пологом — наперсник госпожи,

И так как нас сближало ремесло,
То смысл существованье обрело.

Когда я, жизни смысл уразумев,
Стал вслушиваться в сладостный напев,

Его тоски я глубину постиг;
Был голосом влюбленной — каждый стих,

Унылы были звуки в тех стихах,
Звенела боль разлуки в тех стихах.

Людей вдали, со мной наедине,
Красавица рыдала в тишине...

Она явила мне свой добрый нрав,
Меня своим наперсником избрав,

До полночи беседуя со мной,
Томления не ведая со мной,

А если сон чуждался госпожи,
Она просила: «Сказку расскажи».

Я сказкою спешил ее развлечь,
И если шла о расставанье речь,

Блестели слезы на ее глазах,
Открылась правда мне в ее слезах:

Красавица в кого-то влюблена,
Разлукой отуманена луна,

В нее вонзила тернии любовь,
Да так, что в голос просочилась кровь.

Она бы в муках изошла, сгорев,
Когда б не превратила боль в напев.

Я слушал звуки: в них любовь жива,—
Услышать я хотел ее слова.

И вот, когда я не внимал игре,
Я говорил о зле и о добре,

Я речи заводил издалека,
Желая откровенности, пока

Не стал послушен мне ее огонь,
Ее гордыни норовистый конь.

Тут я сказал: «О светлая звезда,
Пусть горя ты не узришь никогда!

Осмелюсь ли тебе задать вопрос?»
Сказала: «Задавай». Я произнес:

«Давно, твой прах, у ног твоих лежу.
Давно, твой раб, я за тобой слежу.

Веселье, скука и печаль — равно
В твоих очах открыты мне давно.

Ты сердцем сердцу моему близка.
Я понял, что гнетет тебя тоска.

Ее причина названа давно:
Нам скрыть разлуки язву не дано.

Недаром ты, мучений не стерпев,
Переложила боль свою в напев!

Ты превратила в песню горький плач,—
Но от меня своей тоски не прячь.

Ты сердце сердцу близкому излей,
Быть может, сердцу станет веселей,

Быть может, исцелю я твой недуг,
Я тайну сохраню, как верный друг».

Подумав, так ответствовала мне
Красавица, подобная луне:

«Лишь правда украшает наш язык.
Ты к правде близок. В тайну ты проник.

Остановись и друга пожалей,
Не требуй откровенности моей,

Не го страданья увеличишь ты,
Тьму бедствий на меня накличешь ты!

Поведать, как терзаюсь я, любя?
Не вижу в этом пользы для тебя!

Одно из двух: иль с нами ты живи,
Иль прекрати расспросы о любви.

Узнаешь тайну,— голову склоня,
Покинуть должен будешь ты меня.

От друга ничего не утаю,
Но друг покинет родину свою».

Был приговор красавицы суров.
В расстройство я пришел от этих слов.

По целым дням задумчив и уныл,
По городу без цели я бродил.

Я мучился, хотелось мне проклясть
Изгнанья страх и любопытства страсть,

Но жаждал я в ее проникнуть песнь,
Но жаждал я понять ее болезнь.

Терзаясь так меж двух ужасных зол,
Войдя в гарем, я разговор повел:

«Я изнемог, печален и угрюм,
Одна лишь дума заняла мой ум,

Узнать хочу я про твою беду,
Потом, куда прикажешь ты, пойду».

Воскликнула прекрасная луна:
«Твопм решеньем я удивлена,

Решенья твоего я не пойму:
Удар себе наносишь самому.

Клянись мне, что исполнишь мой приказ,
Покинешь город, выслушав рассказ».

Прогнал я облако с ее чела,
Поклявшись ей, и пери начала:

«Участье принял ты в моей судьбе.
Моей печали не понять тебе,

Когда я повесть про свою беду
С начала самого не поведу.

Наперсник сострадательный, узнай:
Моя страна и колыбель — Китай.

Забот не зная, в счастье я росла,
Когда война мой город потрясла.

Два хана меж собой вступили в бой,
Я стала одному из них рабой.

Вошла ребенком я в его гарем,
Познала я невольничий ярем.

У хана приобрел меня ходжа,
Мной, как восточным солнцем, дорожа.

Пусть дорога́ отныне я была,
Я все-таки рабынею была,

Его рабыней купленной, хотя
Меня ценил он, как свое дитя,

Затем, что не дал бог ему детей.
И вскоре оказалось, что людей

Моя пленяет сладостная речь,
Что может голос мой сердца привлечь,

Что ясно я стихи произношу,
Что музыкой я радость приношу.

Великодушный, щедрый, как отец,
Певцов ко мне стал приглашать купец,

Прославленных, великих знатоков,
Слагателей напевов и стихов.

Прошли недели, месяцы, года
Учения, усердного труда,—

Дало плоды терпение мое,
Чудесным стало пение мое.

Достигла я такого мастерства,
Звенели сладко так мои слова,

Что я дарила песней благодать,
Смеяться заставляла и рыдать,

Стихом искусным оживляла всех,
Напевом грустным усыпляла всех.

Мой чанг казался чудом волшебства,
О голосе моем пошла молва,

Молва росла все громче и сильней
О несравненной красоте моей.

Когда известно стало старикам
И юношам — искусства знатокам —

О том, что есть певица у купца,
Пленяющая голосом сердца,

Стремясь к рабыне, полные тоски,
Все богачи открыли сундуки,

Отвешивали богачи добро,
Каменья, золото и серебро,

Чтоб у ходжи меня приобрести.
А тот, поняв, что я в такой чести,

Что покупателей моих число
Чем далее, тем более росло,

Что превратился весь Китай в базар,—
Стал цену набивать на свой товар...

Художнику творения сродни,
В Китае жил художник в эти дни

По имени Мани; со мной знаком,
Он облик мой изобразил тайком,

Отправился в дорогу поскорей,
Рисунок показал царю царей.

То был властитель мира, шаханшах,
Правители пред ним склонялись в прах.

Увидев образ мой на полотне,
Такой он страстью воспылал ко мне,

Что приказал, не тратя лишних слов,
В Китай отправить сведущих послов,

Невольницу добыть любой ценой,
Пожертвовать китайскою казной.

Хотя хакан хотел меня купить,
Он вынужден был шаху уступить.

Вручив ходже всего Китая дань,
Красе великой отдавая дань,

Невольницу, премудры и светлы,
Царю царей доставили послы.

Жемчужина попала в океан,
И наградил своих послов султан,

Вознес превыше всех людей земли:
Они возлюбленную привезли!

Моим жилищем шахский стал цветник.
Когда хотя бы на единый миг

Шах разлучиться должен был со мной,
Ему пустым казался мир земной.

Была прибытком жизни для него
Моя краса. Нет, более того:

Когда меня, влюбленный, он познал,
Бессмертия законы он познал!

Он время проводил в степях, в горах,
В охоте, в шумных игрищах, в пирах.

Гнал скакуна к степным тюльпанам он,
Онагров уловлял арканом он.

Он гнал онагра перед скакуном,
Онагра мясо запивал вином,

Онагра кровью землю орошал,—
Тюльпанами он землю украшал.

Но увлечен ли ловлею он был,
Или под мирной кровлею он был,

Не знал он наслажденья без меня,
Не мог прожить мгновенья без меня.

В нем таяла отвага без меня,
Не делал он и шага без меня,

При мне сгорал и тлел, как пепел, он,
И если я не пела — не́ пил он.

Когда затягивала я напев,
Стонал он, от восторга ослабев.

Уединяясь и гуляя с ним,
В степи ли, в городе — всегда я с ним,

Во время ли прогулок, во дворце ль,—
Он постигал во мне всей жизни цель.

О подданных забыл он, о стране,
Все дни и ночи посвящал он мне.

Ко мне пришла нечаянно любовь.
Любовью отвечая на любовь,

Его желала с силою такой,
Что волю я теряла и покой!

Горел огонь томленья с двух сторон,
Был тем огнем небесный свод зажжен.

Послала мне счастливая судьба
Не шаха, а покорного раба.

А я, хотя рабынею была,
Обольщена гордынею была.

Я видела, что шах — мой верный раб,
И становился мой рассудок слаб.

Я — скверная, ковер мой черным был,
А гордый разговор мой вздорным был.

Случилось так, что шах, надев колчан,
Охотился. Он весел был и пьян.

Я — рядом с ним, с поклонником вина,
От самопоклонения пьяна.

Сказал он: «Вот проворная газель,—
Как ты укажешь, попаду я в цель».

А я в ответ: «Мой ловчий удалой,
Передних две ноги ты сшей стрелой,

А горло перережь издалека».
Хотя была задача нелегка,

Он, как велела я, убил газель:
Таких удач не видел мир досель!

Мне поклониться бы стреле его,
Превознести бы в похвале его,

А я, прищурив горделивый взор,
Такой тогда сболтнула глупый вздор,

Что если б слугам отдал он приказ
На сто кусков рассечь меня тотчас,

То мягким был бы этот приговор!
Хотя и оскорбил его мой вздор,

Хотя была мне воздаяньем — смерть,
Вернее, слабым наказаньем — смерть,

Моим ответом гордым раздражен,
Не обнажил он гнева из ножон,

Но приказал, чтобы его рабы,
Меня связав, на произвол судьбы

Меня в пустынной бросили глуши,
Где человечьей не было души.

Когда прошли две ночи и два дня,
Ходжа, что звал дитятею меня,

Но продал, потеряв со мною связь,
Затосковал, продажи устыдясь.

Он против горя устоять не мог,
С разлукой споря, устоять не мог,

Китай покинув, он пустился в путь,
Чтоб снова на дитя свое взглянуть.

Его дорога вдоль пустыни шла,
Над нею ночь сгущалась, как смола,

Когда, в двух переходах от меня,
Приемный мой отец погнал коня,

Шарахнувшись, сошел с дороги конь,
С дороги сбился быстроногий конь.

В сопровожденин немногих слуг
Ходжа в пустыне заблудился вдруг,

Но, видно, счастья ночь вела его
В ту сторону, где дочь была его.

Вдруг сон свалил усталого ходжу:
Когда б он знал, что близко я лежу!

Он спешился и на траве заснул.
Когда в глаза ему рассвет блеснул,

Широкий путь увидел рядом он.
Случайно степь окинул взглядом он.

В степи чернело что-то в ста шагах,
Лежало тело чье-то в ста шагах.

То человек? Зачем же он в ярме?
Откуда он? В своем ли он уме?

Тут любопытство увлекло ходжу.
Сказал: «Давай-ка сам я погляжу».

Увидел: женщину песок занес,
Она — в аркане собственных волос,

Она бессильна, а кругом — песок,
Вонзился в тело каждый волосок.

Она жива? Или уже мертва?
Ее от пут освободив едва,

Он понял: брови и глаза — мои,
И стан и длинная коса — мои,

На подбородке впадина — моя,
Но кем душа украдена моя?

Зачем кровинки нету на лице?
Такую боль я вызвала в отце,

Так был он этой встречей потрясен,
Что вопрошал себя: то явь иль сон?

Не понимал он — трезв он или пьян,
Но вот пришел в пустыню караван.

Направился к нему один из слуг,
Привел моих служанок и подруг.

Узнав меня,— в петле, в песке, в пыли,—
Протяжный плач подруги завели,

Рыдая, лица раздирали в кровь,
Одежды рвали и рыдали вновь.

Ходжа премудрый, пьяный без вина,
В смятении стонал, как дивона.

Увидев солнца моего закат,
Не мог понять он, жалостью объят:

Кто в прах меня втоптал? Какое зло?
Как солнце ясных дней моих зашло?

Омыв меня чистейшей влагой глаз,
Как в саван, завернув меня в атлас,

Он амброй пропитал его густой,
И камфарой, и розовой водой.

Припали женщины к моим ногам
И растирали их, прижав к щекам.

Дошла ко мне как бы спросонья весть,
Почуяла я благовонья весть,

Услышала я нежные слова,
Глаза открыла я, полужива,

Кого же я увидела вокруг?
Друзей печальных, плачущих подруг!

Сказала я: «Стоять не надо здесь,
Долина гибельного ада здесь,

Уйдем скорее, говорю я вам».
Ходжа тотчас же внял моим словам.

Нестройные заплакали звонки,
Пустыни мы оставили пески,

Покой в носилках вновь я обрела,
Все признаки здоровья обрела.

Вдыхала амбру я, пила щербет,—
Избавилась от пережитых бед.

Родник на третьи сутки засверкал.
У родника мы сделали привал.

Велел ходжа разбить у чистых вод
Шатер нарядный, шелковый намет.

Я на высоком ложе улеглась,
Пришел ходжа послушать мой рассказ.

И явным стал рассказ мой для отца,—
От самого начала до конца.

Когда меня он выслушал, на миг
Он старой головой своей поник.

Поняв мою жестокую судьбу,
Вознес он вседержителю мольбу,

Который дочь его от смерти спас.
«В чем благо,— он спросил,— теперь для нас?»

А я: «Меня прогнал в пустыню шах,
Свой гнев обрушил на рабыню шах,

И путами я связана была,
Но мало я наказана была.

Я спасена по милости творца.
Скажи: кто убивает мертвеца?

Вернуться в шахский я должна чертог,
Своим лицом коснуться шахских ног!

Увы, прощенья нет моей вине,
Была достойна смерти я вполне,

Но если бог мне дал вторую жизнь,
Я шаху вновь свою дарую жизнь.

Меня ведет к нему жестокий стыд.
Пусть вновь меня накажет иль простит.

Я — грешница, но шах — защита мне,
К прощению тропа открыта мне.

Моя гордыня — враг заклятый мой,
Его величие — ходатай мой.

Раскаянье прочтя в моих очах,
Помилует меня высокий шах».

Так я сказала. Но вскричал ходжа,
От страшного волнения дрожа:

«Опомнись! Что рекут твои уста?
Иль трапезою жизни ты сыта?

Как можно к шаху возвратиться вновь,
Когда он щедро проливает кровь

За слово, сказанное невпопад?
В своем ли ты уме? Тебя казнят!

Огню подобен шах. Его не тронь:
Коснешься — обожжет тебя огонь.

Он пламя гнева широко простер.
Кто добровольно всходит на костер?

Поглубже скроем от него следы:
От шаха дальше — дальше от беды.

А если шах в отчаянье придет,
Свою вину в раскаянье поймет,—

Молва о том, что гнев его погас,
Докатится, бесспорно, и до нас,

Тогда легко дорогу мы найдем,
К раскаявшемуся вернемся в дом.

Пока же он упорствует во зле,
Спасение найдем в чужой земле».

Ходжа замолк. Совет его благой
Одобрили хороший и плохой.

Найти приют решил наш караван
В какой-нибудь из чужедальних стран.

Поскольку был от нас далек Хорезм,
То взоры всех людей привлек Хорезм.

С любимым я рассталась навсегда,
От жизни отказалась навсегда.

К чему мне утешения слова?
Разлука — это смерть, и я мертва.

Мертвец в сырой могиле равен мне,
Вот почему подходит саван мне.

Я саваном теперь облачена:
С возлюбленным своим разлучена.

Друзья считали, что предупредят
Больного тела моего распад,

И сыпали на саван камфару:
Мой саван стал подобен серебру.

Достигли мы Хорезма наконец,
В Хорезме водворился мой отец...

Далек ты мне иль близок, но поверь,
Что знаешь ты всю жизнь мою теперь.

Был здешний шах из-за меня в тоске,
Но шаху отказала я в руке.

Не прихоть сердца — ты теперь поймешь —
Была моя спасительная ложь:

Причина у меня одна была,—
Возлюбленному я верна была!»

Когда я грустный выслушал рассказ,
Простился я с красавицей тотчас.

С тех пор брожу из царства в царство я,
С тех пор терплю судьбы коварство я.

Царя не одного я посетил,
Но в тайну никого не посвятил,

Пока не встретил с лаской ты меня,
Сказав: «Порадуй сказкой ты меня».

Придумать лучшей сказки я не мог.
К тому ж камфарноцветный твой чертог

Напомнил ту, кто плачет и скорбит,
Кто — жертва незаслуженных обид,

Кто гаснет в белом саване своем,
Разлучена с возлюбленным царем,

Кто саван осыпает камфарой,
Кто мир пленяет дивною игрой,

Являя людям волшебство свое,
Кому подходит лишь одно жилье,

О шах,— камфарноцветный твой дворец!»
На этом сказки наступил конец.

То оживал, то умирал Бахрам,
Пока внимал сказителя словам,

В глазах то мрачно было, то светло:
Известье об исчезнувшей пришло!

Терзаясь, и пылая, и скорбя,
От крика он удерживал себя,

Боясь: поймет рассказчик этот крик,
И свой рассказ прервет он в тот же миг:

Тогда от боли задохнется шах,
К сознанью боле не вернется шах...

Но вот закончил странник свой рассказ,
И вопль Бахрама весь дворец потряс.

Призвал к себе сказителя Бахрам,
И волю дал он радостным слезам,

И вестника прижал к груди своей!
Покинул шаха жизни соловей,

Сознание покинуло его,
Казалось, жизнь отринула его...

Как воду жизни, странник весть принес,
Но превратилась весть в источник слез.

Что сделает, придя в сознанье вновь,
Тот, чье сознанье унесла любовь?

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДИЛАРАМ К БАХРАМУ

Когда в ту ночь услышал шах слова
О том, что луноликая жива,

Он до утра не мог прийти в себя,
Сознание внезапно погубя.

В незримом он пылании страдал,
Как жертва при заклании страдал,

То падал, то вставал, чтоб вновь упасть,
Влюбленного обугливала страсть;

Когда ж нетерпеливая любовь
Ему рассудок возвращала вновь,

Приказывал он путнику тотчас
Чудоподобный повторить рассказ.

Он был печален, как ночная тень,
Пока не рассмеялся ясный день.

Дыханье утра обожгло простор,
Оно раздуло солнечный костер,

И, благодарный солнечным лучам,
Возжаждал шах сближенья с Диларам:

Украсила красавица Хорезм,—
Теперь он сам отправится в Хорезм,

Направит он в ту сторону стопы!
Но государства мудрые столпы

Сказали: «Шах! Ты потерял покой,
Недуг разлуки овладел тобой,

Хотя болезнь губительна весьма,—
Дорога утомительна весьма.

Страшна любовь — владычица твоя,
И слабость увеличится твоя.

Подумай о своей державе, шах:
Столицу покидать не вправе шах!»

За ними вслед, усердием горя,
Врачи старались убедить царя:

«Внемли нам, царь, и милость нам яви.
В тебе видны все признаки любви,

Но вспомни признаки горы: покой,
Степенное величье, связь с землей.

Гора всегда недвижна и тверда,
Лишь двинется в день Страшного суда.

Пребудь горой степенной, шах Бахрам,
Не разрушай вселенной, шах Бахрам!

Расстанешься ты с давнею тоской,
Но в ожиданье сердце успокой».

Их выслушав, Бахрам в конце концов
Назначил добродетельных гонцов,

Подобных ангелам по чистоте,
Соперников небес по быстроте.

Велел он два послания вручить,
Страницы покаяния вручить:

Письмо к ходже — моления полно,
Письмо к луне — смущения полно.

Ходже такие написал слова:
«Дошла до слуха нашего молва,

Что вы в Хорезме обрели приют:
Мы разрешенье обрели от пут,

Услышав эту весть. Мы просим вас:
В обратный путь пуститесь к нам тотчас,

В движенье пребывайте день и ночь,
Сон от очей, как мы, гоните прочь».

Красавице писал он кровью слез,
Всего себя он в жертву ей принес:

«С тобою разлучен, я ранен в грудь,
Так отправляйся поскорее в путь!

Я раб, я пленник твой. Приди ко мне,
Не то умру я по твоей вине.

Любимая, как жизнь ко мне приди,
Чтоб сердце билось у меня в груди.

Приди: с тобою встретиться спеша,
Уже летит к тебе моя душа.

Приди: уже струится кровь моя
Тебе навстречу, о любовь моя!

Приди: от мук освободи меня,
Верни мне душу, пощади меня!

Приди, как светоносная заря,
Лети, как пери, в облаках паря,

Разлуки не мечи в меня стрелу:
Хотя убийца я по ремеслу,—

Гляди, покорен я: на шее меч,
Я в саван поспешил себя облечь.

Не думай, что к тебе я не пришел —
Любя, благоговея, не пришел —

Из-за излишней гордости своей
Или упрямой твердости своей.

О нет, недугу тела и души
Отсутствие мое ты приниши!

Я без тебя ничтожным стал, как раб.
Увы, я так беспомощен и слаб,

Что воду я не в силах пить: я пью
Не воду, мнится мне, а кровь свою.

Я пленник,— будь мне госпожой: приди!
Я болен телом и душой: приди!

Я мертв,— ты смерть сумеешь побороть,
Ты жизнь вдохнешь в безжизненную плоть.

Приди ко мне, как солнце поутру.
Приди: промедлишь ты — и я умру».

Царю Хорезма он послал приказ:
«Купцу вручи ты деньги и припас,

Потребный для дороги по степи,
В обратный путь купца поторопи».

Как ветер, вестники пустились вскачь,
И, превращая каждый шаг в ягач,

К хорезмскому примчались рубежу,
И, отыскав почтенного ходжу,

Письмо ему, как ветер, принесли.
Он взял его, склонившись до земли.

Но поднялась до солнца голова,
Когда прочел он шахские слова.

Сияя, Диларам письмо прочла,—
Стал ярче солнца свет ее чела.

Хорезма шах призвал к себе ходжу,
Сказал: «Царю я с радостью служу».

Купцу вручил он деньги из казны,
И были сборы все завершены,

И в сторону Бахрамова дворца
Пошел счастливый караван купца.

Без отдыха он двигался вперед,
И вот один остался переход.

Великим нетерпеньем обуян,
Решил Бахрам пуститься на обман.

Едва настала ночь, дворец заснул.—
Он бдительность придворных обманул

И поскакал навстречу Диларам,—
Скажи: навстречу солнечным лучам.

А караван проделал трудный путь,
И странники решили отдохнуть:

Им сон смежил усталые глаза,
Замолкли каравана голоса.

Ко сну склонилась равная заре
В разбитом около ручья шатре:

Желала отдохнуть царица роз.
На берегу чинар высокий рос,

Пещерою казалось в нем дупло,
Его огнями молний обожгло,

Был ствол его глубоко рассечен:
Так душу рассекает страстный стон...

Шах крепко привязал коня к скале,
Сам спрятался в чинаровом дупле.

Внезапно он обрел себя в раю,
В шатре увидев гурию свою.

От глаз ее умчался легкий сон.
Творцу смиренный сотворив поклон,

Дыханием любви опалена,
Волшебный чанг настроила она

И стала петь, к чинару прислонясь,
К возлюбленному сердцем устремясь.

Ее певучий и протяжный стон
Был горестью разлуки напоен.

Вздыхая, пери подошла к ручью,
И там переложила в песнь свою

Она слова Бахрамова письма,
А музыку подобрала сама.

Как льются слезы, песнь ее лилась,
О нет, не слезы — кровь текла из глаз.

Внимая ей, все замерло вокруг,
Вонзался в сердце шаха каждый звук.

Луна, в любовном пламени сгорев,
Заговорила звонко, нараспев:

«О трудный путь, как долог ты, увы!
О зной! Навис, как полог ты, увы!

Я так слаба, а жар степной горяч,
Увы, мне больше не под силу плач!

Меня смертельно ранила тоска,
Мне кажется, что смерть моя близка.

О небо, нет, не склонно ты к добру!
О низкое, ужели я умру,

Желанного я не увижу дня,
Когда любимый мой призвал меня?

К его ушам слова мои направь,
К его ногам глаза мои доставь,

С любимым близость — вот отрада мне,
А радости другой не надо мне!»

Бахраму в грудь напев ее проник.
Шах разорвал, рыдая, воротник,

Его дыханья огненного жар
Траву обжег и опалил чинар.

В беспамятстве Бахрам упал к ногам
Своей огненноокой Диларам:

Так падает, прижав к груди ладонь,
Огнепоклонник, увидав огонь,

На пери так взирает дивона!
И пери, встречей той поражена,

Упала, онемев, к его ногам.
Смотрите же: лежит без чувств Бахрам,

Он распростерт, она у ног царя,
Он — тень всевышнего, она — заря.

Когда аллаха тень легла на луг,
Заря спустилась к этой тени вдруг.

Она и он повержены во прах:
Она без чувств, и без сознанья шах.

Смотрите же: тоске пришел конец...
Диковинны дела твои, творец!

Но вот заря расправила крыла,
Двух любящих в беспамятстве нашла,

Открыло утро свой камфарныи клад,
Над шахом белый разостлав халат.

Проснувшихся людей объял испуг:
С подругой рядом оказался друг!

Их встречей был обрадован купец:
Слетела птица счастья наконец!

Он от влюбленных отогнал людей,
Велел завесу принести скорей.

Камфарноцветным было полотно:
Как облако камфарное, оно

Чету сокрыло от людей вдали.
Когда в себя влюбленные пришли,

Сказал своей красавице Бахрам...
Но что сказал — того не знаю сам,

Не только человек,— и ветерок
Не смел шатра переступить порог!

Итак, достиг желанного Бахрам.
Примчалась свита по его следам.

Вернулись к шаху сила, счастье, смех,
Веселье шаха оживило всех.

Бахрам вручил купцу вазира власть,
И потерял купец к наживе страсть.

И вот растаял утренний туман,
Отправился в столицу караван.

СМЕРТЬ БАХРАМА

Когда вернулся в город шах Бахрам,
Он вновь предался играм и пирам.

Болезни прежней не страшась угроз,
Он пил вино, вдыхая запах роз,

Все дни недели беспечальный шах
Стал проводить в своих семи дворцах,

Внимать луноподобным, как в раю,
Лаская луноликую свою:

Пусть много есть красавиц для утех,
Одна — любимей и желанней всех.

Дворцы менялись — и менялся цвет...
Так несколько прошло веселых лет.

«Во здравье!» — так он клики возносил.
К небесному владыке возносил.

Но всякому дыханью есть предел.
«Во здравье!» — раз он крикнуть не успел,

И небо, потонувшее во мгле,
Царю могилу вырыло в земле...

Увы, не диво сей короткий век:
Сто поколений царствуй человек,

Владыкою слыви семи чудес,
Под куполом живи семи небес,

Бахрам небес будь часовым его,—
Нельзя назвать вечно живым его:

И он, увы, уйдет в конце концов,
В могилу не возьмет своих дворцов...

Бахрама завершилось бытие:
Он завершил желание свое.

Когда, веселья окружен людьми,
Он пил вино во всех дворцах, в семи,

Все дни и ночи посвятив пирам,—
Сопутствовала шаху Диларам,

Слова ее звенели для него,—
Все песни, все газели — для него!

Когда в стенах скучал он четырех,
Он для охоты покидал чертог,

А рядом с ним подобная луне
Протяжно пела на лихом коне.

Она дарила жизнь своим лицом,
Она была и кравчим и певцом;

Для пира — украшением была,
Для сердца — утешением была;

Труд и молитву с ней делил Бахрам,
Пир и ловитву с ней делил Бахрам...

Случилось, что устроил царь царей
Широкую облаву на зверей.

Он, мнилось, обложил небесный свод,
Где, как звездам, зверям терялся счет.

Напрасно зверь, чтоб убежать отсель,
Выискивал хоть маленькую щель!

Вот, выгнав дичь на неоглядный луг,
Загонщики образовали круг,—

Со всех сторон на зверя всех родов
Они в пятнадцать двинулись рядов.

Вот круг до трех был сужен ягачей.
Охота сразу стала горячей.

Смешались рев зверей и ловчих клич,
Убитая и раненая дичь.

В цветник тюльпанов превратился луг,
Кровь разлилась потоками вокруг.

Куда ни глянь — полно кровавых луж,
Полно звериных душ — бесплотных душ.

Несутся звери, высунув язык.
Везде — преграда, западня, тупик.

Несутся — тщетный труд: спасенья нет,
Куда ни побегут — спасенья нет:

Их обступают ловчие кругом,
Прямые стрелы падают дождем!

Так без вины погибли существа,—
Душа в любом из них была жива.

Убийцей должен зваться человек:
Он бытие живых существ пресек.

Он, ловчий, жаждой крови обуян:
Недаром и одет он, как тюльпан,

Недаром кровь, куда ни глянет глаз,
Арыками повсюду растеклась,

Широкий луг весь потонул в крови:
Кровопроводом ты его зови!

Кровь потекла, по желобам струясь,
А под землей была вода и грязь.

Земля была болотистой землей.
Ее покрыла пыль, за слоем слой.

Пригрело солнце, дал ей силу дождь,
И вот она травы познала мощь:

Росла в болотной сырости трава,—
Сумела мощно вырасти трава.

Земля ее вспоила изнутри:
Недаром стебли толщиной в кари.

Она с землей корнями скреплена.
От корня — и травинок прямизна!

Арыки крови ныне потекли,
Со всех сторон к средине потекли.

Взгляни-ка: вот блестит она, земля,
Но кровью вся пропитана земля,

С болотною водою кровь слилась,
Людей по пояс засосала грязь,

Взгляни-ка: тонут вихри-скакуны,
По щиколотку в грязь погружены.

Спустилось покрывало в этот миг,—
Нет, облако закрыло солнца лик,

И хлынул дождь на человечий скоп,
И вновь всемирный начался потоп!

Все видят: нет пощады их греху,
Вода — внизу, кругом и наверху!

Кругом, внизу и наверху — вода!
Будь даже, как кирпич, земля тверда,

Но если войско, загоняя дичь,
С усердием начнет тереть кирпич,—

Он сотрясется, как бы ни был тверд,
Охотниками в порошок истерт.

А тут еще по облику земли
Арыки жаркой крови потекли!

Становятся они мутней, грязней,
Копытами испуганных коней

Растоптан каждый, в слякоть превращен,
Тут начинает плакать небосклон,

Шумит, как море, гневная вода,
На землю низвергается беда.

Напрасно все бегут и стонут все:
Куда б ни побежали — тонут все!

Творили люди на охоте смерть,
Но сами обрели в болоте смерть.

Когда, облавы суживая круг,
Вся рать Бахрама съехалась на луг,

На землю бремя трудное легло.
Ей стало это бремя тяжело,

Она погнулась — медленно пошли
Сто тысяч седоков ко дну земли.

Тогда вокруг образовался ров,
А влага вырвалась из берегов.

Увидев: поле влагой залито,
Над влагою земля — как решето,

Все поняли: то — мертвая вода,
И все от жизни отреклись тогда.

Погибли и охотники и дичь,
Добыча и захватчики добыч.

Бахраму смерть принес его поход:
Так жертвой стал он собственных охот.

За дичью он велел скакать коню,—
Охота превратилась в западню.

Попали в западню джейран и лев,—
Погибли оба, разом смерть узрев.

Зверь кровожадный и пугливый зверь,—
Нет между ними разницы теперь.

Вот двое ловчих крепко обнялись,
Чтобы спастись, они в одно слились,

Но в миг, когда они слились в одно,
Трясина затянула их на дно.

Напал на всех, как муравейник, страх.
Как муравей, ушел под землю шах.

Его жилье отныне — яма, гур,
Недаром прозвище Бахрама — Гур!..

Сей низкий мир — прожорливый дракон,
И пожирать людей — его закон.

Десятка недостаточно: злодей
Глотает разом тысячи людей.

Принес он гибель многим существам,
Но вот что удивительно: Бахрам,

Великий и могущественный шах,
Повергший всех врагов своих во прах,

Над миром грозно утвердивший власть,—
И этот шах попал дракону в пасть,

Исчез он вместе с войском навсегда,
Ни вести не оставил, ни следа.

Сей мир дракон? Нет, хуже во сто крат,—
Там, где дракон, бывает часто клад:

Мы знаем, что чудовище — дракон,
Но бережет сокровище дракон.

А что мы видим в мире? Прах и твердь.
Сокровища здесь нет, здесь только смерть.

Отраду жизни человек постиг,
Но может умереть он каждый миг,

Довольно мига, чтоб дракону в пасть
Не только телу — и душе попасть.

Но нам не хватит многих, долгих лет,
Чтоб избавление найти от бед.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ,

в котором излагается наставление читателям и писцам

Священную познал я благодать:
Я завершил чудесную тетрадь.

Но сколько раз, пока старался я,
Смущался я и колебался я!

Едва страница начата была,—
Внезапно закусило удила

Мое проворноногое перо:
Седок рассказа гнал его хитро.

К благословенной цели я пошел.
Сказал бы: семь ущелий я прошел,

Сказал бы: семь стоянок в тех горах,
Где даже вихрь испытывает страх!

Немало перенес я на пути,
Но все же к цели я сумел дойти.

Тут мной сомненье овладело вновь.
Твердила мне душа: «Не прекословь.

Тот, кто рождает слабый, тусклый стих,
Не видит в нем изъянов никаких.

Стихи для вдохновенного творца —
Что собственные дети для отца,

А для отца — все дети хороши,
Частицы сердца, печени, души!

Уродливым ребенка назовешь,—
На взгляд отца он все-таки пригож!

Отвергнут всеми, дорог он отцу:
Так дорог стих отвергнутый певцу.

Как на свои созданья ни смотри,—
В сих девственницах утренней зари

Ошибки никогда ты не найдешь,
Найдя ее, ошибкой не сочтешь!

Как мне понять достоинства стиха?
Работа — хороша или плоха?

Известность обретут мои труды
Иль даром пропадут мои труды?

Ничто не тяжелее тех трудов,
Которые нам не дают плодов.

Когда нельзя стихом зажечь сердца,—
Бессмысленны все тяготы певца.

Увы, мы скажем о певце таком:
Стремился в храм, попал в питейный дом!

«Но как мне быть? — так я к себе взывал,—
Не надобно мне выспренних похвал,—

Я полагаться не хочу на лесть,
А сам себя судьей не вправе счесть».

Сомненье душу ранило насквозь,
Царапалось в ней что-то и скреблось.

И плакал и вздыхал я тяжело,
Но счастье в келью вдруг ко мне вошло,

Смеясь, сказало: «Что же ты грустишь?
Ты яхонты и жемчуга даришь,

Зачем же литься ты даешь слезам,
Подобным яхонтам и жемчугам?

Ты мне откроешь ли причину слез?»
Когда я счастья услыхал вопрос,

Светлее показалась келья мне,
Жить захотелось для веселья мне,

Во всем открыться разом я решил,
И сердце я рассказом облегчил.

Сказало счастье: «Мой сердечный друг,
Народа жемчуг и знаток наук!

Тревогой ты напрасно обуян.
Боишься, что в стихах найдут изъян?

Оставь кручину, сердце успокой,
Знай, что изъян — несовместим с тобой!

Кто медным блюдом назовет луну?
Поверят ли такому болтуну?

Пернатые летают существа,
Но разве все незрячи, как сова?

Когда увидят змеи изумруд,
Они ослепнут,— может быть, умрут,

Но тот же изумруд неоценим:
Он возвращает зрение слепым.

Вот запах розового цветника:
Он — язва для навозного жука,

Но посмотри-ка: тот же запах роз
Больному облегчение принес.

Творенья твоего звезда взошла,—
Что для нее ничтожества хула?

Пусть онемеет у того язык,
Кто постоянно порицать привык!..

Так о невежде говорит народ:
«Собака лает — караван идет!»

Пусть брань тебя не трогает ничуть.
О горестях своих теперь забудь.

Себя, как видно, ты не знаешь сам,
Не знаешь ты цены своим стихам.

Мысль твоего творенья глубока.
Зачем шумишь, бурлишь ты, как река?

Как море, будь безмолвен, величав!»
Такую речь нежданно услыхав,

Забыть былое горе я сумел,
Спокойным стать, как море, я сумел.

Когда-то бурно пенилось оно,
Жемчужин изумительных полно.

О, как они светились изнутри,
Играя блеском влаги и зари!

Жемчужинами нагружал я чели,
Вылавливал я их из пенных волн,

Нанизывал я их на нить стихов,
Но тайной скорби голос был таков:

Постигнут ли читатели мой стих
Так, как я сам его красу постиг?

Теперь ко мне пришло веселье вновь,
И осмотрел я ожерелье вновь,

И каждая жемчужина зажглась,
И увидал взыскательный мой глаз:

Хотя стихи нанизаны на нить,
Кой-где порядок надо изменить.

Пусть хороши жемчужины мои,—
Изъяны обнаружены мои.

Тогда стихи в порядок я привел,
Где нужно, перемены произвел,

Там — стих убавил, здесь — прибавил я,
Там — заменил, а здесь — поправил я,

Так стройности желанной я достиг,
И вот пришел к концу мой черновик.

Когда читатель, развернув тетрадь,
Начнет мои сказания читать,

И если, прелесть в них найдя сперва,
Захочет вдуматься в мои слова,

И если их с охотою прочтет
И только долю сотую поймет,—

То, если он умом и сердцем чист,
Одобрит он, похвалит каждый лист...

А тот, чье сердце грязно, темен ум,
Кто так далек от справедливых дум,

Что назовет стекляшкою сапфир,—
О правый боже, пусть вкусит он мир,

Ты ум его и сердце просвети,
Направь его по доброму пути...

Писец! В тебе я друга обрету,
Когда перу придашь ты остроту.

Я написал, а ты перепиши,
Пускай все буквы будут хороши,

Смотри не ошибись и невзначай
Расположенья точек не меняй.

За песней песню поведи пером,
Людьми помянут будешь ты добром.

Пусть будет труд отрадою твоей,
Достойною наградою твоей.

А если по небрежности, писец,
Ты спутаешь начало и конец,

А если из-за денег вступишь в спор,
Пусть ляжет вечный на тебя позор,

В твой черный глаз, колюче и остро,
Пусть, как в чернильницу, войдет перо,

Пусть будет черным, как письмо, твой лик
И, как перо, расщеплен твой язык!..

Я выбрал эту книгу среди книг,
В ней, как в стране, я семь дворцов воздвиг,

Семь гурий поселил в семи дворцах,
Любуясь ими, веселился шах,

Семь сказок он узнал семи земель —
Моих стихов единственную цель.

Я дал названье книге: «Семь планет»,—
Пускай она теперь увидит свет.

Своих стихов я произвел подсчет:
Пять тысяч бейтов я повел в поход.

На них четыре месяца ушло,—
Вот дней труда примерное число.

Когда б своим я временем владел,
Когда б свободен был от прочих дел,

Своих стихов я завершил бы цель
На протяженье четырех недель.

Докучных дел обилие мое,
Из-за тебя бессилие мое!

Не потому ли я страдал и чах,
Что проходили дни в пустых речах,

В той смене лживых и правдивых слов,
От коих я давно бежать готов?

Я днем и ночью потерял покой,
И кажется мне ночь сплошной тоской,

Волнением дневным я утомлен,
Обилием людей ошеломлен.

Питание моей души — тоска,
И пища сердца моего горька.

Хотя меня обидел злобный рок,
Я книгу написал в короткий срок.

Быть может, стих мой вышел нехорош,
Но и плохим его не назовешь.

Сравнюсь ли я с великими людьми?
Индус Хосров, гянджинец Низами

(Ошибки их да зачеркнет аллах!)
Не помышляли о других делах,

Помимо говоренья стихов,
Высокого творенья стихов.

А я писал среди трудов и мук,
Досугу их не равен мой досуг.

Когда б моя звезда была светла,
Не молкла бы моим стихам хвала,

Пером я столько создал бы чудес,
Что даже своды светлые небес

Листами б нареклись моих стихов!
В такой короткий срок среди трудов,

Среди трудов в такой короткий срок
Я все же создал много тонких строк,

В короткий срок я нанизал стихи,—
Простительны моих стихов грехи...

Ну, Навои, пора кончать. Пойдем,—
Ты вправду оказался болтуном!

Мой труд! Начни в родной стране свой путь,
Народу моему желанным будь,

Чтобы могла сердца людей зажечь
Моя правдовзыскующая речь.

Да будут явны месяц, день и год
Сей книги завершенья: восемьсот

И восемьдесят девять, джумада
Вторая, пятница... Конец труда!

Иди, мое творение, в народ,
Пусть он в тебе святыню обретет,

Да будут всем стихи мои нужны,
Да будут с ними семь небес дружны,

Да будет их друзьями полон свет,
А покупателями — семь планет.

СТЕНА ИСКАНДАРА

ПЕРЕВОД В. ДЕРЖАВИНА

СТЕНА ИСКАНДАРА

Первые главы содержат восхваление аллаха, пророка Мухаммеда, посвящение и наставление сыну султана Хусейна Байкары, наследнику хорасанского престола Баднуззаману

В следующих главах Навои говорит о своем душевном состоянии после завершения четырех книг «Пятерицы». Он утомлен, но полон решимости приступить к написанию пятого дастана своей Хамсы

Навои с уважением вспоминает своих предшественников, создавших пятерицы, Низами, Эмира Хосрова Дехлави и своего друга и учителя Джами

Далее следует краткое изложение истории шахов Ирана — легендарных пишдадидов и кейанидов, ашканидов (исторических аршакидов) и сасанидов

Начало сказания об Искандаре, ведущее к нахождению истины. Открытие подлинной его истории, в которой запечатлено веление промысла

Противоречия в родословной Искандара вымышлены летописцами; исследователи, устраняя эти противоречия, узнают правду о его происхождении

Когда правитель Файлакус ушел в ворота вечности, престол его бренного владения занял Искандар

Тот, кто былое кистью оживил,
Завесу над картиной приоткрыл:

Четыре царских рода власть несли
В пределах обитаемой земли.

А длилось время их, как помнит свет,
Четыре тысячи и триста лет;

И тридцать шесть еще последних лет
И десять месяцев еще вослед.

То были открыватели цари,
Мирозавоеватели цари.

И мир тысячелетний, и покой
Вкусил при тех владыках род людской.

Но, призванные благо утвердить,
Цари не все успели совершить.

В сей малый срок, что дан живущим в дар,
Взращен был добрым шахом Искандар.

Коль перечислим все его дела,
То всякий скажет: «Слава и хвала!»

Теперь я суть вступленья объясню,
Происхожденья тайну проясню.

Четыре царских рода было. Он
После второй династии рожден.

Когда покинул мир последний кей,
Бахман Дара вселенной правил всей.

Дара гордился, что цари земли
Ему покорно дань свою несли.

Тогда в Юнане правил Файлакус,
Его царем признали Рум и Рус.

Все свойства были царственными в нем;
Он — ангел был в обличии земном.

Чтоб знать его историю, возьми
Прочти царя поэтов Низами.

В сказанье, что как вечный свет горит,
Он так о Файлакусе говорит:

Хоть в мире счастлив был его удел,
Наследника он — сына — не имел.

Тоской по сыну был он удручен,
Скажи: опоры в жизни был лишен.

И вот однажды, позднею порой,
С охоты возвращался он домой.

И увидал в пустыне властелин
Столпы и стены сумрачных руин.

Врата и свод обрушились давно,
Как сердце, что тоской сокрушено.

В тени руин заснул он, утомлен,
И был дыханьем утра пробужден.

Услышав стон, воспрянул он, глядит:
Пред ним, мертва, роженица лежит.

И с ней — новорожденное дитя,
На гибель обреченное дитя.

Ее мучений день конца достиг...
Был жалобен и слаб младенца крик.

Как будто понимал малютка сын,
Что вот он — беззащитен и один.

А Файлакус? Живое сердце в нем
От состраданья вспыхнуло огнем.

Он кликнул слуг, велел дитя хранить,
А мать умершую похоронить.

Найденыша того забрал с собой
И стал его счастливою судьбой.

Он Искандаром отрока назвал
И трон ему, как сыну, завещал.

Другой хранитель памяти веков
Так открывает корни двух родов.

Даре румиец дочь — дитя свое —
Вручил, как деревцо из мумиё.

Но дело к недостойному концу
Пришло: Дара вернул ее отцу.

Лишь ночь царевна с мужем провела,
И некий дар бесценный обрела.

И был жемчужницею перл рожден,
И мир был этим перлом изумлен.

Среди преданий, что хранит Иран,
Одно открыл неведомый дихкан,

Что будто Искандаров было два.
Один из них — как говорит молва —

Разбил Дару, другой же пребывал
Всю жизнь в походах и возвысил вал.

Теперь поведал нам иной рассказ
Царь мудрецов, живущий среди нас,

Хранитель истины, чье слово — свет,
Наставник наш, храни его Изед,

Об Искандаре, о его делах
Джами пропел нам в сладостных стихах.

Пошел я той же трудною стезей;
И летописи были предо мной.

Но я, от малых знаний был немым,
Придя к Джами, советовался с ним.

«Двух Искандаров не было! — сказал
Учитель мне и свитки показал.—

Походы все и подвиги его —
Деянья человека одного!»

Так говорил правдивый Низами,
Так подтвердил и в наши дни Джами.

Открыт источник истины один,
Что Искандар был Файлакусов сын.

Исследуя, я правду проверял,
В исследованье правду отыскал.

Так говорил истории знаток,
Что изучал сей двойственный чертог:

Обретший Искандара Файлакус
Его и царства утвердил союз.

Он слуг и войско щедро одарил,
Врата дворца для празднеств отворил.

Блюдя порядок царский и завет,
Дал оку ясновидящему свет.

Заботясь о наследнике своем,
Он ни на час не забывал о нем.

Он воспитанье истиной питал,
Достойной пищей разум воспитал.

Не только в царской роскоши, в тиши
Его растил он, в глубине души.

Так перл таится в сумраке глубин,
Так в руднике скрывается рубин.

Достойными он сына окружил
И путь ученья перед ним открыл.

Накумохис приставлен был к нему,
Наставником пытливому уму.

Тот, что как небо в знанье был велик
И всех явлений мира связь постиг.

Ты скажешь — видел острый взгляд его
Зерно и корень сущего всего.

Главой ученых был он в пору ту:
Ему был сыном славный Арасту.

После кончины своего отца
Стал Арасту светильником дворца.

Был он велик. Минули сотни лет —
Ему подобных не было и нет.

И мудрый Файлакус избрал его
Учителем для сына своего.

Счел порученье Арасту за честь;
Была от звезд ему благая весть:

Когда глаза он к небу обратил,
Читая предсказания светил,

Все, что добро и зло сулить могло б,
Предугадав, составил гороскоп.

Ища решенья в знаках звезд ночных,
Исчислил Арасту значенье их.

«Родился,— прочитал он в небесах,—
Счастливый, мудрый, справедливый шах.

Весь мир он обитаемый пройдет
И славою наполнит небосвод.

Владыки примут власть его и суд,
Ярмо его приказов понесут.

Он мир великодушьем осенит,
Ему, как бубен, солнце зазвенит.

Движение светил предскажет он,
Заветный узел тайн развяжет он.

Познанье в кровь и плоть его войдет.
Он целый мир сокровищ обретет.

Законы звезд он заключит в число
И по рукам земное свяжет зло.

Пройдет он по неведомым морям,
Проложит путь к безвестным островам.

Судил всевышний на заре времен —
Все царства мира завоюет он».

Так, проведя последнюю черту,
Свой гороскоп закончил Арасту.

Скрижаль наук он стройно начертил
И к обученью шаха приступил.

Плоды столетних поисков и дум
Впивал, как влагу, отроческий ум.

Когда он грань науки познавал,
Другую грань догадкой раскрывал.

Был в жажде знанья истинно велик
От бога одаренный ученик.

Весь век учась, он прожил на земле,
Был сведущим во всяком ремесле.

Он также, с первых дней своей весны,
Стал привыкать к ведению войны.

Он знал, что милость царская войскам —
Разгром и поражение врагам.

И в конном отличался он бою,
И в пешем закалялся он строю.

Скажу ль — стрелой пронзал он сеть кольчуг?
Нет, мыслью разрывал он сеть кольчуг.

Копьем он ратоборцам нес беду;
Метнув копье, он поражал звезду.

Своим мечом он разрубал гранит.
Где меч его? Земля его хранит.

Метнув аркан на крепостной отвес,
Достиг бы он и крепости небес.

Когда свои войска он в бой пускал,
В долину рушились громады скал.

Против дракона обнажая меч,
Дракона мог он надвое рассечь.

Он быстрой мыслью, пуще ратных сил,
Как молнией внезапною, разил.

Стал наконец державный ученик
В искусстве ратном подлинно велик.

А Файлакус в ту пору умирал;
И он проститься с сыном пожелал.

Могучий стан годами был согбен,
В глазах его земная слава — тлен.

И устремился Искандар к нему —
К отцу и властелину своему.

Прощения у бога попросил
Шах Файлакус и сыну власть вручил;

Державу завещал его руке
И опочил на гробовой доске.

Две было ветви древа: из одной —
Гроб сделан, трон вселенной — из другой.

На первой ветви птица песнь поет,
А на другой гнездо другая вьет.

Отца оплакивая своего,
Готов был шах отречься от всего.

Но после, по внушенью мудреца,
Он вспомнил завещание отца:

«Врага в свои владенья не пускай,
Мой прах на поруганье не предай!

Пусть именем твоим, твоей рукой
Мой будет вечный огражден покой!

Я вырастил тебя в моем саду
Затем, чтобы, когда навек уйду,

Меня ты был достоин заменить
И нашу славу в мире сохранить».

Шах к завещанью не остался глух,
Дабы отцовский радовался дух

И сор не падал в чистый водоем,
Веленье долга пробудилось в нем.

Обряд поминок справив по отцу,
Он возвратился к власти и венцу.

К престолу сонмы подданных сошлись.
Напевы саза стройно полились.

* * *

О кравчий, грудь слезами ороси,
Прощальную мне чашу поднеси.

Чтобы печаль вином я с сердца смыл,
Чтоб слезы по отце моем не лил.

Приди, певец, звенящий чанг настрой.
И заиграй, и песнь веселья спой!

Здесь было царство слова мне дано,
И во дворце хвалы я пил вино.

О Навои, не поддавайся лжи
И блеску мира! С разумом дружи!

Неверность мира — всюду и во всем.
Быть в мире лучше нищим, чем царем.

Дервиш свободный выше здесь, чем шах,
Чей дух томится в путах и сетях.

Слово о высоком парении царственного благородства, тень крыльев которого образует гнездо на темной горе Каф сказочной птицы Солнца, и в похвалу величия духа, которое укрывает крыльями серебряное яйцо птицы Солнца; и, если тень этих крыльев падет на несчастного, царь будет нищим перед ним, если ж шах лишен этой тени, то и нищий перед ним выглядит шахом

Рассказ об Искандаре и падишахе, который желал быть нищим, или, вернее, о нищем, достойном быть падишахом; Искандар вызволил нищего из ямы бедственности и хотел посадить на трон; тот отказался от короны царства и предпочел корону отречения

НАЗИДАНИЕ

В этой главе Искандар спрашивает Арасту, как быстрее и как лучше дойти до цели; Арасту указывает путь к совершенству и советует идти налегке

О том, как Искандар, отрекшись от короны владычества, удалился от престола власти и как народ Рума, склонив перед ним главы, высоко поднял подножие трона и возвеличил ценность венца; и зеркало его справедливости, солнцем ослепив летучих мышей ночи гнета, осветило мир, и жестокие люди вместе с мраком бежали с лица земли

Рассказ о деяниях Искандара, с сокращением подробностей и подробное истолкование этих сокращений. Посланник Дары приходит к Искандару за золотым яйцом и получает ответ в словах острых, как стальные копья. Молния сияния острия сжигает хирман терпения Дары; он посылает кунжут, мяч и клюку. Искандар этой клюкой отбивает мяч, а кунжут клюют птицы

Так проницательный поведал нам
Историк, счет ведущий временам:

В те дни, как Искандар, заняв престол,
Строй справедливый у себя завел,

Ему внушил его наставник-пир
Мысль — обойти весь необъятный мир.

И всюду справедливость утвердить,
Народы от ярма освободить.

Мысль эта в царской памяти жила,
Ветвилась, мощным древом возросла,

Но влек его не славы бранной шум,
Был мудростью глубок пытливый ум.

Как солнце, поднимаясь издали,
Одно блистает над лицом земли,

Так Искандар под сводом древним сим,
Ни с кем в делах великих несравним.

Ему сопутствовали чудеса...
Пред ним смолкали гордых голоса.

Коль все его деянья описать,
Не хватит жизни — книгу прочитать.

Ведь важен каждый день его и час,—
Начав писать, нельзя прервать рассказ.

Поэтому я много упущу
И повесть нарочито сокращу.

Коль завершу сказанье мое,
Исполнится желание мое.

Я из забвенья повесть подыму,
Столь много говорящую уму.

Немало есть значительного в ней,
Но больше удивительного в ней.

Отсеяв ложь, рожденную в веках,
Скажу я правду в искренних стихах.

Он — покровитель государства был
И в Руме утвердитель царства был.

Освободил народ свой от оков,
Страну свою очистил от врагов.

И, убедясь, что власть его крепка,
Он за предел страны повел войска.

Магрибским дивам он нанес удар,
Завоевал далекий Занпбар.

Большая распря у него была
С Дарой — оплотом зависти и зла.

Не медля, как опору бытия,
Завоевал он франкские края,

И, с франкским миром заключив союз,
Он покорил далекий Андалуз.

Идя обратно, Миср он захватил,
И небосвод — царя благословил.

Он там, с войсками ставши на привал,
Искандарпю-город основал.

Потом, суди его источник сил,
Зардуштовы огни он погасил.

Потом в Иран пошел, в иракский край,
Чтоб радостно запел иракский най.

Когда иракской он достиг земли,
В Ираке люди радость обрели.

Потом он взял Халеб и землю Шам,
Принес благополучье беднякам.

Когда Йемену он явил свой лик,
Там камни превратились в сердолик.

Потом пред Меккой он предстал святой
И в Мекке прах поцеловал святой.

Потом к морским пошел он берегам,
Кладя основу славным городам.

Незавоеван оставался Фарс.
И что ж — ему без боя сдался Фарс.

И знамением счастья озарен,
В поход на Север устремился он.

И цепи гор пустынных увидал...
Вернулся и Хорезм завоевал,

Даря, как солнце, милостью своей
Простор кипчакских пастбищ и степей.

И он в трудах походных не ослаб,
Прошел через Саксин, через Саклаб.

Прошел он стороною Ос и Рус
И с ними дружбы заключил союз.

И гурджей и чаркасов посетил,
И гурджей и чаркасов покорил.

От Севера, где древних рек исток,
Он с войском устремился на Восток.

Колючки истребил в стране Фархар,
Отраду подарил стране Фархар.

В Мавераннахр он прилетел, как дым,
И Самарканд открыл врата пред ним.

Как ветер западный, страну Чигиль
Овеял он,— так нам вещает быль.

И, в Чин прибыв, он там разбил свой стан.
И сам пришел служить ему хакан.

И с Хиндом у него была война,
Пред ним склонилась Кейдова страна,

Он изваянья идолов низверг,
На древних алтарях огонь померк.

И к правой вере — всей вселенной круг
Привел он, указавши путь — на юг.

И через Синд, пройдя к Кечу Мукран,
Без остановки двинулся в Кирман.

Воздвиг он в Хорасане, говорят,
Прекраснейший из городов — Герат.

Пройдя пустынный и безлюдный край,
Построил Рей, как первозданный рай.

И плод созрел в саду великих дум...
Мир покорив, он воротился в Рум.

Но — в радостях, в пирах — не отыскал
Отрады той, что сердцем он алкал.

И вновь походом обошел весь мир,
Повсюду утвердив добро и мир.

Защитой от яджуджей им стена
Была железная возведена.

Скажи: он обошел не мир земной,
А девять сводов неба над землей.

На всех дорогах, для любой страны,
Ягач он сделал мерою длины.

И знаки расстояний на путях
Велел установить великий шах.

А на местах ночлегов каждый край
Был должен ставить караван-сарай.

Благоустраивал без шума он
Строй жизни мира, к благу устремлен.

И в море, словно кит, решил уплыть;
И корабли смолить велел, снастить.

И долго плавал, как гласит молва,
И открывал средь моря острова.

Есть острова в неведомых морях,
Которые благословил аллах.

На них высаживаясь, Искандар
Брал их себе, как лучший божий дар.

Так он до крайних островов дошел,
Но утоленья сердца не нашел.

Великим беспокойством обуян —
В неведомый поплыл он Океан.

Под кораблем — пучины вечных вод,
Над кораблем — бескрайный небосвод.

Но, дерзкое задумав, Искандар
С собою вез большой стеклянный шар.

Он влез в него; и крышку засмолить
Велел, и шар в пучину опустить.

Канат надежный — в десять верст длиной
Разматывался черною змеей;

Он к шару прикреплен одним концом,
К навою на борту — другим концом.

Шах быстро погружался в глубину,
Водоворотом увлечен ко дну.

Он чудеса увидел бездн морских...
Нет слов у нас, чтоб рассказать о них.

И вытащен из глубины с трудом,
Очнулся он на корабле своем.

Противоречья, должен я признать,
В рассказе этом можно отыскать.

Искатель возвратился в мир земной
И устремился за живой водой.

Свет жизни он во тьме пошел искать,
И не нашел, и обратился вспять.

Истока вечной жизни не нашел,
С устами пересохшими ушел.

Вел Хызр его по суше, а Ильяс
В морях — вставал к кормилу в грозный час.

Свершить же не под силу никому
Все, что до нас свершить пришлось ему.

Дал небосвод ему такую власть,
Что целый мир пред ним был должен пасть.

Коль все, что я о нем храню в уме,
Запечатлеть — возникнет «Шах-наме».

Итак, все, что я знаю, записать
Решил я кратко в малую тетрадь.

В любом двустишии заключена
Невоплощенной песни глубина.

Все было так; я сделал все, что мог;
Но если мне теперь поможет бог,

Всю правду ведая в делах земных,
Я расскажу о ней в стихах моих.

Тогда бессудный царствовал Дара,
Чинивший зло, не делавший добра.

Отец же Искандара Файлакус
С Дарой неравный заключил союз.

Дара тогда владыкой мира был,
Народ румийский дань ему платил.

Ведь он — потомок Кейев был прямой,
И в мире власти не было иной.

Установлён закон Лухраспом был,
Строй войсковой введен Гуштаспом был,

Но всех порядков Кейевых не знал
Дара, что от Бахмана власть приял.

Он — царь царей, столпы его основ —
Великий Кей-Кубад и Кей-Хосров.

Объяты страхом, все цари земли
Ему свои короны поднесли.

Харадж платили и везли дары
Все, павшие к подножию Дары.

И Файлакус Даре был подчинен;
Харадж платил беспрекословно он.

Харадж, где — угнетенного слеза,
Был в десять сотен золотых байза.

Когда ж навеки Файлакус ушел,
Шах Искандар наследовал престол.

Наследовал он угнетенья строй
И бремя униженья пред Дарой.

Сначала, утвердив закон и трон,
На шаха Занга устремился он.

Как молния, он свой нанес удар,
И почернел, как уголь, Зангибар.

Хоть были прежде лица их черны
Как уголь, зинджи были сожжены.

На поле битв в долинах той земли
Как будто бы тюльпаны расцвели.

Так воевал три года он с тех пор,
Соседям жадным грозный дав отпор.

Поверг врагов, завистников своих,
Забрал богатство их и земли их.

Удвоил и утроил он предел
Земель, ему доставшихся в удел.

Людей учил он воевать с врагом,
Чтоб каждый был среди онагров львом.

Его величье морем разлилось.
К зениту знамя Рума поднялось.

Меч — молния в руке, как ветер — конь,
Лицо его — сжигающий огонь.

И он решил весь мир завоевать,
О меньшем не хотел и помышлять.

Он видел: мир земной не так велик
И равных нет ему среди владык.

Так за три года набрался́ он сил,
Владенья Рума удесятерил.

За все три года он не вспоминал
И даже мысли в сердце не держал,

Что он с Дарою должен в спор вступить
Или харадж и дань ему платить.

Ничтожным мнит подобного себе,
Кто вознесен благодаря судьбе.

Румийца у своих не видя ног,
Дара смириться и простить не мог.

Румиец должен был перед Дарой
Склониться или выйти с ним на бой.

Два льва, два равных силою своей
Сошлись; но — кто моложе, тот смелей.

Так не страшись, когда вражда идет,—
Враг тоже полон страха и забот.

Когда враждой два змея возгорят,
Какая разница — чей больше клад?

Акула — как ни велика она —
Киту, владыке моря, не страшна.

Так Искандар в те дни беспечен был
И небеса за все благодарил.

Но от Дары явился вдруг гонец,
С поклонами вошел он во дворец.

И пожелал перед царем предстать,
Дабы наказ Дары пересказать.

Увидев шаха и его престол,
Подножье трона бородой подмел.

Почтительно он восхвалил царя,
С достоинством благословил царя.

Честь Искандар явить хотел гонцу,
Перед собой он сесть велел гонцу.

Посол смиренно сел у царских ног
И от смущенья говорить не мог.

Фарр Искандара ослепил его
И языка и чувств лишил его.

Тут понял Искандар: посол смущен,
Молчит, священным блеском устрашен,

Со свитою он разговор завел,
Чтоб понемногу тот в себя пришел.

Когда смятенье гостя улеглось,
Ему он задал царственный вопрос:

«По-доброму ли шах Дара здоров,
Счастливейший, как древний Кей-Хосров?»

Ответил гость и прах поцеловал,
И вновь владыка Рума вопрошал:

«Коль мир у вас и счастье и покой,
С какою вестью послан ты Дарой?»

И, вновь пред ним поцеловавши прах,
Посол ответил: «О великий шах,

Я пред величием твоим дрожу,
Но раз ты повелел — я все скажу.

Отец твой — венценосный Файлакус
С Дарой когда-то заключил союз.

И десять сотен слитков золотых
Платил Даре, по договору их.

Прошло три года, как отец твой шах
В небесных наслаждается садах.

Но Рум не шлет хараджа третий год;
Долг этот, дружбы двух царей оплот,

В сокровищницы к нам не поступил...
Иль, может, вовсе не отправлен был.

И цель прихода моего одна —
Долг этот получить с тебя сполна.

Отдашь — я увезу. А если нет —
Скажи. Я передам Даре ответ».

Желчь Искандару горло обожгла,
Когда услышал он слова посла.

Лик приобрел внезапно цвет огня,
Что может все спалить, воспламеня.

Но молча Искандар чело склонил,
На пламя воду мудрости излил.

Перед величием его ума
Орд исступленья отступила тьма.

И, светлый лик подняв, уста открыл,
Дорогу перлам речи отворил.

Сказал: «Привет мой передай Даре,
Потом ответ мой передай Даре:

В юдоли сей ничья не вечна власть,
Удел величья — пасть, истлеть, пропасть.

Не мучься — ради завтрашнего дня,
Стяжаньем душу живу бременя!

Пусть ты ни с кем в богатстве не сравним,
Но ты богатством угнетен своим.

Где польза от богатства твоего?
Зачем без пользы собирать его.

Когда от дела происходит вред,
Такое дело делать смысла нет.

И вот: тебе — нет пользы, нам — печаль.
Смотри — себя и нас не опечаль.

Забудь наш долг! Ведь птица унеслась,
Что золотыми слитками неслась!

Коль примешь ты наш дружеский совет,
То и вражды у нас с тобою нет.

Но коль отвергнешь ты мои слова,
То мы отвергнем и твои слова.

Без пользы для себя хлопочешь ты!
Подумай, если мира хочешь ты:

Ведь мудростью глубокой обладать
Нам нужно, чтоб соперника познать.

Ты слабых подавлял и покорял.
Таких, как я, ты прежде не встречал.

Харадж и дань с полмира ты берешь.
Взамен — короны старые даешь.

Харадж — источник бедствий и невзгод
Тем, кто берет, и тем, кто отдает.

Без счета море жемчугов таит,
Подвластен ли тебе свободный кит?

Хоть жемчуга и много у него,
Как ты харадж потребуешь с него?

Чрезмерные желания — тщета.
Не стань и ты добычею кита!

Источник счастья — мудрость, свет ума;
Но в силе алчность там, где нет ума.

Нам непосильна дань минувших лет;
Потребуешь — мы сами скажем: нет.

А от судьбы — пусть ты могуч, богат —
Могущество и власть не защитят.

И пусть бесчисленны твои войска,
Их опрокинет сильная рука.

Пусть мы тебя слабее во сто раз,
То, что нас ждет,— утаено от нас.

Когда страна богата и сильна,
То не нужна такой стране война!»

Речь Искандар закончил. И тогда
Притих гонец персидский, как вода.

В обратный путь — ни жив ни мертв — пошел
Из Рума незадачливый посол.

И прибыл восвояси наконец,
И все Даре пересказал гонец.

Когда Дара великий услыхал
Слова гонца, он так ему сказал:

«Коль вирямь Румиец это говорил,
То, значит, бог ума его лишил.

Иль, может быть, в ту пору был он пьян
И от вина безумьем обуян?

Иль он еще дитя, не зрел умом
И управлять не может языком?»

Так он — носитель царского венца —
Спросил. И услыхал ответ гонца:

«За ним следил я зорко, не шутя:
Не пьян он, не безумен, не дитя.

Нет, разумом он светел и здоров,
И попусту он не бросает слов!

Благоразумен, сведущ и учен,
Он мудростью глубокой наделен!

Сильно иль слабо воинство его,—
В его словах — достоинство его.

В величии — хоть обойди весь свет —
Ему подобных не было и нет!

Присматривался долго я к нему
И удивлялся дивному уму».

Так был взъярен Дара ответом сим,
Что смерть сама не сладила бы с ним.

От гнева, как от грома, он оглох,
И в небесах пошел переполох.

И охватил полмира лютый страх,
Когда ворота гнева отпер шах.

В оковы он посла забить велел,
В колодец черный посадить велел.

Сказал: «Румиец — раб мой, сын рабов,
Что ползали у ног моих отцов.

Он — раб, и предки подлые его
Рабами были предка моего!

Кто он такой, чтоб милостью моей
Возвесть его в достоинство царей?

Чтобы слова его словами счесть,
Что оскорбляют нашу власть и честь?

Ни страха предо мной не стало в нем
И ни стыда перед людским судом!..

Но мы такой отпор дадим ему,
Так я его ничтожность покажу,

Что этот необузданный дикарь
Опомнится, раскается, как встарь!»

И царь Дара гонца найти велел,
Который бы находчив был и смел.

И, отправляя, дал ему наказ
В словах, как острый серп и как алмаз,

Човган и крепкий мяч послу вручив,
В две эти вещи тонкий смысл вложив.

И дал с кунжутным семенем мешок,—
Свою угрозу в притчу он облек.

Посла отправив, глаз он не спускал
С дороги царской... Все ответа ждал.

Посол примчался в Рум, клубясь, как дым,
Язык свой сделал бедствием своим.

Явились к шаху стражи во дворец,
Сказали: «От Дары опять гонец!»

Стал пред царем гонец, как был — в пыли.
Как перед ликом солнца — ком земли.

Гонец увидел шаха — фарр его,
И речь застряла в горле у него.

Пал пред величьем Искандара он,
Ослабнув телом, страхом сокрушен,

Уста к подножью трона приложил,
Молитву по обряду сотворил.

Царь молвил: «Сядь, о деле расскажи,
Цель твоего прибытья изложи!»

Сказал носитель тайны, пав во прах:
«Сто раз благослови тебя аллах!

Нет сил мне говорить перед тобой...
Но обо всем, что велено Дарой,

Коль ты позволишь, речь я поведу,
А скажешь — «нет», смиренно прочь уйду».

Посланец Искандару дал понять,
Что он о многом должен толковать.

Сказал: «Дара, по милости своей,
Взымает дань со всех земных царей.

Берет харадж, по праву древних лет,
Хоть в том у нас нужды особой нет.

Но шахи, что зависимы от нас,
Что исполняют наш любой приказ,

Харадж не забывают в срок платить,
Чтоб о своем покорстве заявить.

Отец твой нам платил, пока был жив,
Служил нам преданно — и был счастлив.

Но умер он... Ты сел на отчий трон.
Ты б должен делать то, что делал он.

Но не пошел ты по его пути,
Решил от послушанья отойти.

Три года с вас налог не поступал.
Но царь царей не требовал и ждал.

И наконец гонца решил послать,
Чье дело — недоимки собирать.

Но ты с гонцом столь дерзко говорил,
Что, знать, забыл — кто есть ты, чем ты был.

Но так как ты — годами молодой —
Не стукался о камень головой,

Мы поняли: невежество и тьма
Сильны в тебе от малого ума!

Великодушье мы должны явить
И, как ребенку, промах твой простить.

Но образумься и не прекословь;
Дань собери — к отправке приготовь;

И сам спеши — под царственную сень,
Поцеловать высокую ступень!

Чтоб не покрыться пятнами стыда,
Будь честен с нами, предан нам всегда.

Увидишь много милостей от нас...
Но коль отклонишь царственный приказ,

Тщеславьем и гордынею объят,
И дивы злобы дух твой победят,—

Поймем, что буйство младости твоей
Благоразумья твоего сильней.

Привез я от великого Дары
Тебе, о царь, достойные дары!»

Так краснобай-гонец проговорил
И мяч с клюкой пред шахом положил.

Сказал: «Тебе, как юноше, под стать
Клюкою мячик по полю гонять!

Тебе приличны — мяч, клюка, майдан.
Но царство — это не игра в човган!

Коль вновь ты возразишь царю царей,
Стыдясь признаться в слабости своей,

Тебе возмездье ныне, а не месть,
И зол своих тебе тогда не счесть.

Ты знай, что больше войск в его руке,
Чем семени кунжутного в мешке!»

И принесли мешок посольский тут,
В котором был просеянный кунжут.

Проворно это семя на ковре
Гонец рассыпал, преданный Даре.

«Вот наше войско! Пусть сочтет его,
Кто не боится шаха моего!»

Умолк посол и опустил глаза,
Все стихло, будто пронеслась гроза.

С улыбкой Искандар внимал ему,
Все высказать — не помешал ему.

Когда гонец все, что хотел, сказал —
Он так ему достойно отвечал:

«Дара — чистопородный кей и шах,
Быть нам примером призванный в веках.

Но я, тебе внимая, изумлен:
Как стал в своих словах несдержан он.

Владык вселенной, как презренный сброд,
Достойнейших — рабами он зовет!

Царей, которых во главе людей
Поставил бог по мудрости своей,

Дара решил рабами называть?
Но тут пути добра не отыскать.

Мы все — рабы Иездана, только бог
Меня своим рабом назвать бы мог.

Пускай твой шах подумал бы сперва
Пред тем, как эти вымолвить слова.

Себя с великим богом он сравнил,
Грех святотатства страшный совершил

Меня безумцем пьяным он зовет,
Дитятею, не знающим забот.

Меня он обвиняет в трех грехах,
А сам он богохульствует — твой шах!

Коль уважения меж нами нет —
И примирения меж нами нет!

Допустим, что я мал, а он велик,—
Но как несдержан у него язык!

Большая птица — аист; но и он
От ястреба уходит, устрашен.

Твой царь Дара мне милость оказал,
Клюку и мяч в подарок мне прислал.

Я в этом вижу тайный смысл... Ну что ж —
В истолкованье он весьма хорош...

Мысль мудрецов, что землю обошла,
Нам говорит: земля, как мяч, кругла.

Дара свой смысл в мяче и клюшке скрыл,
А бог мне целый мир, как мяч, вручил.

Какая же загадка скрыта в нем —
В човгане этом с загнутым концом?

Я понял: повелителем времен
Човган судьбы вселенной мне вручен,

Чтоб торопил я своего коня,
Чтоб мяч отбил у всех, вперед гоня.

Здесь — предсказанье, радостная весть...
Да, в этой вести — счастье мне и честь.

Не новую принес сегодня мне
Ты притчу о кунжутовом зерне.

Мол, как семян кунжута вам не счесть,
Так и числа моим войскам не счесть.

Пусть ваша рать несметна, как кунжут,
Ее мои цыплята поклюют!»

И на кунжут, что был среди палат
Рассыпан, он принесть велел цыплят.

Все поклевали птицы; и зерном
Не поделились даже с муравьем.

Посол Дары глядел, молчал, бледнел;
Понуро пристыженный он сидел.

И молвил Искандар: «Встань! Подобру
Иди от нас. И извести Дару:

Что слышал здесь, ему ты донеси,
В дороге дальней слов не растряси!»

Согбенный от стыда ушел посол,—
Не на ногах — на голове ушел.

И распахнулись ворота беды...
Взметнулся до небес огонь вражды.

Нахлынул смуты неуемный вал,
И мир из хижин бедственных бежал.

* * *

Дай, кравчий, мне вина! Пусть, опьянев,
Я зарычу, как разъяренный лев!

Во вражий стан ворвусь я пьяным львом
И в миг единый разочтусь с врагом.

Спой мне, певец, в рассветной полутьме
Напев воинственный из «Шах-наме».

Два шаха тронули струну вражды,
Так пусть же будут воины тверды.

О Навои! Покоя в мире нет,
Под горьким ветром смуты меркнет свет.

Коль хочешь мира в наши времена,
Не расставайся с чашею вина.

Круг наших бед земных неисчислим,
Но тот, кто пьет,— тот не подвержен им.

Осуждение вражды, которая является причиной разрушения достояния людей и которая грозит гибелью миру

О том, как от вражды двух правителей ударила молния бедствий в хирман народов мира, а от союза двух друзей пролился дождь милости и потушил языки огня

НАЗИДАНИЕ

Искандар просит Арасту рассказать о причинах войн. Раздоры нежелательны, и войны губительны для всех народов, но случается ли, что война становится неизбежной? Арасту открывает свет в этой тьме и объясняет истинное начало вражды

Дара поражен словами Искандара, он собирает бесчисленное войско со всех концов света и идет войной против Искандара. Искандар, оказавшись лицом к лицу с этим морем несчастий и селем бедствий, готов повергнуть эту гору опасностей молнией сражения. Оба царя готовятся перевернуть небо вверх дном. Однако знамя государства Дары повергнуто иной бурей, а знамя Искандара сверкает как солнце

Историк древней распри двух царей
Так завил кольца повести своей:

Когда посол Дары, что в Руме был,
Речь Искандара шаху изложил,—

Все передал, утайки не творя,
Что слышал от румийского царя,—

Дара, владыка необъятных стран,
Был исступленьем гнева обуян.

Стал, как огонь, от головы до ног
Он, пред которым трепетал Восток.

«Тьфу!» — обращаясь к небу, он кричал,
Упрек земле и небу обращал.

Как молния небес, метался он,
Как в лихорадке, содрогался он.

И чтобы гнев души своей унять,
Приказ он отдал — войско собирать.

И хлынули, как реки в океан,
Полки из ближних и далеких стран.

Иран, Туран, Монголия, Китай,
Где мира обитаемого край,

Откуда солнце поутру встает,—
Все поголовно поднялись в поход.

И побережья западных морей
Послали всех мужчин царю царей.

И люди Африки, и тех земель,
Где вечный сумрак, стужа и метель,—

Все на могучий клич войны пришли,
И не прийти — ты скажешь — не могли.

Волнуясь, по долинам и горам,
Без края простираясь по степям,

Необозримо воинства текли,—
Цари, султаны, ханы их вели.

И так был шум идущих войск велик,
Что высшей сферы неба он достиг.

Лишь Зангибар, и Рум, и Франгистан
Людей не слали в Кей-Кубадов стан,

Затем, что Искандарову в те дни
Власть добровольно приняли они.

Текли войска в течение двух лет,
Сошлись войска, каких не видел свет.

Небесных звезд бесчисленней полки,
Несметней, чем пустынные пески.

И негде было им шатры разбить,
Рек не хватило ко́ней напоить.

Туда, где сбор войскам назначен был,
Шах, нетерпенья полный, поспешил.

Когда такую рать он увидал,
Сильней в нем пламень мести запылал.

Сказал: «Коль двинусь на небо в поход —
Я отступить заставлю небосвод!»

Цари и шахи, данники Дары,
Меж тем несли бесценные дары,—

Хоть каждый дома грозным был царем,
Здесь кротко нес сильнейшего ярем.

Плеск ликованья загремел в войсках,
Когда предстал пред ними шаханшах.

Не осенял дотоле небосклон
Султана величавее, чем он.

Всех войск вожди — цари — к Даре пришли,
Склоняясь перед троном до земли,

У ног Дары целуя прах земли,—
И этим честь и славу обрели.

Кто удостоен был у шахских ног,
Пав на лицо, поцеловать песок,—

Тот мог быть счастлив: на его дела
Печать благоволения легла.

Так до жары полудепной с утра
Рабов венчанных принимал Дара.

Средь них был Чина властелин хакан,
Был падишах ипдийцев — Кара-хан.

Был Тимур-Таш — орды кипчакской хап,
Был Рес-Варка — египетский султан.

Был Фарангис — король страны Хаврап,
Был Давали — султан земли Ширван.

Там царских сыновей толпа была,
Там полководцам не было числа.

Все также возвеличились они
Лобзаньем Кейянидовой ступни,

Вниманьем сильного вознесены,
Велпчием его осенены.

И столько в дар сокровищ привезли,
Что их и за сто лет бы не сочли

Все счетчики великого царя,
Не зная сна, усердием горя.

Когда ж даров окончился прием,
По чпну, наивящим чередом,—

Велел великий царь царей Дара
Вождей и шахов звать под сень шатра.

Подобеп небосводу был шатер —
Так полы он широко распростер.

И венценосцам сесть Дара велел
Вкруг трона, на котором он сидел.

Как слуги, полководцы стали в круг,—
У трона места пе было для слуг.

И, обозрев испытанных в бою,
Владыка мира начал речь свою:

«Вот в чем причина сбора войск моих
И нарушенья мирных дел мирских.

Как только Файлакус — румийский хан —
Ударил в погребальный барабан,

Власть захватил его безумный сын,
Текущий криво, как вода стремнин,

Неукротимый, как степной огонь,
И непокорный, словно дикий конь.

Он — данник мой. Четвертый год настал
С тех пор, как дань платить он перестал,

Столь гордым он в своем безумье стал.
Когда же я гонцов к нему послал,

Чтоб разузнать о положенье дел
И почему платить он не хотел,—

И сразу все расчеты с ним свести,
И сразу взять всю дань и привезти,—

Моим послам он дерзко отказал!
Он много слов бессвязных им сказал,

Необоснованных и наглых слов.
И снова я послал к нему послов,

Чтоб от его главы отвеять зло,
Но наставленье в пользу не пошло:

Глупец! Он так ответил дерзко мне,
Что кровь моя вскипела, как в огне!

Решил я слов напрасно не терять,
Решил я уши наглому надрать.

Вот каково начало,— отчего
Потрясено все мира существо!»

Умолк он. Поднялись за шахом шах,
Все — в ратных искушенные делах.

И лицами опять к земле припав,
И пыль у ног Дары поцеловав,

Сказали: «Как причиной столь пустой
Мог быть смущен властителя покой!

Румийский царь приличьям не учен,
Любым из нас он будет укрощен!

А тысяч сорок всадников пошлем,
Проучим мы его — в песок сотрем!»

Дара сказал: «Уж раз собрал я вас,—
Рум будет местом отдыха для нас.

Что Рум? На Франгистан и Зангибар
Направить мы теперь должны удар,

Дойти до крайних мира берегов,
Вселенную очистить от врагов —

Дней за десять! Свидетель — вечный бог,—
Никто придумать лучше бы не мог».

Судьба царю вложила речь в уста.
Нет от судьбы лекарства, нет щита!

И, как с судьбой, никто не спорил с ним...
И воротились все к войскам своим.

Не спали ночь — готовились в поход.
Едва багряно вспыхнул небосвод,

Рать, как гроза, на запад потекла.
Когда до Искандара весть дошла,

Что на него Дара — владыка стран —
Несется, как песчаный ураган,

Неотвратим, громаден и жесток,—
Он — Искандар — беспечным быть не мог.

Навстречу он лазутчиков послал —
О каждом вражьем шаге узнавал...

Спокойный, полный мужества и сил,
Он способы защиты находил,

Не зная отдыха и сна,— пока
Не подготовил так свои войска,

Что каждый рядовой его двустам
Врагам противостал бы, как Рустам.

И, дивною отвагой облечен,
Сам ринулся врагам навстречу он,

Как буря на простор морских валов,
Как лев рычащий на табун ослов.

И весть о том до войск Дары дошла
И ужасом гордыню потрясла,—

Как никому не ведомый царек
На властелина мира выйти мог?

Когда же переходов семь дневных
Всего лишь оставалось между них,—

Все медленнее обе стороны
Сходились, осторожности полны.

При остановке войск вокруг шатров
Вал насыпали и копали ров.

И так охрана бдительна была,
Что мимо даже кошка б не прошла.

Так двигались два воинства. И вот
Меж них один остался переход.

Гора крутая возвышалась там,
Рассекшая пустыню пополам.

По ту и эту стороны горы —
Войска Румийца и войска Дары.

И вал велел насыпать Искандар,
Чтоб выдержать за ним любой удар.

И, выучку проверив войск своих,
Он сердце успокоил верой в них.

Полки своих мужей, готовых в бой,
На высоту возвел он за собой.

С высокой той горы он кинул взор
На открывавшийся пред ним простор.

И увидав врагов — их тьмы и тьмы!
Черны от войск равнины и холмы,—

Как будто ширь земная ожила
И в грозное движение пришла.

И пыль над войском, дым и конский пот
Лазурный омрачили небосвод.

Шум плыл от войск, как волн пучины шум...
И потрясен был Искандаров ум.

«Что ж! — молвил,— если здесь я бой приму —
Сам собственную голову сниму!

Я от гордыни в ослепленье был,
Когда ковер сраженья расстелил.

Отсель путей для отступленья нет,
Здесь гибель ждет меня, сомненья нет!»

Пока так сердцем сокрушался он,
В рассеянье воззрясь на крутосклон,

Двух куропаток вдруг перед собой
Заметил. Шел меж ними лютый бой.

Одна была сильнее и круппей,
Другая — втрое меньше и слабей.

Он, видя их неравенство в борьбе,
Даре их уподобил и себе.

И пристально смотрел он на борьбу,
Как будто видел в ней свою судьбу.

Он знал — победа будет за большой,—
И колебался скорбною душой.

Как вдруг могучий сокол с высоты
Упал стрелою рока,— скажешь ты.

Он куропатку сильную схватил
И на вершины скал с добычей взмыл.

А слабая осталась там одна,
Свободна и от смерти спасена.

Когда Румиец это увидал,
Он, сердцем ободрясь, возликовал.

Он понял: помощь некая придет —
И враг сильнейший перед ним падет.

Когда ж к своим войскам вернулся он,
Знамена ночи поднял небосклон

И факел дня, упав за грани гор,
Дым цвета дегтя по небу простер.

Душой, входящей в тело без души,
Вернулся царь к войскам в ночной тиши.

И ободрил он воинов своих,
И верных выставил сторожевых...

...Все спят. Не спят лишь в думах о войне
Цари на той и этой стороне.

Дара, что войск своих числа не знал,
Победу неизбежною считал.

Как мог иначе думать царь царей,
Могучий властелин подлунной всей?

Не видел он сквозь будущего тьму,
Что небосвод кривой сулит ему.

И так же Искандар не ведал сна,—
Заботами душа была полна...

Уж воины под кровом темноты
Готовили оружье и щиты.

Когда заря прекрасная взошла
И знамя золотое подняла,

И озарила воздух голубой
Счастливой Искандаровой звездой,

Два войска, как два моря, поднялись,—
И шум и топот их наполнил высь.

Богатыри издали страшный крик —
Такой, что слуха солнца он достиг.

И содрогнулся весь земной простор,
И глыбы скал оторвались от гор.

Подобны тюрку неба, на конях,
В железно-синих кованых бронях,

Построились огромные ряды,
Как грозовые темные гряды.

Так выстроил Дара, владыка стран,
Не войско — кровожадный океан!

Ты скажешь: лик земли отобразил
Все миллионы воинства светил!

Был строй составлен из семи рядов —
Семи великих мира поясов.

От Самарканда и до Чина шло
Войск Афридуна правое крыло.

Шесть сотен тысяч — на крыле одном —
Испытанных в искусстве боевом.

Узбеков было за сто тысяч там.
Калмыков — полтораста тысяч там.

Там войска Чина был отборный цвет,
По мужеству нигде им равных нет.

Парчою — цвета радужных огней —
Богатыри украсили коней.

Китайский шелк в отливах заревых
На шлемах развевается у них.

Там хан Тукваб, грозе военной рад,
Построил степняков своих отряд.

От них пришли в минувшие года
В мир — суматоха, ужас и беда.

Мечи их блещут, душу леденя,
Как языки подземного огня.

Я на собаке не считал волос,
Но больше там монголов поднялось.

Подобный льву, их вождь Мунгу ведет,
В мрак погружает страны их палет.

Мангыты там в чаркасских шишаках,
Чернь блещет на седельных их лука́х.

Мавераннахра далее сыны,
Как львы — отважны, как слоны — сильны.

А украшеньем левого крыла
Громада воинств Запада была.

Сопутствовали ассирийцы им,
И буртасы, и берберийцы им.

Желты у них знамена и наряд,
Их латы медью желтою горят.

Арабов сорок тысяч было там,—
Завидуют ветра их скакунам.

И копья и знамена их — черны,
Под чепраком попоны их — черны.

Ваки — султаном был аравитян.
Тали был предводитель мавритан.

Сто тысяч сабель, ужасавших мир,
Из Медаина вывел Ардашир.

Был цвет знамен — фиалковый у них,
И цвет попон — фиалковый у них.

Вел Густахам, в один построив ряд,
Три города — Катиф, Бахрейн, Багдад.

Шли воины, как голубой поток,
В железных латах с головы до ног.

Шесть сотен тысяч было их число —
Войск, составлявших левое крыло.

Семьсот же тысяч — войск Дары краса,—
Что изумляли даже небеса,

Посередине двух огромных крыл
Стояли в голове всех царских сил.

Кафтаны были белые у них,
Тюрбаны были белые у них.

Шли далее янтарные ряды
Людей Хорезма и Кипчак-орды.

И грозный, что ядром всех полчищ был,
Отряд ряды, как горы, взгромоздил.

И было семь в отряде том рядов —
И в каждом по сто тысяч удальцов,

Отборных из отборнейших мужей —
Телохранителей царя царей.

Им шахом власть и красота даны,
В зеленое они облачены.

Зеленый шелк на стягах их шумел.
Их строй, как чаща леса, зеленел.

А сам Дара — средь войска своего.
И нет у неба грома на него!

Так выстроив порядок сил своих,
Спокойно на врага он двинул их.

Шах Искандар на стороне другой,
Отвагой поли, людей готовил в бой.

И франков — сотня тысяч их число —
Поставил он на правое крыло.

Был князь Шейбал военачальник там,
По доблести он Заля сын — Рустам.

Их одеяний франкский аксамит
Был драгоценным жемчугом обшит.

Они — как львы в пылу кровавых сеч,
Склоняется пред ними солнца меч.

Враг падает пред ними, устрашен
Блистаньем семицветных их знамен.

А русов он на левое крыло
Поставил, сотня тысяч их число —

Суровых, ярых, как небесный конь,
В бою неукротимых, как огонь.

Весь их доспех — лишь копья да щиты,
Они как совы в море темноты.

Плащ красной шерсти — воина броня,
Чепрак багряный на спине коня.

Шлем руса сходен с чашею стальной,
На шлеме перья иволги лесной.

Согласным — дружбы он несет звезду,
А несогласным — гибель и беду.

А зинджи стали войска головой,
У зинджей был от всех отличный строй,

Изделье черных зинджей — их булат,
Щитки их лат, как зеркала, блестят.

От вавилонских шлемов бьют лучи,—
То скачет зинджей воинство в ночи.

Их шлемы — как орлиные носы,
Изогнутый их строй — острей косы.

Так превратил их латы в зеркала
Напильник угнетения и зла.

Смерть отразилась в зеркалах их лат,
Их враг бежит, смятением объят.

Из румских войск ядро составил шах,
Румянец юности на их щеках.

Красивые в движениях — как львы,
И грозны в нападениях — как львы;

Как шкура льва и тигра — их броня.
Плащи их — цвета желтого огня.

Войска грозой грохочущею шли.
Покрыли львы и тигры лик земли.

Султан прекрасный — воинства глава,
Был светлый стяг над ним похож на льва.

Победы ветер знамя развевал
Над львом, что войском львов повелевал.

Так, наподобие пчелиных сот,
Войска построив, он пошел с высот,

Как будто диких пьяных дивов хор,
Завыл под барабанами простор.

Кавказ отгрянул, содрогнулся Тавр
От грохота бесчисленных литавр.

И надвое кровавый свой престол
Тюрк неба перед боем расколол.

Карнаи выли так, как будто ад
Разверзся и нагрянул кыямат.

До неба тучей заклубилась пыль,
Земля — ты скажешь — превратилась в пыль!

Скажи — не пыль! — то небо обняла
Безлунной ночи мускусная мгла.

Как молнии, зерцала и мечи
Сверкали в той грохочущей ночи.

И ржанье ко́ней было словно гром,
Разящий землю огненным копьем.

Когда же воины издали крик,
Гром потерял от ужаса язык.

Будь небосвод беременной женой.
От страха плод он выкинул бы свой!

Когда ж умолкли воины на миг,
Настала тишина — страшней, чем крик.

И тучу пыли ветер отогнал,
И строю строй в долине виден стал.

И вот стрелою грозовых высот
Румиец некий выехал вперед,

Красавца аргамака горяча,
Играя синим пламенем меча.

Крылом зеленым с левого плеча
Китайская клубилась епанча.

Как столб шатра, его копье, а щит
Был яхонтами алыми покрыт.

Как лилии раскрывшийся бутон,
Шишак султаном белым оперен.

Проворный, пламенный любимец сеч,
Став на ристалище, он начал речь.

Всевышнего восславив и судьбу,
За Искандара он вознес мольбу

И, обратив к войскам врага свой лик,
Провозгласил: «Я — Бербери-Барик.

Я был слугой Дары — царя царей,
Но проку в службе не было моей.

За верный труд — не то чтобы добра —
И взгляда мне не уделил Дара.

Стоящих много ниже — он дарил,
Меня ж, моих заслуг не оценил!

Когда о том я шаху доложил,
К рабу властитель слуха не склонил!

Когда ж меня просил я отпустить,
Он, в гневе, приказал меня избить!

Униженному тяжко, мне тогда
Блеснула Искандарова звезда!

Когда я к Искандару прискакал,
Мне царь так много ласки оказал,

Так ни за что меня он наградил,
Что от стыда я голову склонил.

На смертный бой теперь я выхожу,
Две добрых думы на сердце держу:

Всемерно Искандару послужить
И вражьей кровью в битве стыд отмыть!

Всех, кто отмечен щедрым был Дарой,
Поодиночке вызываю в бой.

Пусть шах, чьей мудростью земля полна,
Увидит сам, какая им цена!»

Когда же Бербери-Барик умолк,
Навстречу воин вылетел, как волк,—

С лицом убийцы, темен, словно дым,
Нависший над пожарищем степным.

В индигоцветной сумрачной броне,
На черном, искры сыплющем коне.

То — в туче бедствий — гибели огонь!
То — небосвод бегущий, а не конь!

Копье в руке, как башенный таран,
А имя было воину — Харран.

Произнеся молитву за царя,
Он в бой рванулся, яростью горя.

И сшиблись на ристалище враги,
И разлетелись, делая круги.

Слетелись вновь. И долго длился бой,
Не побеждал ни тот и ни другой.

Но вот Барик проворство проявил,
Он в грудь копьем Харрана поразил —

И вышиб из седла, сломав ребро.
И прогремели небеса: «Добро!»

Поводьями Барик врага связал
И с пленником перед царем предстал.

Вновь Искандару дух возвеселил
Знак вещий, что победу им сулил.

Шах Искандар — ты скажешь — в пору ту
Победы первой видел красоту.

А лев-бербер, отвагой обуян,
Вновь на кровавый выехал майдан.

И вышел из рядов врага тогда
Слоноподобный богатырь Шейда.

Но льва от пораженья и стыда
Хранила Искандарова звезда.

И он такой удар Шейде нанес,
Что рухнул тот на землю, как утес.

К царю Барик сраженного привел,—
Связал и униженного привел.

Дара, владыка стран и мощных сил,
Копьем в досаде небу погрозил.

И вновь на поле, раскрывая зев,
Примчался лютый берберийский лев.

Другой — навстречу — издающий рев.
И страшно лица их наморщил гнев.

Но и его, как молнии стрела,
Бербер ударом вышиб из седла.

Так повалил Барик рукой своей
Девятерых подряд богатырей.

И больше в бой никто не выходил,
Но вспять коня Барик не обратил.

Он громко ратоборцев вызывал;
Скажи: огонь в сердца врагов бросал!

Ужасный гнев Дарою овладел;
Сильнейших звать на бой он повелел.

Муж выступил — похожий на слона,
Кружиться заставляя скакуна.

Силен, как слон, он с ног слона валил.
А конь, как носорог, огромен был.

Мех леопарда на его боках,
Тигровый плащ у мужа на плечах,

Как кровь живая, красный шлем горит —
Чалмой, как гибель, черною повит.

Не шлем — тюльпан! Но только не черно
Его пятно, а словно кровь красно.

Его лицо, как финики, темно.
А волосы — льняное волокно.

Глаза — алмазы! Но орбиты глаз,
Как после казни полный кровью таз.

Из стран заката он ведет свой род —
Таков обличьем весь его народ.

Неслыханная сила им дана,
Им никакая сила не страшна.

И если занятый войною шах,
Терпящий беды в боевых делах,

Хоть одного из них пошлет на бой,
Как слон, растопчет он отряд любой.

Но если в битве пленника возьмет,—
Все бросит и с добычей прочь уйдет

Домой, в пределы рода своего,
И силы нет остановить его.

А пленника приволочет в свой дом
И сделает навек своим рабом.

Но берберием не был устрашен,—
Как молния, на бой рванулся он,

И сшиблись ратоборцы, и сплелись,
И по полю, петляя, понеслись.

То настигал один, то убегал,
То вновь врага на край майдана гнал.

То первого бойца второй боец
Гнал на другой ристалища конец.

И подымали пыль они порой,
И пыль крутилась, словно смерч степной.

Кто мог бы льва, который вышел мстить,
В кровавом поединке победить?

Но все же истомил бербер копя,—
И в нем самом уж не было огня.

Ведь он девятерых мужей сразил
И силу мышц железных истощил.

Ловец людей, поняв,— слабеет враг,—
Схватил бербера крепко за кушак.

Добычу взяв, не отдал никому —
И не вернулся к войску своему.

Увел коня и пленника увлек.
И помешать никто ему не мог,

Ушел и скрылся медленно вдали,
Среди увалов пасмурной земли,

Там, где садилось солнце-властелин
За грани гор, в чертог морских пучин.

Увидев, что бербер его пропал,
Душою Искандар в унынье впал;

Сказал: «О, как горька его судьба!
О, как тяжел, увы, удел раба!»

Но он был рад, что богатырь такой
Неслыханный потерян был Дарой.

А шах Дара? — порадовался он,
Что берберием лютый укрощен.

Но все же втайне он был огорчен,
Что боевой ушел из войска слон.

...Ночь наступила. Поднялась луна,
Как Искандар, величия полна.

И разделила ночи глубина
Войска. И наступила тишина.

В своем шатре Дара не ведал сна,—
Ему потребны чаша и струна.

Увы! — он кровь глотал взамен вина!
«Что завтра явит мир, что даст война?»

Румиец ночь в молитве проводил,
Он помощи просил у бога, сил.

Смиренно он чело к земле склонил,
В слезах о справедливости молил.

Когда ж уста мольбы он затворил,
Рассветный луч вершины озарил.

Тревожно вновь заволновался стан,
Взревели трубы, грянул барабан.

И в поле потекли войска тогда,
Как сонм воскресших в Страшный день суда.

И тучи пыли омрачили высь,—
Мечи и копья яростно сплелись.

Зерцала рассекая синих лат,
Богатырям сердца пронзал булат.

Сраженьем управляя издали,
Шах Искандар глядел на лик земли.

И в пору ту гонец пред ним предстал,—
В пыли, в поту — он тяжело дышал.

Склонясь во прах, он уст не отворил
И свиток запечатанный вручил.

Вскрыл свиток Искандар. Но как же он
Был тем письмом глубоко изумлен!

Он понял, что расправился с врагом
Небесный свод в могуществе своем.

Два были у Дары, раба судьбы,—
Наместники царя, а не рабы.

Но незаслуженно султан их гнал
И ужасом их души напитал.

«Войну закончу — смерть нашлю на них!» —
Он молвил о наместниках своих.

Поняв, что им в живых не долго быть,
Решили те властителя убить:

«Пока не обнажил на нас он меч,
Должны мы сами жизнь его пресечь!..

Когда мы корни шаха поразим,
Народ от гнета мы освободим.

И пусть умрем потом! Ведь все равно
Светило наших дней обречено!

Желаний нет у нас других. Умрем,
Но души от насилия спасем!»

Они письму доверили сердца.
В румийский стан отправили гонца

К великому царю чужой земли,—
И тем на гибель души обрекли.

Когда же войск построились ряды,—
В кипенье нераскаянной вражды,

Те два, как заговор их был решен,
Настигли шаханшаха с двух сторон.

И разом заблистали их мечи,
Рубиновыми стали их мечи.

Один царю в живот клинок вонзил,
Другой — жестоко в темя поразил,

Возмездье и насилие творя
За гордость и насилие царя.

И наземь пал, как горделивый кедр,
Тот, корни чьи — в глубинах древних недр.

Величие Бахмана враг поверг.
Светильник рода Кейева померк...

И дрогнул воинств необъятный строй...
Прочтя письмо, Румиец той порой,

Вручив судьбу и душу небесам,
Сел на коня и поскакал к войскам,—

Кровопролитие остановил.
Во вражий стан бестрепетно вступил.

И расступились люди перед ним,
И преклонились люди перед ним.

И о беде поведали ему,—
Как светочу, вошедшему во тьму.

И наземь он тогда сошел с коня,
В шатер Дары вошел, как солнце дня,—

И видит: в луже крови шах лежит,
Кровавой багряницею покрыт.

И сердце горем сокрушилось в нем.
И сел он, горько плача над врагом,

И голову Дары в ладони взял,
И столько слез горячих проливал,

Что у Дары в его предсмертный час
Открылись сонные нарциссы глаз.

Он понял, кто у изголовья был,
И тихо так Дара заговорил:

«Добро пожаловать, мой юный шах!
Мудрец и богатырь, подлунной шах!

Кто перл родил столь дивной чистоты?
Кто мог бы так врагу простить, как ты?

О, как я гневом на тебя кипел!
Как часто гибели твоей хотел!

Средь сильных, миром правящих земным,
Один ты был соперником моим.

Кто в мире есть, как ты? Нет никого!
В тебе явилось миру божество.

Я на лицо твое взирать хочу!
Склонись ко мне! Тебе внимать хочу!

Ты — гость мой,— но в какие времена?
Дом рухнул мой, разграблена казна!

Как послужу я гостю моему?
Где друга долгожданного приму?

Вот лишь душа не отдана судьбе...
Коль примешь — душу я отдам тебе!

Мой милый гость! Ты сердцем так велик,
Теперь я сам — твой гость! — твой гость на миг!

И если дружба, а не зло — твой стяг,—
Бог да хранит тебя на всех путях!

Но если ты явился, чтоб убить,
Склонился, чтоб главу мою срубить,—

Великодушен будь — не убивай!
Помедли миг, сказать два слова дай!»

Крик Искандар и громкий плач подъял,
Венец свой сбросил, ворот разорвал.

Вскричал: «Живи, великий шах земли!
Уйдешь — как буду от тебя вдали?

Вот пред тобой слуга смиренный твой,
Но я стыжусь, что был плохим слугой!

Увы! в ножны не вкладывая меч,
Я должен был властителя беречь.

Я должен был очистить от врагов
Чертог, где обитает Кей-Хосров!

О, если б о врагах его я знал,
Я б из пределов мира их изгнал!

Нет слов! Язык в бессилии молчит.
Отчаяньем стыда мой ум убит!

В безумье, знай, я принял вызов твой,
В безумье на тебя я вышел в бой.

Я не поверил вражьему письму.
И как — скажи — поверить мог ему?

Но вот — увы! — злодейство свершено.
И для меня светило дня черно!..

Свидетель — небо: лгать я не могу!
Ты знаешь, властелин, что я не лгу!

Я умер бы, судьбу благодаря,
Лишь бы спасти от гибели царя!

Теперь свою мне волю сообщи!
Ее исполнить в мире поручи!

Меня в свои желанья посвяти!
Дай светоч мне на жизненном пути!»

Молитву небу шах земли вознес
И голосом чуть слышным произнес:

«Внемли,— вот три желания мои!
Три главных завещания мои!

Те, что меня убили без вины,
Твоей рукой да будут казнены.

Пусть не поможет месть моей судьбе,
Но польза будет в деле том тебе.

Спасти меня — нет средства. Я умру.
Но делом правды ты почти Дару!

Не обижай, прошу, родни моей!
Не забывай: их прародитель — Кей.

Знай! Никого средь них я не найду,
Кто мог бы затаить к тебе вражду.

Сиротам милосердье окажи,
К себе их вечной дружбой привяжи.

Не обрубай моих ветвей живых!
Нет для тебя опасности от них!

Дочь — Роушанак! — с сегодняшнего дня
Она одна осталась без меня!

Короной Кейев древнею она —
Хосрова пурпуром осенена.

Она — луна в созвездии царей,
Перл драгоценный шаховых морей.

Ковер свой украшай ее лучом!
И сердце утешай ее лучом!

Ее женою в свой шатер введи,
На трон с собою рядом посади!

Она — частица печени моей,
Последний колос скошенных полей.

С моею слабой печенью свяжись!
Будь сыном мне! Во внуке дай мне жизнь!

Кусочек печени моей живой,
Внук будет продолжатель мой и твой.

Сын Искандара он и Кеїанид,—
Меня с тобой навек соединит!

Трех этих просьб, о друг, не отвергай,—
Прими их! Мне ж пора сказать: «Прощай!»

Воздел Румиец руки к небесам,
Дал волю горьким воплям и слезам.

«О царь царей, величия предел!
Все принял я, что ты мне повелел,

И к богу обращаюсь я с мольбой,
Чтоб он простил мой грех перед тобой!»

Когда Дара услышал, что желал,
Вздохнул он и навеки замолчал.

И солнце закатилось, пала ночь.
В Бахмановом дворце настала ночь.

Закон пропал, что начертал Лухрасп,
Обычай пал, что завещал Гуштасп.

Кто светоч Кей-Хосрова омрачил?
Кто печень Кей-Хосрова поразил?

Смотри — Кава забвением объят.
Кто помнит, как был славен Кей-Кубад?

Страх духом Минучихра овладел,
На Афридуна ужас налетел...

Шах Искандар владыкой мира стал
И все Дары могущество приял.

В блистающий табут он прах царя
Убрал, едва забрезжила заря.

Зазеленела степь, как изумруд,
В ней все цветы благоуханье льют.

И вывел шах войска в степной простор,
А посреди поставил свой шатер.

Шатер, как небосвод, установил
И мир народам мира возгласил.

* * *

Вина мне, кравчий! Душу в нем найду,
Беду слезами скорби отведу!

Пусть рок Даре поспешно яд несет,—
Живой воды Румиец не найдет!

Приди, певец, и снова чанг настрой!
Но, сладких струн коснувшись, плачь, не пой,

Чтоб горько зарыдал я над Дарой,
Как мех вина кровавою струей.

О Навои! Вот мира существо!
Неверность и жестокость — суть его.

Будь верным, но о верности забудь.
Коль хочешь быть богатым, бедным будь!

О царственном порядке и строе в божественной мастерской мира, подобных порядку и строю во владениях Вечного, где ангелы, избранники, и пророки, и сонмы других созданий его по своим свойствам и качествам располагаются каждый на своем месте; и если все в этом мире помогают друг другу — это хорошо; а если нет — плохо

Рассказ о султане Абу Саиде Курагоне, да будет светлой его могила, который с помощью своего ума, устраняющего все препятствия, взял много стран и мечом разрушения жизни разгромил многие народы, но его воины, не будучи согласны с ним, однажды возмутились; и он остался в опасности — один среди врагов, а противник мечом мести снес голову этому достойному

Глубокий мыслью в царственных делах
Был в Курагоне знаменитый шах.

Он взял Мавераннахр и Хорасан
И много славных городов и стран.

Хорезм завоевал он и Кирман,
Кашгар он захватил и Сипахан.

Забулистан, Кабулистан при нем
Весенним заблистали цветником.

Благоразумен, знающ, умудрен,
Великую державу создал он.

И мысль глубоко овладела им —
Всем этим миром завладеть земным.

И вот — все взвесив, после долгих дум,
Повел он войско на Табриз и Рум.

Но хоть благоволил ему пророк,
Тот мудрый царь имел один порок.

Несметные богатства он собрал,
Но в скудости людей своих держал.

Предусмотрителен был мудрый шах,
А недовольство ширилось в войсках.

Когда на Рум обрушил он удар,
Немедля рать свою собрал кейсар.

Чтоб нападенью должный дать отпор,
Он поднял бранный щит и меч простер.

Надолго затянулись дни вражды,
Дни голода, и жажды, и нужды.

А шаха Курагонского войска
Ни в чем добра не видели пока.

И заговоров корни проросли
Средь войска, в глубине чужой земли.

Одни мечи бросают и бегут,
А те на сторону врага встают.

И, всеми брошен, пленником врагов
Стал царь семи вселенной поясов.

Явило небо неприязнь к нему;
Как солнце, закатился он во тьму.

Меч палача презренный заблистал,
Рубиновым от царской крови стал.

Внемли народа ропщущего глас,
Пока расплаты не нагрянул час!

Покинутый войсками властелин
Ничтожен; что он сделает один?

Засохнет быстро сорванный цветок;
Вне тела сердце — мяса лишь кусок.

Вот истина, известная давно,
Что шах и войско быть должны — одно.

Как два влюбленных — говорили встарь,—
Должны в согласье жить народ и царь.

Завоевать весь мир — легко ль сказать...
Но в дружбе с войском — не страшись дерзать!

Искандар, став владыкой в стране Дары, рассыпал золото и жемчуга, как солнце и рассвет, из его казны в сокровищницы, и этими дарами благоустроил дела подданных, и послал гонцов, чтобы вызвать шахов стран мира, и они все подчинились его приказам, а шах Кашмира произнес неподобающее заклинание, раджа Хинда ответил несогласием, и хакан Чина с недовольством отклоняет его предложение

Когда покончил Искандар с войной,
Вошел он в силу, словно лев весной.

Но духом щедр и разумом велик —
Он справедливости престол воздвиг.

Даруя счастье и миротворя,
Он стал душеприказчиком царя.

Печалью несказанною объят,
Оплакиванья справил он обряд.

И долго над Дарой он слезы лил
И царственно его похоронил.

Скажу я, что тужил он не о нем,
Скорбел о положении своем;

Такую власть, такие бремена,
На юные он поднял рамена.

Насколь велик властителя удел,
Настолько угнетен вершитель дел...

Последнюю Даре воздавши честь,
Цареубийц он приказал привесть.

На солнцепеке — в час жары дневной —
Повесили их книзу головой.

И всем в народе, кто б ни пожелал,
Он стрелами стрелять в них приказал.

Тела казненных предали костру,
Развеяли их пепел на ветру.

«Такая участь — низкому тому,
Кто изменил владыке своему!»

Так Искандар веленье царя
Свершил, всевышнего благодаря,

И молвил — полн желанием добра:
«Сирот оставил властелин Дара,—

Так пусть же успокоятся они!
И счастливы пребудут во все дни!»

Наделы, что даны им были встарь,
Пожаловал сиротам юный царь.

У власти над страною новой всей
Поставил верных, знающих людей.

Позвал писца, царевне Роушанак,
Участья полон, написал он так:

«Твоя потеря горше всех потерь.
Но ты напрасно не крушись теперь.

Покорность воле неба в дни беды
Дает цветенье счастья и плоды.

Пусть куст увядший вырвет садовод,
Весной его отводок расцветет.

Разбитой быть — жемчужницы удел,
Чтоб чистый жемчуг в мире заблестел».

И он к царевне тамошних князей
Послал, даря их милостью своей,

Чтоб в царский сад князья перевезли
Тот лучший кипарис садов земли,

Не кипарис, а гурию высот,
Что солнцем озаряет небосвод.

И царь, когда обет исполнен был,
К завоеванью мира приступил.

Сокровища, накопленные встарь,
Приумножал Дара, великий царь.

От Фаридуна не расточена
Была Кейанов царская казна.

Все, чем был сонм отцов его богат,
Принял от них избранник Кей-Кубад.

Таков был строй Ирана вековой:
Царь умирал, на трон вступал другой,

И по завету мудрому веков
Удваивал казну своих отцов.

Миродержавный, наконец, Дара
Владыкой стал несметного добра.

Так было тысячу и триста лет.
Четырнадцать владык увидел свет.

А бог богатства все былых царей
Румийцу отдал в щедрости своей.

Сто восемьдесят за́мков было там.
Дара богатства вверил их стенам.

В подвалах, вырубленных в толще скал,
Он золото под серебром скрывал.

И стражи тех могучих крепостей,
Начальники, хранители ключей

Пришли к царю, склонились до земли
И все ключи и списки поднесли.

Рассеяв страх и горе в их сердцах,
Расспрашивал их милостиво шах

И, видя преданность и верность их,
Сидеть оставил на местах своих.

И он велел, чтоб книги принесли,
Где всем богатствам царским счет вели,

И сколько ловят жемчуга в морях,
И лалов добывают в рудниках.

И у кого сходился верно счет,
Тем Искандар оказывал почет.

А где по книгам счет не доставал,
Он тех допросам строгим подвергал.

И вот, когда дабиры всё сочли,
К царю за приказаньями пришли.

И, вняв дабирам преданным своим,
Такой приказ владыка отдал им:

«Пусть всю казну сюда перевезут.
Пусть под рукой у нас хранится тут,

Чтоб не смутили дух моих врагов
Сокровища — наследие веков».

И слуги дружной двинулись толпой,
Как ветер по волнам береговой.

Понес за караваном караван
Вьюки сокровищ в царственный диван.

Два года, словно реки в океан,
Текли богатства в Искандаров стан.

И доложили шаху, как сочли,
Что половины не перевезли.

То, что осталось на своих местах,
Хранить велел надежным людям шах

В глубоких подземельях, в тайниках,
На кованых засовах и замках.

Все исполнялось так, как он велел,
И совершалось так, как он хотел.

Когда ученые его земли
В сокровищнице Джема всё сочли,

И ободрил великий мудрый шах
Людей, служивших у Дары в войсках,

Будь то вельможа, воин ли простой,
Иль тысячник, иль сотник войсковой,

Велел, чтоб всяк о нуждах говорил
И сколько прежде им Дара платил.

Когда от них к владыке весть дошла,
Сказал он: «Плата воинству мала».

«Бывало так,— услышал он в ответ,—
Что не платили нам по многу лет.

Казна заплатит — тут же и возьмет.
Ярмо налогов тяжких нес народ».

Когда о бедствии людей узнал,
Как море щедрый, Искандар сказал:

«Был у Дары обычай отнимать,—
Обычай будет наш — вдвойне давать».

Сказал он: «Дам вам отдых от войны,
Двойную плату выдам из казны.

Четыре сотни тысяч — войск ядро,—
На службе потерявших все добро,

Сполна всю плату будут получать,
Чтоб никогда им нищеты не знать.

Еще две сотни тысяч человек,
На службе царской бывших весь свой век,

Кем весь порядок держится в стране,
Получат также мзду свою вдвойне».

И на шесть сотен тысяч войск своих
Велел он выдать денег кормовых.

Войска вдвойне за службу наградил.
Харадж вдвойне народу облегчил.

Так защитил он войско и народ
И осенил страну, как небосвод.

Сокровища он людям раздарил,
Страдающих от горя защитил.

Сказал: «Что мне казна, что — блеск ее!
Народ и рать — сокровище мое.

И пусть дары морей и рудника
В казне моей несметнее песка,

Пусть я богаче всех владык земных,
Какой мне толк от всех богатств моих,—

Коль не приносят пользы мне они!
Гранит с гранатом искристым сравни:

Гранит — дешевый камень, а гранат
Увидев, люди алчностью горят.

И если ты сокровища хранишь,
Разбойники не спят, пока ты спишь.

Тот царь, чей благоденствует народ,
Богатство подлинное обретет».

Румиец, став богатым, полным сил,
Иран своею тенью осенил.

И, одарив довольством весь народ,
Стал собирать войска свои в поход.

Храня святой закон былых царей,
На службу взял он знающих мужей.

Призвал таких, чья мысль, как сталь, остра,
Пускай на них одежда не пестра.

Меч языка у каждого из них
Грозней оружья полчищ боевых.

Такую сеть их мысль могла сплести,
Что сильному из сети не уйти.

Коварнее покрытых медом жал
Их языка отточенный кинжал.

Они постигли глубь земных наук.
Высокий разум — спутник им и друг.

Премудрый Искандар назначил их
Послами быть во всех краях земных.

К саклабам шел один, другой — в Саксин.
Тот — в царство Индии, а третий — в Чин.

Один из них в Аравию пойдет,
В Кашмир далекий должен ехать тот.

В Миср едет этот, а другой в Багдад,
А тот в пределы царства Наушад.

Он каждого посла снабдил письмом.
Шла речь во всех посланьях об одном.

Одна во всех посланьях весть была —
Речь, что успокоение несла.

Калам Румиец тонко очинил,
И мысль такую в письмах он явил:

«Пишу тебе от имени того,
Кем создан мир и живо естество.

Того, кто видит мысли и сердца,
Не знает ни начала, ни конца,

Из бездны бедствий подымает он,
Царей с престолов низвергает он.

Любой владыка, грозный падишах
У ног его — ничтожество и прах.

Того ничто не в силах защитить,
Кого решил он в гневе истребить.

И нищему, лишенному всего,
Есть хлеб и место за столом его.

Царей на трон Дары возводит он,
А воля вседержителя — закон.

В покорстве воле бога — мир сердец.
Не спорит с вечным промыслом мудрец».

Так он, хвалу воздавший небесам,
Речь обратил крылатую к царям:

«Я — власть Дары приявший, Искандар.
Всесь мир земной сужден судьбой мне в дар.

Ты — Чина прославляемый хакан,
Кого своим вождем назвал Туран,

Ты ведаешь: все, чем владеешь ты,
Величье бытия и прах тщеты,

И что придет, и что навек уйдет,—
Не нашей волей дышит и живет.

Господь дарует троны беднякам
И посылает бедствия царям,

С благоговеньем должно принимать
И дар его любой добром считать.

Будь это жизнь, иль смерть, иль тьма, иль свет,—
С его веленьем спорить смысла нет.

Нельзя отвергнуть неба приговор.
С предвечной волей тщетен всякий спор.

И тайно так иль явно он хотел,—
Весь этот мир отныне — мой удел.

Мне в этом деле воли не дано.
Так было всемогущим решено.

Он предрешил, как жизнь пойдет моя,
И ум и мудрость дал он мне в друзья.

Отец мой, уходя навек ко сну,
Мне завещал и царство и страну.

Но дух познанья с детства мной владел,
И я желанья власти не имел.

Дал бог мне царство в некий день и час,—
Но ведь желанья наши — не от нас.

То в книге судеб предначертан был
Мой путь. И воли бог меня лишил.

К тому ж в народе внял я вопль и стон,
И крик о помощи со всех сторон;

К тому ж, услышав некий тайный глас,
Я принял власть, душой ее страшась.

И гласу духа внемля, свой удар
Обрушил я на черный Зангибар.

Труд принял я в походе и войне,
Буртасов племя покорилось мне.

И волей бога Франкская страна
До Моря Тьмы была мне отдана.

И силу пробудил в моих руках
Творец миров, и пал Дара во прах.

Как победить я стольких сильных мог?
Мне силу дал мою, помог мне бог.

Раз во сто больше враг мой был порой,
Но волей бога выходил я в бой,

И каждый раз сильнейшего громил,
По воле неба пылью мир затмил.

Когда Иран под власть мою подпал,
Любой из вас мне подчиненным стал.

И всяк, кто прежде почитал Дару
И шел с поклонами к его двору,—

Все поспешили в стан ко мне прибыть
И, как Даре, мне поклялись служить.

Любой из тех царей не ожидал
Великих милостей, что я раздал.

И если в суть ты разумом проник
И счастье друг тебе и проводник,—

Встань и явись к величью моему,
Подобному лишь небу самому.

Приди, услышь, одобри речь мою,
Склони покорно голову свою.

Приди, покорность, дружбу мне яви
И век под сенью милости живи.

И возвеличен средь иных царей
Ты будешь светом милости моей.

Когда ко мне ты явишься, в тот час
Я во вселенной оглашу приказ,

Что перед всеми я тебя взыщу
И ото всех тебя я защищу.

Но если есть препятствие в пути
И не сумеешь ты ко мне прийти,

И если болен и не в силах ты
Добра и счастья перейти черты,

И если волей бога ты не смог
Высокий мой облобызать порог,

То пусть твой старший сын иль младший брат
Ко мне, тебе в замену, поспешат.

Из родичей пошли мне одного,
Своим доверьем одари его.

Чтоб он разумен был, осведомлен,
Чтоб за тебя во всем ответил он.

Пусть принесет он все твои долги
С поклоном и покорностью слуги.

Твои желанья пусть объявит нам
И оправданья пусть объявит нам,

Чтоб тайным чаяньям твоим я внял
И все исполнил, как пообещал.

Но если от покорства в эти дни
Откажешься ты — бог тебя храни!

Когда вражду, как знамя, ты взметнешь,
Дорогой заблуждения пойдешь,

То, если поразит тебя судьба,
Брани себя — неверного раба.

И о заступничестве ты моем
Не помышляй. Вини себя во всем.

Вот все, что я сказать разумным счел.
Все остальное разъяснит посол!»

Письмо писцам отдав переписать,
Велел он эти списки разослать

В иные страны, всем другим царям.
Что ж, есть пора — молчать, пора — словам.

Коль царь напишет глупые слова,
О нем пойдет недобрая молва.

Для слова важного и время есть.
Что сказано не в пору — то не в честь.

Поехали с письмом во все концы
С охраною надежною гонцы.

И прибыли в предел иной земли.
И вот цари послание прочли.

Один от страха, тот награды ждет,—
Гонцам Румийца всюду был почет.

Всяк из царей, кто с разумом дружил,
К глазам письмо Румийца приложил.

Цари, прочтя посланье до конца,
Ты скажешь, стали слугами гонца.

Харадж, и дань, и щедрые дары
Отправили наследнику Дары.

И в чаянье, что милость обрели,
Они к подножью славному пришли.

Лишь три владыки гордых трех сторон
Не тронулись к Румийцу на поклон.

Все трое, верные одной судьбе,
Но скажешь, каждый сам был по себе.

Бесстрашьем льву подобен и орлу,
Так говорил кашмирский царь Маллу:

«Хоть Искандар всю землю заберет,
Над всей землею я, как небосвод.

Три силы вечным богом мне даны,
И я не дрогну под грозой войны.

Мои твердыни древние крепки,
Заоблачные горы высоки.

И диво для врага, и горе есть,—
Подземное под царством море есть.

Есть пламя, есть источники огня,
Есть чародеи-слуги у меня.

Пускай с небес на нас падет беда,
Они не дрогнут мыслью никогда.

Прикажут: «Суслик, львом свирепым стань!
Могучим тигром стань, степная лань!»

Таков Кашмир. Нагрянет Искандар,
Я на него обрушу свой удар.

Бедой подую я в лицо ему,
Как вихрь солому, войско подыму.

Но если чарами владеет он
И наши силы одолеет он,

То в глубине страны пустыня есть.
Там, на крутой скале, твердыня есть.

Из красной меди крепость сложена,
Издревле заколдована она.

Под крепостью есть потаенный ход.
Твердыня подпирает небосвод.

А захотим — невидима она...
Такая мощь заклятий нам дана.

Искусство чар не каждый обретет
Из тех, кто в нашей крепости живет.

А спросят нас — искусство ваше в чем?
В том, что огонь и ветер стережем.

Так силен жар полуденной поры,
Что люди умирают от жары.

Спасенье — свежий ветер. Но когда
Подует он, то всем живым — беда.

Под ветром тем огня не развести,
Под кровлею защиты не найти.

Ужасен климат наш. Людей сердца
Он убивает. Здесь не жди венца».

Вот так Маллу Румийцу угрожал,
И так раджа из Хинда отвечал:

«Царь Искандар сказал мне — я внемлю,
Что б он ни приказал мне — я внемлю.

Но ведь когда Дара, владыка стран,
Призвал к себе на помощь Хиндустан,

Как он хвалил меня в письме своем!
Как льстил, нуждаясь в воинстве моем!

Что ж, я откликнулся. Но не забудь —
Мы на год, на два снаряжались в путь.

Забрал налоги за два года я.
Взял от полей и от приплода я.

Вперед я войску за год заплатил.
Когда ж пришел на битву полный сил,

Увидел я, что рок Дару сразил.
Царя сетями смерти обкрутил.

И день твой вспыхнул в боевой пыли...
А мы обратно по горам пошли

И снаряженье износили все,
Без боя по ветру пустили все.

В поход мы вышли в несчастливый час.
В пути напало бедствие на нас.

Теперь в лохмотьях сыновья князей,
Воруют, как рабы, чужих коней.

Пустыни я и горы миновал,
Ногою твердой вновь на царство встал.

Гляжу: увел я войско на войну,
Привел лишь часть десятую одну.

Увы, постигла наш народ беда,
Какой отцы не знали никогда!

Ты думаешь, что черен мой народ,
Но горя это черного оплот.

Я чернотою горя с головой
Покрыт. Но верь, я не противник твой.

Я внял твоим веленьям. Но гляди,
Как бедствуем мы! Нашу кровь щади!

Будь милосерден, слезы нам отри
И дай нам жить спокойно года три.

Пусть в мире обездоленный народ
Еще хоть два-три года проживет!

И если снова в силу мы войдем,
Я сам хотел бы встретиться с царем.

А понуждать войска в поход сейчас —
Докука беспредельная для нас.

Его посланье шлю обратно я.
Его веленье — не судьба моя.

Как смел? Как мне приказывать он мог!
Он — царь там у себя, но он не бог!

Он дерзок был, послы! Я вежлив к вам.
Пусть внемлет с честью он моим словам».

Так дал ответ раджа Румийцу в стан.
Иначе отвечал ему хакан.

Сказал: «В посланье этом злая речь,
Как черный яд, как изощренный меч.

Наверно, царь ваш не в своем уме,—
Настолько дерзок он в своем письме.

Богата и сильна страна моя.
Ни в чем ему не уступаю я.

Все, что он пишет мне в письме своем,
Несовместимо с честью и умом.

Не скажет мне и вечный небосвод,—
Пусть, мол, хакан передо мной падет.

С Дарой у нас, давно установясь,
Была когда-то дружеская связь.

Но он меня ни в чем не принуждал.
Меня, как старший, он не унижал.

Пусть Искандар — второй Дара. Пусть он
Владыкой мира будет наречен,

Но что ж не подсказал премудрый пир
Ему, что Чин — огромный целый мир?

Поспешен он по молодости лет,
Но я не тороплюсь давать ответ.

Он дерзок был в письме, я так скажу,
Но я запальчивость свою сдержу.

Пусть нам он дружбу явит, как Дара,
Тогда дождется он от нас добра.

Но если он всех выше мнит себя,
Лишь о своем величии трубя,

Утратил меру, упоен собой,—
То встретит он у нас вражду и бой.

Я не грожу,— пойду, мол, истреблю!
Но с ним на рубеже я в бой вступлю.

Он нападет на нас — не устрашусь.
Не спрячусь в город, в замок не запрусь.

Я выйду в поле, пыль взмету смерчом.
Во всеоружье дам отпор мечом».

Вернулись три посла в поту, в пыли.
Все Искандару, спешась, донесли,

Что отвечал раджа, Маллу-султан,
Что отвечал надменный им хакан.

Зато сошлись во множестве — смотри! —
Покорность проявившие цари.

Для них Румиец во дворце Дары
Устраивал вседневные пиры.

Но сам он не был счастлив на пирах:
О непокорных думал он царях.

Веселье вкруг него весь день цветет,
А в сердце, в мыслях у него — поход.

Меж тем на мир повеяло зимой,
А войск не водят зимнею порой.

Смиряя сердце, на зимовку шах
Повел полки в Иран и Карабах.

* * *

О виночерпий, тяготы отринь,
Бутыль до дна в мой кубок опрокинь!

Улыбкой, как стекло ее, блистай.
В Кашмир пойду я, в Индию, в Китай!

Приди, певец! Кашмирский чанг настрой
И песню на индийский лад запой!

Пусть тот, кто чашу Чина мне нальет,
Дайрой поднос фарфоровый возьмет.

О Навои, возьми испей до дна
Источник животворного вина!

Нет в мире ни хакана, ни Маллу.
Они ушли в неведомую мглу.

По краю кубка вязью вьется стих.
«Они ушли, не говори о них!..»

И не об Искандаре песнь веди,
О Хызре говори и о Махди!

Описание зимы, леденящий ветер которой напоминает холодные вздохи скорбящих сердцем влюбленных и стужа которой рассказывает легенды о душистом дыхании влюбленных, в душе которых горит огонь, и ледяной покров которой напоминает мрамор, а ее буран побеждает весь мир, и в это время года белый мир с небесным ликом становится светлым от пламени, подобного солнцу, или от вина, подобного огню, и собрание пирующих расцветает от весны улыбок солнцеликой красавицы

Огонь — зиме, вино пирам дано.
Вино, как пламя, пламя, как вино.

Огонь в жаровне, словно гроздий сок.
Вино красно, как пламени цветок.

А шейки фляг длинней гусиных шей,
А на углях жаркое из гусей.

Как розы, рдеют угли в очагах.
Игра их отражается в глазах.

Вино красавец юный в кубки льет.
Другой — алоэ на угли кладет.

И угли, источая сладкий дым,
Дом озаряют блеском золотым.

Рубином уголь чудится в золе.
Рубин вина, как пламя в хрустале.

Пусть ночь, как мускус, за окном черна,
Сияньем наша горница полна.

Там, за дверьми, над мускусной землей,
Ночные тучи сыплют камфарой.

За дверью буря, вьется снежный прах,
А здесь — огонь и гости на коврах,

С опущенной в раздумье головой,
Внимают пенью пери молодой.

Поражено их сердце не вином,
А пеньем пери, глаз живым огнем.

В том пробудилась тайная печаль,
И он на крыльях дум унесся вдаль.

Когда ж он станет жертвою вина,
И сядет юная пред ним луна,—

В нем, непрерывно горечью дыша,
Как чаша, переполнится душа.

Жизнь без нее — долина горьких бед.
Взглянуть же на нее отваги нет.

Скажп: беда тому и тот пропал,
Кому она свой поднесет фиал.

И он главу преклонит, и тогда
Не подниматься ей до дня Суда...

Но тот блажен, кто в этот час умрет,
Жизнь вечную он в смерти обретет.

Когда влюбленный разума лишеп,
Упав, как пьяный, он впадает в сон.

Луна, едва зарей блеснет восток,
Чтоб отогнать похмелье, пьет глоток.

И, затевая пиршество опять,
Повелевает свечи зажигать.

Ее глаза и томны и темны,
И мы вином ее опьянены.

Колпак соболий набекрень у ней
На светлый лоб надвинут до бровей.

В баранью шубку кутаясь, она
Как солнце дня в созвездии Овпа.

И, календарь забыв, не видим мы
Помехи для весны среди зимы.

Опа найдет влюбленного в нее,
Что впал, как в смерть, в глухое забытье.

Возьмет потреплет за ухо его,
Чтоб красоты он видел торжество.

И как мессия, к жизни воскресит
Того, кто ночью ею был убит.

Блажен, кто ею к жизни возвращеп,—
Он Хызром к новой жизни приобщен.

Тот, кто живую воду изопьет,
Дыханье новой жизни обретет,

И притчей в мире станет речь о том,
Кто опален бессмертия огнем.

Не говори, что пьян Меджнун больной,
Скажи: расстроен в нем сознанья строй.

Он обезумел, пери увидав,
Ушел от мира, мира не познав.

Увидев, что любовь грозит уму,
Чтоб тайна не открылась никому,

Он выйдет из дому в рассветной мгле,
Пойдет бродить безумцем по земле.

Пусть он ушел во вьюгу, по снегам,
Но мир иной открыт его глазам...

С нагорий дует ветер все лютей,
Пронизывая тело до костей.

Пластинами сверкающего льда
Окаменела быстрая вода.

Источник-солнце в чаше ледяной
Блистает, искрясь яркою звездой.

И звезд небесных чистые лучи
Пылают ярче над землей в ночи.

А солнце светит тускло, и тепло
Из естества лучей его ушло.

И люди прячут лица в башлыках,
У странников сосульки на усах.

Как летом мотыльки на свет свечи,
Слетелись птицы на огонь в ночи.

Тенета дыма разостлал костер,
Как зерна, искры разбросал костер.

Лик месяца от стужи посинел.
Свод неба, словно льдина, побледнел.

Седые в небе облака висят,
Рождающие белый снегопад.

Знамена вьюги хан зимы подъял
И с войском бурь на край садов напал.

Он цветники разграбил и в ночи
Сорвал с деревьев золого парчи.

Тепло и свет пытаясь уберечь,
Деревья просят — их в костер посечь.

И пламя ярко блещет, как фазан,
Зимы студеной озаряя стан.

Мир в горностай оделся, нем и глух
Оделись люди в мех, и шерсть, и пух,

И, в плечи головы свои втянув.
Сидят, перед сандалом прикорнув.

Коль на змею зимою поглядишь,
Ее с куском веревки ты сравнишь.

Безвредна, силы стужей лишена,
Она свиваться, прядать не вольна.

К огню живому гурии сошлись,
Как звезды, что вкруг солнца собрались.

И всяк зимою привлечен огнем,
Как желтая солома янтарем.

Когда декабрь повеет на пруды
И серебром покроет ртуть воды,—

То рыба, скрыта под ледовый свод,
Зиме-акуле в пищу не пойдет.

Когда подымет рать январь-Бахман,
Земля, тверда, лежит, как Руинтан.

И вновь столпотворенье над землей
Несет воитель, от снегов седой.

В его глазах суровых стынет мгла,
И не вольна сразить его стрела.

И странным взору мнится мир земной,
Где все смешалось в буре снеговой.

Тогда в смущенье отступаем мы
Перед набегом воинства зимы,

И нет пути в пустынях снеговых,
И свет очажный — благо для живых.

Согрет и дышит амброю покой,
Ад снеговой бушует за стеной.

И гурия небес к тебе сойдет,
И чашу вод Ковсара принесет.

Подъемля чашу к жаждущим губам,
Блаженства полн, пади к ее ногам.

Тогда крутую выю небосвод,
Боюсь, от зависти к тебе, свихнет.

Счастливец, час раздумьям посвяти,
От сглаза заклинание прочти.

Пусть дом твой — рай, пусть в нем тепло и свет,
Что — рай, когда с тобой любимой нет!

О Меджнуне, как он ходил зимой и днем, и долгой темной ночью, вдыхая мускусный запах локонов Лейли от каравана ветра, и как счастливая судьба, наряжающая невест, дает ему в руки конец нити, ведущей к цели

НАЗИДАНИЕ

Искандар спрашивает Арасту о зиме, почему люди желают ее и почему естество их требует ее, несмотря на жестокий холод и снег. Мудрец открывает уста для ответа и сыплет жемчуг из облака мудрости

Искандар выступает в поход ради обладания миром, доходит до Хорасана, строит Герат, берет Мавераннахр, создает несравненный Самарканд, отправляется в сторону Кашмира, и, чтобы преодолеть колдовские чары кашмирцев, он, как Муса, своей блистающей рукой разрушает крепость колдовства, и Маллу, потерпев поражение, направляется к своей волшебной крепости, а Искандар доходит до города Кашмира

Победы книгу пишущий для нас
Так начинает новый свой рассказ:

Стал Искандар владыкою земли,
И все к нему с покорностью пришли

Цари, которыми еще вчера
Багрянородный управлял Дара.

Но трое не пришли: кашмирский хан,
Шах Индии, хакан восточных стран!

В поход на них готовясь, юный шах
Избрал зимовки местом — Карабах.

Он войско снаряжал и отбирал,
Мужей своим примером ободрял.

Но средь великих воинских забот
Не забывал державу и народ.

В час отдыха — на светлых берегах
Аракса — он охотился в горах.

Когда ж к покою брачному Овна
Светило мира привела весна

И молодая зелень поднялась,
Над всею степью объявляя власть,

Войска он вывел на простор степной,
Бесчисленные, как цветы весной.

Как предсказал тысячезвездный свод,
В счастливый час он выступил в поход.

Лицо он к Исфагану обратил
И власть над всем Ираном утвердил.

И, за спиной оставив Исфаган,
Вступил в благословенный Хорасан.

И той страны измерил он края,—
То не страна — отрада бытия.

Обширно-беспредельная — она
Обилия и красоты полна.

Там чистый воздух щек не опалит,
Он, как вино, бодрит и веселит.

И много рек и речек на простор,
Шумя, течет с ее прекрасных гор.

Четыре самых славных и больших,
По щедрости, как море, волны их.

В самозабвенье вечный небосвод
Внимает пенью их могучих вод.

Подобна раю той страны земля,
Там реки рая льются на поля.

Хирманд-рекою мы зовем одну,
Она поит Забулистан-страну.

Хирманда брег — Рустама древний кров,
Забул — долина роз, страна садов;

Она, как солнце, озаряет мир.
Ее «Нимрузом» называет мир.

Последний нищий там — богач Хатам,
И каждый воин там, как всадник Сам.

Другая же из этих рек — Абхар,
Ее вода — золотоносный дар.

В полдневный зной глоток воды ее
Пьют гурии, как райское питье.

Но жизнь врага от волн ее горька.
Питает древний Балх Абхар-река.

Тот Балх, что шах Гушанг облюбовал
И всей земли столицею назвал.

А третья там река — Муграб. Она
Струей Ковсара вечной рождена.

От всех болезней и душевных ран
Ей исцеленья дар волшебный дан.

Струящимся сокровищем зовет
Ее народ. Над нею Мерв цветет,

Где гурий полный рай себе обрел
Шах Тахмурасп, воздвигнув свой престол.

Сады полны непобедимых чар,
Где позже обитал султан Санджар.

А Ханджаран — четвертая река,
Она бежит в горах — сквозь облака.

Подобна небу — гор могучих грудь;
В горах река блестит, как Млечный Путь.

Как жемчуг, камешки у ней на дне,
Играют звезды на ее волне.

Тот, кто живой воды ее испил,
Спасенье от недугов находил.

Как Хызр, сады цветут на берегах,
Не зная увядания в веках.

Как чаша неба, мир ее полей,
Как воздух рая, воздух чист над ней.

Пусть нёбо мира зноем спалено,—
Оно ее волной охлаждено!

Потом река по пламенным пескам
Течет, даруя счастье берегам.

В дали пустынь теряется она,—
В подземный мир скрывается она...

Шах Искандар, объехав Хорасан,
На светлых берегах разбил свой стан.

Любуясь благодатною страной,
Сказал он: «Не земля — а рай земной!»

И местом и рекою восхищен,
Прекрасный город там построил он.

И сто названий перебрав стократ,
Назвал свое создание — «Герат».

«Герат» — мы говорим, но посмотри:
Простолюдины говорят «Гери»...

И само солнце город молодой
Избрал своей счастливою звездой.

Как семь планет на тверди голубой,
Семь поясов имеет мир земной.

Как солнце посреди планет своих,
Так Хорасан средь поясов земных.

А в Хорасане — величавый град,
Прекрасная душа его — Герат...

Покамест солнце над землей встает,
Сияньем наполняя небосвод,

Пусть Хорасан красуется всегда,
Не зная смут и горя никогда!

Когда владыка мира город свой
Воздвиг и окружил его стеной,

Вновь для войны покинув свой престол,
Джейхун-реку он с войском перешел.

И распростерлась перед ним страна —
В цвету, как лучезарная весна.

Она «Мавераннахром» названа,—
Меж двух великих рек лежит она.

Страны Мавераннахра ширина,
Примерно, восьмистам верстам равна.

С востока у нее — река Сейхун.
А с юго-запада — река Джейхун.

Есть в той стране еще пятнадцать рек,
И лучшая река из них — Кухек.

Река Кухек, как Нил с Магрибских гор,
С горы Кухек стремится на простор.

То не гора — бесценный талисман,
Сокровищ всей вселенной талисман!

Не глиняные осыпи на ней,
Рубиновые россыпи на ней!

Кто видел эту гору, молвил тот:
«Вот голова Меджнуна слезы льет!»

Был Искандар тем краем восхищен,
Был им, как светлым раем, восхищен.

Построил город близ горы Кухек
И Самаркандом город свой нарек.

Столицей новою украсив мир,
Он двинулся немедля на Кашмир.

Повел через безводные пески
Войска — величьем духа и руки.

И много царств дорогой покорил
И вот к горам Кашмира подступил.

И грозную увидел крутизну —
Ее гранит царапает луну,

Вершина подпирает небосвод,
На кручу взглянешь — шапка упадет!

Сверкая, уходил во мглу небес
Ее стены обтесанный отвес.

Вскарабкаться нельзя на гору ту,
Перелетать — орлу невмоготу.

От неба до земли была она
Огромной трещиной разделена.

Ущелье то, не шире ста локтей,
Глубоко в гору шло, теряясь в ней.

В ущелье тесный закрывали вход
Две створы тяжких кованых ворот.

Их арка тонет в сумраке высот,
Дуга той арки — как небесный свод.

Созданье чародейства — не руки,—
Врата на диво мощны и крепки.

Волшебники, что создавали их,
Гранитом сплошь облицевали их.

На сто локтей от уровня земли
Вверху две медных башни возвели.

Ты скажешь: то не крепость! Не степа!
Ей никакая сила не страшна.

То плод ума, уменья, колдовства —
Так о твердыне той гласит молва.

В той крепости две тысячи людей —
Из них любой — колдун и чародей.

От шлема и до пят снаряжены
Они для обороны и войны.

Так угрожающ облик тех высот,
Что враг к ним на ягач не подойдет.

Оцепенеет злополучный тот,
Кто колдовства черту перешагнет,

Хотя б он на лихом скакал коне,
В беде себя увидит, в западне.

Там ослабеют ноги у коня.
Коню и всаднику там западня!

Там круг могучих чародейских сил
Пути для наступленья преградил...

В смятении о мощи тех преград
Царю передовой донес отряд.

Но шаха этот слух не устрашил,
И с мудрым Арасту он поспешил

Туда — за край рядов передовых,
Проверить вести воинов своих.

Проверив вести войска своего,
Он молвил: «Вот Кашмира колдовство!

Нерасторжима волшебства черта!
Несокрушимы башни и врата!»

Но, дум своих волненье укротив,
Вернулся в стан, войска поворотив.

В шатре с ним Арасту и Афлатун,
Сократ, Аршамидус и Кылинмун,

И муж Волис, и румский Балинос,
Хурмус, и Фарфурнус, и Шаминос.

И с ними на совет к царю пришли
Пятьсот ученейших мужей земли.

Шах Искандар у мудрецов спросил:
«Где средство есть от чародейских сил?»

И встали приближенные царя,
Совет держали, рвением горя,

И говорят: «Великий шах-сардар!
Не опасайся черных вражьих чар:

Пусть крепость их грозна, как небосвод,
Наука наша вход в нее найдет!

Мы сломим ухищрения врагов,
Разрушим укрепления врагов.

Что против знанья — маг и чародей,
Обманщик и базарный лицедей?

Вот мы, зиждители твоей судьбы,
Какие там зиждители,— рабы!

Любой — и Афлатун и Балинос —
Не устрашится колдовских угроз.

А не удастся их осилить нам,
Пусть будут нам уделом — стыд и срам!

Пусть чародеями ворон зовут,
Нам разогнать их — не великий труд!

Ты, царь, два дня спокойно отдыхай
Иль в степи на охоту поезжай.

На третий день мы дело разрешим,
Желание твое осуществим:

Кашмира чары сокрушим во прах!»
...От их речей возрадовался шах.

«Оставьте все дела! — сказал он им,—
Одним займитесь делом — коренным!»

И мудрецы, за шаха помолясь,
Ушли, всецело к делу обратясь.

Расположенье звезд учли сперва,
Взаимосвязь планет и естества.

Горн раскалили силой поддувал
И в нем с металлом сплавили металл —

Ртуть, бронзу, олово. И наконец
Отлили тверди звездной образец —

Блестящий твердый шар, пустой внутри.
И что ж они придумали, смотри!

От четырех стихий по части взяв,
Огонь и воду с глиною смешав,

Неведомое миру вещество
Сварили, заложили в шар его.

А в два отверстья шара фитили
Заправили — из нитей конопли.

Стал этот шар драконьей головой,—
Не головой — стрелою громовой!

Коль фитили поджечь, а шар метнуть
За арку врат, за каменную круть,

То догорят в полете фитили —
И, чуть коснется тот снаряд земли,

Едва о камни гряпется снаряд,
Возникнет гром и смертоносный град

Осколков шара,— будет дым, огонь,
И вихрь, и ужасающая вонь

Взорвавшегося в шаре вещества,
И сокрушится сила волшебства.

Тогда врата железные падут,
И гибель чародеи обретут,

И дымом омрачится лик луны,
И станут лица колдунов черны.

От страха обезумеют они!
О бегстве лишь подумают они!..

Как был готов прекрасный талисман —
Луне подобный ясной талисман,—

К царю,— нет! — к солнцу неба и земли,
А не к царю, ученые пришли

С ядром изобретенья своего
И описали таинства его.

Прекрасноликий шах, придя в восторг,
Крик изумленья радостно исторг.

Сказал: «Вот чудо для ума и глаз!
Простите мне, что сомневался в вас!

Когда ж возмездья пустим мы стрелу
В оплот жестокосердого Маллу?»

«Да хоть сейчас! — ответили ему,—
Согласно повеленью твоему!»

И шах явил войскам свой светлый лик,
И ликованья шум в войсках возник.

Сел на коня могучего султан —
За ним войска пошли, как Океан.

Цари земли у стремени его —
Оруженосцы бремени его.

Ученые же люди — погляди!
Орудье грома катят впереди.

Не на колесах медную трубу,
А грозную противника судьбу.

И, выйдя за передний воинств ряд,
Они в трубу вкатили свой снаряд.

Спервоначалу Чина вещество
На дно трубы насыпав под него.

Когда ж того орудья фитили
Мудрейшие из мудрых подожгли,

Раздался гром — и талисман взлетел,
Дабы народа тягостный удел

Одним ударом счастливо решить,
Дабы оплот насилья сокрушить!

Вот в крепости врагов снаряд упал,
И разорвался, и загрохотал.

Возникли ад, огонь, зловонье, гром —
И воины попадали кругом.

От дыма почернели лица их,
И раскололись створы врат стальных,

И распахнулось крепости жерло,
И на врагов смятение нашло,—

В безумье их повергли гром и дым...
Что, кроме бегства, оставалось им?

Вопя, они помчались в свой удел,
Там, где Маллу, злосчастный шах, сидел.

Золотолицыми они пришли,
А вспять черней, чем негры, утекли.

Сизоворонками они пришли,
Воронами и галками ушли.

Вот враг непобедимый поражен!
Вот глины ком на тысячу ворон!

...Когда же вести выслушал Маллу
Про грозную румийскую стрелу,

Об Искандаре тут подумал он
И понял, что он слаб, а тот силен!

Что маг перед ученым-мудрецом?
Что он — Маллу — перед таким царем?

И понял он, что мир его померк
В тот день, когда он мир с царем отверг.

И видит он, в смятении народ...
И сам от страха места не найдет.

В подземный ход — иного нет пути —
Сокровища велел перенести.

Оружье, золото и серебро,
Рубины, перлы — все свое добро.

Но вы, что столь богатым можно быть,
Увы, не сможете вообразить!

А сам на Каратаг он улетел
И, словно муха на ворону, сел!

И тот, кому свой меч вручил Дара,
Тот Джем, увидев действие ядра,

Сказал: «Ну, с богом, в крепость мы войдем!»
Но мудрецы, стоявшие кругом,

Ответили ему: «Сегодня — нет!
До завтра налагаем мы запрет.

Там не рассеялся зловредный дым.
До завтра здесь спокойно посидим!»

И сердце к отдыху и пиршеству
Шах обратил, подобный божеству.

Мужей науки в свой шатер созвал,
И много почестей им оказал,

И милостью своей их озарил,
И возвеличил их, и одарил...

Когда же закатился солнца шар,
Что над землей блистал, как Искандар,

И кубок наслажденье даровал
Всем, кто к нему устами припадал,

Из царского шатра они ушли
И с чистым сердцем отдых обрели.

Когда же встало солнце, сквозь туман
Горя, как Искандаров талисман,

Прекрасный шах явил войскам свой лик,
Как солнце утра — светел и велик,—

И выехал верхом к своим войскам,
Слоноподобный мощью, как Рустам.

И воинство рекою потекло
И в крепость чародейскую вошло.

Теснпной шло оно дней пять иль шесть,
Когда примчалась из Кашмира весть.

Гонец — к царю: письмо в руке одной
И ключ от города — в руке другой.

Писали: «Под насильственным жезлом
Народ наш не народом был — рабом!

Но, испытав могучий твой таран,
Бежал Маллу, безжалостный тиран.

Тобой от рабства освобождены,
К тебе мы благодарностью полны!

Но хоть избегли рабской мы судьбы,
Тебе мы будем верные рабы!

Простри над нами, мудрый царь царей,
Десницу справедливости твоей!

Мы совершим, что только скажешь ты!
Исполним все, что ни прикажешь ты!

Велишь — навстречу мы тебе пойдем
Всем городом! Твоей лишь воли ждем!»

И шах в ответ послал такой приказ:
«Мы не желаем беспокоить вас.

Сам буду к вам я через два-три дня.
Не бойтесь — и молитесь за меня!»

И вскоре Искандар в Кашмир вступил.
И в городе войска расположил.

Дворец отрады шах Маллу воздвиг,
Взрастил увеселения цветник.

В том замке, что свободным стал от чар,
Со свитой разместился Искандар.

Впервые в жизни в сад прекрасный тот
Теперь свободно приходил народ.

Вниманье шаха люди там нашли,
Надежду жизни новой обрели.

Любовней и заботливей отца
Он обнадежил скорбные сердца.

Сказал: «Вот отдал я приказ войскам,
Дабы обид не наносили вам!

И кто у вас веревку отберет,
Висеть на той веревке будет тот.

И ни один боец румийских сил
Обиды жителям не причинил.

Все ж люди несказанной той земли
Дань добровольно шаху принесли.

Дань эту войску Искандар раздал,
А сам — с веселым сердцем — пировал.

И чашу, в коей отражался мир,
Он отыскал, обследовав Кашмир.

Да, кстати, у Маллу был казначей,
Хранитель всех сокровищ и ключей.

Он Искандару все ключи поднес,
Когда Маллу сбежал, трусливый пес.

И шах премудрый, овладев казной,—
Смотрите! — кубок отыскал другой

Тот кубок полн рубиновым вином,
Вино не скиснет, сколь ни отопьем!

«Вот это кубок жизни!» — шах сказал,
И «Чашей жизни» он его назвал;

Хоть кубок первый больше знаменит,
О нем рассказ в дальнейшем предстоит.

Взяв чашу — счастья величайший дар,—
Запировал великий Искандар.

Пчелою он, прильнувшей к розе, стал
И письмена на чаше прочитал:

«Когда полмира покорил Джемшид,
Обиженным и униженным щит,—

Сонм мудрецов, что с шахом пребывал,
Сковал две чаши и заколдовал.

И «Отражающая мир» — одна,
Другая — «Чашей счастья» названа».

Шах Искандар, что с бою взял Кашмир,
Забыл о чаше — отражавшей мир.

Он к «Чаше счастья» жаждущий приник,—
Смотри: к фиалке мотыльком приник!

Смотри! Вот радость для моих друзей!
Вина не будет меньше, сколь ни пей!

Его до дна вовеки не допить
И не пролить, хоть кубок наклонить.

* * *

О чародей Кашмира, кравчий мой!
Ласкающую сердце песню спой!

Хочу, чтоб песню ты не прекращал,
Пока я в чаше дна не увидал.

Да не иссякнет чаша никогда!
Да не коснется дна ее вода!

Когда найдешь тот кубок, Навои,
Его ты «Вечным Кубком» назови!

Пей, друг,— но только если кубок тот
Розовощекий кравчий поднесет.

Рассуждение о том, что созерцание творений и деяний творца несравненного и бесподобного дает решительное доказательство и явное подтверждение его существования. Приведение доказательств того, что чудеса творения можно лучше постигнуть, путешествуя по свету. Разделение путешествий на три вида: один шествует по дороге, как путник, проходящий долину погружения в себя и стремящийся к святыне; другой бродит по миру, как странник, получая на стоянках стремления к истине наставление совершенного руководителя; третий — это полководец, который ведет войско многочисленное, как звезды, чтобы овладеть миром

Рассказ о двух товарищах, один из которых, много путешествуя, стал государем, подобно солнцу, царствующему на небе. Другой был недвижим, подобно праху под ногами, и был сровнен с землей. Он, как песчинка, не мог оторваться от земли и достичь высокого положения

НАЗИДАНИЕ

Искандар спрашивает Арасту: почему мудрецы советуют совершать дальние путешествия

Когда Искандар дошел до Кашмира, Маллу из своей волшебной крепости с помощью ветра украл огонь из Кашмира и превратил эту область в подобие мертвого тела, лишенного дыхания и потерявшего тепло жизни; Афлатун раскрывает это колдовство и тайным ветром разрушает жизнь Маллу, рассыпая искры и жар скрытого огня на хирман его жизни, а Искандар зажигает светильник власти Фируза на месте Маллу

О свежести утреннего ветерка, благодаря которому все вокруг постепенно расцветает, о красоте цветника юности, который постоянно радует сердце. Похвала тем, кто стал ясноликим, как солнце, предаваясь молитвам и склоняясь в молитве, подобно фиалке

Рассказ о беспечном юноше, который не знал цены советам мудрого старца и раскаяние которого не принесло пользы

НАЗИДАНИЕ

Искандар спрашивает Арасту, почему в юности человек избегает молитв, почему к старости слабеет его разум; светлый ум духовного наставника помогает счастливому шаху постигнуть истину

Выступление Искандара из Кашмира в Индию

Историк, что в индийском жил краю,
Так начинает летопись свою:

Как обещал великодушно, в дар
Кашмир Фирузу отдал Искандар,

Возвел на трон, царем его назвал,
Платить харадж посильный обязал.

Сказал он: «Здесь два месяца живи
И справедливый строй установи.

За этот срок войска ты соберешь
И в Индию ко мне их приведешь.

От всех забот в ту пору устранись
И в Индию походом устремись».

Царю Кашмира дав наказ такой,
Простился Искандар с его сестрой.

Подобную светильнику небес
Укрыл парчою девяти завес.

Он двинуться решил на Индустан,
Все силы устремил на Индустан.

Рать поднялась, покинула Кашмир,
Пошла, погами попирая мир.

Покрыли землю грозные войска,
Всклубились желтой пыли облака.

Шли по ущельям, горной крутизной,
Не меря долгий переход дневной.

Все страны покоряя на пути,
Румиец дальше продолжал идти.

Твердыни на заоблачных горах
Пред Искандаром падали во прах.

Дурных он гнал, насильников казнил,
А добрым людям радость приносил.

Величье гордых он с землей сровнял.
Кто властвовал — теперь подвластным стал.

Везде остались дел его следы.
Пески пустынь он превратил в сады.

Проведал раджа: Искандар идет,
Войска неисчислимые ведет;

Что он Кашмир каким-то чудом взял,
Веревку чудодейства развязал,

Огня и Ветра крепость захватил
И мир и свет Кашмиру возвратил.

Услышал это все индийский шах,
И охватил его великий страх.

Все взвесил он и понял, что в бою —
Увы! — он власть не отстоит свою.

И он решил покорность проявить,
Дарами гнев Румиїца усыпить.

Он взял по девяти ото всего,
Чем славились владения его.

Слонов сначала вспомнить надлежит,
Под чьею поступью земля дрожит.

Слоны-громады в девять шли рядов,
Был каждый ряд по девяти голов.

Так слышал я; а есть другой рассказ:
По тридцати их было девять раз.

Как из гранитных созданные глыб,
Слоны гранитный кряж свалить могли б.

Шаги их — поступь тяжкая судьбы,
Несокрушимы каменные лбы.

Слон, как корабль, что по суху идет,
А по бокам два паруса несет.

Нет, не корабль,— как небо, каждый слон,
А хобот — Млечный Путь или дракон,

Завитый в кольца; а по толщине —
Дракон и хобот были б наравне.

Когда свой хобот изгибает слон,
Ты скажешь: извивается дракон.

Чинар он вырвет, если обовьет,
Повалит стену, если лбом толкнет.

Так белы два могучие клыка,
Что в зависти темнеют облака.

И каждый клык, как пальмы ровный ствол,
Как тополь бел и, как таран, тяжел.

Слона-громаду с небом мы сравним,
Как месяц, крюк погонщика над ним.

Величье, сила, мощь в любом слоне.
У каждого попона на спине —

Золототканая, семи цветов,
С каймой из драгоценных жемчугов.

На каждом — диво-башенка, а в них
По девять индианок молодых.

И все они, как родинки, черны,
Весельем сердца, прелестью полны.

Их платья желты, зелены, красны,
Как осень, блещут на пиру весны.

Слоны, качая хоботами, шли,
Гордясь, что смуглых гурий рой несли.

Вслед за слонами, вихрем рождены,
Играя, выступали скакуны,

В попонах пышных, в золоте кистей,
Все кони разных девяти мастей.

Как див обличьем, быстрый, как огонь,
И словно пери неба — каждый конь;

Как ветер в беге, плавен, как волна,
Небесного обгонит скакуна.

Они широкой рысью стройно шли,
Как будто не касаясь земли.

Когда, как птица, пегий выступал,—
Конь времени далеко отставал.

Коль рыжий, шею вскидывая, ржал,—
То весь, как солнца рыжий конь, сверкал.

В масть были цветом панерси на них,
В звенящих колокольцах золотых.

И копьеносец на коне любом —
В цветном кафтане, в поясе златом.

Все, как Кейван, темны, а души их
Воинственны и храбры, как Маррих.

В ушах их — серьги верности; любой
Готов за шаха устремиться в бой.

И девять шло навьюченных ослов
С запасом платья и цветных шелков.

И та одежда так тонка была,
Что даже мысли скрыть бы не могла.

Хоть десять тех одежд надел бы ты,
Скрыть ими не сумел бы наготы.

Несли сосуды золотые вслед,
Как солнце, излучающие свет,

Кувшины, блюда, чаши, пиалы,—
Как солнце, с виду ярки и светлы,—

И клетки с попугаями вослед;
Забавны птицы, скоры на ответ.

Их перья — изумруд, а клюв, как лал,
Речений звучный жемчуг рассыпал.

Павлинов в клетках золотых везли
Из птичника небес, а не земли.

Блистанье радуг на хвостах у них,
Венцы невест на головах у них.

Алоэ драгоценный и сандал
Царю вселенной раджа посылал.

И слал еще редчайшие дары —
Запасы мускуса и камфары.

Издревле был до отдаленных стран
Учеными прославлен Индустан.

Любой, как Арасту и как Сократ,
Был несказанно знаньями богат.

Все праведны, все — истины оплот,
Все пламенны, как солнечный восход.

И всем им дан провиденья дар,
Все мудры, как Фаридаддин Аттар.

И раджа мудрецов к себе созвал,
Покаялся пред ними и сказал:

«Увы! Я — раб, а Искандар — мой шах.
И перед ним я рад упасть во прах.

Мысль не вступала в голову мою
С ним воевать и спорить с ним в бою.

Судьбою было так предрешено,
А нам с судьбою спорить не дано.

Я выполнить веленья не успел.
Болел я телом, духом ослабел.

Я свиток шаха принял, как судьбу,
Поцеловал и приложил ко лбу.

Я рад бы службу у него нести,
Но болен был, не смог к нему пойти.

Его приказа я не отвергал,
Не отрекался, спорить не дерзал.

Я перед вами всей душой открыт.
Гонец румийский это подтвердит.

Я немощен в ту пору, болен был,
И мнится, я прощенье заслужил.

Коль Искандар вниманье явит мне,
И остановится в моей стране,

И возвеличит милостью своей
Мою главу среди земных царей,

И трон мой средь народа утвердит,—
Навек мое он сердце победит.

Рабом я буду преданным ему,
Пока не скроюсь в гробовую тьму.

А если в гнев душою он впадет
И яду в чашу милости вольет,—

Что ж? Черного индийца — так и быть —
Всяк может в черном деле обвинить.

Я сил и средств для спора не найду,
Подумайте, как отвести беду.

И грешный дух мой в слабости вина,
Перед царем вступитесь за меня.

Он миром правит, милостью дыша.
Как зеркало, чиста его душа.

Когда пред ним вы встанете, как щит,
Шах Искандар вину мою простит!»

Так правдомыслен и красноречив,
Он к мудрецам свой обратил призыв.

И старцы устремились, как челны,
Навстречу ярости морской волны.

Они с великими дарами шли;
Несли величье, блеск своей земли.

...Вот запестрел сквозь утренний туман
Необозримый Искандаров стан.

И старцы к воинским пришли вождям,
Румийским поклонились мудрецам.

Гостей с почетом принял анджуман
Ученых, что прославили Юнан.

Те выслушали старцев и пошли,
И о посольстве шаху донесли.

При этой вести вождь румийских сил
Огонь вражды невольной погасил.

И, радуясь приходу мудрецов,
Освободил он сердце от оков.

На дар индийца он и не глядел;
Индийских старцев видеть он хотел.

Призвал их, усадил их на ковер,
Повел отрадный сердцу разговор.

Приход их знаком счастья он почел.
Навстречу старцам с трона он сошел.

Смиренья полн, приветствовал он их,
Как ученик наставников своих.

И перед каждым голову склонил
И каждому внимание явил.

Без всякой пышности, покинув трон,
В кругу ученых сел на землю он.

Свет истины и знанья возлюбя,
Он с честью усадил их вкруг себя.

Ведь как воды целительных ключей,
Как истины, он жаждал их речей.

Сказал: «Простите! Много вам в пути
Пришлось из-за меня перенести!»

Те, вознеся молитву за него,
Открыли цель прихода своего.

Шах Искандар смущен их речью был.
Чело он перед старцами склонил,

Сказал: «Открыта вам душа моя.
Что ни попросите, исполню я.

Ни малой, ни великою виной
Ваш царь не отягчен передо мной.

И пусть он прежде непокорен был,
Но он раскаялся, и я простил,

Тем более когда ко мне пришли
Вы — избранные светочи земли,

Пришли о снисхождении просить,—
Виновного могу ли не простить?

И если много зла он совершил,
И если казнь он даже заслужил,

Но вы пришли, и вот — смиряюсь я,
И от возмездья отрекаюсь я.

И здесь его не казнь, а милость ждет.
Пусть он к порогу моему придет.

Я истинную власть ему вручу,
Его дела величьем облачу.

Престол неколебимый дам ему,
Его знамена к небу подыму.

О мудрые, храни вас вечный свод!
Мне знаменье счастья ваш приход.

Ко мне пришли вы, ноги натрудив,
И вот я светел духом и счастлив.

За все прощения у вас прошу,
Но силой новой я теперь дышу.

Закон есть: покоренная страна
Дань победителям платить должна.

Я вовсе дани с вас не буду брать,
Чтоб страждущий народ не изнурять.

Ваш царь мне должен был харадж платить,
Но от хараджа вас освободить

Решил я на два года, чтоб народ
Не впал в беду от столь больших забот».

Увидев, как добросердечен шах,
Склонились мудрецы пред ним во прах.

Величьем духа он их поразил
И так их на прощанье одарил,

Что старцы не сумели слов найти,
Чтоб за него молитву вознести.

Величье милости уразумев,
Они сидели, словно онемев.

И встали, чистой радостью горя,
И вознесли молитву за царя:

«Пока вращается небесный свод,
Покамест солнце по небу идет,

Пусть будет твой престол на небе том,
А солнца круг подушкою на нем!

Да не уйдешь из жизни никогда,
Да светишь нам, как мудрости звезда,

И покорятся пусть в конце концов
Тебе все семь великих поясов!

Блистай, как солнце, одаряй весь мир,
Как чаша Джема, озаряй весь мир!

Мы шли к тебе, душой угнетены,
Тревогой и сомненьями полны.

Мы думали — и ты, как все цари,
Снаружи — блеск, но зло и тьма внутри

И видим: все владыки — черный прах,
Ты из добра и света создан, шах.

Тебя таким предвечный сотворил,
Чтоб ты над всеми странами царил.

Узнав тебя, твой благородный нрав,
Воспрянули мы, страх в душе поправ.

Пусть в темной чаще розы цвет укрыт,
Благоуханье розу облачит.

Подавлены величием твоим,
Мы в удивленье пред тобой стоим.

Когда же нам ты помыслы открыл,
Вдвойне ты наши души удивил.

Дан свет могучий духу твоему,
Из смертных не присущий никому.

Мы видим свойства ангела в тебе,
Дыханье вечного в твоей судьбе!

Когда бы раджа нрав твой угадал,
Сюда б он сам немедля прискакал.

Позволь, владыка наш, прийти ему,
Припасть челом к порогу твоему.

Вернемся, радже милость возвестим,
От скорби дух его освободим.

Когда он примет власть из рук твоих,
Вернейшим станет среди слуг твоих».

И молвил царь индийским мудрецам:
«Пусть так и будет, как желанно вам!»

И встали, поклонились мудрецы,
В обратный путь пустились мудрецы.

И рассказали радже обо всем,
Сказали: «Препояшься, и пойдем».

Увидел царь индийский — он спасен,
Из мрака смерти к жизни возвращен.

Вновь старцев к Искандару он послал,
А сам за ними следом поспешал.

Повел огромный караван даров.
Чтоб описать дары, не хватит слов.

Доверясь мудрецам-проводникам,
Спешил он по долинам и горам.

И те светильники его земли
На всем пути беседу с ним вели.

Об Искандаре, о делах его,
О полных мудрости словах его.

И, внемля их речам, индийский шах
Плыл, как пылинка в солнечных лучах.

Вот наконец привел свой караван
Индийский раджа в Искандаров стан.

И тут же Искандару донесли,
Что царь и спутники его пришли.

Ответил Искандар: «Гостям я рад.
Пусть люди знанья дом мой озарят».

Индийский раджа повеленья ждал,
И на пороге царском он предстал

С мечом на шее, бледен, удручен,
Как перед казнью, в саван облачен.

Но Искандар воскликнул: «О мой брат!
Не унижайся, ты не виноват!

И мне достаточно того, что сам
Теперь явился с избранными к нам».

И сняли с шеи униженья меч,
И сняли саван у индийца с плеч.

В парчу его и пурпур облекли
И к трону миродержца подвели.

Румиец обнял гостя своего.
С собою рядом усадил его,

Но вновь индиец пал у шахских ног,
Как с гор кипящий падает поток.

И снова поднял Искандар его,
И обнял, словно друга своего,

Любовь явил, и милости, и честь.
И раджа повелел дары принесть.

Блюдя обычай древний и обряд,
Дарил он так, как нынче не дарят.

Его Румиец поблагодарил,—
Скажи,— рудник добра пред ним раскрыл.

И усадил вокруг людей святых,
Мужей ученых, мудрецов седых,

Великую опять явил он честь
И близ престола попросил их сесть.

И понял старцев и провидцев круг,
Что он не властелин для них, а друг.

Сам чародеев он очаровал,
Сердца их нитью верности связал.

Цепь тонких мыслей длинною была,
Далеко за полночь беседа шла.

Увидел раджа милости поток,
И встал, и просьбу так в слова облек:

«Царь, я лелею в сердце мысль одну,
Чтоб осчастливил ты мою страну,

Чтобы у нас остался, погостил,
Как солнце, землю нашу осветил.

Увидишь сам: индийская страна,
Чудес нигде не виданных полна.

Стрелок в лесах привольных для охот
Зверей и птиц диковинных найдет.

Да и зима уж близко подошла;
Зимой же все кончаются дела.

Потребны людям — радость и покой,
Вино, веселье, музыка зимой.

Зима же в Индустане, о мой шах,
Сияет, как весна в других краях.

Из тучи — дождь, в садах весенний цвет,
Ни стужи, ни жары, ни пыли нет.

Когда же солнце в знак Овна войдет,
Тогда ты сможешь продолжать поход.

Войска вести иль труд начать иной,
Во всем удача будет той порой!»

Как жаждущий, что воду увидал,
Словам индийца Искандар внимал.

По сердцу эта мысль ему пришлась,
И молвил он, к собранью обратясь:

«Где место мне укажете вы — там
Стоять шатрам и отдыхать войскам!»

Сказали: «Главный город наш — Дехли,
Туда и войску двигаться вели!»

Ответил: «В город войска не вмещу,
В лесах я лучше места поищу.

Когда Дехли полками наводню,
Ущерб я горожанам причиню.

Пусть кто-нибудь из вас пойдет вперед
И место вне столицы мне найдет.

Пусть будет от столицы далеко,
Везде перезимуем мы легко».

И раджа вновь сказал, склонясь во прах:
«Прикажет пусть миродержавный шах,

И я — твой раб — на место поспешу,
И все решу, и дело завершу.

Урочища, долины осмотрю,
Где зимовать великому царю».

Румиец раджу поблагодарил,
Престол, венец и пояс подарил,

Потом — большой табун, где скакуны
Сильны, как носороги и слоны,

Под седлами в сверкающих камнях,
В расшитых жемчугами чепраках.

Домой отправил раджу наперед,
И сам он следом двинулся в поход.

Вернулся раджа, в город свой вступил
И весть благую людям объявил.

Сказал: «Войны не будет! Пусть народ
В покое, безопасности живет!»

И ликовал народ, узнав, что он
От дани тягостной освобожден.

А раджа сам не думал отдыхать;
Румийца он готовился встречать.

Был близко от столицы лес Нигар,
Как райский сад цветущий, полный чар;

Немолчным пеньем птичьим оглашен,
Был всякой дичью изобилен он.

Как мускус, в том лесу земля была;
В ночи вставала амбровая мгла.

Стволы эбена в чаще поднялись,
Сандаловые ветви извились.

Эбен чернел агатом. Словно медь,
Желтела драгоценная камедь.

От зарослей сандала ветерок
Благоуханья приносил поток.

И этот запах чувства оживлял,
Леса, ущелья, долы наполнял.

Подобно косам сребротелых дев,
Висели змеи на стволах дерев.

Гвоздика, к гиацинту наклонясь,
Его соблазнам сладким предалась.

Там дерева вставали до небес:
В листве их темной солнца диск исчез.

Под той листвою, в самый знойный день,
Был сумрак влажен и отрадна тень.

Чинар, ветвей раскинув пятерни,
Казалось, солнцу мира был сродни.

От благовония лесных щедрот,
Как голова, кружился небосвод.

Смоковницу до звезд вздымал тот лес,
Смущая мир смоковницы небес.

Там пальмы упирались в небеса,
И вверх по их стволам вилась лоза.

И гроздья ль то над головой висят
Или огни бесчисленных Плеяд?

Лоза, что к небу гроздья подняла,
Петлей небесный лотос обвила.

Она до звезд дошла — сказал бы ты,—
Чтобы похитить лотос с высоты.

Распустит осень лучезарный хвост,
Рассыплет сотни тысяч ярких звезд.

Мильоны птиц, как странники небес,
Кричат, поют, слетаясь в этот лес.

Там попугаи пестрые царят,
Порхают, не смолкая говорят.

Они повсюду стаями снуют.
Одни — зеленые, как изумруд,

Всю ветку сплошь обсядут, и она,
Как одеянье Хызра, зелена.

Вот стая красных пала с высоты
На пальму, словно алые цветы.

Цвет их пера — гранатовый цветок,
Клюв каждого, как яркий огонек.

Зеленых, красных стаи средь ветвей,
Как гроздья разноцветных фонарей.

Там, как преданий сказочных творцы,
Сидят красноречивые скворцы.

Переливаясь, блещут перья их
Подобием пластинок золотых.

В узорах радужных и в письменах
Венцы горят у них на головах.

И все движенья плавные скворца
Способны очаровывать сердца.

Атласные обновы на скворце,
И колпачок парчовый на скворце.

Там, словно житель ангельских долин,
В одежде пышной шествует павлин.

Дугою выгнув шею, опьянен,
Как плавно движется, как томен он!

Эмалью синей та дуга блестит
И тонкой позолотою сквозит...

Фазаны, куропатки на лугах
Пестрели, словно радуги в глазах.

Где к кипарису подлетал фазан,
Сам кипарис к нему склонял свой стан.

Павлин в ветвях высокой пальмы был,
Как среди кущ небесных Джабраил.

Таков был лес Нигар чудесный тот,
Зеленый и цветущий круглый год.

Там с юга был богатый город Хинд,
А с севера река большая Синд.

Ладьи по водам плыли и челны,
Как по небу плывет ладья луны.

На том отлогом берегу реки
Высокие вставали тростники.

То не простой был — сахарный тростник,
Как дар небес, он в тех краях возник.

В тех тростниковых зарослях вода,
Как сладостный шербет была всегда.

Лес отражала с запада гора
Пестрее многоцветного ковра.

Весна цвела на склонах круглый год,
Гудели пчелы, собирая мед.

И там медовой пальмы сладкий сок
Был словно меда чистого поток.

С журчаньем выбиваясь из земли,
Там сладкие источники текли.

От бурных тех источников река,
Как мед, желта была, как мед, сладка.

Там тысячи резвились диких коз,
Не ведая охотничьих угроз.

Олени жили в зарослях густых,
Тростник, как путы, на ногах у них.

Играли рыбы там в речных волнах,
Подобны Рыбе в южных небесах.

Загонщикам тот лес не окружить,
Ловцам всей дичи не переловить.

Тонул в садах прекрасных город сам;
В нем счета нет чертогам и дворцам.

Тот лес Нигар, подобный небесам,
Река, гора, что описал я вам,

Открытостью своей и красотой
Пленяли взгляд, бодрили дух живой.

Там раджа Искандара поселил,
Как будто рай земной ему открыл.

На том лугу, на склонах той горы
Все воинство раскинуло шатры.

Был Искандар стоянкой восхищен;
Лес, гору, берег сам объехал он,

Сказал: «Хоть мир из края в край пройти,
Нигде зимовки лучше не найти!»

С ним раджа неотлучно всюду был,
Радушья полон, сам ему служил.

И, отдыху предавшись до весны,
Царь Искандар забыл дела войны.

* * *

Златую чашу, кравчий, мне налей!
Вино в ней блещет яхонта светлей.

Владеет мной индийская страна,
И чаша мне индийская нужна.

Певец, веди напев в ночной тиши,
Наполни звуки пламенем души.

Расцвел рожденный в Индии цветок,
И стал печален дней моих поток.

О Навои, к далеким берегам
Увел тебя крылатый твой калам.

Так пусть индиец, слыша песню ту,
Своей судьбы избудет черноту!

О достоинствах великодушия, благодаря которому щедрые и мужественные дуновением благоволения вытаскивают соломинки греха виновных из моря сердца на берег спасенья, и лица их не хмурятся, как волны моря, и блуждающих в темноте смятения они выводят из долины гибели, освещая путь свечой благородства

Рассказ о купце, который разорился, расставшись со своим сыном. И лицо его обагрилось кровью его сердца. На оставшиеся в кармане деньги он выкупил приговоренного к казни, и спасенный оказался его сыном. Он вновь обрел и сына и богатство

Искандар, словно солнце, вышедшее из мрака ночи и вошедшее в полуденное сияние дня, выступил из Хинда и вступил в страну Чин; хакан Чина, услышав о приближении с быстротой солнца завоевателя мира, собрал для выступления против него бесчисленное, как песок, войско и послал для переговоров с ним посла; получив неудовлетворительный ответ, поднял воинов, по числу подобных песку, и сам не оставил предпринятого дела без своего ничтожного внимания

Как луна-путешественница приближается к солнцу, так хакан приезжает к Искандару под видом посла, и поскольку это приближение привело к согласию, он, подобно луне, наполняется светом и блаженством

Восхваление правдивости и прямоты, которые являются лучшими образцами кипарисоподобных красавиц в плодовом саду мира; и восхваление искреннего слова, являющегося избраннейшим среди чистых веяний утра в царстве ночи и о следах достойной награды стремлений, которые, подобно солнцу, украшающему мир, постепенным движением озаряют всю Землю, и о полезностях правдивых речей, которые малым словом приносят много доброго жителям мира

Рассказ о том, как Ардашир был не в силах отразить врага мечом и разрешил это трудное дело разумными действиями и мечом языка

Великий Ардашир — Сасана сын —
Был храбрый воин, мудрый властелин.

Когда от Ардавана он бежал,
С огромным войском тот его догнал.

И понял Ардашир, что этот бой
Неравным будет, как борьба с судьбой...

Но ревность к делу царства ни на пядь
Ему не позволяла отступать.

И в мыслях Ардашир искал пути,
Как от разгрома верного уйти.

Мир предлагать — ходил к врагам посол,
Но Ардаван на это не пошел.

У Ардашира некий муж служил,
А это вражий соглядатай был.

Был Ардашир о том оповещен,
Но соглядатая не трогал он.

Был Ардаван на расстоянье дня
Он Ардашира окружал, тесня.

Но Ардашир был истинно велик,—
Такой в нем дивный замысел возник:

Он всех созвал соратников своих;
Был и разведчик вражий среди них.

И Ардашир сказал им: «Враг силен,
Но он сегодня будет истреблен.

Нам силы вечного благоволят.
Я бесконечной радостью объят.

Теперь внимайте слову моему,
Его не разглашайте никому!»

Все поклялись молчание хранить,
И радостно он начал говорить:

«У Ардавана есть богатыри —
Опора войска. Их десятка три;

По именам известный нам народ,
Решающий сражения исход.

Но их, по скупости, обидел шах;
И гнев и недовольство в их сердцах.

Мне тайное письмо принесено
От этих пахлаванов. Вот оно:

«Когда назавтра, с утренней зарей
Пойдут войска в долине строй на строй,

Мы шаха Ардавана окружим
И учиним возмездие над ним.

Главу его мы принесем тебе
И все на службу перейдем к тебе».

Вот что измыслить Ардашир сумел!
Дух воинов окреп и осмелел.

А соглядатай, что в совете был,
Все Ардавану тут же сообщил.

Внял вести Ардаван — надменный шах,
И овладел им беспредельный страх,

Так этим страхом сокрушился он,
Что выйти в битву не решился он.

Хоть сила больше у него была,
Он принял мир, дабы избегнуть зла.

И Ардашир, благодаря уму,
Открыл дорогу счастью своему.

НАЗИДАНИЕ

Искандар спрашивает у Арасту, какова причина того, что здравый ум принимает верные решения, но иногда все же впадает в ошибку — и выслушивает его ответ

Хакан, учредив пиршество для Искандара, просит его пожаловать в Чин; в восхваление того царского пиршества и гостеприимства; перо, описывающее редкостные явления, рассыпает жемчужины; в описании порядка преподнесения подарков и редкостных вещей совершенная натура рассыпает драгоценности; в подсчете приношений исписываются страницы девяти небес; в истолковании радующих сердце пиршеств глаза мудрости отвергают чудеса восьми райских садов

О благородных людях, подобных кипарисам в саду гостеприимства, которые, крепко повязав пояс услужения, с открытым, как роза, лицом, всегда держат разостланной скатерть щедрости; и их гости, пусть они будут попугаи или соловьи, в соответствии со своим желанием находят усладу на этой скатерти; и они свободны от принуждения и излишнего поглощения пищи

Рассказ о Бахрам-Гуре, который был гостем у трех обладателей домов; двое из-за крайности и чрезмерности были отвергнуты и порицаемы, а третий по справедливости признан богачом Корупом

Мудрецы изготовляют для Искандара астролябию и зеркало для постижения тайн Неба и Земли

Художник, что Мани подобен был,
Картину на шелку изобразил:

Когда хакан Румийцу другом стал,
Чин пребыванъем Искандар избрал.

Зима в ту пору на землю пришла,
Все перевалы снегом занесла.

Хакан же беспредельно сам желал,
Чтоб Искандар у них зазимовал.

Чтоб с ним, покамест не придет весна,
Дни коротать за чашею вина.

Он Искандару просьбу изъявил,
И тот хакана поблагодарил.

В согласии с душевной прямотой,
Зимовки местом он избрал Ал-Хтой.

Как солнце дня и месяц, на пиру
Они беседовали ввечеру.

А поутру, охотой увлечен,
В горах, в лесах ловил оленей он.

И, возвращаясь в город отдыхать,
При звуках флейт он пировал опять.

Но чаще средь ученых пребывал,
В речах их тайну знания вникал.

Загадкой был зеркальный талисман,
Который подарил ему хакан.

Бывало, иногда — к нему на суд
За правдой двое с тяжбою придут.

Он зеркало пред ними открывал
И сразу ложь и правду узнавал.

Но ни один из мудрецов его
Не понял тайны зеркала того.

Тот талисман зеркальный на пирах
Перед гостями ставил славный шах.

И каждый, кто в застолье опьянел,
Трезвел, когда в то зеркало глядел.

Тем чудо-зеркалом был изумлен
И очарован властелин времен.

Его недоумение росло
И в дали размышления вело.

«Вот зеркало! — он думал,— ведь оно
Руками смертного сотворено.

Но одаряет разумом людей
Небесный царь по милости своей.

И волею небес в конце концов
Мне служат сотни славных мудрецов.

Даны миры живого знанья им,
Открыта книга мирозданья им.

А зеркало, подобное Луне,
Рождает мысль отважную во мне:

Ведь если б мудрецы моей земли
Всю мощь пытливой мысли напрягли,

То мы, загадки этой сняв печать,
Сильнее талисман могли б создать!»

И тайно мудрецов он пригласил
И свой великий замысел открыл.

И отвечали знания мужи:
«О царь вселенной! Слово нам скажи,

Все, даже невозможное для нас,
Мы совершим, исполним твой приказ!

Разгадку талисмана мы найдем
И чудо Чина делом превзойдем».

Тут разделились на две стороны,
Посовещавшись, мудрецы страны:

Налево стали Афлатун, Сократ,
Направо Арасту и Гиппократ.

И были средь ученых тех людей
Хурмус, Аршамидус и Птолемей.

Направо стали двести мудрецов,
Налево стали двести мудрецов.

И так они по двести разошлись
И неким тайным делом занялись.

И правильное наконец нашли
Изображенье Неба и Земли.

Один чертил круги земных широт,
Другой же изучал небесный свод.

Измеривши длину земной дуги
И рассчитавши звездные круги,

Они, познав вселенной естество,
Явили мощь искусства своего.

Металлы в тигле сплавив,— ты взгляни,—
Два талисмана сделали они.

Был первый — астролябия, другой
Изображал собою шар земной.

Был первый — бронзовый и золотой,
Из чистой светлой стали был другой.

Тот шар стальной, что мир изображал,
Зеркальною поверхностью блистал.

Два дивных талисмана наконец
Доставили в фарфоровый дворец.

Являлось людям в первом из шаров,
Движенье сфер небесных и кругов.

Все отражалось в зеркале стальном,
Что в мире совершается земном.

В одном — небес являлась глубина,
В другом же — вся земля была видна.

В одном зенит был виден и надир,
В другом — весь нижний необъятный мир.

Когда же солнце, блеща, как стекло,
На башню равноденствия взошло,

Горя, как золотой зеркальный шар,
Что создал величавый Искандар,

Царь мира сел на троне золотом,
Как солнце в равноденствии своем.

И с ним хакан. И множество царей
Внизу сидело — сонмище гостей.

Весна настала, обновлялся мир.
И в честь весны пошел великий пир.

И подошли к престолу мудрецы,
Двух талисманов славные творцы.

Как высший разум, души их ясны.
От бренного они отрешены.

Царь встал пред ними, оказал им честь,
На возвышенье пригласил их сесть.

Когда они уселись на коврах,
Вдруг охватил гостей невольный страх.

В чертоге, где лился поток вина,
Глубокая настала тишина.

И вот мужи мудрейшие земли
Две сферы, ими созданных, внесли.

И людям показали чудеса —
Весь необъятный мир и небеса.

Стал виден весь небесный свод в одном,
В другом — долина праха целиком.

И девять сфер надмирной вышины,
И семь иклимов стали всем видны.

В безмолвии хакан на них глядел,
Скажи,— от изумленья онемел.

Потом великою воздал хвалой,
Склонясь перед Румийцем головой:

«Таких, как ты, не создавал творец!
Что без тебя престол? Зачем венец?

И старцы, что соседствуют тебе,
В величье соответствуют тебе!

Да будет вечно слава их жива,
Коль их святая сущность такова!»

Я описать не в силах щедрый дар,
Которым наградил их Искандар.

Тем мудрецам сокровищ Океан
Он подарил и дал в удел Юнан.

Хакан великий тоже щедрым был,
Он столько жемчуга им подарил,

Что солнцем заблистали,— ты скажи,—
Все эти — солнцам равные — мужи.

И радостью расцвел духовный свет
Царя, познавшего пути планет.

Знаток светил великий был Сократ;
Пути светил в ночи следил Сократ.

Он все, что звездный небосвод сулил,
По астролябии определил:

Когда светило дня на синий свод
Под знаком равноденствия взойдет,

То шах, расставшись с чашею друзей,
С невестой сочетается своей.

С прекрасною царевной Роушанак,
Что блеском превращала свет во мрак.

О ней Дара пред смертью завещал,
Чтоб Искандар ее женой назвал.

Но в войнах год за годом проходил,
И властелин времен о ней забыл.

И дочь была Маллу, Наз-Михр краса,
Какой досель не помнят небеса.

Среди тревог походных и о ней
Не вспоминал великий царь царей.

Но, вспомнив, пир велел он учредить,
Дабы весь мир в веселье утопить.

Когда осветит ярко Роушанак
Его опочивальни полумрак,

То и с Наз-Михр прекрасной он в тиши
Найдет покой и счастье для души.

Когда решенье утвердилось в нем,
Призвал он многоопытных умом.

И что помыслил, все поведал им —
Учителям, наставникам своим.

Сказал: «Кто может миром овладеть,
Тот должен и наследника иметь.

Проходит Солнце в небе голубом
В раздумьях о наследнике своем.

И, уходя в морскую глубину,
Зовет своим наместником Луну.

И пусть не равен Солнцу свет Луны,
При ней ночные мраки не темны.

Коль древо падает, прожив свой век,
Оно оставит молодой побег,

Который пышным древом возрастет
И пользу принесет, и тень, и плод!»

Когда с ним согласились мудрецы,
Велел он: «Кличьте клич во все концы,

Трубите сбор, чтоб все на пир пришли,
Чтоб это праздник был для всей Земли!»

И за семь дней весь исполинский край,
Весь Чин украсился, как светлый рай.

Так весь украшен был подлунный свет,
Что, если бы рассказывать сто лет,

До сотой доли мы бы не дошли,
О тысячной сказать бы не смогли.

И не было на славном том пиру
Учета золоту и серебру.

И пир настал великий наконец,
Пора отрад и радости сердец.

Была весна, гремел в тени ветвей
Над розою-невестой соловей.

В те дни весны на улице любой
Шумел не умолкая брачный той.

* * *

Налей мне, кравчий, чашу до краев
В день радости веселья и цветов!

В день равноденствия заварим пир,
Чтоб ликовал и радовался мир.

Певец, на лад весенний чанг настрой
И пой мне песню, возглашая: «Хой!»

Коль скажешь: «Брат мой! О мой друг! Яр! Яр!»
Отвечу: «Дух мой полон мук! Яр! Яр!»

Коль в дальнем Чине жить мне предстоит,
Пусть чанг твой песней Чина зазвенит.

Пой мне: «Яр! Яр!» А я под песнь твою
В глухом изгнанье молча слезы лью.

О приятности весны юности и радостях сердечных в пору юности весны; прославление ее, подобное песне соловья, в тысяче мелодий восхваляющего столепестковую розу. Дети цветника насыщаются грудью кормилиц-облаков и обретают зелень одухотворенности

Прекрасный мира сад меня влечет.
Прекрасен утра юности восход.

Дни юности, как воды с крутизны,
Свергаются, но радости полны.

Весною к голубым лугам Овна
Идут пастись и солнце и луна.

И обрастают молодой листвой
Нагие ветви с новою весной.

Гремящие громады облаков
Идут, как стадо боевых слонов.

То, низвергая брызги вдалеке,
Смотри,— слоны купаются в реке!

И капли падают из темных туч,
Как с каменных боков слоновых круч.

Не капли — струи, бурная река!
Весенние несутся облака,

Не капли рассыпая — жемчуга
На синие моря и на луга.

Трава открыла глубь подземных жил,
И красный свой фиал тюльпан раскрыл.

Но в чашечке тюльпана чернота,
Дурная у него в крови черта.

Отгонный луг, цветением объят,
Перепоясал шелком свой халат.

Такие расцвели цветы в саду,
Что равных им я в Чине не найду,

Вкруг кипариса, красно-золотой,
Как волос, вьется дягиль молодой.

И дягиля высокие цветы,
Как амбровые кудри, завиты.

Фиалка к говорливому ручью
Склонила томно голову свою;

Она хмельна, хоть из ручья пила,
Недаром свой подол подобрала.

И у нарцисса день за днем пиры,
А пьет он из лимонной кожуры.

И, набекрень колпак напялив свой,
Он в полудреме никнет головой.

Цвет лилии белеет невдали,
Иль то Меджнун тоскует о Лейли?

Или душой от мира он ушел
И радость в отрешенности обрел?

Пылает роза, пламени красней;
Над ней, как саламандра, соловей.

Но роза не гнездо его сожгла,
А само существо его сожгла.

Несется по полям гонец ветров,
Стеля шелка стоцветные ковров.

Как фонари, тюльпаны зажжены,
Но чернью их сердца заклеймены...

И ветерок, когда о том узнал,
Их лепестки по степи разметал.

А роза белая, полна красы,
Отяжелела в серебре росы.

И на рассвете инеем блестит
Роса, что цвет весенний тяготит.

В ту пору расцветает аргаван,
Весь в пурпуре — блистает аргаван.

И восхищает он сердца людей
Багряною одеждою своей.

Из тучи капли падают, блестя,
Круги на влаге циркулем чертя.

Нет, ты взгляни, без циркуля они
Круги и кольца чертят, как Мани.

Блистая станом дивной красоты,
Подвесил тополь серьгами цветы.

И, как эдем, цветет весенний луг,
Где кипарисы стали в полукруг.

И дождиком на рощи и луга
Апрель свои рассыпал жемчуга.

Несутся грозовые облака,
Раскатывая гром издалека.

И львиным ревом содрогают степь,
И грозных молний разрывают цепь.

Весенний дождь сравни с живой водой,
А струи с жизнью — вечно молодой.

Идут — за водоносом водонос —
Над степью тучи в полыханье гроз.

И воплощается душа травы
В ростки, цветы и яркий блеск листвы.

А в том, кого не радует весна,
Жизнь не жива, душа омрачена.

В том человеческого сердца нет,
Кого весны не опьянит расцвет.

Вот распустилась роза, и над ней
Поет, гремит, стенает соловей.

Но тот под сени сада не придет,
Кто встречи с другом избранным не ждет.

А мы за Искандаром в сад сойдем,
Осыпанный сверкающим дождем.

РАССКАЗ О СОЛОВЬЕ

НАЗИДАНИЕ

Искандар спрашивает Арасту, почему естество человека как бы возрождается в пору цветения весенних роз; и ответ Арасту, подобный дыханию ветерка из сада мудрости

Искандар, покидая страну Чин, направляется в земли Магриба

И вновь он мудрости броню надел
И на престоле разума воссел.

Он знал, что не владыка мира он,
Пока Магриб ему не подчинен.

Награду дал он воинам сперва,
О том до наших дней звучит молва.

Потом, когда войска он наградил,
Приказ о выступленье объявил.

А коль по нраву вождь своим войскам,
Он нанесет урон любым врагам.

И если царь народ свой не гнетет,
То за него народ стеной пойдет.

Храни аллах! Любой погибнет шах,
Коль недовольство у него в войсках.

Нет, щедрость людям царская нужна,
А строгость — там, где правильна она.

А Искандар — он царь счастливый был
И полководец справедливый был.

Полкам в поход велел сбираться он.
С владыкой Чина стал прощаться он.

И, кроме Чина, западный Ал-Хтой
Вручив, сказал: «Прими подарок мой!»

И вот из Чина вывел он войска...
Скажи,— на запад хлынула река.

Сопутствовать ему хакан решил,
Но Искандар его отговорил

И, тайны многие открыв ему,
Вернул хакана к дому своему.

Шел к югу... Чудо сущего всего —
Направо Хинд остался от него.

Ждал раджа Хинда на его пути
С войсками, чтобы с ним в поход идти.

Но раджу он обратно отослал
И вдаль к Магрибу скакуна погнал.

И войск поток, блестя булатом лат,
Прошел без боя землю Худжарат.

Вот наконец войска пришли в Оман,
Увидели Индийский океан.

В Омане все владельцы кораблей
С готовностью пришли к царю царей.

И он под парусами тех судов
Ходил к пределам дальних островов.

Порой, на быстроходном корабле,
Он приплывал к неведомой земле.

И много городов завоевал,
И много новых, славных, основал.

На кораблях он море переплыл
И диких гор хребты перевалил,

Безмерностью пространства изумлен,
Шел с войском по степям безлюдным он.

Здесь это описать мы не смогли б,
Как Искандар завоевал Магриб.

И там, всегда добро творить готов,—
Он много взял прекрасных городов.

Магриб ведь величайшей был страной
Средь всех, что украшают мир земной.

Магрибский царь пощады стал просить,
Любую дань пообещал платить.

Шах Искандар объехал склоны гор,
Холмы, долины и степной простор.

И где бы он ни разбивал шатер
И чем бы он ни утешал свой взор,

Все продолжал в пути он тосковать
О родине, о Руме вспоминать...

И было много в той стране чудес,—
Там подымались горы до небес,

А за горами — тайна. Полон дум,
Откладывал он возвращенье в Рум.

И вот с отрядом всадников он сам
Пошел через пустыню к тем горам.

Селенья некоего он достиг,
Деревья там росли, журчал родник.

А дальше к югу земли шли — ничьи,
Огромные там жили муравьи;

Вернее — псы в обличье муравьев,
Чудовища, страшней пустынных львов.

На всех, кто в их владенья попадал,
Рой муравьев внезапно нападал

И разрывал, со всех сторон тесня,
Мгновенно человека и коня,

Да так, что от несчастного того,
Скажи, не оставалось ничего.

Царь молвил: «Тайну этой стороны
Разведать осторожно мы должны!»

И о повадках муравьев-зверей
Расспрашивал у тамошних людей.

Сказали: «Рыскают они кругом,
И в постоянном страхе мы живем.

Знай: истребят в степи войска твои
Чудовищные эти муравьи.

Коль невредим сквозь муравьев пройдешь,
Страну, как сад Ирема, там найдешь.

Но великаны страшные стоят
На страже у дороги в этот сад.

И это — ужас! Весь их род заклят,
Сокровища Земли они хранят.

По виду — люди; но из них любой
Не с человеком схож, а со скалой.

Сто воинов не справятся с одним...
А муравьи степные служат им.

Их речь слышна порою вдалеке
На непонятном людям языке.

Коль этот путь пройдешь, храним судьбой,
Откроется долина пред тобой,

Но вход в долину заградит отвес
Двух гор, царапающих свод небес.

И золотая вся — одна гора,
Другая — целиком из серебра.

Та — золотая — солнцем взгляд слепит,
Серебряная — месяцем блестит.

Они бесценней всех богатств земных.
А великаны охраняют их.

Тем великанам-сторожам дана
Необычайная потребность сна.

Они свой срок на страже отстоят,
А как уснут, то десять суток спят.

И к службе возвращаются своей,
Как только выспятся за десять дней.

И десять суток бодрствуют опять,
Покамест не настанет время — спать.

Лишь в пору их очередного сна
Их сила может быть истреблена.

Но муравьи огромные хранят
Их сон, покуда великаны спят.

Чудовищные эти муравьи
Ни часа не бывают в забытьи».

Шах Искандар был этим удивлен,
И свет ума призвал на помощь он.

Сказал, созвавши мудрых на совет:
«Как быть — решайте! Нам возврата нет».

Молчал совет. Но были все сердца
Потрясены величием творца.

И понял разум, как пред божеством
Ничтожен он в неведенье своем.

Круг мудрецов, безмолвствуя, сидел;
Язык их в изумленье онемел.

* * *

Дай чашу, кравчий, из ключа души,
Несовершенный разум оглуши!

Меня ума величье не спасло,
Мне изумленье душу потрясло!

Певец! На лад Магриба песню спой,
В Магрибе я шатер поставил свой.

Я золото Магриба, словно прах,
На темя сыплю здесь — в иных песках.

О Навои, о родине своей
Не вспоминай, не сетуй, не жалей.

Восток в себе и Запад совмести,
Весь мир сумей в самом себе найти!

О людях, которые, взирая на миротворение глазами, озаренными светом знания, воздают хвалу зиждителю

Искандар приводит в порядок свои войска для охоты на сонмище муравьеподобных, и то стадо дивоподобных, обезумев, появляется и выстраивается напротив его войска, и из них один — разрушитель рядов — выступает впереди войска и побеждает богатырей Искандара; чинская газель, как львица, выходит на майдан и охотится за драконом. Искандар избирает ее газелью своего гарема; а пленника пленяет еще раз своей милостью, и тот вместе с побежденными им возвращается к царственному собранию

Описание тьмы ночи разлуки; дым ада несчастья по сравнению с ним — гиацинт рая радости; о трудности положения тех, чья жизнь омрачена ночью разлуки и чьи глаза не освещаются рассветом свидания

Тот счастлив,— будь в разлуке он сто лет,—
Пред кем желанной встречи вспыхнул свет.

Пусть перенес он муки ста смертей,
Но встретился с возлюбленной своей,

В той встрече — искупленье мук его,
В той встрече — вечной жизни торжество.

Пусть утром, после пира, муж любой
Порою тяготится сам собой,

Но если чашу выпьет ввечеру,
Забудет все на новом том пиру.

Разлука с другом так трудна для нас,
Что смерть любая легче во сто раз!

А миг слиянья с милой — этот миг,
Как счастье бесконечное, велик.

Но если дни разлуки тьмы темней,
То безнадежна тьма ее ночей.

О ночь разлуки! С этой грозной тьмой
Сравним лишь ужас гибели самой!

Томленье разлуки — черный день,
Чья безнадежна тягостная тень.

Не будь разлуки, не было б средь нас
Роняющих, как слезы, кровь из глаз.

Там — за морем разлуки — грозный суд
Провидит он, где слезы не спасут...

Не потому ль, что розы далеки,
Тюльпаны рвут свой пурпур на куски.

И небосвод, когда б не тосковал
О солнце, туч кошму б не надевал.

И туча, разлученная с луной,
Рыдает над пустынею степной.

А перстень, что без Сулеймана он,
Хотя и талисманом наделен?

Что без души Фархада Бисутун?
Что степь, когда навек ушел Меджнун?

Гора в разлуке стоны издает,
Глухая степь ушедшего зовет.

Тоской о розе соловей спален,
Не потому ли цвета пепла он?

Он серым стал от горя, как зола:
Упала молния и сад сожгла.

Кто разлучен с любимой, только тот
И понял, как огонь разлуки жжет.

Ты у того, кто плачет, сна лишен,
Спроси — и все тебе откроет он.

Но скорбь скрывают тайную одну
Все, кто, как я, в разлуке и в плену.

Я плакать кровью сердца обречен
С тех пор, как с милой сердцу разлучен.

Пусть в этом истребляющем огне
Никто не мучится, подобно мне!

Лишь встреча может муки утишить,
Негаснущее пламя потушить.

Но стала бесконечной для меня
Разлуки нашей ночь. Дождусь ли дня?

Я так страданья книгу изучил,
Что все страданий виды различил:

С богатством разлученье — это знай —
Беда для тех, кто в бренном видит рай.

Отторженность от милых, от друзей —
Для сердца благородного больней.

Разлука с близкими, с семьей своей,
Еще ужасней, нет ее страшней.

Как пережить разлуку, коль в крови,
Коль в существе твоем — болезнь любви?

Не равны тягостью рода разлук,
Но всякая из них — источник мук.

Тягчайшая из них, когда пути
Не смог ты сердцем к Истине найти.

Все — кроме первого — рода разлук
Я испытал и стал горнилом мук.

Но человек, пускай всего лишен,
Коль сердцем тверд, не ослабеет он.

Пускай в душе предела мукам нет,
Тогда надежда свой подъемлет свет,

И мы к устам тот кубок поднесем,
Наполненный слияния вином.

Зови его напитком бытия.
Навек в нем возродится жизнь твоя.

О боже, новой жизни весть яви!
Надежду дай страдальцу Навои!

Когда, после завоевания Магриба, Искандар направлялся в Рум, народ страны Кирван пожаловался ему на притеснение яджуджей. И он, чтобы закрыть дорогу этому бедствию, строит стену; и строители, подобные ученым-геометрам, и каменщики, подобные звездочетам, шнуром наметили место стены. И литейщики, по мысли Утарида, и кузнецы, по знаку Сухейля, заливая гипс расплавленной бронзой, а изесть блестящей сталью, возвели стену до небесного купола

Тот, кто события века записал,
Так мускусом по амбре начертал:

Когда правитель Рума, скажешь ты,
Дошел до крайней западной черты —

На западе увидел племя он,
Чьей злобой род людской был изнурен.

Хан из улуса к Искандару в плен
Попал — и милость получил взамен.

Он, покорясь румийскому ярму,
Привел все племя в подданство ему.

Им Искандар сказал: «Вы все со мной,
Чтоб верность доказать, пойдете в бой,

Чтоб муравьев огромных истребить,
Мир от опасности освободить!»

«О царь! — сказало войско дикарей,—
Опора мира и вселенной всей!

Коль этих муравьев мы перебьем,
Мы — великаны — сами пропадем:

Когда мы десять суток спим подряд,
В ту пору муравьи нас сторожат.

Мы десять суток бодрствуем; потом
Мы десять суток спим глубоким сном.

В ту пору к нам враги не подойдут —
Врага любого муравьи убьют!»

В ответ им шах ни слова не сказал,
Всем муравьям помилованье дал.

Сказал: «А где из золота гора?
И где еще гора из серебра?»

Тот исполин, себя ударив в грудь,
Сказал: «О них и думать позабудь!

Нельзя пойти по этому пути,
А кто пошел — того нельзя спасти.

Отсюда, где стоим, от степи сей
До этих гор дорога — в десять дней.

Но мы их не видали никогда,
Хоть и недальний путь ведет туда.

На той дороге бедствий и вреда
Подстерегает путника беда.

Там воды смертоносные текут,
Деревья ядовитые растут.

Там, жаждой разрушенья обуян,
Свирепствует пустынный ураган.

Все на своем пути сжигает он,
Дракона в воздух подымает он.

Те, кто, минуя этот смерч, пройдут,
Без счета на дороге змей найдут.

Там кобры и очковые кишат,
И каждая хранит старинный клад.

А змей число, как старцы говорят,
Тьмы тысяч, а вернее — мириад.

И воздух напоен над степью всей
Дыханьем ядовитым этих змей.

И аспиды, чей убивает взгляд,
На том пути к сокровищам стоят.

Ты не ходи к пределам той земли,
Мы до нее и сами не дошли!»

Ответил Искандар ему: «Ты прав!
Рассказ твой необычный услыхав,

Куда хотел пойти, я не пойду,
Войска в обитель бед не поведу.

Зачем нам золото и серебро,
Когда от них беда, а не добро?

Несовместимо с нашим естеством,
Идя за золотом и серебром,

Войска в пути беспечно истребить,
Богатство жизни вечной погубить!»

За золотом и серебром в поход
Он не пошел; освободил народ.

Суровых этих диких степняков
Он защитил от рабства и оков

И отпустил их, поручив судьбе.
Но нескольких оставил при себе.

Из-за ужасного обличья их
Поставил среди избранных своих.

Когда Магриб им завоеван был,
Он взгляд опять на север обратил.

И кручи снежных гор перевалил,
И голубое море переплыл.

Пока корабль его, как колыбель,
Качали волны, чинская газель,

Чья в бедствии рука его спасла,
Кудрей арканом в плен его взяла.

Взяла его в глубоких плен утех,
Для Искандара став желанней всех.

С утра была, как кравчий, на пиру.
Зухрой ему сияла ввечеру.

Вот близ Фаранга корабли царя
Пристали, опустили якоря.

Пред ним лежала хмурая страна,
Меж западом и севером она.

Там, где зима свирепая грозна,
Разрозненные жили племена.

И приступали к шаху: «В добрый час,
Бери свой меч и заступись за нас!

Там, где порядок свой построил ты,
Судьбу людей благоустроил ты.

А мы твоей защиты лишены,
Угнетены врагом, разорены!»

А царь: «Какие к вам враги пришли,
Рассыпали вас по лицу земли?»

Ответили: «Из неизвестных стран
Они идут через страну Кирван,

Где солнце от захода до утра
Скрывается, там высится гора.

К нам из-за той горы беда идет,
Оттуда — ужас, и оттуда — гнет.

Предел вселенной, той горы хребет
Дневного солнца заслоняет свет.

В горах — ущелье; по тому пути
Нельзя сквозь горы никому пройти,

Яджуджи злобные гнездятся там,
Подобные чудовищным зверям.

Оттуда вихри бедствий к нам летят.
Их нападенье — сущий кыямат.

Видать, их породил аллах святой,
Разгневавшись на грешный род людской.

За чью вину мы — жертва мести их?
В словах не описать нечестья их!

Как дивов тьма, бесчисленны они,
Как бездны тьма, немыслимы они.

На их макушках волосы — копной,
Торчат их космы — в семь пядей длиной,

Ничем не одеваются они,
Ушами укрываются они.

Страшны их лица — желты и черны,
Их бороды, как ржавчина, красны.

У них глаза свирепых обезьян;
Их темный разум злобой обуян.

Даны еще, как печи, ноздри им,—
Они их чистят языком своим.

Они клыками, словно кабаны,
Изрыли землю нашей стороны.

Там, где яджудж, как злой кабан, пройдет,
Не то что злак, былинка не взрастет.

Самцы они иль самки, но подряд
У всех две груди длинные висят.

С тех пор, как существует этот свет,
Их сквернословию сравненья нет,

А круча той горы так высока,
Что у ее подножий — облака.

Весь тот хребет в сединах снежных глав
Зовется издревле горою Каф.

Она, подковой кругозор объяв,
Подобна начертанью буквы «каф».

Хребты заоблачные разорвав,
Теснина есть в горах, как в букве «гаф».

И через узкий горный тот проход
К нам от яджуджей бедствие идет.

Из горных нор своих два раза в год
На мир яджуджи движутся в поход.

И все живое губят на пути,
Как нам спастись? Куда от них уйти?

И вот — покинули мы навсегда
Поля свои, сады и города.

Скитаемся мы по пескам степей,
Оторванные от своих корней.

Все города великой сей страны
В развалины врагом превращены.

А эти изверги зверей лютей,
Поверишь ли — они едят людей!

Овец, коров, коней — забрали все,
К себе угнали и пожрали все.

Здесь ни зерна нет в закромах пустых.
Все съели! Только смерть насытит их.

Вот все сказали мы тебе! Прости!
Народ наш можешь только ты спасти!»

Шах Искандар спросил: «Когда же тут
На вас яджуджи злобные идут?

Как вы догадываетесь о том,
Чтобы успеть уйти перед врагом?»

Ответили ему: «Два раза в год
Идет на нас народ свирепый тот.

Тогда, клубясь, как туча, пыль встает,
Зеркальный затмевая небосвод.

Пыль, омрачающая блеск небес,
Предозначает нам, что мир исчез».

И царь спросил: «Когда вы ждете их?»
Сказали: «По примеру лет былых

Жить нам в покое — месяц или два».
Запали в сердце шаха те слова.

И войску станом там он стать велел,
Стан войска валом окопать велел.

Но возроптали толпы бедняков,
Рассеянные сонмы степняков:

И молвили царю: «До коих пор
Терпеть нам это горе и позор?»

Нас от врага не можешь ты спасти...
И просим мы тебя от нас уйти!

В тот день, когда чудовища придут,
Твоих румийцев воинства падут.

Вы все погибнете! А нам тогда
В сто крат настанет худшая беда!»

Царь им ответил: «Не пугайтесь вы!
Но все же здесь не оставайтесь вы.

До нитки все забрав, что есть у вас,
Подальше откочуйте — в добрый час!

Спешите! Бог — свидетель, я не лгу,—
Надеюсь — помогу вам, как смогу!»

Ушли они... Но там остался сам
Шах Искандар, подобный небесам.

Сказал он, и к ущелью, словно львы,
Пришли мужи и выкопали рвы.

И клич он кликнул лучшим мастерам,
Прислали лучших Рум, Фаранг и Шам.

Постигших числа мира и расчет
Движенья, где река светил течет.

Нет, не литейщиков, не кузнецов —
Он со́звал мироздания творцов!

Чтоб мир стеною вечной защитить,
Навек дорогу бедствий преградить.

Медь, олово и сталь со всей земли
На тысячах верблюдов привезли.

Печей плавильных тысячи зажгли,
И реки огненные потекли.

А Искандар — при первом свете дня,
Встав раньше всех, садился на коня;

И объезжал подошву Кафских гор,
Стеной загородивших кругозор.

А там — скалу валили за скалой
И камень резали стальной пилой.

Но увидали, дел не завершив,
Что пыль встает, полнеба омрачив.

Яджуджи шли,— скажи, за дивом див!
Неудержим, как сель, был их порыв...

Искандар, скрыв свое войско за неприступными рвами и устроив засады, дал отпор яджуджам, выждав срок, пока не истощится сила этого племени, и, оплакав погибших воинов, приступил к завершению своего замысла

Когда пожрал все, что пожрать успел,
Свирепый род яджуджей ослабел

И ринулся в ущелье наутек,
Как вспять внезапно хлынувший поток,

Бегущих Искандар велел рубить,
Чтоб навсегда их память истребить.

Так воля добрая и сильный ум
Заставили умолкнуть этот шум.

Вот приступили, знанием сильны,
Румийцы к возведению стены.

Меж двух отвесных исполинских гор
Могучий стали воздвигать затвор.

Определил строитель-звездочет
Счастливый час начала всех работ.

И начертили место на земле,
Где ставить стену — от скалы к скале.

Над чем-то колдовали мудрецы,
Все строго рассчитали мудрецы.

Вновь к небесам поднялся голубым
От тысячи печей плавильных дым.

Опору всей твердыни основав,
Не гипс — семи металлов лили сплав.

На сплав горячий клали глыбы плит,
Сперва их обтесав, как надлежит.

Во всей работе слушались они
Великого строителя Бани.

Так плотно клали каменный оплот,
Что между плит и волос не пройдет.

Пятьсот локтей, вот ширина стены,
И тысяч за десять длина стены.

Десятки тысяч каменщиков там
Повиновались мудрым мастерам.

Полгода — ночи напролет и дни —
Без отдыха работали они.

И наконец твердыню возвели,—
Скажи, восьмое чудо всей земли.

А высота стены громадной всей,
Как говорят, была в пятьсот локтей.

На верх стены две лестницы вели,
Чтоб восходить дозорные могли.

Сторожевая башня на стене
Блестела синей сталью в вышине.

Укрытие для стражи было там,
Запас камней — метать их по врагам.

И печи, чтоб котлы разогревать,
Врага смолой кипящей обливать.

И были там дозор нести должны
Бессменно сотни стражей той страны.

Шах, видя завершение трудов,
Вознес хвалу строителю миров.

Он видел, как могуча и крепка
Стена, построенная на века...

Но вот померкли небеса в пыли,
Ордой к стене яджуджи подошли.

Но что поделать их клыки могли
С твердыней величайшею земли!

Тут Искандар сказал сторожевым:
«Бросайте камни на головы им!»

И тысячи проворных сторожей
Низвергли на чудовищ град камней,

Свинцом кипящим обливали их,
Горящей серой обжигали их.

Яджуджи, подымая страшный вой,
Вспять понеслись ревущею толпой.

Вот так, за все содеянное зло,
На них теперь возмездие сошло.

И вновь пришли и встретили отпор,
И перестали нападать с тех пор.

Так Искандар несчастных защитил,
И от яджуджей мир освободил,

И, как поток блистающей реки,
В обратный путь повел свои полки.

Овеян славой, полон морем дум,
В объятья матери вернулся, в Рум.

* * *

Дай, кравчий, мне отчаянья фиал!
Я по родной стране затосковал!

Так долго я блуждал в чужих краях,
Что — мнилось: мир земной распался в прах.

Певец! Я вновь теперь в краю родном...
Спой мне теперь забытый мной маком!

В слезах, внемля стенания твои,
Забуду я скитания свои!

Я — Навои — предела своего
Достиг, но нет мне пользы от того.

Ведь все, кого любил когда-то я,
Исчезли за пределом бытия!

Искандар, как солнце, овладев миром, ради открытия неведомых морей садится в корабль желания и подымает ветрила страсти; и, согласно совету ученых, на берегу Румийского моря собирает искуснейших судостроителей мира и приказывает строить корабли

И когда были спущены на воду три тысячи кораблей, из которых каждый был подобен юной луне, они устремились, как стрелы, выпущенные из натянутого лука, и Искандар на этих кораблях в письменах волн читает поэму завоевания Океана

Из моря этого жемчуголов,
Ныряя в бездну, вынес жемчуг слов.

Вернувшись из похода, Искандар
Родной стране принес полмира в дар.

Он отдых утомленным дал войскам
И новой силы набирался сам.

И розой счастье Рума расцвело,
Как солнце, что к зениту подошло.

И радовались люди всей земли,
Которые свободу обрели.

И ликовал не только весь народ,
Весь ликовал девятисферный свод.

Четвертый свод гордится оттого,
Что солнце ходит по кругам его.

Был Искандар в дому своем счастлив,
Из кубка мира жажду утолив.

И начал час за часом, день за днем
Он о походе вспоминать своем:

«Вот все пределы суши матерой
Я обошел, руководим судьбой.

И все, что удивительного есть,
Я видел. А земных чудес не счесть.

Я видел много на стезе своей
Растений необычных и зверей.

И все изведать было мне дано,
Что на земле под солнцем рождено.

Лишь Океана я не переплыл,
Завесы тайн его не приоткрыл.

Хоть много есть чудес на берегах,
Но больше есть чудес на островах.

Морская необъятна пелена,
Неизмерима моря глубина.

Огромный этот круглый шар земной
Со всех своих сторон покрыт водой.

А суша — часть десятая всего,
Не более, поверхности его.

Доныне плавать приходилось нам
Вдоль берегов — по внутренним морям.

Миротворенья непостижна суть,
Познанья тайны бесконечен путь.

Десятой доли мира человек
Не может изучить за долгий век.

Не можем мы рукой до звезд достать,
Не можем их загадки разгадать.

Лишь части мира постигает ум,
Но целого не обнимает ум.

Вершится волей неизвестных сил
Движенье сфер небесных и светил.

Прошли мы по неведомым путям,
И мир подлунный покорился нам.

Нам знанье и могущество дано,
Но наше дело не завершено.

Коль наложу запрет я и печать
На вечное стремленье все познать,

Я сам веленье духа обману,
В неведении жалком утону.

Моря земли я должен переплыть,
Неведомые страны посетить.

Прошел я с Хызром мудрым по земле,
С Ильясом поплыву на корабле».

Страсть эта Искандара обняла
И снова в путь неведомый звала.

Коль эта страсть исхода не найдет,
Она разрушит разума оплот.

Владела мысль одна его умом,
И страх безумья появился в нем.

И он созвал ученых, мудрецов,
Чтоб рассказать им все в конце концов.

С достойными он долго говорил
И замысел свой тайный им открыл.

Поведал цель великую свою,
Что стала оправданьем бытию.

И поняли ученые, что он
Душой к морям безвестным устремлен.

Один из них пытался возражать,
Но принужден был вскоре замолчать.

И средь ученых мира большинство
Одобрило желание его.

Так им повелевали долг и честь,
А спорить было неуместно здесь.

Сказали старцы, покорясь судьбе:
«Мысль эта свыше внушена тебе.

Пусть тот, кто держит мир и небосвод,
Даст силу нам свершить морской поход!»

Когда согласье старцев получил,
Румиец тут же к делу приступил.

Созвал он из приморских городов
Искусных корабельных мастеров.

И поручил им, для своих людей,
Три тысячи построить кораблей.

На тысяче он сам был должен плыть
И все, кто с ним в дороге должен быть.

Ученые на тысяче другой —
Помощники в правленьи страной.

На восьмистах — отважные бойцы,
А на двухстах — бывалые купцы.

Все корабли надежны быть должны,
Как крепости, против любой волны.

Не корабли, а город поплывет,
Где человек все нужное найдет.

Дома и башни, словно на земле,
Подымутся на каждом корабле.

Еще построить триста кораблей,
Вмещающих по тысяче людей,

Так, чтобы всем просторно было им
С оружьем, снаряженьем боевым.

А двести кораблей должны вести
Припас еды на много лет пути.

И был еще на сотне кораблей
Запас цепей, канатов, якорей.

И кони и верблюды на двухстах
Для высадки на дальних островах.

Как солнце, будут все суда блестеть,
Одеты в пурпур, золото и медь.

Чуть Искандар успел отдать приказ,
Немедля стали выполнять приказ.

И много тысяч плотников пришло,
Орудья их — топор, бурав, тесло.

В лесах деревья стали вырубать,
Рекой к морскому берегу сплавлять.

Строители по берегам реки
Вставали шумным станом, как полки.

Везде по склонам этих берегов
Трудились над постройкою судов.

Пятнадцать тысяч столяров одних
И много тысяч мастеров иных.

Там с утренней и до ночной поры
Звенели пилы, пели топоры,

Гремели кузницы. Огонь печей
Плавильных полыхал во тьме ночей.

Три долгих года стук, и гул, и гром
Строительный не умолкал кругом.

И закачались на волнах зыбей
Три тысячи могучих кораблей.

И мореходов тысячи пришли
И поднялись на эти корабли.

Грузить взялись проворно в тот же час
Необходимый в плаванье припас.

И журавлиным клином встали в строй
Суда, приняв порядок боевой.

Со всем народом попрощался царь,
Прийти с победой обещался царь.

И с милой матерью своей простясь,
И от оков любви освободясь,

Сел на коня и поскакал в свой стан,
Где море делит Рум и Франгистан.

Вот Искандар на палубу шагнул,
Поводья дальних странствий натянул.

И, высоту светил определив,
Решил он — час отплытия счастлив.

И он с кормы высокой корабля
Сказал, пока не отошла земля:

«Прощайте! Честно вы служили мне,
В трудах моих, как братья, были мне!

Надолго с вами разлучаюсь я,
На вашу верность полагаюсь я.

Я должен плыть. Не волен я в себе,
И мы не в силах дать отпор судьбе.

Друзья, я счастьем вашим дорожу,
Запомните же то, что я скажу:

Во всем, что каждому из вас дано
И что заранее определено —

Разумный, твердый сохраняйте строй,
Не нарушайте распорядок мой.

Примите сердцем этот мой наказ,
И счастье ваше не уйдет от вас.

Вы пожеланья блага шлите нам,
Хоть этой службой послужите нам!»

Когда сказал все это славный шах,
Великий плач возник на берегах.

У провожавших слезы полились,
И возгласы стоусто раздались:

«В морях безвестных, где бы ты ни плыл,
Хотя бы антиподов победил,

Мы здесь в печали будем без тебя,
Не будет счастья людям без тебя!

Пусть, видя мир вселенской красоты,
Душой в пути возрадуешься ты!

Мы сохранить сумеем твой наказ,
Иных не будет помыслов у нас.

Пусть вечный промысел тебя хранит
Средь бурь морских, как нерушимый щит!»

Вот главный кормчий высоту светил
По астролябии определил.

В тот день входило солнце в знак Овна
И синева небес была ясна.

Хоть было небо зеркала светлей,
Шел бесконечный дождь из глаз людей.

Вот выбрали, усердием горя,
Окованные цепью якоря.

И киноварью лопастей своих
Блеснули весла — крылья птиц морских.

Вот кормчий в рог свой медный затрубил,
Строй кораблей в морской простор поплыл.

Покрылась пеной водяная гладь,
И волны в берег начали плескать.

То плыл огромный город по воде,
Какого не увидите нигде.

То двигалась дубовая река,
Все паруса раскрыв, как облака.

Так с воинством могучих кораблей
Стал Искандар владыкою морей.

На волнах пена, словно облака,
Пучина непомерно глубока.

Водоворотами возмущена,
Выбрасывала перлы глубина.

И открывала тайны бездн морских
В просторах неоглядно голубых.

А верный, если гость придет такой,
Не жемчугом пожертвует — душой.

* * *

Дай, кравчий, чашу — как морской залив!
Пусть на мгновенье буду я счастлив.

Дай мне отраду влажного огня,—
Как берег, сухи губы у меня.

Певец, настрой свой чанг, запой, играй,
Печаль души с мелодией смешай!

Чтоб слезы, словно жемчуг, я ронял,
Чтоб, как весенний облак, зарыдал.

О Навои, нет верности нигде
В сем мире, что построен на воде!

Не возлагай надежд на этот дом —
Мгновенный, схожий с водным пузырем.

НАЗИДАНИЕ

Искандар спрашивает мудрецов о строении моря, и Сократ объясняет, как вода окружает сушу, и, выделив вокруг Океана семь морей, волнующихся, как семь голубых небес, рассказывает о двенадцати тысячах островов, помимо множества других; и описанием морей поражает слушателей

Искандар, захватив семь морей и двенадцать тысяч городов на островах, очертил, как циркулем, круг водных просторов и направился к центру Океана, и в этом походе его деревянные кони двигались на парусах, как на крыльях, под ветром, а равнина вод казалась небом, и на этой равнине он много трудов перенес; и на этом пути ты много найдешь примет — как капля дробит камень

О бесстыдстве виночерпиев на пиру жизни, наливающих в чашу жизни яд смерти, не видя разницы между невеждой и знающим; и о неверности работающих в саду жизни, которые, срезая живые ветви острием смерти, не отличают нищего от шаха; и призыв отряхнуть полы от пыли этого презренного мира и указание верного пути, дабы избегнуть водоворота гибели

О сердце бедное — не вечен мир!
Здесь верность в гости не придет на пир.

Мир — только глины ком; ты это знай —
И белизну одежд не замарай.

Сей в океане плавающий ком
Пучиной затопляется кругом;

Три четверти сокрыты под водой:
Зовется четверть сушею земной.

Одежды духа светлы, ясен взор
У рассекающих морской простор.

Но тонешь сердцем ты в грязи, в пыли —
В пределах обитаемой земли.

Не погружайся в эту пыль и грязь,
Прочь от соблазнов мира устремясь.

Кого трясина мира засосет,
Тот сам пути к спасенью не найдет.

Пустынный вихрь песок и пыль клубит,
Рот забивает и глаза слепит.

Так, сам Бахрам в трясине той увяз,
И свет его до дня Суда угас.

Пропал в пустыне мира Кей-Хосров,
И не нашли нигде его следов.

Где все они? Куда теперь ушли
Владыки величайшие земли?

Хоть мир несметно их обогатил,
Сам их потом ограбил и казнил.

А для того, кто может возразить,
За образцом недалеко ходить.

Ведь был недосягаемо высок
Шах Искандар, мудрец, святой пророк.

Стремясь, он цели достигал любой
И, нищий, прочь ушел — с пустой рукой.

Весь мир он обошел и победил
И ничего с собой не захватил.

Когда он пыль до неба подымал,
Оружье враг бросал и убегал.

И не явилось в мире никого,
Кто повторил бы подвиги его.

От Каюмарса и до наших дней
Не перечесть прославленных царей.

Но что исполнить удалось ему,
Не выпало на долю никому.

Ему свою покорность принесли
Семь поясов сей четверти земли.

С семи майданов — пред его шатром
Пять барабанов грянули, как гром.

Тогда, в безвестность устремляя взор,
Как кит, он ринулся в морской простор.

И, семь вселенной обойдя кругов,
Открыл двенадцать тысяч островов.

Против яджуджей стену он воздвиг,
Что описать бессилен мой язык.

Построенная знаньем и умом,
Возникла астролябия при нем.

Философов великих ученик,
В познаниях вершины он достиг.

Нет, не мечом — а мудростью своей
Завоевал он преданность людей.

Он ведал все. Сокрытый ото всех,
Он видел путь и свет грядущих вех.

Он смог своим примером доказать,
Что только мудрый может управлять.

И он не только властью был силен,
А некой высшей силой наделен.

Кто был еще таким, как он? Никто!
Кто был так небом одарен? Никто!

И он поверженный, предан был судьбой,
Подобно твари страждущей любой.

Давно ли был силен, могуч и бодр
Сегодня брошенный на смертный одр!

Вчера он был всех выше вознесен,
Сегодня на мученья обречен.

Когда забвенье вечное придет,
Он от скорбей телесных отдохнет.

Взгляни, как небом Искандар сражен —
Его одолевает смертный сон.

Он по степям и по холмам скакал
И ослабел, с коня на землю пал.

Провел в разлуке вереницу дней
С возлюбленными, с матерью своей.

Он в дальних странах, в плаванье морском
Душой о крае тосковал родном.

Горячей жаждой радости влеком,
Спешил он, торопился в отчий дом.

Он видел цель достигнутой почти.
Его настигла смерть в конце пути.

Он средь пустыни, преданный беде,
Лежал, как рыба на сковороде.

Где светлый дух, которым он храним?
Ни друга, ни наперсника над ним.

Болезнь его свалила, как палач,
В больной душе — беспомощность и плач.

Что ближних скорбь, что состраданье там,
Где не поможет никакой бальзам!

Делами мира разум потрясен,
Да видит в этом назиданье он.

Да умудрится этой притчей тот,
Кого влечет мирской водоворот.

Рассказ о том, как Лукман предпочел мирским благам развалины, подобные сокровищам; но и тысячу лет спустя он не избег настигшего его дракона небес

Оставя власть, богатства и дворец,
Ушел в руины жить Лукман-мудрец.

Жизнь средь развалин взял себе в удел,
Как бы сокровищами овладел.

Не защищен от града и дождя,
Он жил, в ином отраду находя.

Лукман тысячелетним старцем был.
И некий пришлый у него спросил:

«О мудрый, озаривший лик земли!
Зачем ты здесь — в ничтожестве, в пыли?

Прославленный ученый, ты бы мог
Избрать жилищем царственный чертог.

Тебе ведь стоит только пожелать,
Чтоб всем богатством мира обладать!»

Лукман ему в ответ: «О человек,
Средп развалин этих — долгий век.

Пусть я подобен старому сычу,
Но здесь я злу противлюсь, как хочу.

Я смог от мира корни оторвать,
И мир с тех пор не смог меня связать

Мир у меня, когда мой срок придет,
Одни руины эти отберет.

Их все равно с собой не взял бы я
В безвестный дальний путь небытия.

Чем легче бремя здесь несешь, о друг,
Тем легче в будущем избегнешь мук».

В этой главе некий человек спрашивает Лукмана: «Где источник твоих великих знаний? Дай нам знать о нем». Ответ Лукмана: его определение поступков злых людей и правило — придерживаться обратного.

Спросили у Лукмана, говорят:
«О муж, всезнаньем напоивший взгляд!

Мы не отыщем в глубине веков
Таких, как ты, ученых мудрецов.

Кто был учитель твой? Не утаи —
Где почерпнул ты знания свои?»

Ответил: «Недоступен был мне круг
Философов, мыслителей, наук.

И я учился не у мудрецов,
А у невежд и низменных глупцов.

Глянь на невежду и дела его —
Все делается плохо у него.

Я поступал всегда наоборот,
Вот в чем моя твердыня и оплот.

Невежество людей ведет во тьму.
Тот знающ, кто противится ему.

И тот блажен, кто в срок оставить мог
Безумье мира, вихрь его тревог.

В самом себе богатство мудреца.
Он предпочтет руинам блеск дворца.

Богатый духом — истинно богат;
Залог благоустройства — харабат».

Искандар пишет письмо матери, сгибаясь, как тростинка. в смертных мучениях, дабы запретить плач по нем; а после этого судьба сворачивает в свиток письмо его жизни и приближенные переносят табут с его останками в Искандарию. И когда то письмо дошло до его матери, она выходит к месту погребения и, словно баюкая маленького сына, чтобы он уснул в колыбели, она провожает его — погруженнозо в непробудный сон в колыбели могилы, и, как по шву разрывая грудь земли, она предает его земле

Историк, что все это описал,
Примерно так сказанье завершал:

Очнулся шах и понял, что — вот-вот —
Навеки солнце дней его зайдет,

Увидел смертный пред собой порог
И понял: жить осталось малый срок...

Так повелитель мира, говорят,
Как все — из чаши смерти выпил яд.

Он вспомнил мать, и дух воспрянул в нем,
Объятый удивительным огнем.

Открыв глаза, он на людей взглянул
И, через силу, глубоко вздохнул.

Велел писца с бумагою позвать,
Чтоб матери письмо продиктовать;

Чтоб лик бумаги чернотой покрыть
И дело завещанья завершить.

Чернила, белый лист дабир достал,
Тростник в персты молниеносный взял;

Дословно все в письме сумев сберечь,
Запечатлел он царственную речь.

Здесь — пересказ, подобие тому
Страданьем напоенному письму.

В начале восхваление того,
Чье безначально, вечно существо,

Кто, свет неисчерпаемый лия,
Жизнь вызывает из небытия.

Жемчужину души он в персть кладет
И то, что дал, в конце концов возьмет.

Он — кормщик плавающему в морях,
Он — спутник странствующему в степях.

Бедняк, униженный среди людей,
В его глазах превыше всех царей.

«Меня недуг, как божий гнев, настиг,
И я в песках, униженный, поник.

И этой силы мне не превозмочь,
И власть моя не может мне помочь.

Есть сокровенный смысл в судьбе любой;
Моей судьбы не понял разум мой.

Я, как последний дар из рук творца,
Приемлю чашу смертного конца!»

Вот так он восхваленье завершил
И к слову завещанья приступил:

«От сына твоего в тот час, как он
Стенает — войском смерти окружен.

Тебе, живой источник существа,
Душе моей, да будешь ты жива!

С тобой в разлуке долго пробыл я,
Печалил я тебя, о мать моя.

Владела мной бессмысленная страсть —
Навеки утвердить над миром власть.

Но мысль была незрелой в глубине,
Я чашу осушил — и яд на дне.

Хоть ныне разум прояснился мой,
Ошибки не исправлю роковой.

Я — сын дурной — с тобой бы должен жить,
По-рабски должен был тебе служить!

Что все величье царства моего
Пред пылью у порога твоего?

Но помешали счастью небеса...
Навек я смолкну через полчаса.

К последней воле преклонись моей:
Не плачь, не сокрушайся, не жалей!

Да не коснется скорбь твоей главы,
Не то — увы, мне бедному, увы!

Пускай я волю нарушал твою,
Ты эту просьбу выполни мою.

О мать, когда письмо мое прочтешь,
Ты все душой и разумом поймешь.

Пускай смятенье в мире не пойдет,
Когда меня могильный скроет свод.

Ты сделаешь, чтобы народ узнал,
Все то, что я о царстве завещал.

И знай, все это нужно было нам,
Что некогда предначертал калам.

От скорби корни сердца оторви,
Служи иной, возвышенной любви.

Да скорбь твоих ланит не очернит,
Да седина волос не убелит!

Да не оденется могильной тьмой
Блестящий свод небесный над тобой!

Как солнце, разметавшее лучи,
Не рви волос! Не плачь, крепись, молчи,

Чтоб от твоих неосушимых слез
Сносить мне горше муку не пришлось!

Но, коль собой не сможешь овладеть,
Не в силах будешь мук своих терпеть —

Вели устроить пир. И пусть народ,
Пусть весь народ на пир к тебе придет.

Весть разошли, чтоб люди всей земли —
Великие и малые — пришли.

Пусть на твоих айванах чередой
Садятся все за убранной суфрой.

Пусть угощенья твоего обряд,
Как прежде, будет царственно богат.

Пускай глашатай им объявит весть:
«С весельем сердца ешьте то, что есть,

И радуйтесь, коль хоть один живет,
Кто в землю никогда не отойдет!»

И если кто-либо среди гостей
Преломит хлеб на скатерти твоей.

И если привлечет людей еда,
Печалься обо мне и плачь тогда.

Когда ж гостей твоих обширный круг
К готовой пище не поднимет рук,

То, значит, нет ни одного средь них,
Кто б не утратил близких, дорогих...

Вот он — всего живущего удел,—
Кто о своих утратах не скорбел?

Не надо мною слезы проливай,
Всем людям мира сердцем сострадай!

Поденщик ли, избранник ли судьбы:
Они пред волей высшею — рабы.

И воле той покорствовать должно.
Тот мудр, кому понять ее дано.

Покорна высшей воле, как раба,
Приемли все, что нам несет судьба.

Хорош я был иль плох, мой путь свершен,
Разящей жизнью я не пощажен.

Чего я здесь достиг с таким трудом?
Что пользы мне в раскаянье моем?

Остаток дней на жизненном пути
Служенью воле бога посвяти.

А что бы горе в сердце не росло,
Чтобы тебя, как солнце, не сожгло,

Будь в обществе наставников моих,
Внимай высоким поученьям их.

А вспоминая сына своего,
Молитвой тихой радуй дух его!»

«Все!» — начертал писец в углу листа,
Когда великий шах сомкнул уста.

Все завещал он в нем, что мог желать,
Свернув письмо, привесили печать.

И молвил шах с трудом: «Гонцов скорей
С письмом пошлите к матери моей.

Когда в груди дыхание замрет,
И для меня исчезнет небосвод,

И скроется, как солнце, жизнь моя
За черным облаком небытия —

Тогда мужайтесь и не рушьте мир,
Пусть без меня он не пребудет сир.

Мои останки положа в табут,
И днем и ночью пусть его несут.

Да будет бренный прах царя царей
В Искандарию принесен скорей.

Да будет непробудный сон мой тих
В прекраснейшем из городов моих.

Запомните еще такой приказ,
И это вам последний мой приказ:

Пускай в отверстье гробовой доски
Наружу будет кисть моей руки.

Дабы на будущие времена
Осталась поучением она:

Шах Искандар держал весь мир земной
Сей растопыренною пятерней.

Он этой дланью,— алчностью горя,—
Забрал все страны суши и моря.

Но барабан отхода прозвучал —
И мира он в руке не удержал.

Ушел от мира; и рука пуста,
Как пятерня чинарного листа.

Кто мудр, кому помощник — знанье, тот
В такую западню не попадет».

Смолк Искандар и глубоко вздохнул,
Закрыл глаза и навсегда уснул.

Он бренным миром краткий срок владел
И вечность во владенье захотел.

Унес он тайну вечную с собой,
Влеком девятисводной высотой.

Взметнулся смерч, дыханием паля...
И содрогнулись небо и земля.

И леденящий ветер налетел,
И лик земли от пыли потемнел.

Трон раскололся, молнией разбит.
В пыли корона царская лежит.

Взгляни на скорбь, на черноту ее —
Как исцарапала лицо свое!

Разорван книги редкой переплет,
Страницы вихрь в пустыне разнесет...

Хранители духовных тайн и сил,
Скажи, оделись в черноту чернил.

Мир был таким смятением объят,
Что наступил, казалось, кыямат.

Достигла войска весть. И плач, и стон,
И вопли раздались со всех сторон.

Казалось — день последний настает,
Казалось — наземь рухнул небосвод.

Раскалывалась высота небес,
А мир во тьме, в густой пыли исчез.

Гремя, качались небо и земля,
И разрушались небо и земля.

Беде, казалось, не было конца,
Но вот — все стихло, волею творца.

Склонились люди, плача и молясь,
Угрозы небосвода устрашась.

И, поминая шаха своего,
Спешили волю выполнить его.

Хоть слезы молча по щекам лились,
Они проворно делом занялись,

Соорудили смертную постель —
Гроб, словно золотую колыбель.

Гроб на носилки водрузив, пошли,
В Искандарию тело понесли.

А раньше их гонец письмо примчал,
С письмом пред шахской матерью предстал.

Узнала мать, что суд небес свершен,
Что Заль навек с Рустамом разлучен.

Она без чувств, как бездыханный прах,
Упала; свет померк в ее глазах.

Очнувшись, больше не хотела жить,
Сама себя хотела истребить.

Она письмо сыновнее прочла,
Но утешенья в горе не нашла.

То был душе ее последний дар,
Что завещал исполнить Искандар.

Умом высоким овладела тьма,
Не достигал сознанья смысл письма.

Не видя, где мученьям исход,
Скажи — сжигая вздохом небосвод,

Она так истомилась, говорят,
Что тайно приняла какой-то яд.

И хоть не сразу умерла она,
Но сердце ядом тем сожгла она.

Телесные мученья, может быть,
Ей горе помогли переносить.

Суставы, жилы истлевали в ней,
Сухие кости пеплом стали в ней.

И в эту пору к ней явились те,
Кто степь и горы видел в черноте.

Они несли носилки на плечах
И в золотом гробу сыновний прах.

Когда она все это поняла,
Могучей волей боль превозмогла.

Надев убор и пояс завязав,
Навстречу вышла, посох в руку взяв.

Увидев жертву своего суда,
Главу склонило небо от стыда.

О, черный день! При виде этих слез,
Несокрушимый дрогнул бы утес.

Табут и гроб увидя издали,
Сдержать рыданья люди не могли.

О, вероломный свод! О, мир — палач!
Средь сонма ангелов поднялся плач.

Царица славных к гробу подошла
И говорить сквозь слезы начала:

«Добро пожаловать, мой дорогой!
Твоя служанка, жертва — пред тобой.

Наш бедный кров тебя не скрыл, не спас...
Любитель странствий, ты покинул нас.

Ты там теперь, где льется чистый свет,
Тебя отныне в темном мире нет.

Там — светлый сад эдема для тебя!
Смятенье мира немо для тебя.

И хоть постичь не может разум мой
Уход внезапный твой в предел иной,

Но если ныне радостно тебе,
То покориться мы должны судьбе.

А мне, увы, сносить превыше сил
Гоненье бесчувственных светил.

Зачем сама я прежде не ушла,
Тебе устроить встречу не смогла?

Вот солнце путь закончило дневной,
Остался древний свод, объятый тьмой!

Могла ль поверить я, что ждет меня?
Не дождалась бы я такого дня.

Коль мне бы видеть сон такой пришлось,
То сердце бы мое разорвалось!

Сель налетел на этот ветхий дом
И все разрушил на пути своем...

Когда б я волю дать могла слезам,
Подобно всем несчастным матерям,

В рыданьях скорбь моя бы изошла,
И я свои бы волосы рвала,

Покрыла бы ланит своих шафран
Тюльпанами кровоточащих ран,

Вопя, разорвала бы ворот свой,
Вся черным бы покрылась с головой,

Как рев карная, мой немолчный крик,
Наполнив мир, зенита бы достиг!

Я над твоим бы ложем гробовым
Нашла конец страданиям своим.

От гнета неба, вслед тебе спеша,
Освободилась бы моя душа.

Вот — ты ушел в неведомую даль...
И мука мне, и вечная печаль,

Что не могу покинуть этот свет,
Что не могу нарушить твой запрет.

Пришло ко мне, тебя опередив,
Письмо твое, и в том письме ты жив.

Боль исступленную я утаю
И в мире волю выполню твою.

И что печаль моя, что слезы глаз,
Когда передо мною твой приказ.

Ведь это не хакан и не кайсар
А сам повелевает Искандар!

О, чистый перл жемчужницы моей!
Где ты, владыка суши и морей?»

Так говорила мать царя. И вот
В смятенье впал толпившийся народ.

Как дети или женщины — скажи.
С царем прощаясь, плакали мужи.

И вот в могилу опустили прах,
Земному праху возвратили прах.

В глубокий склеп тяжелый гроб внесли,
И скрыли солнце в глубине земли.

Таков он — мира древний обиход:
В бездонный кладезь солнце дня уйдет.

Над темною могилой светлый храм
Воздвигли — подобающий царям.

Над храмом — купол, бирюзы синей.
Оплакивали шаха сорок дней,

И понемногу в людях наконец
Утихла, улеглась печаль сердец.

Чредою дни иные подошли,
С собой свои заботы принесли.

Терпимость к повелениям судьбы
Являют люди, времени рабы.

* * *

Саки! Печалью горькой грудь полна!
Наполни чашу горечью вина.

Пусть я источник чаши осушу,
Мой дом пустой рыданьем оглашу.

Приди, певец, прижми к губам свой най,
Руину сердца песней наполняй.

И я с любовью сердца разлучен,
Разлукой неисходной омрачен.

Нет в мире верности, о Навои,
Хоть верность все сокровища твои!

Мирской бедой не будет сокрушен,
Кто чтит священной бедности закон!

Семь мудрецов приходят к матери Искандара; и каждый из них, кроме молитв и похвал, одевая мысль в шелковые одеяния слов, как бы излучает сияние мудрости и, кроме похвал и одобрений, рассыпает жемчужные украшения избранных речений; и, склоняясь перед ними, как дряхлый мир перед семью небесами, она просит у них прощенья

Рыдающая в тишине дворца,
Терзающая избранных сердца,

Мать говорила: «Вечной темнотой
Вселенная покрылась предо мной!..»

Но, шахскому велению верна,
Все поспешила выполнить она.

Чтоб справедливый властвовал закон,
Что Искандаром был установлен.

И вот о подвиге ее трудов
Узнали семь великих мудрецов.

Пошли к ней — горе с нею разделить,
Советом поддержать и укрепить.

Над гробом сына, в прахе и пыли
Сидящую, они ее нашли.

К той, что звалась «короною мужей»,
Пришли жемчугоносных семь морей.

Узнав их, благосклонности полна,
Приблизиться велела им она.

Благословенных семь морей пришли,
Заставив двигаться круги земли.

Возвышенны в смирении своем,
Друг друга усадили чередом.

Сперва их круг безмолвие хранил.
И первым Афлатун заговорил:

«Познавшей этот мир и суть его,
Царице мудрой времени сего —

Ей ни советы наши не нужны
И ни слова, что мы терпеть должны.

По знанию, по мудрости своей
Она сама — наставница людей.

Но пользы мало от молитв одних.
Мы здесь — помощники в делах твоих.

Перл в море канул — в море пусть живет,
Пусть день померк — незыблем небосвод.

Зачем твердить, что наш удел — терпеть?
Сам Искандар нам повелел терпеть!

Исполнено с избытком все, что он
Нам заповедал — властелин времен.

И вот — светило будущих веков,
Могучий, словно сто отважных львов,

Он принял смерть! Согласием своим
Ответил смерти — и ничем иным.

Надеюсь — боль горчайшей из обид
Великий бог в грядущем возместит».

Смолк Афлатун. И встал мудрец Сократ,
Такую речь сказал мудрец Сократ:

«Владычица семи великих стран,
Ты — мудрости и знаний океан!

Не надрывай напрасно стоном грудь.
Будь твердой, ко всему готовой будь.

Что наставленья разума тому,
Кто яростно противится ему,

Кто с грозным, звездным куполом самим,
С веленьями судьбы непримирим?

Шипами терний занозив пяту,
Метнет он стрелы жалоб в высоту.

Холодным вихрем бури окружен,
Все проклиная, стоном стонет он.

Кто мудр — приемлет все, добро и зло,
Что по веленью вечного пришло.

Утешься, мать! Твой совершенен путь!
Храни светильник знанья, верной будь!»

Когда Сократ уста свои закрыл,
Встал Балинос, молитву сотворил.

Как дуновенье вздоха, Балинос
Без слов хвалу зиждителю вознес.

Сказал: «Тебе подобной не найти,
Хотя б весь мир подлунный обойти.

Как ночь, бегут невежество и тьма
Перед светилом твоего ума.

Тебя постигла тяжкая беда,
Великая утрата — навсегда.

И этой боли в мире не избыть
И, может быть, нельзя вознаградить,

Но разуму расследованья луч
Дал тот, кто милосерден и могуч.

И ты за неотложное возьмись,
А что не нужно делать — откажись».

Закончил слово Балинос. И вот
Встал седовласый и сказал Букрот:

«Ты гору скорби на плечи взяла,
И выстояла; и перенесла.

Велик аркан терпенья твоего,
Пусть каждый миг растет длина его!

Что движется — то движется не век,
Любая вещь теряет свой разбег.

В игре с човганом резво мяч бежит,
А пробежав свой путь, в траве лежит.

Пока кружится звездный небосвод,
Движенью и покою — свой черед.

И есть конец у каждого пути,
И вечного движенья не найти.

Таков закон для всех земных людей
И, может быть, удел вселенной всей.

Кого возлюбит светлый разум — тот
Суть этого увидит и поймет.

Хвала тому, кто землю сотворил
И разумом живущих одарил!»

Умолк Букрот. Хурмус великий встал,
И произнес молитву, и сказал:

«О сад, листву роняющий с ветвей,
Свеча, лишенная своих лучей!

Ты знаешь — если роза расцветет,
Ее однажды срежет садовод.

Свеча в собранье, сколько ни гори,
Светить ей лишь до утренней зари.

Таков итог всего. Был колос цел
И зерна растерял, когда созрел.

Не говори о пользе в мире бед!
Все здесь мгновенно, все ущерб и вред.

Тебе всевышний разуменье дал,
Тебе самой он наставленье дал.

И мне ль тебя, разумную, учить,
Всезнающей о знанье говорить!»

Умолк хранитель знания Хурмус.
Встал изощренный в слове Фарфурнус:

«О госпожа, дороже жемчугов
Жемчужины твоих премудрых слов!

Сегодня ты подобна глуби вод,
Где жемчуга ныряльщик не найдет.

Расстанется однажды дно морей
С последнею жемчужницей своей.

И где такая отмель, где родник,
Куда б искатель перлов не проник?

Закон миротворения поймп,
Закон творца в смирении прими.

Да будут все веления твои
Достойны восхваленья и любви!

Благодари за все, что ни пошлет
Источник вечный истинных щедрот!»

И встал и начал слово Арасту,
Не слово — сад в невянущем цвету.

Он говорил, но прерывался глас,
И только слезы падали из глаз:

«Прости мне! слез не лить я не могу!
Слов много... говорить я не могу!

Как словом я тебе поддержку дам,
Когда в поддержке я нуждаюсь сам?

Былой наставник сына твоего —
Чем я утешусь, если нет его?

Я шел к тебе — участьем устремлен,
А сам безумьем горя омрачен.

Что делать мне? Немеет мой язык,
Смятенье в мыслях, в сердце... дух поник.

Бог госпоже в беде ее помог.
Какой пример душе! Какой урок!

Она — среди сгорающих сердец —
Духовного величья образец.

Хоть черной кровью грудь ее полна,
Народу улыбается она.

Судьбу не проклинает, не корит,
Творца за доброту благодарит.

Не молвила кощунственных речей,
Их даже в мыслях не было у ней.

В удел ей, небо, благодать пошли,
Печаль души развей и просветли!»

Словам разумных госпожа вняла —
Тьма от ее сознанья отошла.

Так напоен был пластырь их речей
Бальзамом утоления скорбей,

Что боль сердечной раны улеглась
И разум вновь явил и мощь и власть.

Руиной горя ставшая — она
Речь начала, смущения полна.

Для тех семи алмазных рудников
Рассыпала сокровищницу слов:

«Из-за меня и сына моего
Печаль вам... это тягостней всего!

Поистине — его взрастили вы,
Его наставниками были вы.

Он вашим другом был, а не царем,
Советам вашим следуя во всем.

Вы — явное и тайное его!
Вы как два мира были для него.

И вот навек ушел ваш верный друг...
Теперь навек осиротел наш круг.

Пусть небо ваше горе облегчит,
Печаль потери тяжкой возместит!

Хоть мы опоры нашей лишены,
Сочувствием друг к другу мы полны.

Вот — я дала зарок себе — молчать
На срок, пока осталось мне дышать,

Но вы пришли мне горе облегчить.
Нельзя нам в общем горе розно быть.

Сочувствию друзей открыта дверь.
Спасибо вам! Все сказано теперь».

Решение с бережением нанизать на нить поэзии эти жемчуга повторений, и написать о доверии до конца, и поведать о перлах, таящихся в сердце светлого мыслями наставника Мейханы, и молвить о тайне приятия чистыми духом откровений великих поэтов; и о просьбе их помолиться за падишаха ислама, и молитва просящего

Рука, что путь указывала мне,
Ведет проверку этой пятерне.

«То не панджа,— сказал наставник мой,—
А твердый камень, монолит стальной!»

Я поднял пятерню, чтоб сильным стать,
Чтобы в пяти окрепли эти Пять.

Пусть будут мощны, будут велики,
Но эта мощь не от моей руки.

Мой пир, когда дастаны прочитал,
«Пятью сокровищами» их назвал.

Пять книг, чьи перлы светозарней дня,
Дала мне высшей силы пятерня.

Что значит слабая моя рука
Перед рукой, что, как судьба, крепка?

Как мог я, изнуренный и больной,
Соперничать с небесной пятерней?

Мне поединок сердце изнурил,
Персты мои лишил последних сил.

Но от борьбы не мог я прочь уйти,
Не мог оставить труд на полпути.

В тот час, когда надежду я терял,
Явился вестник счастья и сказал:

«Эй, слабый, тонущий в волнах нужды,
Не знающий, как выйти из беды!

Иди к порогу пира своего
И обратись к всезнанию его!

Пусть он — великой мудрости оплот —
К тебе с любовью сердца низойдет.

Ключи найдет для каждого замка
Его благословенная рука!»

Вняв тем словам, пошел я в тот же час
К великому, живущему средь нас.

Когда ступил я на его порог,
Казалось, в райский я попал чертог.

Где кровля — движущийся небосвод,
Где ангелы как стражи у ворот.

В заветном том покое, в тишине,
Сомнения рассеялись во мне.

И я — надежды полон — ощутил
В усталом сердце волны новых сил.

Хоть в дверь не мог я постучать рукой,
Но дверь сама открылась предо мной.

«Войди, просящий!» — тут я услыхал,
Как будто слову откровенья внял.

И не отшельник в снежной седине,
А сам Рухуламин явился мне.

В его покое — свет и чистота,
В его речах и мыслях — высота.

Казалось, разум мира был вмещен
Под кровлей той, где обитает он.

Когда шагнул я за его порог,
Как бы попал в сияющий чертог;

И к старцу в белоснежных сединах
Поплыл пылинкой в солнечных лучах.

Сам от себя освобождался я,
Верней — освобождалась суть моя.

И долго мыслей я не мог собрать,
Зачем пришел — не мог я рассказать.

Невольно речи он меня лишил
И, как Иса, со мной заговорил.

Все, что я скрыл в сердечной глубине,
Как свиток, он прочел и молвил мне:

«Созрела мысль твоя! И надо сметь
Преграду немоты преодолеть!»

Как врач, заботящийся о больном,
В недуге разобрался он моем.

Все трудности мои он разрешил,
Распутал все узлы и так решил:

«Все, что тобой задумано давно,
Должно быть сказано и свершено!

Час, предназначенный тебе, настал,
И срок, что дан тебе, не миновал.

Но хоть тебе и трудно, это твой —
Пред богом и народом — долг святой.

И в том богатства духа ты найдешь,
Сокровища вселенной обретешь.

Мы всматривались долго в этот, мир,
Как дик он, и безграмотен, и сир.

Доныне в мире не было руки,
Чтобы писать на языке тюрки.

Не только тюрки, Персия прочтет
И славный труд твой чудом назовет.

Мы знаем, что не меньше двух недель
Потребно, чтоб сложить одну газель.

Ты мастеров тончайших назови,
Что пишут песни мерой маснави.

Им десять лет потребно, может быть,
Чтобы двустиший тысячу сложить!

В наш век поверхность белую листа
Сплошных письмен покрыла чернота.

И в этой черноте, как в тьме ночной,
Заблудится читающий любой.

И в этом мраке нет живой воды,
Нет ни луны блестящей, ни звезды.

Ведь если небо мускусом покрыть,
Тьма эта может сердце омрачить.

Два было грозных льва в пустыне той,
Могучих два кита в пучине той.

Будь смелым львом, чтоб перейти черту,
Подобен стань могучему киту.

Сегодня в мыслях тонок только ты,
В словах могучих звонок только ты.

Прославленный на языке дари,
Ты повые нам перлы подари.

Тебе присущи ясность, чистота,
Богатство речи, слога красота.

Великое внушил доверье нам,
Крылатый раздвоенный твой калам.

И столько он живой воды таит,
Что жажду всей вселенной утолит.

Свой замысел ты должен воплотить.
В тебя мы верим,— иначе не быть!

Иди и, как орел, парп всегда,
Стремись лишь к завершению труда.

Мы ждем! Спеши на подвиг — в добрый час,
Прими благословение от нас!»

Я вести жизни внял в его словах,
Душа вернулась в охладевший прах.

Мой пир дыханье жизни ощутил
В речах моих и жизнь мне возвратил.

И, новым вдохновеньем обуян,
Я ринулся в словесный океан.

Поцеловав наставника порог,
Вернулся я, светильник свой зажег.

Старательно калам свой заострил
И ста желаньям двери отворил.

И, завершив «Смятенье» наконец,
Им победил смятение сердец.

Когда я стал «Фархада» создавать,
Пришлось мне тоже скалы прорубать.

Когда «Меджнуна» свет в стихах померк,
То многих он в безумие поверг.

Когда «Семи» я покорил отвес,
Услышал похвалу семи небес.

К «Румийцу», словно огненный язык,
Повлекся я, и «Стену» я воздвиг.

Дастан мой люди лучшие земли
«Стеною Искандара» нарекли.

Пять в мире лучезарных лун взошло,
Пять стройных кипарисов возросло.

Пять пальм в небесных выросло садах,—
Дыхание мессии в их ветвях,

Всегда зеленых, шумно-молодых;
И гурии живут под сенью их.

С пяти сокровищниц я снял печать,
Их все успел подробно описать.

И в переплет надежный заключил
Листы, куда всю душу я вложил.

И сердцем потянулся вновь к нему,
К учителю и другу моему.

Он в поисках мой покровитель был,
Он в помыслах мой повелитель был.

Пошел к Джами. Ведь он один умел
Открыть мне тайну завершенья дел.

Но мучилась сомненьем мысль моя,
Что быстро это дело сделал я.

Ведь каждый живший до меня поэт
Потратил для «Хамсы» десятки лет.

Великий наш учитель Низами,
Как он писал! С него пример возьми!

Он семя слов живое насадил,
Твердь языка живого сотворил;

Нашел, уйдя от низменных людей,
К пяти сокровищницам пять ключей;

Пока над ним вращались небеса,
Поистине творил он чудеса!

Храним вниманьем шахов и царей,
Он отдал тридцать лет «Хамсе» своей.

И тюрк с индийским прозвищем — Хосров
Мир покорил гремящим войском слов.

Но крепость взяв, потратив много сил,
Он древнее сказанье сократил.

Он очень долго размышлял о том,
Как повесть новым повести путем.

Слыхал,— не знаю, правда или нет,—
Что над «Хамсой» сидел он сорок лет.

Кто, как они, был с тем путем знаком?
Кого мы с ними равных назовем?

А я — судьбою связанный своей —
Чем озабочен? Судьбами людей.

Весь день — о нуждах царства разговор,
Разбор докучных жалоб, тяжб и ссор...

И негде для ушей затычки взять,
Чтоб ропота людского не слыхать.

Но внял я сердцем новые слова,
Мир небывалый создал года в два.

Калам твой к завершению спешит,
К великому свершению спешит.

Пусть упрекать ученый нас начнет,
Века ему другой поставят счет.

Отвечу — полугодья не прошло
С тех пор, как солнце повое взошло.

Стихии воздвигали мой дастан!
Основа — тюркской речи океан...

Не буду слушать, что гласит молва,
Коль справедливы все мои слова!

Огрехи могут быть в любом стихе,
Не надо думать о таком грехе.

Рожденное душой — приму его
Живою сутью духа своего!

Дитя и некрасивым может быть,
Но мать не может им не дорожить.

Сычата гадки, но сычиха-мать
Не станет на павлинов их менять.

Хоть улетел пыльцы кенафа дым,
Он кипарисом кажется большим.

Как знать: по нраву ль каждый мой дастан
Придется мудрым людям многих стран?

Но важно, что о нем,— душа, пойми,—
Нам скажет проницательный Джами.

Я трудной шел тропой творцов былых;
Надела маски смерть на лица их...

Они теперь в сияющем раю,
Но открывают душу нам свою.

Не знаю я, что скажут обо мне
Они — блистающие в вышине;

Я верил: все мне скажет светлый пир
И утвердит в горящем сердце мир.

Сомненья может разрешить один
Наставник мой — вершина всех вершин.

Так я пришел к великому опять,
Чье имя не посмею повторять;

Его порога прах поцеловал
И к милосердью вечного воззвал.

Чуть из сафьяна я достать успел
Тетрадь дастанов — сердцем ослабел.

Рассыпал рукопись к его ногам,
Подобную индийским жемчугам.

Я в Океан ветрила устремил,
И Океан объятья мне открыл.

Он всю мою «Хамсу» перелистал,
За бейтом бейт с вниманьем прочитал.

И спрашивал меня; и, просияв,
Как солнце, ликовал — ответу вняв.

Не ждал я сотой доли от него
Глубокого признания того.

Мудрец, он в каждом слове был велик;
Он говорил, что цели я достиг.

И смысл глубинный мной рожденных слов
Открылся мне, как чашечки цветов.

Учитель пел, как вешняя гроза;
А я кивал, потупивши глаза.

И, труд мой одобряя горячо,
Он руку возложил мне на плечо.

Рукав одежд его был так широк,
Что осенил бы Запад и Восток,

Укрыл бы, словно свиток, небосвод...
И я — под этим рукавом щедрот

По-новому все начал понимать
И перестал себя воспринимать.

Сознанье я терял... И, как во сне,
Виденье в этот миг явилось мне.

Средь цветников я очутился вдруг
В густом саду, что как бы плыл вокруг.

Тот сад был, как блистающий эдем,
Которому завидовал Ирем.

Я садом шел, благословлял судьбу,
Обозревая эту Каабу.

Вдруг вижу их. Они, средь сада став,
Беседовали, круг образовав.

Тут обратился к малости моей
Один из горделивых тех мужей.

Он был прекрасен, строен, средних лет,
В глазах горел провидения свет.

Меня тот муж, как величавый князь,
Приветствовал, почтительно склонясь:

«Подобные пророкам и святым
Зовут тебя к себе! Приблизься к ним!»

И я пошел посланному вослед,
Спросив: «Но кто они?» — и был ответ:

«Источниками счастья их зови!
Они — творцы бессмертных маснави.

И все они — создатели «Хамсы»,
Сокровищниц божественной красы.

Принять в свой круг тебя они хотят
И для тебя явились в этот сад.

О муж! Хасан мне имя. А народ
Меня «Делийским» издревле зовет.

Ответ услыша, вновь я ощутил,
Волненье сердца, изнуренье сил.

Но волею и духом овладел
И к славным, как на крыльях, полетел.

Тут мне Хасан назвал их имена,
Прекрасные, как вечная весна.

Сказал: «На величавых, как цари,
На трех главенствующих посмотри!

И первый тот, чьи помыслы чисты,
Сей старец несказанной красоты.

Ты предстоишь пред светлостью его —
Перед очами шейха твоего!

Направо — полководец воїска слов,
Завоеватель стран — Эмир Хосров.

А слева старец — твоїй духовныїй пир,—
Он звал тебя на этот светлыїй пир.

Коль эти люди — плоть, наставник твой
Пусть назовется их живоїй душой.

А коль душа петленная — они,
Его со светом Истины сравни!

Ты видишь круг пирующих вдали?
Иди к ним, поклонись им до земли!

Они — великие! Ты это знай,
Пред ними блеска речи не являй!»

Я, вняв совету, устремился к ним,
К своим предтечам, ангелам земным.

И, увидав меня за сто кары,
Они свои покинули ковры;

И встали, и навстречу мне пошли,
Как будто не касаясь земли.

С кем предстояла встреча впереди,
Я знал: то — Фирдоуси и Саади,

И вещий Санаи, и Унсури,
И дивный Хагани, и Анвари.

Коль все о них подробно говорить,
Рассказ я не успею завершить.

Пересказать я также не смогу,
Как очутился вдруг я в их кругу.

Тут подошел к нам — Солнце трех веков —
Шейх Низами, и рядом с ним Хосров,

И знаний океан — наставник мой.
И все пошли блистающей тропой.

Шейх впереди, как путеводный свет;
И я, несчастный, поспешил вослед.

Великий пир, явив свою любовь,
Всем избранным меня представил вновь.

С ресниц ронял я капельки дождя,
Припав к деснице моего вождя.

Тут — подхватив меня — Хосров, Джами
Поставили пред ликом Низами.

Раба печали с двух сторон храня,
Два мира взяли за руки меня.

Владели мной растерянность и страх,
Но я два мира ощутил в руках!..

Я, пав пред шейхом на златой песок,
Припал к стопам благословенных ног.

И девяти небес бегущий свод
Завидовал слезам, что смертный льет.

Рукой участия я поднят был.
Познанья свет стезю мне озарил.

Но, как река весенняя, светло
Все в том саду струилось и текло.

И в просьбе вновь склонился я пред ним —
Святым первоучителем моим.

Растаяли, как предрассветный мрак,
Сомнения, когда он подал знак.

Он сел и сесть мне рядом приказал.
А я опять пред ним на землю пал.

Но милостиво шейх, склонив свой взор,
Десницу, как опору, мне простер.

Спросил о состоянии моем,
И я в ответ склонился в прах лицом.

Он молвил: «Благодарен будь судьбе,
Хоть в мире нет сопутника тебе!

Ты, волей неба, слова властелин,
В веках неповторимый и один.

Ты областью газелей овладел,
И блеск других газелей потускнел.

Ты мир стихом завоевал в тиши,
Не мир земной, а высший мир души.

Теперь своим и море маснави
Жемчугоносным морем назови.

Ты в царстве слова подвиг совершил,
Величий ложных сонмы сокрушил.

В моей «Хамсе» могучий твой исток,
И обо всем просить меня ты мог.

А есть в моем творенье стих такой:
«Тот, кто дерзнет соперничать со мной,

Падет бесславно! Голову ему
Мечом алмазным слова я сниму!»

И многие на то ристанье шли,
Но все на том ристанье полегли.

Когда ж Хосров о милости просил,
Сокровищницу я ему открыл.

Удел свой получили,— сам смотри,
После него несчастных два иль три.

А ты, когда на этот путь ступил,
Мысль о себе ты первый истребил.

Хоть ты — гора, ты — прах низин степных
Перед громадой замыслов твоих.

Слезами просьб скрижаль души омой
И начертаньем верности покрой!

Премудрый пир, наставник твой Джами
Нашел опору в древнем Низами.

Он, взяв калам пречистою рукой,
Путь к Истине открыл перед тобой.

И по утрам за рукопись садясь,
Еще творцу миров не помолясь,

Обдумывая новый свой рассказ,
Ты помни с чувством искренним о нас,

Благословляя каждую зарю
Словами: «С вашей помощью творю!»

И знай — о чем бы нас ты ни просил —
Неисчерпаем ключ извечных сил!

Когда б тебе мы все не помогли,
«Хамсу» бы ты не создал, сын земли.

Как смог бы ты свой перл без нас добыть,
В два года «Пятерицу» завершить?

Те пять сокровищ, что тебе даны,
От ограбления ограждены,

Пять ожерелий, где в замке — алмаз,
Надежно скрыты от враждебных глаз.

Твой труд свершен. Но сам не знаешь ты
Сокровищ, что в душе скрываешь ты.

Ты с чистой просьбой к нам пришел, любя,
И люди тайны приняли тебя;

Те, что вязать и разрешать вольны,
С тобой отныне, в помощи сильны.

Мы ведаем, что совершен шах,
Что для него блаженства мира — прах,

Султан Гази, чей нерушимый щит
На страже справедливости стоит,

На девяти высоких небесах
Благослови его святой аллах

За то, что в век его явился ты
И что на подвиг свой решился ты!

Ты совершил свой труд. Века пройдут,
Но дум твоих плоды не опадут».

Услышав шейха, я из праха встал,
Благоговейно, но без страха встал.

И руки древний шейх горé вознес
И так молитвословье произнес:

«Господь! Пока твой светлый мир цветет,
Пусть будет счастлив каждый в нем народ.

Да будет всем земля ковром услад,
Где радость, песни и плодовый сад!

Пусть на престоле мира сядет мир,
И люди все придут к нему на пир.

И в радости, в веселье заживут,
Пока не призовет их божий суд.

Пусть в мире справедливость и покой
Воздвигнут совершенные душой!»

Как книгу, шейх сложил ладони рук,
Умолк словам его вторивший круг.

Моленье добрых слышно в небесах.
Моленью добрых внемлет сам аллах.

И вновь о «Пятерице» я воззвал,
Страницу за страницей доставал,

И на землю слагал их, орося
Слезами, покровительства прося:

«Вот — порожденье сердца моего,
Росток, где новой речи торжество!

Великодушны были вы к нему,
К заветному творенью моему.

Пять книг моих... Перелистайте их
И благосклонно прочитайте их!

Пусть ваши руки их благословят,
Пусть наши внуки их усыновят!»

И поднял шейх творение мое,
Живое откровение мое;

И молвил пиру: «Милость изъяви,
Сокровищницу слов благослови!

Просящий этот — нам как младший сын,
Последний урожай моих долин.

Те, кто за ним пойдут тропою сей,
Нам будут сыновьями сыновей.

Благослови его — душой велик!
Он — верный твой мюрид и ученик».

Когда мой пир к молитве приступил,
Весь круг мужей ладони рук сложил.

Молитва та, звучавшая в тиши,
Была бальзамом для моей души.

Как кит, я вышлыл к свету из пучин,
Когда они промолвили: «Омин!»

И тая, словно отблески зари,
Сказали мне: «Царя благодари».

При звуке этих слов очнулся я,
Как бы от обаянья забытья.

Увидел вновь отшельничий покой
И старца, увенчанного чалмой,

С лицом светлей небесного луча;
Тут снял он руку с моего плеча.

Я голову свою пред ним склонил,
Его стопы слезами оросил.

Меня коснувшись ласково рукой,
Участливо спросил он: «Что с тобой?»

Я отвечал ему: «О добрый друг!
Меня томит неведомый недуг!..»

И молвил он: «Был истинно велик
Прозренья твоего прекрасный миг.

Тот миг — тебя он спас, тебе помог!
Иди молись! Твоя защита — бог».

Припав к ногам духовного отца,
Я встал, покинул сень его дворца.

Я видел — цель достигнута моя,
Но пройдена долина бытия.

Свою «Хамсу» я завершить успел —
Но мир передо мною опустел...

Молюсь тому, кто вечен и велик,
Под чьей защитой цели я достиг,

Как будто у подножья трона сил,
Склонясь, страницы эти положил.

На лоно счастья ныне удалюсь,
Устрою пир, на час развеселюсь.

* * *

Эй, кравчий! Чашу счастья поднеси,
Мой мозг усталый ливнем ороси!

Чтоб ожил я, испивши чашу ту,
Как стень в благоухающем цвету!

Последним бейтам, мой певец, внемли,
Печаль души напевом утоли!

О Навои, ты все свершил, что мог,
Твои наво тебе внушил твой бог.

Не спи! В сиянье утренней зари
Дарующего свет благодари!

ПРИМЕЧАНИЯ

Рукописи «Хамсы» Алишера Навои («Хамса» в переводе на русский язык значит «Пять поэм», буквально «Пятерица») по счастливому стечению обстоятельств дошли до нас в полном объеме.

Навои приступил к написанию первой поэмы «Пятерицы» «Смятение праведных» в 1483 году, а последнюю поэму «Стена Искандара» завершил в 1485 году. Таким образом, пять поэм, насчитывающие в общей сложности двадцать пять тысяч шестьсот пятнадцать бейтов (двустиший), он написал за два года.

Современник Навои, лучший каллиграф Герата Абдуджамил Катиб начал переписывать готовые разделы поэтического свода сразу же по мере их создания. Переписанная им рукопись, являющаяся выдающимся образцом гератской каллиграфической школы XV века, ныне хранится в Ташкенте в рукописном фонде Института востоковедения имени Бируни Академии наук Узбекской ССР.

Другой экземпляр рукописи, переписанный при жизни Навои Султоналн Машхади, известным каллиграфом XV века, хранится в Ленинграде в Государственной публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина.

Еще один редкий экземпляр рукописи этой книги, находящийся в Ташкенте, относится к XVI веку.

Таким образом, до нас дошли подлинные экземпляры «Хамсы», переписанные с оригинала под руководством и контролем самого автора.

В конце XIX века в Средней Азии появляются первые литографии. В 1880 году в Хиве была издана «Хамса» Навои, в основе которой лежал текст, переписанный хорезмским катибом Мухаммад Юсуфом сыном Бердимурада. В 1904—1905 годах «Пять поэм» вышли в свет в Ташкенте. В основу этого издания легли тексты, переписанные известными каллиграфами Шахмурадом и Маноф кари. Особенно широко публикация произведений Алишера Навои развернулась после Великой Октябрьской революции. В 1939 году правительство СССР приняло постановление широко отметить 500-летие со дня рождения великого поэта, которое должно было состояться в 1941 году. Большая группа ученых и поэтов

приступили к подготовке издания произведений Навои, в том числе «Пятерицы».

В 1940 году Гафур Гулям опубликовал прозаический пересказ поэмы «Фархад и Ширин». В том же году писатель и академик Садриддин Айни издал сокращенный текст «Пяти поэм». В 1941 году был опубликован прозаический пересказ поэмы «Лейли и Меджнун», выполненный поэтами Амин Умари и Хусайнзадэ. В 1941 году, под редакцией члена-корреспондента Академии наук Узбекской ССР А. Шарафиддинова, был издан текст поэмы «Смятение праведных».

Публикация произведений Навои, прерванная в результате вероломного нападения гитлеровских орд на нашу страну, возобновилась после победы советского народа в Великой Отечественной войне. Второй том «Избранных произведений» Алишера Навои, опубликованный в 1948—1949 годах, включал в себя поэмы «Фархад и Ширин» (составитель Гафур Гулям), «Лейли и Меджнун» (составитель Гулям Каримов), «Семь планет» (составитель Порсо Шамсиев), «Стена Искандара» (составитель Порсо Шамсиев). В составлении и опубликовании научно-критических текстов «Пятерицы», а также в публикации их в транслитерации большая заслуга принадлежит доктору филологических наук, заслуженному деятелю науки Узбекской ССР Порсо Шамсиеву. Им составлены научно-критические тексты поэм «Фархад и Ширин», опубликованной в 1963 году, и «Семь планет», опубликованной в 1966 году. Он же является составителем полного текста «Хамсы», изданного Академией наук Узбекистана в 1960 году в Ташкенте, который послужил основой для дальнейшего ее издания в пятнадцатитомном собрании сочинений Навои.

В связи с 525-летием со дня рождения Алишера Навои Узбекское государственное издательство художественной литературы имени Гафура Гуляма в 1963—1967 годах издало собрание сочинений Навои в пятнадцати томах. 6, 7, 8, 9, 10 тома этого собрания, вышедшие в свет в 1964—1965 годах, включали в себя поэмы, входящие в «Пятерицу».

Перевод произведений Навои на европейские языки начался давно. Как сообщает профессор Е. Э. Бертельс, в 1557 году в Венеции на итальянском языке был опубликован перевод поэмы «Семь планет», осуществленный Христофором Армянским. Затем эта поэма была переведена на немецкий язык Логаном Ветцелем и издана в Базеле в 1583 году.

В 1719 году вышел французский перевод этой книги. С XVI по XVIII век он переиздавался одиннадцать раз (Е. Э. Бертельс, Избранные труды Навои и Джами, М. 1965, стр. 64—65).

Примерно в XVIII веке на латинский язык была переведена часть из поэмы «Семь планет». Рукопись этого перевода вместе с оригиналом ныне хранится в библиотеке Лейпцигского университета в Германской Демократической республике. Предполагается, что она принадлежит известному ориенталисту Хаммеру Пургсталу.

В связи с подготовкой к празднованию 500-летия Алишера Навои в Ташкенте была проделана большая работа по переводу на русский язык произведений Навои.

В 1943 году на русском языке были изданы «Фархад и Ширин» (Л. Пеньковский) и «Лейли и Меджнун» (С. Липкин). Затем они переиздавались в Ташкенте несколько раз и в Москве («Фархад и Ширин» — 1946, 1948, 1956, 1957; «Лейли и Меджнун» — 1948, 1957). Перевод «Семи планет» (С. Липкин) издавался в Ташкенте в 1948 году, в Москве и Ленинграде в 1949 и 1954 годах. В 1948 году в Москве увидел свет сокращенный перевод «Хамсы» под названием «Пять поэм».

Сборник «Стихи и поэмы» был опубликован в Ленинграде в 1965 году. В 1968 году в связи с 525-летием Алишера Навои издательство Академии наук Узбекистана начало издавать на русском языке его собрание сочинений в десяти томах, в которое вошли старые переводы поэм «Фархад и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Семь планет», а также новые переводы поэм «Смятение праведных» и «Стена Искандара» (В. Державин). В основу десятитомного собрания сочинений Навои на русском языке было положено собрание сочинений Навои в пятнадцати томах на узбекском языке, выходящее параллельно в Ташкенте в издательстве художественной литературы имени Гафура Гуляма.

Основой для настоящего издания «Пяти поэм» послужили тексты, включенные в десятитомное собрание сочинений Навои. Тексты всех пяти произведений печатаются с сокращениями. Комментарии к тому частично взяты из этого же издания.

А. Каюмов

СМЯТЕНИЕ ПРАВЕДНЫХ

Стр. 34. *А небом был он назван: «Низами».*— Имя великого азербайджанского поэта Низами Гянджеви (1138/48—1209), автора первой «Хамсы», в арабском начертании состоит из пяти букв. *Но по числу — он: тысяча один!* — Сумма числовых значений букв, составляющих имя Низами, равно: 1001. *«Алиф» начало имени творца.*— «Алиф» — первая буква арабского алфавита, по начертанию представляющая собой прямую черточку.

Стр. 35. *Вослед повел полки Эмир (Амир) Хосров.*— Хосров Дехлави (1253—1325) — великий представитель персоязычной литературы в Индии. *С «Сокровищницей тайн» гянджиец был.*— Имеется в виду название первой поэмы «Хамсы» Низами Гянджеви. *Делиец — с «Восхождением светил».*— «Восхожденпе светил» — название первой поэмы «Хамсы» Хосрова Дехлави.

Стр. 36. *Об Абдуррахмане Джами.*— Знаменитый таджикско-персидский поэт Абдуррахман Джами (1414—1492) — автор семи больших поэм, объединенных под общим названием «Большая медведица», и ряда других известных произведений. Учитель, друг и наставник Алишера Навои.

Стр. 37. *Все, что ни создал мудрый Мавлоно.*— Имеются в виду произведения Джами.

Стр. 38. *«Дар чистых сердцем» — тут же прочитал.*— Речь идет о первой поэме «Хамсы» Абдуррахмана Джами.

Стр. 40. *Пьянчужка рэнд потом допьет отстой.*— Дословно: рэнд — бродяга, бражник; иносказательно это выражение означает — воплощение мудрости.

Стр. 48. *Эбен дарчи слоновой костью стал.*— Эбен дарчи — деревянная решетка из черного эбенового дерева в окне дворца.

Стр. 54. *Была на первом небе из семи.*— Согласно древним космогоническим представлениям, семь небесных сфер, в которых движутся семь планет, расположенных одна внутри другой в следующем порядке: первое небо — Луна, второе — Меркурий (Утарид), третье — Венера (Зухра), четвертое — Солнце, пятое — Марс (Маррих, Бахрам), шестое — Юпитер (Муштари), седьмое — Сатурн (Кейван).

Стр. 56. *Тот круг, где Тахамтан стоит с копьем.*— Тахамтан — одно из прозвищ Рустама; дословно: «мощнотелый».

Стр. 72. *Они сидели, словно Заль и Сам.*— Заль и Сам — герои древней восточной легенды.

Стр. 75. *По начертанью слова — «бу-риё».*— Бурё — циновка; выражение «бу-риё» — игра слов, означающая «это обман».

Стр. 83. *Рассказ о стыдливости Ануширвана.*— Ануширван — шах сасанидской династии (VI в.).

Стр. 90. *Она велит: «Святой Инжил» читай.*— «Святой Инжил» — Евангелие.

Стр. 93. *Как в слове «дард» согнулась буква «даль».*— «Даль» — название графического изображения буквы «д» в арабском алфавите, слово «дард» — боль.

Стр. 96. *Муж разума Зуннун и сам Шибли.*— Зуннун — известный суфийский подвижник, живший в IX веке в Верхнем Египте. Шибли (Шибл-ад-даваль Наср Халенский) — вассал Византийской империи (XI в.).

Стр. 101. *Был прям «Алиф», но в плен его взяло // Петлею начертание «Бало».*— «Алиф» — см. примечания к стр. 34. Бало — несчастье.

Стр. 108. *И как Хиджас пред Меккой, перед ним // Державный преклонился Мутасим.*— Хиджас — название области в северо-западной части Аравийского полуострова (букв. барьер). Мекка — главный город Хиджаса, место паломничества мусульман. Мутасим — халиф исламского государства (833—842).

Стр. 117. *И песенку «Гульходжа-Гуль» поют.*— Буквально: «хозяйка роз».

Стр. 122. *Десна, как буква «син», но без зубцов.*— «Син» — название графического изображения буквы «с» в арабском алфавите.

Стр. 140. *В той росписи Мани видна рука.*— Мани (по преданию, казнен в 244 г.) — легендарный основатель религии манихеев, получившей распространение особенно на Ближнем и Среднем Востоке. У мусульман Мани широко известен как художник.

Стр. 146. *Секретаря небесного калам.*— Небесный секретарь — планета Меркурий — покровитель поэтов. *Осыпал он из девяти ларцов.*— Девять ларцов, по древним представлениям, девять небес.

Стр. 156. *Пишу в благословенный восемьсот // Восемьдесят восьмой — по хиджре — год.*— 888 г. от хиджры по мусульманскому летосчислению соответствует 1483 г.

ФАРХАД И ШИРИН

Стр. 161. *Быстрей Шебдиза ты, но мастью гнед.*— Шебдиз — имя легендарного вороного коня сасанида Хосрова, героя поэмы Низами «Хосров и Ширин». Но мастью гнед.— Навои имеет в виду кончик калама (пера), обмакнутого в чернила. *Тот, чей в Гяндже лежит священный прах.*— Имеется в виду великий азербайджанский поэт Низами.

Стр. 162. *На Инде певший соловей один.*— Речь идет о знаменитом индо-персидском поэте Эмире Хосрове из Дели.

Стр. 163. *Прославился, как Зиндепиль, Джами.*— Буквально «Зиндепиль» означает: «вечно живой слон» — так был прозван известный шейх Ахмеди Джами (1049 или 1050—1141 или 1142). *Скажи, что он великий материк.*— Имеется в виду священный город мусульман Мекка. В целом же этот сложный поэтический образ означает, что великий Джами лишен плоти, словно он — сама святыня.

Стр. 164. *Для двух миров Джами кумиром стал.*— То есть для мира физического и духовного, для людей и духов. *Но чтоб ронял жемчужины тростник.*— Стихи Джами сравниваются с жемчужинами, которые роняет тростник. *Эй, кравчий! Понимай слова гуляк.*— Здесь «гуляки» — люди, упивающиеся духовным вином.

Стр. 165. *Меркурий все очинки подбирал.*— Согласно восточной астрологии, Меркурий (Утарид) — покровитель науки, которого на миниатюрах изображали в образе писца.

Стр. 167. *Халвой Шекер, шербетом Мариам.*— Шекер — исфаханская красавица, на которой, по словам Низами, женился Хосров после смерти своей первой жены Мариам, дочери византийского кесаря.

Стр. 169. *Слова начала людям по душе.*— Навои говорит о том, что начинать любое, даже новое произведение, лучше, следуя старым поэти-

ческим канонам, иначе мысль поэта может быть искажена. *«Алиф» у веры отними — она...*— Если у написанного арабским шрифтом слова «Иман» (вера) отнять первую букву «алиф», оставшееся начертание будет означать — злой, дурной. *Мы в солнце видим золото. Заметь: // «Шин» отпадет — и остается медь.*— Если у арабского начертания слово «шене» (солнце) отнять первую букву «ш» («шин»), оставшееся начертание будет читаться «мис» — медь.

Стр. 170. *Был до седьмого неба высотой.*— То есть до самой высокой небесной сферы, повелителем которой был Сатурн. *Таких богатств не видел Афридун.*— Афридун (Фаридун) — мифический царь древнего Ирана, один из главных героев «Шах-наме» Фирдоуси.

Стр. 174. *Нет ни морщинки на ее чертах.*— В оригинале здесь игра слов: «чин» означает «Китай» и в то же время «морщина, складка». Этот сложный поэтический образ можно расшифровать так: «Даже степи и солончаки Китая от радости стали веселыми, как города», то есть если среди ровных степей Китая еще имелись неровности, морщины, то это были города.

Стр. 175. *Прибавлен блеск и Рыбе в глубине.*— То есть красота младенца сияет на весь мир — от лунной сферы до самых глубей земли. Кроме того, здесь игра слова: рыба — махи, а луна — мах. *Блеск — это «фарр», а знак судьбы — «хади».*— Навои приводит фантастическую этимологию древнего имени Фархад. «Фарр» — это божественная благодать, которая, по древним представлениям, осеняет только представителей царского дома. Хади (арабское) — водитель, указывающий путь к истине. *Сложи пять первых букв, прочтешь: «Фархад».*— В начертании арабским шрифтом имя «Фархад» состоит из пяти букв.

Стр. 176. *Невеста небосвода день и ночь.*— Здесь слово «небосвод» имеет значение «судьба», «мир». В восточной поэзии мир обычно сравнивают с женщиной, ибо он так же непостоянен, как коварная красавица. Называя мир «невестой», Навои хочет подчеркнуть, что судьба ласкова к Фархаду, как любящая невеста.

Стр. 177. *То телом точка для него была.*— В геометрии — точка, величина воображаемая, но для мудрого наставника даже и это абстрактное понятие может быть телесным. *Науку с корешка — от «Алиф-Би».*— «Алиф» и «Би» — название первых двух букв арабского алфавита и вместе с тем само слово «алфавит». *«Алиф» воспринял как «алам» Фархад.*— «Алам» — горе. *Он в первый день освоил весь абджед.*— Таблица, обозначающая числовое значение букв арабского алфавита. Первое слово этой таблицы «абджед» составлена из букв а-б-дж-д, обозначающих цифры 1—2—3—4.

Стр. 179. *Когда б он руку Руин-Тену сжал.*— Руин-Тен, что в переводе означает «обладающий бронзовым телом», то есть неуязвимый,— прозвание героя иранского эпоса Исфандиара.

Стр. 180. *Решила изогнуть «Алиф», как «Даль».*— «Даль» (дал) — шестая буква, представляющая собой изогнутую линию.

Стр. 184. *Вазиру имя было Мульк-Ара.*— Мульк-Ара — в переводе означает «украшающий царство».

Стр. 186. *Зеркало Искандара.*— Искандар — Александр Македонский (355—323 гг. до н. э.), завоеватель из Македонии, основатель великой империи, который, как об этом рассказано в поэме Низами «Искандар-наме», считался на Востоке изобретателем зеркала.

Стр. 192. *Он, как Букрат, велик, стократ мудрец!* — Букрат — Гиппократ (460—356 гг. до н. э.), знаменитый греческий врач с острова Коса.

Стр. 200. *Поднес ему и чашу мира он.*— Здесь чаша мира — зеркало Искандара (см. прим. к стр. 186).

Стр. 202. *Изъяны в виде старца — на луне.*— Видимый невооруженным глазом лунный диск на Востоке считается похожим на лицо старика.

Стр. 207. *Затопит и девятой сферы даль.*— За семью небесными сферами, в которых движутся планеты, по представлению восточных астрономов, находится еще девять небес, далее следует «неподвижное небо». Выражение «до девятой сферы» — означает до самого возможного предела высоты.

Стр. 210. *То ночь — Лукман, глубоко омрачась.*— Лукман — легендарный арабский мудрец и врач, которому приписывается множество метких афоризмов и изречений.

Стр. 229. *На лик ее венец не бросил тень.*— Это значит, что Михин-Бану не суверенный правитель, а лишь могущественный вассал.

Стр. 235. *А прозван был в народе он Гульгун.*— Гульгун — буквально означает «розоволцветный», здесь: кличка коня Михин-Бану.

Стр. 236. *Что те же губы рассыпают соль.*— Соль — традиционная для восточной поэзии метафора, означающая остроумную речь.

Стр. 255. *Что зодиака знак облюбовал.*— Это выражение означает, что Солнце (Ширин) решило войти в знак Водолея, иначе говоря она решила подойти к вырытому арыку.

Стр. 259. *Но ветерок, чья ноша серебро.*— Быстроногий конь сравнивается Навои с ветерком, а Ширин — с серебром.

Стр. 263. *Бывали звезды нижние видны.*— То есть герои наблюдали, как в воде отражались звезды.

Стр. 277. *Вообразишь мои две розы ты.*— Здесь: розы — щеки.

Стр. 278. *Царицею Билькис сочти меня.*— Билькис — имя легендарной царицы Савской, которая, по легенде, была влюблена в Сулеймана. Сулейман — библейский царь Соломон, которому, по преданию, было известно таинственное «высшее имя» бога. Оно было вырезано у него на перстне, и, владея этим перстнем, он повелевал не только людьми, но и зверями и духами.

Стр. 286. *Но четырех ей мало было глаз.*— Четырехглазой называется собака с пятнами над глазами. Выражение «смотреть в четыре глаза» значит — нетерпеливо всматриваться.

Стр. 306. *«Ла-Хавл!» — он поспешил произнести.*— «Ла-Хавл!» — первые слова молитвенной формулы: «Нет силы и нет могущества, кроме как у аллаха всевышнего».

Стр. 307. *Шируйя* (ум. в 628 г.) — сасанидский царь.

Стр. 329. *Год написанья книги восемьсот // И восемьдесят девять. Дни не в счет.*— 889 г. от хиджры по мусульманскому летосчислению соответствует 1484 г.

ЛЕЙЛИ И МЕДЖНУН

Стр. 337. *Окурим дикой рутою дитя!* — Растение рута считалось талисманом: ее зернами окуривали от дурного глаза.

Стр. 339. *О ночь! Лейли! Мы смотрим на тебя.*— Имя «Лейли» по-арабски означает «ночь».

Стр. 340. *Но черный мускус пролила газель.*— Мускус добывается из особых желез некоторых разновидностей газелей.

Стр. 341. *Ты — Ночь могущества, ее луна!* — Ночь могущества — ночь, в которую, по мусульманским поверьям, была ниспослана священная книга Коран.

Стр. 343. *Что пользы нам, что воскрешал Иса?* — Иса (Иисус) почитался мусульманами как воскреситель мертвых. *Как в слове «хадд» удвоенное «даль»!* — «Хадд» — щека. Буква «даль» имеет форму завитка.

Стр. 344. *Как точка черная над словом «фам».*— «Фам» — рот. Над буквой арабского алфавита «ф» ставится точка.

Стр. 357. *Он руку укусил и произнес.*— Жест, означающий отчаяние, горе. *Какое племя для него кыбла?* — Кыбла — направление в сторону священного города Мекки, которое выбирают верующие во время молитвы.

Стр. 365. *Сгореть велевший моему снопу!..*— Сноп — жизнь. Подобное образное сравнение весьма характерно для персидской и древнеузбекской литературы.

Стр. 383. *Китайский хан покинул свой престол, // И на него Хосров тогда взошел.*— Согласно представлениям мусульман, китайский хан олицетворяет собой солнце, восходящее в Китае. Иранский хан Хосров является олицетворением ночи.

Стр. 405. *Как буквы однородные, слились* — намек на удвоение букв в слове.

Стр. 415. *Но вот седое небо до Козла...*— Имеется в виду созвездие Козерога.

Стр. 416. *Ты — Аарон: твой жезл драконом стал!* — Намек на ле-

генду, согласно которой жезл Аарона, брата Мусы (Моисея), превратился в дракона. *Нет, Хызром стал ты на моем пути, // Живую воду мне помог найти!* — Имеется в виду одна из легенд о Хызре, который помог Александру Македонскому найти «живую воду».

Стр. 419. *В степях Аймана ты пасешь стада!* — Традиционное обращение к богу. Айман — Йемен.

Стр. 423. *На девяти подносах поднесла.*— Речь идет о девяти небесных сферах.

Стр. 432. *Накинул из бараньих шкур аркан.*— По древнему поверью, чтобы собака, сторожащая стадо, крепко заснула, дух сна накидывает на нее аркан, сплетенный из шерсти охраняемых ею животных.

Стр. 433. *«Воистину готовы...»* — Начальные слова 51 стиха 68 главы Корана, служащие талисманом от дурного глаза. *И ночи цвет — Сатурна робкий свет.*— По представлениям древних астрономов, эта планета испускала темноватый, тусклый свет.

Стр. 434. *И даже утро ложное поверь.*— То есть первые проблески зари. *Татарского мешочка мне милей!* — Имеется в виду лучший сорт мускуса.

СЕМЬ ПЛАНЕТ

Стр. 454. *Он всем владел от Рыбы до Луны.*— По средневековым космогоническим представлениям, земля покоится на огромной рыбе, луна же — обитательница небесной сферы. Выражение «от Рыбы до Луны» означает — повсеместно.

Стр. 471. *Успокоенье сердца, Диларам.*— Имя «Диларам» буквально означает «покой сердца».

Стр. 490. *О мусульмане,— мусульманство где?* — Это место свидетельствует об условности образа Бахрама, ибо во времена исторического шаха Бахрама (Варахрана V) ислама еще не существовало. *И выщипанной в горе бородой.*— В знак горя на Востоке выщипывали или вырывали себе волосы.

Стр. 494. *К пластинкам астролябии свой взор.*— Астролябия — прибор, который в средние века служил для определения движения небесных светил и для «предсказания судьбы».

Стр. 503. *В те дни, когда Джемшида славил мир.*— Имеется в виду мифический шах Джем (Джамшид). По преданию, при его правлении люди жили в довольстве, не было ни болезней, ни старости, ни смерти. Но Джемшид возгордился, объявил себя богом и приказал людям молиться ему. Поднялась смута, и Джемшид был убит.

Стр. 552. *Науку о ритмических кругах.*— Средневековые музыковеды Востока изображали формулы музыкальных ритмов в виде чертежей, чаще всего кругов.

Стр. 560. *Я в музыке сильней, чем Афлатун.*— Афлатун — древнегреческий философ-идеалист Платон (427—347 гг. до н. э.).

Стр. 568. *Я — скверная, ковер мой черным был.*— Этими словами героиня хочет подчеркнуть, что она была незнатного происхождения.

Стр. 579. *Гляди, покорен я: на шее меч, // Я в саван поспешил себя облечь.*— Явившийся к властям с повинной в знак покорности облачался в саван, вешал на шею меч и посыпал голову пеплом.

Стр. 584. *Бахрам небес будь часовым его.*— Бахрам небес — планета Марс; по древним и средневековым представлениям, покровитель воинского дела.

Стр. 596. *И восемьдесят девять, джумада // Вторая, пятница... Конец труда.*— Навои закончил свою поэму «Семь планет» в пятницу месяца джумада вторая 899 г. по мусульманскому лунному календарю. В переводе на наше летосчисление эта дата приходится на одну из пятниц с 26 июня по 24 июля 1484 г.

СТЕНА ИСКАНДАРА

Стр. 599. *Четыре царских рода власть несли // В пределах обитаемой земли.*— Имеются в виду четыре иранские династии: легендарная династия первоцарей Пишдадидов, легендарная династия Кейанидов и исторические династии Аршакидов и Сасанидов.

Стр. 600. *Когда покинул мир последний кей, // Бахман Дара вселенной правил всей.*— Речь идет о последнем царе из династии Кейанидов. Кей — здесь царь. Дара — персидский царь, Дарий III Кодоман (336—330 гг. до н. э.). Бахман — отец Дары. *Тогда в Юнане правил Файлакус, // Его царем признали Рум и Рус.*— Файлакус — македонский царь Филипп II (359—336 гг. до н. э.) — отец Александра Македонского. Рус — область, в которой обитали восточные славяне и тюркские племена. Однако Навои допускает здесь историческую неточность, говоря о подчиненности русов Филиппу. *В сказанье, что как вечный свет горит.*— Имеется в виду поэма Низами «Искандар-наме», одна из пяти поэм «Хамсы».

Стр. 601. *Другой хранитель памяти веков.*— Речь, видимо, идет о поэте Хосрове Дехлави, писавшем на фарси. Одна из поэм его «Хамсы» посвящена Искандару.

Стр. 603. *Дал оку ясновидящему свет.*— То есть царь дал своему сыну Искандару образование. *Накумохис приставлен был к нему.*— Накумохис — ученый, придворный врач Никомах, отец великого древнегреческого философа Аристотеля (384—322 гг. до н. э), которого на мусульманском востоке называли Арасту.

Стр. 609. *Завоевал он франкские края.*— Имеется в виду Европа.

Стр. 610. *Потом, суди его источник сил, // Зардуштовы огни он погасил.*— Источник сил — аллах. Под огнями Зардушты Навои имеет в виду религию древних иранцев, основанную Зардуштом (Зороастром), в которой значительную роль играл культ огня. *Прошел он стороною Ос и Рус.*— Перечисляя города, страны и народы, покоренные Александром Македонским, Навои допускает историческую неточность — великий полководец никогда не был на землях, заселенных осетинами, грузинами (гурджами), и не завоевывал Китай (Чин).

Стр. 611. *На древних алтарях огонь померк.*— Очевидно, речь идет об уничтожении Искандаром религии брахманизма или буддизма в Индии, а также получившего там некоторое распространение зороастризма.

Стр. 612. *Защитой от яджуджей им стена...*— Яджуджами, которые упомянуты в Коране, на мусульманском Востоке называли дикий народ, несущий гибель и разрушения.

Стр. 613. *Истока вечной жизни не нашел, // С устами пересохшими ушел.*— Речь идет о том, что великий Искандар ушел из жизни, как и все смертные, не найдя источника «живой воды». *...возникнет «Шах-наме».*— Имеется в виду «Шах-наме» («Книга царей») великого персидско-таджикского поэта Фирдоуси (между 934—941 — ок. 1020).

Стр. 614. *Великий Кей-Кубад и Кей-Хосров.*— Кей-Кубад и Кей-Хосров — цари династии кейанидов. Кей-Хосрову наследовал Лухрасп, от которого престол перешел к Гуштаспу.

Стр. 616. *Румийца у своих не видя ног.*— Имеется в виду Александр Македонский.

Стр. 629. *Людей не слали в Кей-Кубадов стан.*— То есть в стан Дары.

Стр. 633. *Врагам противостал бы, как Рустам.*— Легендарный герой эпических сказаний древнего Ирана, Рустам, сын богатыря Заля, воспетый в «Шах-наме» Фирдоуси, был непобедим в сражениях.

Стр. 635. *Что небосвод кривой сулит ему.*— Это выражение означает: «что сулит ему коварная судьба». Небосвод у мусульман считался воплощением рока, а эпитет «кривой», кроме намека на изогнутую форму небес, означает коварность, неверность.

Стр. 636. *Подобны тюрку неба...*— В восточной поэзии тюрк — символ бесстрашного воина. «Тюрк неба» — планета Марс, метафорически обозначавшая воителя. *Семи великих мира поясов.*— По древним и средневековым представлениям, вся обитаемая земля делилась на семь поясов, семь частей.

Стр. 639. *Суровых, ярых, как небесный конь.*— Подразумевается мифический небесный конь Бурак, который якобы вознес на небо пророка Мухаммеда.

Стр. 648. *И наземь пал, как горделивый кедр, // Тот, корни чьи — в глубинах древних недр.*— Историческая неточность — Дара был убит

своими же сатрапами уже после своего поражения в 331 г. до н. э. Александром Македонским.

Стр. 650. *Чертог, где обитает Кей-Хосров!* — То есть где обитает Дара.

Стр. 653. *Смотри — Кава забвением объят. // Кто помнит, как был славен Кей-Кубад? // Страх духом Минучихра овладел. // На Афридуна — ужас налетел...* — Навои намекает на события, описанные в «Шахнаме» Фирдоуси. Смысл этого намека состоит в том, что любая слава и могущество предаются забвению.

Стр. 664. *До Моря Тьмы...* — То есть до Атлантического океана. *По воле неба пылью мир затмил.* — Это метафорическое выражение обозначает — походы Искандара были столь велики и грандиозны, что пыль, поднимаемая его войсками, затмевала мир.

Стр. 667. *К глазам письмо Румийца приложил.* — То есть проявил свою покорность.

Стр. 671. *Но что ж не подсказал премудрый пир.* — В данном случае пир — духовный наставник Искандара, Арасту (Аристотель).

Стр. 672. *О Хызре говори и о Махди!* — То есть думай о душе. Махди — спаситель, который, согласно верованиям мусульман, должен явиться перед концом света.

Стр. 673. *Ночные тучи сыплют камфарой.* — Поэтический образ, означающий, что на ночную землю падает снег.

Стр. 674. *Как солнце дня в созвездии Овна.* — То есть прекрасна, как весеннее солнце, входящее в созвездие Овна.

Стр. 676. *Когда подымет рать январь-Бахман, // Земля, тверда, лежит, как Руинтан.* — Бахман — название зимнего месяца древнеиранского календаря и имя легендарного царя Ирана, прозванного «Руинтаном» — «меднотелым».

Стр. 677. *И гурия небес к тебе сойдет // И чашу вод Ковсара принесет.* — То есть прекрасная возлюбленная даст испить вино, подобное воде, взятой из райского источника Ковсара.

Стр. 679. *Хирманда брег — Рустама древний кров.* — То есть Систан — удел легендарных героев «Шах-наме» Фирдоуси. *Ее «Нимрузом» называет мир.* — Имеется в виду древнее название Систана. Буквально «Нимруз» значит «полуденный». *Последний нищий там — богач Хатам.* — Хатам — доисламский поэт-воин из племени Тай, прославившийся своей щедростью.

Стр. 684. *В шатре с ним Арасту и Афлатун, // Сократ, Аршамидус и Кылинмун, // И муж Волис, и румский Балинос, // Хурмус, и Фарфурнус, и Шаминос.* — Навои приводит имена мыслителей древности в мусульманской традиции: Аршамидус — Архимед, Кылинмун — Филемон (правитель Спарты), Волис — Фалес Милетский, Фарфурнус — Порфирий Тирский, Шаминос — Самсон Логофет. Однако здесь поэт опять

допускает историческую неточность — ни один из упомянутых им ученых не был современником Александра Македонского. Хурмус — Гермес, бог из греческой мифологии, прозванный Трисмегистом.

Стр. 687. *Спервоначалу Чина вещество.*— Видимо, имеется в виду порох.

Стр. 688. *Вот глины ком на тысячу ворон.*— Навои приводит известную пословицу, гласящую, что одного кома глины вполне достаточно, чтобы разогнать тысячу ворон.

Стр. 689. *Тот Джем...*— То есть Искандар.

Стр. 691. *И чашу, в коей отражался мир.*— Речь идет о чаше Джамшида (Джама), в которой якобы можно было увидеть весь мир.

Стр. 694. *Подобную светильнику небес // Укрыл парчою девяти завес...*— То есть велел оберегать свою невесту; у входа в царский покой висела завеса и стоял страж.

Стр. 698. *Все мудры, как Фаридаддин Аттар.*— Имеется в виду персидско-таджикский поэт Фаридаддин Аттар (1119—?), которого высоко ценил Навои.

Стр. 709. *Петлей небесный лотос обвила.*— Небесный лотос растет, как говорится в Коране, у престола бога, и на него даже ангелы не могут взирать.

Стр. 713. *Рассказ о том, как Ардашир...*— Ардашир Бабакан — потомок последнего царя из династии Сасанидов. События этого рассказа в интерпретации Навои заметно отличаются от версии, переданной Фирдоуси в «Шах-наме».

Стр. 720. *Царя, познавшего пути планет.*— То есть Искандара. *С прекрасною царевной Роушанак, // Что блеском превращала свет во мрак.*— Здесь обыгрывается смысловое значение имени Роушанак: роушан — светлый, сияющий.

Стр. 739. *Она, подковой кругозор объяв, // Подобна начертанью буквы «каф». // Хребты заоблачные разорвав, // Теснина есть в горах, как в букве «гаф».*— Горный хребет «Каф», якобы опоясывающий землю, сравнивается с буквой арабского алфавита «каф», напоминающей подкову; а узкая теснина в горе — с буквой «гаф», в начертании которой имеются две прямые параллельные друг другу черточки.

Стр. 741. *...где река светил течет.*— Имеется в виду Млечный Путь.

Стр. 742. *Великого строителя Бани.*— Образ легендарного строителя Бани Навои заимствовал у Низами.

Стр. 752. *Не возлагай надежд на этот дом.*— То есть на бренную земную жизнь.

Стр. 775. *наставника Мейханы...*— Мейхана — питейный дом, наставником которого у суфиев считался глава суфийской общины. *...помолиться за падишаха ислама...*— То есть за Мухаммеда. *Рука, что путь указывала мне, // Ведет проверку этой пятерне.*— Навои имеет в виду руку творца,

вдохновившего его на труд и способного судить о работе поэта. *«То не панджа,— сказал наставник мой.— // А твердый камень, монолит стальной».*— «Пандж» — по-персидски — «пять», «панджа» — «пятерня», наставник Навои, поэт Джами, считает руку Навои, создавшего «Хамсу»,— могучей. Здесь же Навои обыгрывает слова «пятерка» и «пятерица» (свод поэм).

Стр. 776. *Мой пир, когда дастаны прочитал.*— Имеется в виду поэт Джами. *...Явился вестник счастья и сказал.*— То есть ангел Суруш.

Стр. 777. *А сам Рухуламин явился мне.*— Речь идет об архангеле Рухуламине, которого всевышний якобы посылает к своим пророкам.

Стр. 778. *Доныне в мире не было руки, // Чтобы писать на языке тюрки.*— Язык тюрки — чагатайский (древнеузбекский) язык. Навои намекает на тот факт, что его «Пятерица» — первая из всех «Пятериц», созданных на родном языке.

Стр. 779. *Прославленный на языке дари.*— Навои имеет в виду собственные газели, написанные на новоперсидском языке — дари.

Стр. 783. *Я в Океан ветрила устремил. // И Океан объятья мне открыл.*— Речь идет о поэте Джами.

Стр. 785. *О муж! Хасан мне имя. А народ // Меня «Делийским» издревле зовет.*— Выдающийся индийский поэт Хасан Дехлави (1253—1328), писавший на фарси. *Перед очами шейха твоего.*— Имеется в виду поэт Низами.

Стр. 786. *Я знал: то — Фирдоуси и Саади, // И вещий Санаи, и Унсури, // И дивный Хагани, и Анвари.*— Навои перечисляет самых выдающихся персидско-таджикских поэтов: Абулькасима Фирдоуси, Муслихаддина Саади, Санаи Газнави, Абулькасима Унсури, Авахаддина Анвари и азербайджанского поэта Эфзеледдина Хагани (1120—1199), писавшего на фарси. *Но я два мира ощутил в руках!..*— Имеются в виду Хосров Дехлави и Абдуррахман Джами.

Стр. 789. *И люди тайны приняли тебя...*— Всех названных в этой главе великих поэтов Навои считает познавшими божественную тайну жизни и мироздания. *Султан Гази...*— Гази — буквально: «верный», преданный аллаху. Так Навои именовал султана Хусейна Байкару.

Стр. 792. *Как будто у подножья трона сил.*— Не нарушая мусульманский обычай не упоминать имя бога, Навои называет его, используя традиционные образные выражения. *О Навои, ты все свершил, что мог, // Твои наво тебе внушил твой бог.*— Наво — мелодия, напев; от этого слова образован и сам псевдоним поэта. Кроме того, Навои обыгрывает значение слова «Наво», называя свою «пятерицу» песней.

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

Айван — открытая галерея, портик, терраса.

Алтаир — название звезды Альфа в созвездии Орла.

Ал-Хтой — так называлась часть территории Китая.

Альбурз — Альбурзский хребет, огибающий южный берег Каспийского моря и делящийся на горы Талышские, Гилянские и Мазендеранские. Высшая его точка — погасший вулкан Демавенд (5500 м).

Анка (Симург) — легендарная птица, приносящая счастье.

Аргаван — куст, ствол и ветви которого весной покрываются красными цветами.

Армен — Армения.

Архар — горный козел.

Атабек — дядька при особе царского рода, воспитатель.

Ахриман — по представлению зороастризма, начало зла на земле и противник доброго божества Ормузда.

Аят — стихи Корана.

Байза — золотая пластина; здесь единица денежного счета.

Банг (Бендж) — наркотик из индийской конопли.

Барлас — род узбеков, к которому принадлежал Тимур (см.).

Батман — старинная мера веса, колеблющаяся в разных местах от 2,9 кг до 13,8 кг.

Бахрам — 1. Планета Марс; 2. Иранский шах (421—438 гг.).

Бендж — см. Банг.

Берберийцы — народ, обитающий в Северной Африке.

Берда (Бердаа) — разрушенный в 943—944 гг. крупный город Азербайджана и всего Кавказа, расположенный около реки Тертер.

Брахманы — священнослужители брахманизма — религии, распространенной преимущественно в Индии. Здесь брахманы названы в качестве «языческих» жрецов.

Вазир — первое должностное лицо при султане, царский советник, министр.

Газель — лирическое стихотворение в классической персидско-таджикской поэзии.

Гебр — вероотступник, безбожник.

Герат — столица государства Хорасана.

Гилманы — прекрасные юноши, которым предстоит обслуживать праведников в раю.

Гураган — прозвище Тимура (см.).

Гурия — прекрасная райская дева.

Гянджа (Ганджа) — город в Азербайджане, ныне называется Кировобад. Расположен на берегах реки Гянджа и притока Куры. Древняя столица Аррана. В XIII в. Гянджа считалась одним из прекраснейших городов Передней Азии. В это время здесь жил и творил великий азербайджанский поэт Низами Гянджеви.

Дабир — писец.

Дайра — бубен.

Дастан — поэма.

Дервиш — отшельник.

Дехли — Дели.

Джабраил (Джебраил) — посланец аллаха, несущий добрые вести.

Джейран — антилопа.

Джейхун — арабское название реки Аму-Дарья в Средней Азии.

Джинн — злой дух.

Див (дев) — злой дух.

Диван — 1. Собрание лирических стихотворений, стихи в котором располагаются в алфавитном порядке по последней букве завершающейся строки; 2. Канцелярия.

Дивона — юродивый, бесноватый.

Динар — золотая монета.

Дирхем — мелкая серебряная монета.

Дихкан — 1. В Древнем Иране представитель низшей родовой земледельческой знати. 2. Хранитель древних преданий.

Зангибар (Занзибар) — Занг — так назывались земли в Африке, населенные неграми.

Заргар — ювелир.

Зиндж — негр. В поэзии — символ черноты.

Зуннар — ошейник.

Зухра — название планеты Венера, которая считалась покровительницей музыки и на восточных миниатюрах изображалась в виде женщины с бубном в руках.

Изед (Изад, Яздан) — бог, творец.

Иклим — страна, часть света.

Ильяс — библейский Илья-пророк; считался покровителем мореплавателей.

Имам — духовное лицо.

Ирем — сад, подобный раю, который создал мифический тиран Шеддад, обладавший властью над людьми и духами. Легенда говорит, что Шеддад умер, не успев войти в свой рай — Ирем.

Калам — тростниковое перо.

Каламзан — писарь (буквально: «ударяющий пером»).

Каландар — странствующий дервиш (см.), аскет, бродяга.

Кари — мера длины, около одного аршина.

Кариз — подземный канал, который сооружается для сбора подземных вод в специальных колодцах.

Карун (библейский Корей) — мифический богач, упоминаемый в Коране.

Кашмир — государство на северо-западе Индии.

Кебаб — мясо, жаренное на вертеле, шашлык.

Кейван — планета Сатурн.

Кейсар — так называли на Востоке византийских императоров.

Кенаф — пенька, джут.

Кирман — область на юго-востоке Ирана.

Коран — священная книга мусульман.

Кулан — дикий осел.

Кыямат — так называемый день Страшного суда, день восстания из мертвых.

Лал — рубин.

Мавераннахр — средневековое название Средней Азии, точнее, области между Сыр-Дарьей и Аму-Дарьей.

Майдан — площадь, ристалище, поле боя.

Мангыты — узбекское племя.

Меджнун — буквально «одержимый», прозвание героя поэмы «Лейли и Меджнун» Кайса.

Месневи (Маснави) — поэтическое произведение в персидско-таджикской поэзии, написанное в форме двустишия со смежными рифмами.

Мештате — служанка, в обязанность которой входило наряжать и украшать свою госпожу.

Миль — термин, обозначающий верстовой столб.

Минбар — трибуна, кафедра в мечети.

Миср — Египет.

Михраб — ниша в мечети, указывающая направление, где находится храм в Мекке, куда надлежит обращаться с поклоном во время молитвы.

Мумиё — горная смола, из которой получают бальзам.

Мускус — ароматическое вещество черного цвета. В поэзии — синоним благоухания и черного цвета.

Мухаммед — пророк мусульман, основатель веры, умер в 653 г.

Муштари (Муштери) — планета Юпитер.

Муэдзин (Муэззин) — лицо, возвещающее с минарета мечети о времени молитвы.

Мюрид — ученик дервишского шейха, который обязан был полностью выполнять волю своего наставника.

Навруз — праздник Весны.

Навшад — легендарный город, жители которого якобы отличались особенной красотой.

Надир — точка небесной сферы, противоположная зениту.

Най — тростниковая свирель.

Намаз — обряд молитвы у мусульман, совершаемый пять раз в течение суток.

Наснас — фантастическое существо, получеловек; упоминается в мусульманских космографиях.

Нукер — вооруженный дружинник.

Нух — мусульманский пророк, соответствующий библейскому Ною; по преданию, жил несколько столетий.

Онагр — дикий осел.

Пери — сказочная фея добра, оберегающая людей от злых духов.

Пир — старец, духовный наставник.

Раджа — титул правителей Индии.

Редиф — слово, повторяющееся в двух или нескольких строках после рифмы.

Рейхан — базилика.

Рум — Византия и ее владения.

Саз — музыкальный инструмент.

Саклабы — так обычно называли славян.

Сардар — полководец.

Сейхун — арабское название реки Сыр-Дарья.

Сель (Силь) — горный поток, образующийся вследствие сильных ливней.

Серендиб — древнее название острова Цейлон и его столицы.

Симург — см. Анка.

Суфий — последователь религиозного мистического учения суфизма, в основе учения которого лежит пантеистическое представление о мире как проявлении высшей божественной сущности — истины. Для суфизма характерны аскетизм и вера в возможность общения с богом в результате полного отречения от собственной личности.

Сухейль — звезды Канопус. По представлениям мусульманских астрологов, связана с Йеменом. Считалась счастливой звездой.

Табут — погребальные носилки.

Таваф — ритуальное хождение вокруг Каабы во время паломничества.

Тавр — Таврида.

Тайласан — молитвенная одежда.

Таммуз — июнь (по-арабски).

Тахт — трон.

Тимур (1336—1405) — основатель и правитель империи, простиравшейся от Поволжья до Иранского залива, от Малой Азии до Индии. Могила его находится в городе Самарканде, бывшей столице его империи.

Той — праздничный пир.

Тулпар — волшебный конь в эпосе среднеазиатских народов.

Туман — 1. Золотая монета; 2. Десять тысяч.

Туран — название древней страны, расположенной на нынешней территории Средней Азии и Казахстана, где в основном проживали тюркские народности.

Утарид — планета Меркурий, в восточной астрологии — покровитель наук.

Фарс — область на юго-западе Ирана. В древности большое могучее государство.

Фархар — мифический город, славящийся красотой своих жителей.

Фирман — приказ, указ.

Хадис — высказывания и наставления пророка Мухаммеда.

Хакан — первоначально верховный правитель тюрков Синьцзяна, позже титул китайского императора.

Халеб — Алеппо, город в Сирии.

Ханака — обитель дервишей.

Харабат — разруха; в переносном смысле, место сбора фанатично преданных богу лиц.

Харадж — поземельная подать.

Харвар — мера веса, около 300 кг.

Хиджра — мусульманское летосчисление. Начинается со времени переезда (Хиджарат) пророка Мухаммеда из Мекки в Медину.

Хинд — Индия, Индостан.

Хирман — место сбора.

Хорасан — государство в XV в., охватывающее нынешнюю территорию Афганистана, части Ирана и Средней Азии.

Хорезм — государство в Средней Азии.

Хотан — город в Восточном Туркестане, находился в пограничной области между Китаем и Тибетом. Верховную власть осуществлял правитель, именовавший себя «верховным владыкой тюрков и тибетцев».

Хум — глиняный кувшин большого размера.

Хума — фантастическая птица.

Хызр — таинственное существо, одаренное сверхъестественными способностями. По преданию, Хызр сопровождал Искандара во время его хождения в страну вечного мрака за «живой водой». Он нашел источник, выпил этой воды и поэтому обрел бессмертие.

Хырка — поношенная старая одежда.

Чанг — музыкальный инструмент.

Чигиль — город в Восточном Туркестане, славившийся красивыми женщинами.

Чин — Синьцзян; Восточный Туркестан; расширительно — Китай.

Човган — спортивная игра; род поло.

Шам — Сирия.

Шариат — свод мусульманских религиозных и юридических правил, опирающихся на Коран.

Шах — царь.

Шаханшах — царь царей.

Шахзаде — царевич, принц.

Шейх — духовный глава.

Шербет — сладкий фруктовый напиток.

Эбен — тропическое дерево с древесиной черного цвета; в поэзии — синоним черного цвета.

Эдем — рай; приют загробного блаженства.

Эмир — правитель.

Юнан — Греция.

Ягач — мера длины, около 7 км.

Яр — друг.

Ятаган — кривой кинжал.

СОДЕРЖАНИЕ

В. Захидов. Алишер Навои 5

СМЯТЕНИЕ ПРАВЕДНЫХ. *Перевод В. Державина* . 33

ФАРХАД И ШИРИН. *Перевод Л. Пеньковского* 161

ЛЕЙЛИ И МЕДЖНУН. *Перевод С. Липкина* 333

СЕМЬ ПЛАНЕТ. *Перевод С. Липкина* 453

СТЕНА ИСКАНДАРА. *Перевод В. Державина* 599

Примечания 795

Пояснительный словарь 809

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
СЕРИЯ ПЕРВАЯ
Том 26

Алишер Навои

ПОЭМЫ

Редактор Ю. Розенблюм
Оформление «Библиотеки»
Д. Бисти
Художественный редактор
Ю. Коннов
Технический редактор
Л. Платонова
Корректоры
Р. Пунга и А. Юрьева

*

Сдано в набор 28/XII 1971 г. Подписано к печати 21/IV 1972 г. Бумага типогр. № 1. Формат 60×84¹/₁₆. 51 печ. л. 47,58 усл. печ. л. 35,36 уч.-изд. л.+1 вкл. +6 накид.=35,795 л. Тираж 300 000 экз. Заказ 2584. Цена 1 р. 93 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

*

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Главполиграфпрома Комитета
по печати
при Совете Министров СССР
Москва, М-54, Валовая, 28

پرده نمر کویدین شوخ جلوه با
کیلتور وب دات ایلا کیم هر شام
بیله بنیاد ایتب دهار اوی
بر بنیه بونیتی پرده ماوی

کیم شام بولوب مهر سا | خدمت اهلی یانا قیلیب باور | تا بیابان ره نورد عالم گرد
بهر ویلاکم پرده گیتی دا آرام | پرده دین بیله ظاهر اولدی | کیم مسافرخانه قیلیپ دور ادا

نقرها سکا پرده ایوان
بارکا ینکغه بلک شادروان
آخر او لعلی روانی ایتی کیم
جوهر قلماقتی نی و اصف شکنی
اول صفت کیم جزیره لجه آل
یالغوز دن ایلادی قطع
بحر اراسم انکا کیلب فن اول

جون انکا بو سوعاسی میتم کیم | جرح باغیبک دانیلوفر بیکلیغ
بر شیشی [illegible] مسافر [illegible]
هم توانمند وهم شجاع و دلیر | ساحل بحر اولوب منازل انکا
شهوکتی دین نی یار انکانی دیتیق | بیلا کام ایستابان حرامی اولوب
یوق [illegible] اجل الجنه [illegible] اول | بارچه سیغه حریفا یدی یالغوز

مهر تا جینک دوز اکثر بیکلیغ
بار ایکاند ور عدن دا جوهر منی
باری بنزل بولوب سواحل انکا
اخذ مال حرام کاهی اولوب
کاروانی اکر اون وکر بوزار

توتی جستی قهر جبله باده

حتی ایردی یو تیک فغفوری
مهرچون ... شویدی ... نور
حاضر ایردی ساقی زر زر ان
... اییده گه بار کاه اولسون
جونزد عاقیلدی ییدی فرزانه
... اندا اساز جاملار اینی
... اتفاق ورد ...

عزم گنبد سرای کافوری
جستی آی چرخ تا بیدی کافور
... کوسلکی حجره دران
... یولیه ... کیلدور
کردی اوز کور کا ... زافت
... کسی ... کیشی
... کر ... شاکردم

شاه ... بوباده ...
... شاهی ... شاه
... وادولتو ...
... بویان کنداسکه
... وارده ... سو ...
... کان توکشی موزاق اراره

یک سرکیان و ... یکه زاده
سالیدیلار اراق اوی ...
شه دعاسی ... کرجرخ کهنه ...
بار کاسیک جهان بناه اولسون
ملک خوارزم ایرو ... مسکن
چندین اول علم ... تحقیقی
ایل ارا بولدی ...